АКАДЕМИЯ НАУК СССР, ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИИ,
МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО СПЕЦИАЛЬНОГО
ОБРАЗОВАНИЯ СССР

№ 2 ФЕВРАЛЬ 1969 г.

★

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Выходит с января 1926 года

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА» МОСКВА

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

С. Л. Сенявский — Рабочий класс СССР в период завершения строительства социализма и перехода к коммунизму 3
Р. Я. Евзеров — Из истории создания книги В. И. Ленина «Империализм, как высшая стадия капитализма» 19
Академик АН Литовской ССР Ю. Й. Жюгжда (Вильнюс), **Г. А. Шаджюс** (Вильнюс) — Литовская эмигрантская историография об установлении Советской власти в Литве в 1918—1919 годах 32
М. М. Гуревичов (Харьков) — Государственно-монополистические тенденции в России 45
Л. В. Черепнин — Русская Правда и новгородские берестяные грамоты 57
Г. М. Иванов — К вопросу о понятии «факт» в исторической науке . 73
С. Лопатнюк (ПНР) — Государственный переворот в Польше 1926 года и иностранные государства 88
А. Х. Клеванский — Борьба Советского правительства за нормализацию советско-чехословацких отношений (конец 1918 — начало 1920 г.) 98
М. Я. Домнич — Христианские профсоюзы и установление фашистской диктатуры в Германии 112

ВОСПОМИНАНИЯ

Адмирал В. Ф. Трибуц — Краснознаменный Балтийский флот летом 1941 года 124
А. Г. Зверев — О некоторых сторонах истории советской финансовой системы 138

ГЕРОИЧЕСКИЕ СТРАНИЦЫ БОЕВОГО ПРОШЛОГО НАРОДОВ НАШЕЙ СТРАНЫ

В. В. Каргалов — Освободительная борьба Руси против монголо-татарского ига 145

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА В СССР

В Отделении истории АН СССР

Новое пополнение Отделения истории АН СССР 158

Обзоры

Р. Г. Цыпкина — Литература и источники по истории крестьянской Красной гвардии 160
С. С. Хесин — Советская историография участия моряков в Октябрьской революции 169

Рецензии

Член-корреспондент АН СССР Д. М. Кукин — Актуальные проблемы 177
М. С. Ветров — А. С. Кан. Внешняя политика скандинавских стран в годы второй мировой войны 180

Новые книги 183
Статьи в советских периодических изданиях 185

Хроникальные заметки 188

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА ЗА РУБЕЖОМ

По страницам зарубежных журналов

Содержание журналов, выходящих в социалистических странах . . 194
Заметки о статьях. **В. К. Волков** — Мюнхенское соглашение и боннские реваншисты; **А. Д. Дридзо** (Ленинград) — Из истории симарронского движения на Кубе; **Б. М. Косарев** (Кострома) — Рабство, негры и их борьба; **В. Г. Сироткин** — Новые документы о разрыве М. А. Бакунина с С. Г. Нечаевым; **М. А. Заборов** — О достоверности мемуаров Жоффруа Виллардуэна; **Л. А. Ельницкий** — Был ли в древности известен Гольфстрим? 195
Рецензии на советские издания 202

Хроникальные заметки 203

ФАКТЫ, СОБЫТИЯ, ЛЮДИ

Э. К. Саулевич — История одного судебного процесса 205
Н. Н. Розов — Кто, что и как писал в Древней Руси 208
Л. В. Кошелев — Капитан Жак Картье 214
Н. Н. Либан — Древняя Греция и Тезей 216

Резюме статей на английском языке 220

СТАТЬИ

РАБОЧИЙ КЛАСС СССР В ПЕРИОД ЗАВЕРШЕНИЯ СТРОИТЕЛЬСТВА СОЦИАЛИЗМА И ПЕРЕХОДА К КОММУНИЗМУ

(СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ)

С. Л. Сенявский

Рабочий класс СССР на всех этапах социалистического и коммунистического строительства выступает в качестве решающей и ведущей силы экономического, социального и политического развития советского общества. Ликвидировав к концу 30-х годов в союзе с трудящимися массами крестьянства эксплуататорские классы, он создал социальную предпосылку для достижения главной исторической цели: построения бесклассового, коммунистического общества. И в этом процессе ему снова принадлежит ведущая роль. Происходит диалектическое взаимодействие развития рабочего класса СССР в качестве решающей социальной силы общества и на этой основе социального прогресса общества в целом.

К настоящему времени историография советского рабочего класса достигла значительных результатов. По ряду этапов развития рабочего класса СССР и отдельных его отраслевых, территориальных и национальных отрядов созданы монографические труды, написаны брошюры, статьи [1]. Значительный вклад в исследование проблемы развития советского рабочего класса внесли экономисты, философы, социологи, в трудах которых разработаны некоторые направления этой широкой темы, в том числе и в историческом плане [2]. Однако ряд важных аспектов этой темы еще не освещен. К их числу относится история рабо-

[1] А. А. Матюгин. Рабочий класс СССР в годы восстановления народного хозяйства (1921—1925 гг.). М. 1962; Л. С. Рогачевская. Из истории рабочего класса СССР в первые годы индустриализации (1926—1927 гг.). М. 1959; В. З. Дробижев. Советский рабочий класс в период социалистической реконструкции народного хозяйства. М. 1961; А. В. Митрофанова. Источники пополнения и состав рабочего класса СССР в годы третьей пятилетки (1938—1941 гг.). «Изменения в численности и составе советского рабочего класса». М. 1961; ее же. Рабочий класс Советского Союза в первый период Великой Отечественной войны. М. 1960; Г. Г. Морехина. Рабочий класс — фронту. Подвиг рабочего класса СССР в годы Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.). М. 1962, В. Б. Тельпуховский. Изменения в составе промышленных рабочих СССР в период Великой Отечественной войны. «Вопросы истории», 1960, № 6; С. Л. Сенявский, М. И. Хлусов. Индустриальные кадры СССР в 1946—1955 годах. «Вопросы истории», 1965, № 10; М. П. Ким. С. Л. Сенявский. Рост рабочего класса СССР в 1953—1961 годах. «Вопросы истории», 1963, № 3; С. Л. Сенявский. Рост рабочего класса СССР (1951—1965). М. 1966.

[2] См., например, М. Я. Сонин. Воспроизводство рабочей силы в СССР и баланс труда. М. 1959; «Проблемы изменения социальной структуры советского общества». М. 1968; О. И. Шкаратан. Социальная структура советского рабочего класса. «Вопросы философии», 1967, № 1, и ряд других работ.

чего класса СССР на протяжении большого и сложного периода завершения строительства социалистического общества и начала развернутого строительства коммунизма. Не ставя, естественно, перед собой задачи целиком восполнить в небольшой статье этот пробел, автор предпринимает попытку проследить основные тенденции, закономерности и особенности развития рабочего класса в указанный период, вплоть до 1967 г., осмыслить не только проявление этих закономерностей, но и их зарождение, эволюцию и специфику на различных этапах изучаемого периода. В ряде случаев автор опирается на разработанные им ранее положения и выводы, развивая их далее на основе более полных фактических данных, впервые вводимых в научный оборот.

Основной акцент в статье делается на рассмотрении внутренних процессов развития рабочего класса, связанных прежде всего с взаимодействием таких исторических факторов, как количественный и качественный рост рабочего класса СССР, изменения в его внутриклассовой структуре и социальный прогресс советского общества, то есть коренных процессов, в которых рабочий класс выступает как объект истории. Вопросы творческой и общественно-политической активности, в которых рабочий класс выступает в качестве субъекта истории, в статье освещаются в меньшей степени, причем некоторые из них, составляющие особый предмет исследования, как, например, международная деятельность советских рабочих, опущены вовсе.

На основе высоких темпов технического прогресса, развития производительных сил общества и связанного с этим сближения кооперативной и общенародной собственности происходили сдвиги в социальной структуре советского общества в направлении нивелирования в нем классовых и изменения социальных различий. В то же время осуществлялся процесс социального сближения между городом и деревней, который выражался в двух основных тенденциях: с одной стороны, в росте удельного веса работников государственных учреждений и предприятий как среди всего сельского населения, так и среди лиц, непосредственно занятых в сельскохозяйственном производстве; с другой стороны, в росте среди самих колхозников доли рабочих и интеллигенции. Так, если в 1940 г. удельный вес работников совхозов и государственных подсобных сельскохозяйственных предприятий среди занятых в сельскохозяйственном производстве людей составлял всего 5,7%, то к 1967 г. он достиг 32,4%. При этом 94,2% их являлись сельскохозяйственными рабочими. Среди самих колхозников в 1967 г. было 11% рабочих (механизаторов) и 1,3% интеллигентов (специалистов). Всего среди всех работников сельскохозяйственного производства рабочие и служащие составляли в 1967 г. 41,3% [3].

Однако сельское население не исчерпывалось колхозниками и сельскохозяйственными рабочими. С каждым годом росла в нем доля рабочих и служащих несельскохозяйственных, в том числе и индустриальных отраслей народного хозяйства. Как велика доля несельскохозяйственного населения, проживающего в сельской местности, можно судить по тому, что в 1966 г. только на предприятиях и в организациях промышленности, находящихся в сельской местности, было занято рабочих и служащих — 8%, строителей — 16%, работников транспорта — 8%, связи — 11%, торговли — 19%, просвещения — 38%, здравоохранения — 23% [4]. Всего к этому времени на предприятиях и в организа-

---

[3] Подсчитано по данным статистических ежегодников: «Народное хозяйство СССР в 1961 году». М. 1962, стр. 461, 466; «Народное хозяйство СССР в 1964 году». М. 1965, стр. 419, 421, 427; «Народное хозяйство СССР в 1965 году». М. 1966, стр. 435, 437, 443; «СССР в цифрах в 1967 году». М. 1968, стр. 91, 92, 116; «Труд в СССР». М. 1968, стр. 129.

[4] «Труд в СССР», стр. 38.

циях, находящихся в сельской местности, было занято 23% рабочих и служащих СССР. При этом не учитывается значительная часть сельских жителей, работающих на предприятиях ближайших городов. Даже без учета данной многочисленной категории число работников государственного сектора народного хозяйства среди сельского населения составило в 1966 г. 18,3 млн. человек, а колхозников — 18,6 миллиона [5]. Следовательно, с учетом сельских жителей, работающих в городе, к 1967 г. более половины трудящегося населения сельской местности составляли рабочие и служащие государственных, в том числе индустриальных предприятий. Естественно, все это сильно изменило социальный состав сельского и городского населения, сблизило деревню с городом, усилило процесс стирания граней между рабочими, крестьянами и интеллигенцией.

Одновременно продолжался процесс стирания существенных различий между работниками умственного и физического труда. В основе его также лежали высокие темпы технического прогресса и связанного с этим нового этапа мощного развития производительных сил советского общества. Наиболее ярко этот процесс выразился в повышении общеобразовательного уровня рабочих, сближении его с уровнем инженерно-технических работников [6].

Вместе с изменениями в социальной структуре советского общества изменялись и источники пополнения рабочего класса СССР, а также понятия о них как о социальной категории. Теперь уже одно только местожительство (сельское или городское) не может быть признаком социально-классовой принадлежности людей. Поэтому характеризовать источники, как это делалось прежде, просто как городское или сельское население без дополнительной его (населения) социальной дифференциации стало уже недостаточным. Такой подход не отражает реальной сущности современных социальных процессов. Нельзя также подменять реальное классово-социальное положение советских людей их классовым происхождением. В условиях сближения двух дружественных классов и интеллигенции, постепенного нивелирования границ между ними гораздо важнее стало определить конкретное место людей в системе социалистического производства, нежели их семейное положение, которое к тому же теперь утратило всякую социальную четкость. Уже сейчас в нашей стране почти не осталось «чистых» семей колхозников, интеллигентов или рабочих. В условиях стирания классовых граней в нашем обществе основой социальной градации советских людей, а вместе с тем и определения источников пополнения рабочего класса СССР становится классификация людей по роду их основных занятий. Это и показывает конкретное их место в системе социалистического производства, то есть социальное положение в условиях коммунистического строительства. Учитывая, что социальный состав общества шире классового, подобная классификация не только не исключает, а, наоборот, с учетом остальных классовых признаков, уточняет и классовое положение трудящихся СССР.

На всем протяжении переходного от социализма к коммунизму периода важнейшим источником пополнения рядов рабочего класса СССР является колхозное крестьянство. Однако на различных этапах изменялись размеры и формы перехода колхозных кадров в ряды рабочего класса. Если в 1941—1950 гг. колхозное крестьянство выделяло из своих рядов примерно 140 тыс. человек ежегодно, то в 1951—1953 гг. оно уже давало 660 тысяч. В 1954—1958 гг. в связи с принятием мер по улучшению руководства сельским хозяйством и укрепле-

---

[5] Подсчитано по данным: «Труд в СССР», стр. 39; «Народное хозяйство в 1967 году». М. 1968, стр. 491.

[6] Об этом см. ниже.

нию его кадрами число колхозников, переходящих в ряды рабочего класса, снова сокращается до 140 тыс. в год. Но в отличие от прежних лет колхозники стали пополнять преимущественно ряды не индустриальных, а сельскохозяйственных рабочих, численность которых за те же годы возрастает в среднем по 400 тыс. человек за год. Однако за эти годы количество сельхозрабочих увеличивается не только за счет колхозников, но и за счет городских жителей, в чем проявилась новая тенденция — взаимный обмен кадрами рабочих и крестьян. После 1958 г., когда в руководство сельским хозяйством был внесен элемент волюнтаризма, материальная заинтересованность сельскохозяйственных работников в результатах своего труда стала заметно падать, что снова усилило приток колхозников в индустрию. В годы семилетки число колхозников сокращалось в среднем за год на 860 тыс. человек, из которых примерно 300 тыс. пополняло ряды индустриальных и 570 тыс.— сельскохозяйственных рабочих[7]. Особенностью этого источника пополнения рабочего класса СССР на новейшем этапе переходного от социализма к коммунизму периода явилось то, что ряды сельскохозяйственных рабочих стали пополняться колхозниками в организованном порядке и в массовом масштабе — целыми коллективами сельхозартелей. Только за счет преобразования части колхозов в совхозы количество работников совхозов с 1950 по 1967 г. увеличилось более чем на 4 млн. человек (из общего прироста в 6,3 млн.), причем в 1959—1965 гг.— на 3,3 млн. человек[8]. Когда раньше говорили о крестьянстве как источнике пополнения рабочего класса, в это понятие включали не только крестьян, то есть колхозников, но и все сельское население. И это на определенном этапе развития нашего общества (после коллективизации) было оправданно, так как подавляющая масса сельского населения действительно состояла из крестьян. На новом уровне общественного развития, когда более трети трудоспособного деревенского населения вообще не имеет отношения к сельскохозяйственному производству, а около трети собственно сельскохозяйственных работников состоит из рабочих и служащих, в понятие крестьянства как источника пополнения рабочего класса стало правомерным включать лишь самих колхозников. Что касается подрастающего поколения, проживающего на селе, но не занятого в сельскохозяйственном производстве, то его социальная принадлежность, как и вступающей в трудоспособный возраст городской молодежи, определяется теперь в зависимости от рода самостоятельной деятельности.

В период, когда происходит процесс интенсивного сближения между классами, гораздо важнее установить самостоятельную роль подрастающего поколения в системе социалистического производства, нежели его происхождение. Большей частью эта роль выражается в принадлежности подростков к такому массовому в нашей стране слою, как учащиеся. И это определяет их конкретное место в системе социалистического производства, общественного разделения труда. Занимая все более важное место в системе социалистического производства, учащиеся постепенно приобретают черты самостоятельной социальной категории, которая дифференцируется на несколько групп. Не говоря уже о той части учащихся, которая, совмещая учение с трудом, относится по роду своих основных занятий к соответствующей категории трудящихся, имеются учащиеся, профессионально определившиеся. К последним относятся студенты вузов, техникумов, слушатели различных специализированных курсов и школ, учащиеся системы профессиональ-

---

[7] Подсчитано по данным: «Народное хозяйство СССР в 1960 году». М. 1961, стр. 521; «Народное хозяйство СССР в 1965 году», стр. 435.

[8] «Народное хозяйство СССР в 1965 году», стр. 443; «Народное хозяйство СССР в 1967 году», стр. 499.

но-технического обучения, ученики-рабочие на самом производстве и т. д. Естественно, что такие учащиеся, являясь резервом определенных профессиональных отрядов советских трудящихся или тем более входя в состав самого рабочего класса в качестве учеников, не могут быть источником его пополнения. Таким источником может быть лишь внешняя, самостоятельная социальная среда. Таковой являются в данном случае учащиеся общеобразовательной школы, входящие в трудоспособный возраст. Они и раньше составляли резерв пополнения рабочего класса, однако прежняя методика не выделяла их в самостоятельный социальный источник. Но дело не только в изменении методики исследования, хотя сама она связана с объективными процессами и изменениями в социальной структуре советского общества. Дело также в воздействии этих процессов на развитие самой общеобразовательной школы, на качественно новое ее содержание. Сейчас в ряды рабочего класса СССР стали вливаться не случайно отсеявшиеся из средней и неполной средней школы ученики, а закончившие ее молодые люди. Особенно это касается выпускников средней школы, которые в отличие от выпускников семилетки, частично вливавшихся в производство и в прежние годы, стали в массовом порядке пополнять ряды рабочего класса лишь с середины 50-х годов. Учащиеся — источник пополнения не только рабочего класса, но и крестьянства и интеллигенции. Однако раньше они в основном вливались в состав интеллигенции, а начиная с 1954 г. стали в значительно большей степени пополнять ряды рабочего класса и крестьянства.

В связи с введением в крупнейших городах страны в годы пятой пятилетки всеобщего среднего образования начиная с 1953/54 учебного года значительно увеличивается количество выпускников средних школ. Если в 1951 г. десятые классы окончило 339,9 тыс. юношей и девушек, то в 1958 г.— уже более 1,5 млн.[9]. Создалось такое положение, что с каждым годом все меньший процент выпускников средней школы принимался в вузы. В 1951 г. на дневные факультеты вузов было принято 72% выпускников средних школ, а в 1958 г.— уже только 13% [10]. В 1965 г. среднюю школу окончило 1,3 млн. человек, а на дневные отделения вузов поступило 378,4 тыс. человек, то есть 29% [11]. Если при этом учесть, что среди абитуриентов был значительный процент молодежи с производства, окончившей школу в предыдущие годы, то удельный вес поступивших в вузы из числа окончивших среднюю школу в 1965 г. будет примерно на уровне 1958 года. Естественно, что в 1966 и 1967 гг., когда среднюю школу окончило соответственно 2,6 и 2,4 млн. человек, а прием в вузы лишь незначительно возрос (427,1 тыс. в 1966 г. и 436,9 тыс. в 1967 г.), процент поступивших в последние был еще меньшим (соответственно 16% и 19%)[12]. Такого положения страна не знала в предыдущие периоды, не говоря уже о первой и второй пятилетках, когда школа едва успевала готовить учащихся для институтов. В последние предвоенные годы и в годы четвертой пятилетки необходимо было еще пополнять ряды интеллигенции, и средняя школа в основном готовила кадры для институтов. Однако с восстановлением довоенного уровня народного хозяйства и дальнейшим его развитием начали действовать другие закономерности. Высокие темпы технического прогресса, задачи завершения строительства социализма и перехода к строительству коммунизма потребовали насыщения народного хозяйства, и прежде всего промышлен-

---

[9] «Высшее образование в СССР». Статистический сборник. М. 1961, стр. 90.
[10] Подсчитано автором.
[11] «Правда», 3.II.1966; «Народное хозяйство СССР в 1965 году», стр. 695.
[12] Подсчитано по данным: «Правда», 29.I.1967; 25.I.1968; «Народное хозяйство СССР в 1967 году», стр. 796.

ности, квалифицированными кадрами рабочих со значительно более высоким уровнем общеобразовательной подготовки. Перед страной вплотную встала задача превратить среднюю школу в источник пополнения рабочего класса и в инструмент повышения его культурно-технического уровня. Немаловажную роль в осуществлении этой задачи сыграли учрежденные в 1954 г. технические училища, которые в 1955—1963 гг. подготовили из числа выпускников средней школы 744 тыс. квалифицированных рабочих [13]. Еще большая часть выпускников средней школы получила рабочие профессии на самом производстве. О превращении учащихся средней школы в массовый источник пополнения рабочего класса СССР свидетельствуют следующие данные: только в 1959—1961 гг. на предприятия промышленности, строительства и других отраслей производства пришло 1,2 млн. юношей и девушек, окончивших среднюю общеобразовательную школу [14]. Только в 1966 г. 1,4 млн. выпускников средней школы пришло непосредственно на производство, не считая более 0,5 млн., поступивших в профтехучилища и на курсы при предприятиях [15].

Одним из распространенных источников пополнения рабочего класса СССР было не занятое в народном хозяйстве население, главным образом женщины — домашние хозяйки и частично сохранившие трудоспособность пенсионеры. В отличие от колхозников и учащихся средней школы эти люди имели опыт производственной работы и нередко даже профессии высокой квалификации. Эффективное использование данного источника всегда представляло одну из наиболее важных народнохозяйственных задач. В послевоенный период, когда особенно остро ощущались потери в рабочей силе, а также в конце 50-х — начале 60-х годов, когда в трудоспособный возраст вступало малочисленное поколение, рожденное во время войны, эта задача приобрела особенно большое значение. В 1961 г. этот источник составлял 17,7% к числу трудоспособного населения, а в ряде экономических районов, где не были созданы необходимые условия для широкого использования женского труда (слабо развитая сеть детских садов и яслей, наличие предприятий, связанных лишь с тяжелым физическим трудом, и т. д.), его процент доходил до 45 [16].

В годы Великой Отечественной войны впервые в массовых масштабах были использованы служащие в качестве источника пополнения рабочего класса для восполнения его кадров, ушедших на фронт. В годы четвертой и пятой пятилеток этот источник фактически не использовался. В 1954—1960 гг. в стране было проведено наиболее массовое за весь период Советской власти сокращение работников государственного и административно-управленческого аппарата: за семь лет более чем на полмиллиона [17]. Большая часть высвобожденных из аппарата работников была использована для пополнения рядов рабочего класса. Однако с 1961 г. работа по сокращению административно-управленческого персонала и переводу его на производство была ослаблена.

Советская Армия на протяжении переходного от социализма к коммунизму периода несколько раз пополняла рабочий класс СССР. Происходило это в тех случаях, когда осуществлялась массовая демобилизация воинов Советской Армии, а также в результате увольнения в запас или отставку кадровых военнослужащих. Так, после Великой Оте-

---

[13] «Народное хозяйство СССР в 1961 году», стр. 588; «Народное хозяйство СССР в 1962 году». М. 1963, стр. 474; «СССР в цифрах в 1963 году». М. 1964, стр. 150.

[14] «Правда», 29.VI.1962.

[15] «Правда», 27.I.1967.

[16] «Социалистический труд», 1962, № 7, стр. 19.

[17] «Народное хозяйство СССР в 1958 году». М. 1959, стр. 659; «Народное хозяйство СССР в 1960 году», стр. 637.

чественной войны уже к 1948 г. было демобилизовано 8,5 млн. человек, большая часть которых влилась в рабочий класс [18]. С 1955 по 1958 г. в народное хозяйство перешло 2,14 млн. демобилизованных [19].

Если при капитализме и в переходный от капитализма к социализму период источником пополнения рабочего класса являлись постоянно разорявшиеся городские кустари, то в переходный от социализма к коммунизму период в качестве их социальных преемников выступают члены артелей промысловой кооперации. Однако теперь не разорение, а технический прогресс и лучшие условия труда в государственной промышленности приводят к тому, что члены артелей переходят в ряды рабочего класса. До 1956 г. этот процесс носил в основном индивидуальный и стихийный характер, но затем все более увеличивавшаяся степень обобществления кооперативной собственности и производства сделала возможным переход целых артелей промкооперации в ряды рабочего класса (в 1956 г. перешло 0,5 млн., а в 1960 г.— еще 1,4 млн. членов артелей промкооперации) [20].

Своеобразным, косвенным, но весьма эффективным источником пополнения рабочего класса явилась высвобождавшаяся под влиянием технического прогресса, механизации и автоматизации производства часть рабочих (главным образом неквалифицированных), занятых ранее непроизводительным и тяжелым ручным трудом. Плановый характер социалистического производства и основной закон социализма, подчиняющий развитие производства коренным интересам трудящихся, создали такие условия, когда высвобождающаяся в результате технического прогресса рабочая сила не только не выбрасывается на улицу, как при капитализме, а, наоборот, переучивается и, как правило, используется на более квалифицированной работе.

Повышение производительности труда за счет механизации и автоматизации производства освобождает общество от необходимости изыскивать источники дополнительной рабочей силы. Так, если бы в 1963 г. сохранялся уровень производительности труда 1953 г., для производства продукции, которая была выпущена в 1963 г., потребовалось бы дополнительно около 20 млн. рабочих [21].

Если источником пополнения рабочего класса служит определенная социальная среда, то форма его пополнения является как бы каналом, по которому кадры из этой среды направляются в ряды рабочих. Формы пополнения рабочего класса не носят социального характера, тем не менее они изменяются с развитием производства и общества. Советский рабочий класс на различных этапах своего развития знал разные формы своего пополнения. Общественный призыв как форма пополнения рабочего класса СССР зародился в годы первых пятилеток. С 1940 г. он стал уступать место призыву молодежи через трудовые резервы, а в 1954 г. возродился с новой силой, когда по призыву Коммунистической партии сотни тысяч советских людей поехали на освоение целинных земель, пополнив ряды сельскохозяйственных рабочих. С мая 1956 по апрель 1962 г. около 1,4 млн. посланцев комсомола отправились по зову Коммунистической партии на новостройки Сибири, Севера, в шахты Донбасса, Кузбасса, Караганды и на другие ударные производственные объекты [22].

В 30-е годы государственный организованный набор зародился с целью обеспечить рабочей силой молодую советскую индустрию за счет колхозного крестьянства. В послевоенный период оргнабор стал

---

[18] С. Л. Сенявский, М. И. Хлусов. Указ. соч., стр. 30.
[19] «Правда», 11.VII.1962.
[20] «Народное хозяйство СССР в 1956 году». М. 1957, стр. 50; «Народное хозяйство СССР в 1960 году», стр. 637.
[21] «Правда», 7.XI.1963.
[22] «Правда», 16.IV.1958; 17.IV.1962.

охватывать больше городское население не только для пополнения, но и для территориально-отраслевого перераспределения рабочих кадров. С каждым годом число лиц, проходивших через государственный организованный набор, уменьшалось. Если до войны через него проходило ежегодно 2,8 млн. человек, а в 1946—1954 гг.—700—800 тыс., то уже в 1958 г.— только 501 тыс., а в 1962 г.— 249 тысяч[23]. Изменилась отраслевая и территориальная структура оргнабора. В довоенные годы рабочие путем оргнабора направлялись в одинаковой мере во все отрасли промышленности, в строительство и на транспорт, а в последние годы — главным образом в строительство и в наиболее трудоемкие отрасли промышленности. С середины 50-х годов путем оргнабора обеспечиваются рабочей силой главным образом стройки и промышленные предприятия, находящиеся в наиболее отдаленных северных и восточных районах страны.

Важной формой пополнения рабочего класса СССР в переходный от социализма к коммунизму период явилась система профессионально-технического обучения (до 1959 г.— государственные трудовые резервы). Большую роль эта форма сыграла в годы Великой Отечественной войны и четвертой пятилетки, когда разрушенное войной народное хозяйство испытывало особенно сильный недостаток в квалифицированных рабочих кадрах. Однако в 50-х годах количество квалифицированных рабочих, направляемых через эту форму в индустрию, постоянно падало. Объясняется это тем, что начиная с 1954 г. почти половина учащихся трудовых резервов готовилась для пополнения механизаторских кадров сельского хозяйства. В 60-е годы в эту систему обучения были включены школы ФЗУ и курсы шоферов, возникла сеть вечерних профтехучилищ, что несколько увеличило количество подготавливаемых таким путем квалифицированных рабочих.

Одной из особенностей этой формы было постоянное повышение с середины 50-х годов общеобразовательного уровня рабочих кадров, поступающих через систему трудовых резервов в промышленность, строительство и на транспорт. Этому сильно способствовал рост среди них удельного веса молодых рабочих со средним образованием — выпускников технических училищ. Если в 1955 г. они составляли 4,1% от всех выпускников этой системы, то к 1961 г. процент их повысился до 27,7. Большинство выпускников ремесленных училищ к этому времени имело семилетнее образование[24]. Первоначально система трудовых резервов едва успевала обеспечивать потребности народного хозяйства в кадрах квалифицированных рабочих. Однако с середины 50-х годов возникает противоречие между постоянно возрастающими требованиями производства в квалифицированных рабочих и способностью системы профтехобразования эффективно реагировать на эти требования. В результате начинают наблюдаться факты, когда предприятия отказываются от приема направляемых им выпускников этой системы, предпочитая пополнять рабочую силу иным путем; в то же время мелкие и вновь вводимые в строй предприятия и стройки, лишенные возможности получать пополнение через другие каналы, так как сами они не могут их обучать, тщетно пытаются получить кадры молодых рабочих через систему профтехобразования. Все это говорит о недостаточной гибкости и оперативности системы профтехобразования как формы пополнения рабочего класса. Именно этим следует объяснить постоянно снижавшийся с середины 50-х годов удельный вес поступавшего через нее пополнения рабочего класса.

---

[23] М. Я. Сонин. Воспроизводство рабочей силы в СССР и баланс труда, стр. 182, 186, 207; С. Л. Сенявский. Указ. соч., стр. 102.

[24] Архив Главного управления трудовых резервов, ф. 14, № 26, оп. 72, св. 6, л. 25; № 35, оп. 72, св. 7, лл. 1, 22; «СССР в цифрах в 1961 году». М. 1962, стр. 316.

Среди различных форм пополнения рабочего класса наиболее массовый характер носит набор рабочей силы самими предприятиями. Это видно из следующей таблицы.

Удельный вес различных форм пополнения рабочего класса в 1950—1967 годах [25]

Годы	1950	1955	1958	1959	1962	1967
Всего принято рабочих (без переведенных)	100	100	100	100	100	100
В том числе:						
По оргнабору	14	11	6	4	4	2
Через систему профтехобразования	7	5	4	4	4	4
В индивидуальном порядке самими предприятиями	79	84	90	92	92	94

В условиях технического и социального прогресса первостепенное значение для успешного развития производства имело постоянное совершенствование системы подготовки и повышения квалификации рабочих кадров. Поэтому в рассматриваемый период предпринимались серьезные усилия для обеспечения всех отраслей народного хозяйства высококвалифицированными кадрами рабочих. Одним из важнейших мероприятий в этом направлении было создание в системе профтехобразования в 1954 г. нового типа учебного заведения — технических училищ, призванных готовить квалифицированных рабочих из числа молодежи со средним образованием. С каждым годом улучшалась и увеличивалась подготовка квалифицированных кадров рабочих на самом производстве. Всего с 1940 по 1967 г., включая военные годы, было подготовлено 93,8 млн. квалифицированных рабочих, из них на самих предприятиях — 72,8 млн., в училищах и школах трудовых резервов (профтехобразования) — 18,4 млн., в школах ФЗУ — 2,6 миллиона [26]. Причем темпы роста подготовки рабочих на предприятиях были значительно выше, чем в системе профтехобразования (трудрезервов). Отсюда произошло резкое изменение в соотношении между подготовленными в системе профтехобразования и на самом производстве кадрами рабочих: если в первые годы существования трудрезервов (1941—1945) через них готовилось в 3,2 раза меньше индустриальных рабочих, чем на самих предприятиях, то в 1961—1965 гг.— в 6,8 раза, а в 1966 г.— в 7 раз меньше [27]. Такое резкое изменение в соотношении между двумя основными формами подготовки квалифицированных рабочих кадров было вызвано некоторыми недостатками в работе системы трудрезервов, прежде всего ее неоперативностью в удовлетворении менявшегося под воздействием технического прогресса спроса промышленности на качество и профиль подготовки квалифицированных рабочих, в результате чего предприятия вынуждены были сами готовить их для себя.

---

[25] С. Л. Сенявский. Указ. соч., стр. 109. Подсчитано автором. Официальными статистическими данными, на которых построена таблица, такие формы пополнения, как общественный призыв и трудоустройство молодежи комиссиями при исполкомах местных Советов, самостоятельно не учитываются, а включаются в состав рабочих, принятых самими предприятиями.

[26] Подсчитано по данным статистических ежегодников: «Народное хозяйство СССР в 1959 году». М. 1960, стр. 619, 624; «Народное хозяйство СССР в 1962 году», стр. 474, 477; «Народное хозяйство СССР в 1964 году», стр. 568, 571; «Народное хозяйство СССР в 1967 году», стр. 665, 667; «Страна Советов за 50 лет». М. 1967, стр. 240, 241.

[27] Подсчитано по тем же данным.

В связи с изменявшимися по мере технического прогресса требованиями производства серьезные сдвиги происходили в профессионально-отраслевой структуре и качестве подготовки квалифицированных рабочих. Увеличился удельный вес рабочих, подготавливаемых для автоматизированного производства, механизированного строительства, для химической промышленности и других перспективных профессий и отраслей. Если в 1966 г. через систему профтехобразования было подготовлено в 2,1 раза больше квалифицированных рабочих, чем в 1950 г., то аппаратчиков соответственно — в 5,6 раза, наладчиков — в 7,4 раза и т. д.[28].

С каждым годом совершенствовалась и система повышения квалификации рабочих кадров, росло число охваченных ею рабочих. С 1940 по 1967 г. квалификацию повысило около 113,3 млн. рабочих (в 1951—1958 гг. ежегодно ее повышало на 484 тыс. человек больше, чем в годы четвертой пятилетки, а в 1959—1967 гг.— на 2,6 млн. больше, чем в 1951—1958 гг.) [29]. Основными видами повышения квалификации рабочих в 50—60-е годы были школы по изучению передовых методов труда, обучение вторым профессиям, курсы целевого назначения, производственно-технические курсы, постоянно действующие школы и курсы. В 1966 г. повысило квалификацию путем различных видов обучения (по отношению ко всем повысившим квалификацию): на производственно-технических курсах — 29%, курсах целевого назначения — 17%, в порядке обучения вторым профессиям — 15%, в школах по изучению передовых методов труда — 14%, в постоянно действующих школах и курсах — 4%, другие виды повышения квалификации — 20% [30]. Наиболее быстрыми темпами росло число рабочих, обучавшихся вторым профессиям.

Социальный и технический прогресс советского общества и связанные с ним изменения в источниках и формах пополнения рабочего класса, в системе подготовки и повышения квалификации рабочих привели к серьезному количественному росту и качественным изменениям в структуре рабочего класса СССР. Его общая численность выросла с 22,8 млн. в 1940 г. до 57,6 млн. в 1967 г., то есть в 2,5 раза [31]. Число промышленных рабочих — ядра рабочего класса СССР — увеличилось с 8,29 млн. до 23,55 млн., или в 2,8 раза, а количество строительных рабочих — почти вчетверо: с 1,28 млн. до 5 миллионов. Вместе с рабочими транспорта, сельского хозяйства и других отраслей рабочие составили к 1967 г. более половины всех трудящихся страны, в то время как в 1940 г.— только 19,4% [32]. Чем ближе к сегодняшнему дню, тем выше рост численности рабочих. В промышленности число рабочих увеличилось за последние десять лет (с 1957 по 1967 г.) на 7,8 млн., то есть больше, чем за 17 предшествующих лет. Вместе с тем темпы этого роста постоянно снижались, составив 4,9% в 1957—1967 гг. против 11,4% в годы четвертой пятилетки [33]. Объяснялось это тем, что технический прогресс в промышленности, влияя на повышение производительности труда, способствовал значительному росту объема валовой продукции при меньших потребностях в дополнительной рабочей силе. В строительстве число рабочих увеличилось с 1957 по 1967 г. на 1,2 млн.— почти на столько же, что и за 17 предшествующих лет.

---

[28] «Труд в СССР», стр. 312. Подсчитано автором.

[29] Подсчитано по данным статистических ежегодников: «Народное хозяйство СССР в 1959 году», стр. 624; «Народное хозяйство СССР в 1962 году», стр. 477; «Народное хозяйство СССР в 1964 году», стр. 571; «Народное хозяйство СССР в 1967 году», стр. 667.

[30] Подсчитано по данным «Труд в СССР», стр. 320—321.

[31] «СССР в цифрах в 1967 году», стр. 116.

[32] Подсчитано по данным статистических сборников: «Народное хозяйство СССР в 1959 году», стр. 138, 578, 584; «СССР в цифрах в 1967 году», стр. 116—117.

[33] Подсчитано по тем же данным.

Однако в противоположность промышленности здесь абсолютный прирост рабочих в последнее десятилетие был значительно меньшим, чем в предыдущие годы (в среднем за год 120 тыс. против 200 тыс. в 1951—1957 гг.) [34]. И это несмотря на то, что только в 1961—1967 гг. было введено основных фондов больше, чем с 1938 по 1960 год [35]. Такое уменьшение прироста рабочих стало возможным благодаря интенсивной механизации этой ранее наименее механизированной отрасли народного хозяйства. Аналогичным было влияние технического прогресса и на рост численности рабочих транспорта.

Вместе с ростом рабочего класса улучшалась и структура индустриальных кадров. Выражалось это в том, что число рабочих и инженерно-технических работников росло быстрее остальных категорий работников промышленности, строительства и транспорта. Происходило увеличение удельного веса рабочих и инженерно-технических работников и значительное падение удельного веса служащих. В результате доля рабочих в промышленности выросла с 76% в 1940 г. до 81% в 1967 г., а инженерно-технических работников соответственно — с 8% до 11,4% [36].

Таким образом, несмотря на снижение темпов роста численности рабочих в каждый последующий период, абсолютный их рост, как правило, увеличивался; повышался и удельный вес их среди других категорий трудящихся. Интенсивное развитие планового народного хозяйства СССР дает возможность маневренного использования рабочей силы, способствуя, в частности, как увидим ниже, влиянию технического прогресса на качественный рост рабочих. Огромную роль здесь играют сокращение рабочего дня, пенсионное обеспечение трудящихся и т. д. У нас автоматизация производства, естественно, сокращает число рабочих на каждом данном участке, но в условиях социалистического производства «вытесненный» техникой рабочий, во-первых, переводится на другой участок производства, так как плановое развитие экономики всегда предполагает такое перераспределение рабочей силы и, во-вторых, повышает свою квалификацию, не отстает от требований развивающегося производства. В СССР созданы все условия для постоянного профессионального и квалификационного роста рабочих кадров, их отраслевого и территориального перераспределения.

Важно подчеркнуть, что рабочий класс количественно быстро у нас рос не только в период становления социалистической индустрии и послевоенного восстановления народного хозяйства, но и в период его максимального развития. Этот факт опровергает измышления буржуазных историков и экономистов, будто высокие темпы роста численности рабочего класса были у нас возможны не благодаря преимуществам нашего социально-экономического строя, а якобы в силу неразвитости нашей промышленности. Вместе с тем экономическая реформа 1965 г. вполне правомерно ставит вопрос о необходимости перехода от экстенсивного к интенсивному пути развития за счет более эффективного использования рабочей силы и производственных фондов. Только таким путем можно добиться резкого увеличения производительности труда — основного условия построения материально-технической базы коммунизма. Однако известное сдерживание роста численности рабочих на отдельных участках производства за счет повышения производительности труда в условиях социализма не ведет к образованию безработицы, так как планомерное развитие народного хозяйства предполагает непрерывный рост производства не только за счет интенсифи-

---

[34] «СССР в цифрах в 1967 году», стр. 116; «Народное хозяйство СССР в 1959 году», стр. 578.

[35] Подсчитано по данным статистического сборника «СССР в цифрах в 1967 году», стр. 103.

[36] «Народное хозяйство СССР в 1967 году», стр. 207.

кации имеющихся производственных фондов, но и за счет их расширения. Особенно это характерно для нашей страны с ее огромными, еще не освоенными индустриально районами. Не случайно, что, несмотря на переход к концу 1967 г. 40% предприятий на новую систему планирования и экономического стимулирования, острая нехватка в рабочей силе ощущается еще во многих районах страны (например, в Сибири) и отраслях производства (повсеместно — в строительстве). В этих условиях более эффективное и экономное использование рабочей силы и высвобождение ее на одних участках производства создает возможность обеспечить ею другие участки.

В соответствии с задачами равномерного и рационального размещения производительных сил в переходный от социализма к коммунизму период происходят серьезные сдвиги в территориальной структуре рабочего класса СССР. Растет его удельный вес во вновь осваиваемых индустриально районах страны, особенно в Сибири, на Дальнем Востоке и в восточных республиках. Так, в Казахстане удельный вес рабочих (в составе всех рабочих страны) вырос с 2,8% в 1940 г. до 5,3% в 1967 г., в Узбекистане — с 2,1% до 2,7%, в Киргизии — с 0,5 до 0,8%, в Таджикистане — с 0,4 до 0,6%. В Западной Сибири с 1940 по 1966 г. удельный вес рабочих и служащих вырос с 4,1% до 5,9%, в Восточной Сибири — с 3% до 3,4%, на Дальнем Востоке — с 2,3% до 2,9% и т. д. Значительно увеличилась доля рабочего класса в присоединившихся к СССР в 1940 г. республиках Прибалтики и Молдавии в связи с их индустриализацией в послевоенный период. Удельный вес молдавских рабочих в составе рабочего класса СССР увеличился с 0,3% в 1940 г. до 0,9 в 1967 г., литовских — с 0,6% до 1,2%, латвийских — с 0,8% до 1,1%, эстонских — с 0,6% до 0,7% [37]. В то же время удельный вес рабочих в таких старых и мощных индустриальных районах страны, как Центральный экономический район, Северо-Западный и ряд других, а также на Украине значительно сокращается, оставаясь, однако, преобладающим. В Центральном экономическом районе, например, он упал с 19,7% в 1940 г. до 14,7% в 1966 г., в Северо-Западном соответственно — с 9% до 6,6%, на Украине — с 19,4% до 17,6% в 1967 году [38]. Естественно, что такого рода изменение территориальной структуры рабочего класса СССР сделало более равномерной и расширило сферу его деятельности и влияния по всем районам и республикам страны. Вызваны эти изменения были опережающими темпами роста рабочих и служащих в восточных районах и республиках СССР, а также в Прибалтике и Молдавии. Так, если в целом по стране число рабочих и служащих выросло с 1940 по 1967 г. на 243%, то в Казахстане — на 476%, в Узбекистане — на 304%, в Киргизии — на 320%, в Таджикистане — на 332%, в Молдавии — на 765%, в Литве — на 581%, в Латвии — на 358%, в Эстонии — на 330%; в Западной Сибири с 1940 по 1966 г. число рабочих и служащих возросло на 361%, в Восточной Сибири — на 286%, на Дальнем Востоке — на 316%, в то время как в целом по стране этот рост составил к 1966 г. лишь 235% [39]. Однако на разных этапах темпы роста в различных республиках и районах были неодинаковы. В восточных районах и республиках особенно высокими они были в годы войны и первые послевоенные годы, постепенно снижаясь к середине 50-х годов, но все еще оставаясь опережающими в сравнении с общесоюзными. В конце 50—60-х годов темпы роста в Восточной Сибири резко упали, отставая даже от об-

[37] Подсчитано по данным статистических ежегодников: «Народное хозяйство СССР в 1958 году», стр. 661; «Народное хозяйство РСФСР в 1960 году». М. 1961, стр. 399; «Народное хозяйство РСФСР». М. 1957, стр. 271; «Народное хозяйство СССР в 1967 году», стр. 651.

[38] Подсчитано по тем же данным.

[39] Подсчитано по тем же данным.

щесоюзных: с 1958 по 1966 г. они составили 34% при 45% прироста по СССР в целом. Это явление нарушает объективную закономерность и происходит вследствие слабого закрепления там индустриальных кадров.

Важной закономерностью роста рабочего класса СССР явилось расширение его многонационального состава и в первую очередь увеличение доли представителей коренной национальности в составе республиканских отрядов рабочего класса, в результате чего сфера деятельности и влияния рабочего класса расширилась во всех социалистических нациях[40].

Серьезные сдвиги произошли в переходный от социализма к коммунизму период и в половом составе рабочего класса. Так, доля женщин среди рабочих и служащих СССР возросла с 39% в 1940 г. до 50% в 1967 г., в промышленности — с 38% до 47%, в строительстве — с 23% до 28%, на транспорте — с 21% до 24%[41]. Широкое вовлечение женщин в производительный труд расширяет сферу влияния и увеличивает руководящую роль рабочего класса СССР. «Без привлечения женщин,— указывал В. И. Ленин,— к самостоятельному участию не только в политической жизни вообще, но и к постоянной, поголовной общественной службе нечего и говорить не только о социализме, но и о полной и прочной демократии»[42]. Рационально изменился и возрастной состав рабочего класса в сторону уменьшения удельного веса крайних возрастов — до 18 и свыше 55 лет.

Особого внимания заслуживают изменения в отраслевом, профессиональном и квалификационном составе рабочего класса, ведущие и к изменению его внутренней социальной структуры, расширению и мобильности его классовых границ. Технический прогресс приводит ко все большему увеличению числа рабочих новых профессий, связанных с автоматизацией производства и комплексной механизацией труда, и уменьшению числа рабочих старых профессий, связанных с тяжелым ручным трудом. При увеличении общей численности рабочих промышленности с 1926 по 1965 г. в 9 раз число рабочих, выполняющих работу механизированным способом, выросло в 15 раз[43].

По отдельным профессиям этот рост выглядит еще более внушительно (в тыс. чел.)[44]:

	1925 г.	1965 г.	Увеличение числа рабочих
Станочники по металлу	52	1 336	в 25 раз
Машинисты, мотористы и их помощники	50	1 242	в 24 раза
Аппаратчики и их помощники	1	259	в 259 раз
Наладчики, настройщики станков и автоматов	12	262	в 21 раз
Электросварщики	-	259	

Повышение удельного веса рабочих с длительным непрерывным стажем работы является одним из признаков формирования и роста кадрового ядра рабочего класса и, безусловно,— признаком улучшения его

[40] См. об этом М. П. Ким, С. Л. Сенявский. Рост рабочего класса СССР в 1953—1961 годах. «Вопросы истории», 1963, № 3, стр. 14.

[41] «Народное хозяйство СССР в 1967 году», стр. 654. Следует учесть, что в общей численности рабочих и служащих, занятых в отраслях материального производства, численность рабочих составляла 77% («Народное хозяйство СССР в 1964 году», стр. 544).

[42] В. И. Ленин. ПСС. Т. 31, стр. 165.

[43] «Страна Советов за 50 лет», стр. 221.

[44] Там же.

социального состава. Этот же процесс свидетельствует об успехах в закреплении постоянных кадров на производстве и увеличении их производственного опыта. В изучаемый период в промышленности, в строительстве и на транспорте удельный вес рабочих и служащих со стажем непрерывной работы свыше 10 лет постоянно возрастал [45]. На 1 июня 1967 г. в промышленности доля рабочих и служащих с общим стажем работы свыше десяти лет составила 58,8%, в строительстве — 51,7%, на транспорте — 65% [46]. Еще большее значение для улучшения социального состава рабочего класса имеет повышение квалификационного уровня рабочих. Если во время Великой Отечественной войны вследствие ухода квалифицированных рабочих в армию квалификационный уровень рабочего класса снизился, то в послевоенный период он непрерывно растет вплоть до последних лет, что прослеживается даже по такому небольшому отрезку времени, как 1962—1965 годы. Только за эти три года в промышленности средний тарифный разряд рабочих повысился с 3,0 до 3,1, в строительстве — с 3,0 до 3,2 [47]. В связи с комплексной механизацией и автоматизацией производства современного рабочего характеризует не только повышение разрядности, но в первую очередь радикальное изменение характера труда, сближающего его с трудом инженерно-технических работников. Этому во многом способствовало серьезное повышение в послевоенные годы общеобразовательного уровня рабочих. Если в 1939 г. было всего 8,2% рабочих с неполным средним, средним и высшим образованием, то к 1967 г. их стало 50%. Причем среди промышленных рабочих к 1967 г. этого уровня образования достигло 59,4% [48]. По отдельным профессиям уровень образования рабочих был еще выше. Особенно характерным явился рост общеобразовательного уровня рабочих на крупнейших заводах. Например, на Московском автомобильном заводе имени Лихачева увеличилось число рабочих, которые в результате повышения специальной и общеобразовательной подготовки занимали должности техников и инженеров. Это свидетельствовало о стирании граней между рабочими и ИТР, между работниками физического и умственного труда. С каждым годом все больший процент инженерно-технических кадров вырастал непосредственно из рядовых рабочих.

Подъем культурно-технического уровня рабочего класса СССР привел к росту его творческой и общественно-политической активности. В основе этого процесса лежало всемерное развитие социалистического соревнования. В. И. Ленин указал на его великую силу в развитии творческой энергии масс, в обеспечении успехов строительства коммунизма. «Социализм,— писал он,— не только не угашает соревнования, а, напротив, впервые создает возможность применить его действительно *широко*, действительно в *массовом* размере, втянуть действительно большинство трудящихся на арену такой работы, где они могут проявить себя, развернуть свои способности, обнаружить таланты, которых в народе — непочатый родник» [49]. В другой статье В. И. Ленин писал: «По мере того, как будет развиваться коммунистическое соревнование... по мере этого успех коммунистического строительства будет обеспечен» [50]. Чрезвычайно разнообразны формы социалистического соревнования, но цель их и суть одна — стремление к росту производительности труда, улучшению качества и удешевлению себестоимости продукции. С тех пор, как это движение возникло в годы

---

[45] См. С. Л. Сенявский. Указ. соч., стр. 232—233.
[46] «Труд в СССР», стр. 235.
[47] «Вестник статистики», 1966, № 3, стр. 92—94.
[48] «Страна Советов за 50 лет», стр. 277.
[49] В. И. Ленин. ПСС. Т. 35, стр. 195.
[50] В. И. Ленин. ПСС. Т. 41, стр. 318.

индустриализации, оно постоянно рождало все самое лучшее и передовое в организации производства и деятельности трудящихся масс. Именно в ходе социалистического соревнования появлялись наиболее важные почины отдельных рабочих и целых коллективов, выросли новаторы и рационализаторы производства, герои труда. И все же в период строительства коммунизма социалистическое соревнование явилось качественно новым, высшим этапом производственной активности масс. Наиболее характерными его признаками явились неизмеримо возросшая техническая основа производства и культурно-технический уровень рабочих.

Будучи следствием бурного технического прогресса советского общества и высокого культурно-технического уровня развития рабочего класса СССР, техническое творчество рабочих становилось все более существенной частью каждого из последующих этапов социалистического соревнования. Оно проявлялось в самых разнообразных формах, но наиболее яркое и законченное выражение получило в широком размахе и высоком уровне развития движения рационализаторов и изобретателей среди рабочих. Если в 1940 г. поступило 591 изобретение и рационализаторское предложение, то в 1967 г. их было уже 4 141— в 6 раз больше; из них было внедрено в производство около 3/4— 3 025 (в 1940 г.— немногим более 1/3—202) [51]. При этом характерно, что к 1967 г. более половины рационализаторов и изобретателей были рабочими. Если на 1 января 1959 г. среди членов Всесоюзного общества рационализаторов и изобретателей было 504,4 тыс. рабочих, то на 1 июля 1966 г. их стало уже 2 230 тыс., то есть в 4,5 раза больше. Удельный вес рабочих среди всех членов Всесоюзного общества рационализаторов и изобретателей увеличился за этот период с 45,2% до 53% [52]. Огромную роль в развитии технического творчества, в сближении характера труда рабочих с трудом инженерно-технических работников и даже ученых стали играть научно-технические общества. Уже к концу 1963 г. в эти общества входило более 2 млн. инженеров, техников и рабочих-новаторов [53]. При этом удельный вес рабочих постоянно возрастал. В 1955 г. рабочих среди членов этих обществ не было вообще, на 1 января 1956 г. их насчитывалось 32,2 тыс., на 1 июля 1966 г.— 398 тысяч. Удельный вес рабочих среди членов научно-технических обществ увеличился с 8,2% в 1956 г. до 13,5% в 1966 году [54]. Это также свидетельствует о стирании различий между умственным и физическим трудом.

Рост общественно-политической активности рабочих во всех сферах жизни и деятельности страны выражался не только в усилении руководящей роли рабочего класса на самом производстве, но и в системе общественного и государственного управления. Достаточно сказать, что в составе Верховного Совета СССР, избранного в 1966 г., из 1 517 депутатов —404, или 26,6%, являются рабочими [55]. Усиление роли рабочих в общественно-политической жизни страны выразилось и во все возрастающей их активности в деятельности Коммунистической партии Советского Союза. Удельный вес рабочих в составе партии, ставшей общенародной, вырос с 32% в 1956 г. до 38,1% к 1967 году [56]. Все большую роль играют коммунисты-рабочие в парторганизациях на предприятиях промышленности и в строительстве. Если на 1 января 1947 г.

---

[51] «СССР в цифрах в 1967 году», стр. 25.

[52] Подсчитано по данным текущего архива Всесоюзного общества рационализаторов и изобретателей.

[53] «Правда», 29.X.1963.

[54] Данные текущего архива Всесоюзного совета научно-технических обществ.

[55] «Вестник статистики», 1967, № 3, стр. 93.

[56] «Правда», 10.X.1967; «Коммунист», 1967, № 15, стр. 95.

они составляли там 28,5%, то на 1 января 1967 г.— уже 36,6% [57]. Трудно найти сейчас такой участок политической и общественной жизни страны, где бы не усиливалась ведущая роль рабочего класса СССР, его авторитет и влияние.

★

Таким образом, в рассматриваемый период на основе успешного развития экономики, технического и социального прогресса общества происходят серьезные изменения в источниках пополнения, в формах и методах подготовки квалифицированных кадров рабочего класса, которые оказывают самое решительное влияние на изменение в его внутренней социальной структуре. Особую роль здесь играет превращение с середины 50-х годов выпускников средней школы в массовый источник пополнения рабочего класса высококвалифицированными, образованными кадрами. Это резко расширило в составе рабочего класса ту социальную категорию, которая больше всего приближается к уровню технической интеллигенции, и тем самым сделало существенный шаг вперед на пути решения важнейшей социальной проблемы коммунистического строительства — стирания существенных различий между работниками умственного и физического труда. Тем самым изменения во внутриклассовом составе ведущей силы советского общества явились решающим фактором изменений в социальной структуре общества в целом. Нельзя переоценить в этом смысле также социальную значимость глубоких сдвигов в профессиональном составе рабочего класса СССР. Изменения в его национальном, территориальном, отраслевом, возрастном и половом составе в комплексе также явились важными факторами изменений в социальной структуре как класса, так и всего общества. Увеличение в составе ранее отсталых в экономическом и социальном отношениях народов СССР удельного веса рабочих кадров, рост индустриальных кадров среди преимущественно аграрного в прошлом населения многих районов страны, бурный рост рабочих ведущих, передовых индустриальных отраслей, увеличение доли рабочего класса среди работников сельского хозяйства за счет одного из его отраслевых отрядов — все это первостепенной важности факторы, способствующие решению многих социальных аспектов коммунистического строительства, прогрессивно меняющие социальный облик как самого рабочего класса, так и советского общества. Даже количественный рост рабочего класса самым радикальным образом взаимодействовал с изменениями в социальной структуре советского общества, увеличив в нем долю ведущего класса среди остальных социальных слоев, способствовав процессу сближения между классами, стиранию социальных граней между городом и деревней.

[57] «Коммунист», 1967, № 15, стр. 99—100.

ИЗ ИСТОРИИ СОЗДАНИЯ КНИГИ В. И. ЛЕНИНА «ИМПЕРИАЛИЗМ, КАК ВЫСШАЯ СТАДИЯ КАПИТАЛИЗМА»

Р. Я. Евзеров

Более полувека отделяют нас от времени выхода в свет гениального ленинского труда об империализме. Он сыграл поистине выдающуюся роль, а его история неотделима от полувековой борьбы рабочего класса за революционное преобразование общества. Есть у книги «Империализм, как высшая стадия капитализма» история и в более узком смысле слова, связанная с ее созданием и выходом в свет. Эта история также является частью революционной борьбы В. И. Ленина, важным этапом в его деятельности.

В настоящей статье мы не ставим перед собой задачу подробно осветить колоссальную работу В. И. Ленина по созданию «Империализма»[1], а предполагаем остановиться лишь на некоторых недостаточно изученных вопросах, привести малоизвестные материалы о рождении ленинской книги.

Исследование империализма было в течение многих лет неотъемлемой частью борьбы В. И. Ленина за развитие революционного движения в России, за революционную линию в международном рабочем движении. Начиная с 1895 г. его произведения вскрывают характерные черты, процессы, в которых сказывалось развитие империализма[2]. С весны 1914 г. В. И. Ленин специально занялся экономическими вопросами империализма, в частности в связи с работой над статьей о К. Марксе для энциклопедического словаря Гранат[3]. В первом же официальном документе ЦК РСДРП, выразившем позицию большевистской партии по отношению к мировой войне, В. И. Ленин писал в сентябре 1914 г. об эпохе новейшей, империалистической, стадии развития капитализма[4]. В ноябре 1914 г. он, отмечая империалистический характер войны, указывал, что это «...война эпохи наиболее развитого капитализма, эпохи *конца* капитализма»[5]. Таким образом, здесь перед нами концепция империализма, принципиально отличная от того, что было записано в решениях партий II Интернационала об империализме. Книга Р. Гильфердинга «Финансовый капитал», поды-

---

[1] См. об этом примечания к сочинениям В. И. Ленина: В. И. Ленин. Соч. Т. XIX, стр. 460—461; В. И. Ленин. ПСС. Т. 27, стр. 519—521; т. 28, стр. 743—745, а также отдельные примечания к другим томам; «Даты жизни и деятельности В. И. Ленина»; В. И. Ленин. ПСС. Т. 27, стр. 616—629; «Владимир Ильич Ленин. Биография». М. 1964; Д. Баевский. Как ленинский «Империализм» увидел свет. «Пролетарская революция», 1929, № 1 (84); Б. Таль. О ленинских «Тетрадях по империализму». М. 1934; Л. А. Леонтьев. О ленинских «Тетрадях по империализму». М. 1962; его же. Ленинское исследование империализма. М. 1964.

[2] См. В. И. Ленин. ПСС. Т. 27, стр. 519—520, примечание 134.

[3] В это время он просил прислать ему «Финансовый капитал» Гильфердинга (ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 5, ед. хр. 375), который подверг критическому разбору при написании статьи о Марксе и особенно при создании «Империализма». В связи с работой над статьей о Марксе В. И. Ленин усиленно занялся и философией.

[4] В. И. Ленин. ПСС. Т. 26, стр. 15. Условное название манифеста было «Развитие капитализма». См. В. И. Ленин. ПСС. Т. 49, стр. 8.

[5] В. И. Ленин. ПСС. Т. 26, стр. 39.

тожившая идеи относительно новейшей фазы развития капитализма, была построена на ошибочной меновой концепции, не раскрывала главной сути империализма, его исторического места, игнорировала связь империализма с оппортунизмом.

Война углубила разработку В. И. Лениным теории империализма, ибо война чрезвычайно полно выявила особенности империалистической стадии развития капитализма, в вопросе об империализме взаимоувязывались все основные проблемы войны, политики, рабочего движения, революции. Без этого нельзя было ни разоблачить крах II Интернационала, ни проложить путь к социализму.

Ленинские произведения начала — середины 1915 г. содержат все более полную характеристику империализма, отдельных его черт, связанных с ним процессов[6]. Редакционная работа над первым номером «Коммуниста» свидетельствует, что в этот период В. И. Ленин обдумывал и вопрос о государственно-монополистическом капитализме[7]. Глубина проводившегося В. И. Лениным экономического анализа проявилась в рассмотрении им лозунга Соединенных Штатов Европы (июль — август 1915 г.), при этом также шла речь об оценке государственно-монополистических тенденций, невозможности планомерности мирового капиталистического хозяйства. Ленинское исследование империализма уже в этот период привело к открытию закона неравномерности, скачкообразности экономического и политического развития капиталистических стран в эпоху империализма. На этой основе, как известно, в июле — августе 1915 г. был сделан новый в марксизме вывод о возможности победы социализма первоначально в одной, отдельно взятой стране.

Разрабатывая проблемы империализма, В. И. Ленин изучал и обобщал данные широкого круга источников, составлял указатели литературы по империализму, делал заметки, выписки[8]. Они заносились в особые тетради, представлявшие в дальнейшем подготовительные материалы для книги «Империализм, как высшая стадия капитализма». На их основе уже в первой половине 1915 г. В. И. Ленин писал свои статьи[9]. Раскрытие проблем империализма требовало написания специальной работы, органически продолжающей «Капитал» К. Маркса, дающей дальнейшее развитие взглядов Маркса в применении к новейшим явлениям хозяйственной жизни[10]. Изучение В. И. Лениным проблем империализма вело к созданию такой работы.

В это время В. И. Ленин получил предложение легального издательства «Парус», решившего выпустить серию брошюр на тему «Европа до и во время войны», написать одну из брошюр этой серии. Предложение давало определенный подцензурный выход В. И. Ленину для изложения своих позиций в «основном экономическом вопросе, без изучения которого нельзя ничего понять в оценке современной войны и современной политики, именно: в вопросе об экономической сущности империализма»[11]. Раскрытие в легальной прессе этих проблем широким кругам читателей России в условиях подпольного положения большевистской партии имело особое революционное значение.

Когда же было получено предложение и когда В. И. Ленин дал согласие написать брошюру? Вопрос этот важен и с точки зрения исто-

---

[6] См. В. И. Ленин. ПСС. Т. 26, стр. 143—162 и др.

[7] См. В. И. Ленин. ПСС. Т. 49, стр. 124.

[8] С конца 1914 г. у В. И. Ленина были особо благоприятные условия для занятий, в частности, вопросами политической экономии. См. В. И. Ленин. ПСС. Т. 49, стр. 7, 49.

[9] См. Л. А. Леонтьев. О ленинских «Тетрадях по империализму», стр. 22.

[10] См. составленную В. И. Лениным «Библиографию марксизма»: «Энциклопедический словарь Гранат». 1915. Т. 28, стр. 243—244; В. И. Ленин. ПСС. Т. 26, стр. 90.

[11] В. И. Ленин. ПСС. Т. 27, стр. 302.

рии создания «Империализма» и для выяснения места, которое занимала работа над книгой в ленинском исследовании империализма. Считается, что В. И. Ленин принял предложение издательства «Парус» (основанного в декабре 1915 г. в Петрограде) в начале января 1916 года. В качестве обоснования приводится ссылка на письмо А. М. Горькому от 11 января 1916 г., где В. И. Ленин писал: «Сажусь за работу над брошюрой об империализме» [12]. Однако эта ссылка недостаточно основательна для подтверждения времени принятия В. И. Лениным предложения «Паруса» [13]. Документы свидетельствуют о следующем.

Предложение подобрать авторский коллектив для написания серии брошюр на тему «Европа до и во время войны» было сделано от имени издательства «Парус» А. М. Горьким М. Н. Покровскому в октябре 1915 года [14]. В письме от 20 сентября (3 октября) 1915 г. А. М. Горький сообщал о создании издательства, собиравшегося выпустить эту серию, и прилагал программы брошюр, которые издательство желало бы заказать. Он просил М. Н. Покровского, жившего в то время в Париже, помочь осуществить эту задачу, найти авторов, способных разработать темы, написать удобопонятно для русской демократии, писать вполне объективно с точки зрения экономического материализма, без «всяческих экивоков» в сторону шовинизма, национализма и т. д. Общая редакция всех брошюр и право расширять и варьировать темы была предложена М. Н. Покровскому. Вносились предложения о размере брошюр и гонорара [15]. Письмо это было получено М. Н. Покровским 27 октября 1915 года [16]. Он в принципе согласился с предложением и просил двухнедельный срок для переговоров с авторами, надеясь после этого дать положительный ответ [17]. После этого М. Н. Покровский направил соответствующие предложения авторам. В них широко объяснялись задачи издательства, примерный характер брошюр [18]. Если по другим брошюрам были разные варианты подбора авторов, то для вводной брошюры об империализме М. Н. Покровский считал единственно возможным автором В. И. Ленина, жившего тогда в Берне [19]. «Введением к серии,— писал М. Н. Покровский,— должна служить брошюра о «роли финансового капитала в современной жизни» — иными словами, об империализме, взятом в его экономическом аспекте... Упомянутое выше экономическое введение, которое должно иметь форму самостоятельной брошюры, размером до пяти печ. листов по 40 000 букв — никто, разумеется, не написал бы лучше Владимира Ильича. Если он слишком занят, чтобы писать самому, не возьмет ли он, по крайней мере, на себя ответственной редакции этой брошюры, поручив ее кому-нибудь другому?» Одновременно М. Н. Покровский сообщил о распределении других брошюр между авторами, о сроке представления работ — февраль месяц, о гонораре — 100 руб. за лист. Предложение М. Н. Покровского было принято, и 12 ноября

---

[12] См. там же, стр. 520—521. Примечание. Все даты приводятся по новому стилю. Для писем, датированных старым стилем даны две даты.

[13] В третьем издании Сочинений В. И. Ленина этой ссылкой обосновывалось утверждение, что «работу над «Империализмом» Вл. И. начал, по-видимому, в середине января» (В И. Ленин. Соч. Т. XIX, стр. 460), в 22 томе четвертого издания Сочинений говорится, что он «приступил» к написанию книги. Это более правильно.

[14] Главой издательства считался А. М. Горький, фактически вел дела по изданию А. Н. Тихонов, принимал в нем участие И. П. Ладыжников и другие.

[15] Архив А. М. Горького, ПГ-рл., 31—5—7, лл. 1, 2.

[16] Датировка получения писем здесь и дальше дается по штампу на конверте.

[17] Архив А. М. Горького — ПТЛ 13 (14), л. 1. Письмо М. Н. Покровского И. П. Ладыжникову от 28 (15) октября 1915 года.

[18] ЦПА ИМЛ, ф. 142, оп. 1, ед. хр. 572, лл. 1—2. Письмо М. Н. Покровского А. В Луначарскому от 7 ноября 1915 года.

[19] Там же, ф. 17, оп. 1, ед. хр. 1718, лл. 1—2. Письмо М. Н. Покровского от 7 ноября 1915 года.

1915 г. ему было сообщено о том, что В. И. Ленин работу берет[20]. При этом ставился ряд вопросов: о позиции издательства, А. М. Горького в связи с намечавшейся темой, о гарантиях публикации, высказывались сомнения в целесообразности привлечения к изданию серии авторов плехановского толка и конкретно Л. Мартова. В. И. Ленин считал, по-видимому, весьма целесообразным использовать предложение «Паруса» для легального издания как книги об империализме, так и других материалов.

М. Н. Покровский с радостью воспринял согласие В. И. Ленина и в ответном письме 15 ноября останавливается на вопросе о позиции издательства и составе авторов[21]. Одновременно он сообщал А. В. Луначарскому: «Общее экономическое введение (роль финансового и промышленн[ого] капитала в наст[оящем] кризисе, особая брошюра) взялся написать Вл. Ильин»[22]. Итак, можно считать установленным, что В. И. Ленин принял предложение о написании «Империализма» не в январе 1916 г., а в начале второй декады, до середины ноября 1915 года. Естественно, согласие написать книгу должно было наложить на его занятия определенный отпечаток. Уже тогда В. И. Ленин не только проделал основную исследовательскую работу по выяснению сущности империализма, но и решил, что должно быть показано в книге об империализме. Задача — дать «анализ основных свойств и тенденций империализма, как системы экономических отношений новейшего высокоразвитого, зрелого и перезрелого капитализма» — была сформулирована В. И. Лениным уже в декабре 1915 года[23]. Решена она была им во время написания «Империализма». Для этого нужно было провести большое исследование имеющихся материалов с тем, чтобы по сводным данным статистики показать итоговую картину всемирного капиталистического хозяйства в его международных взаимоотношениях в начале XX века[24].

Все это не означает, что сообщение в письме А. М. Горькому от 11 января 1916 г. не имеет значения. Полностью посвятить себя работе над книгой об империализме В. И. Ленину зачастую не удавалось из-за большой загруженности повседневной партийной и журналистской работой, необходимости завершить ранее начатые исследования. Ведь именно в ноябре—декабре 1915 г. В. И. Ленин пишет свои статьи «У последней черты», «Прикрытие социал-шовинистской политики интернационалистскими фразами», «Оппортунизм и крах II Интернационала», завершает «Новые данные о законах развития капитализма в земледелии. Выпуск I», редактирует перевод на итальянский язык манифеста циммервальдской левой, проводит совещание социал-демократов интернационалистов по вопросу о подготовке второй международной социалистической конференции, работает над проблемами империализма, продолжает свои философские занятия и изучение материалов по национальному вопросу[25]. Так что письмо к А. М. Горькому свидетельствует, очевидно, о начале интенсивной работы над «Империализмом», а не о начале работы вообще. Развертыванию работы над книгой мешала и неясность ряда вопросов, связанных с ее изданием. Ответ М. Н. Покровского с разъяснениями относительно позиций издательства «Парус» был получен только 2 января 1916 года[26]. Этот ответ стремился

---

[20] Там же, ф. 147, оп. 1, ед. хр. 61, л. 18. Основанное на письме М. Н. Покровского от 30 декабря 1915 г. предположение О. Д. Соколова, что предложение М. Н. Покровского не дошло до адресата, так как было, по-видимому, задержано цензурой («Вопросы истории», 1963, № 8, стр. 35), не подтверждается.

[21] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 1, ед. хр. 1718, лл. 3—6.

[22] Там же, ф. 142, оп. 1, ед. хр. 572, лл. 3, 5.

[23] В. И. Ленин. ПСС. Т. 27, стр. 94.

[24] Там же, стр. 303.

[25] Там же, стр. 625—627.

[26] ЦПА ИМЛ, ф. 147, оп. 1, ед. хр. 61, л. 45.

рассеять сомнения относительно политической направленности издания, но вопросы заключения договора с авторами и финансовые вопросы оставались неясными [27]. Попытки М. Н. Покровского связаться с «Парусом» для согласования условий издания брошюр в течение длительного периода не имели успеха, и он сам предполагал, что в издательстве «на что-то не решаются» [28]. Все это, конечно, тормозило начало интенсивной работы над «Империализмом» [29].

Однако время шло, из Петрограда в Берн приходили известия, подтверждающие положительную характеристику «Паруса», данную М. Н. Покровским. Это склоняло к тому, что нужно садиться за работу над книгой [30]. Как раз тогда и написал В. И. Ленин А. М. Горькому упоминавшееся письмо от 11 января 1916 года.

Теоретическая работа В. И. Ленина всегда была неразрывной частью его практической политической работы, и повседневные партийные дела продолжали вносить коррективы в намечавшийся план работы над книгой. Предполагавшуюся в начале февраля 1916 г. поездку в Цюрих для занятий в библиотеках пришлось временно отложить. Нужно было принять участие в совещании расширенной Интернациональной социалистической комиссии в Берне [31]. Но работа над «Империализмом» продолжает оставаться в центре внимания В. И. Ленина. С 12 марта 1916 г. он переехал в Цюрих [32]. Здесь уже В. И. Ленин получил сообщение, что в начале марта М. Н. Покровский наконец восстановил связь с издательством, которое торопило с окончанием книги [33]. Тогда снова в письме В. И. Ленина повторяется: «Сажусь за работу» [34].

Однако при этом возникали всевозможные препятствия. Для оформления жительства в Цюрихе необходимо было разрешение цюрихской полиции по делам иностранцев. Не довольствуясь разрешением на жительство, выданным В. И. Ленину в Берне, цюрихская полиция требовала представить ей бумаги Ульяновых, сданные В. И. Лениным в полицию Берна. Приходилось добывать эти бумаги [35]. Кроме того, нужно было внести денежный залог, равный примерно годовому заработку В. И. Ленина в Швейцарии. Таких денег не было. Хорошо еще, что помогли швейцарские социал-демократы. В полицейском деле, озаглавленном «Владимир Ульянов-Крупский, присяжный поверенный и писатель, род. в 1870 г., из Симбирска, Россия», появилась запись, что вместо залога в 3 тыс. фр. он представляет поручительство господ городских советников. «Денежного залога он не может внести за неимением состояния, а в данный момент и заработка. Средства на существование получает от родных» [36]. Но деньги нужны были, конечно, не только поэтому. Очень остро встал вопрос о необходимости зарабатывать просто для того, чтобы жить. В. И. Ленин был исключительно щепетилен в вопросах материальных и лишь в самом крайнем случае, да и то в порядке «временного кредита», он мог принять чью-то помощь [37]. Но зарабатывать журналисту-большевику было непросто, и материально-бытовые проблемы занимали важное место при решении задач, связанных с проведением большой теоретической работы. В начале февраля 1916 г. они

---

[27] Там же, ф. 17, оп. 1, ед. хр. 1718, л. 3.
[28] Там же, л. 11, а также лл. 8, 9, 12.
[29] Там же, ф. 147, оп. 1, ед. хр. 61, л. 46.
[30] Там же, л. 43.
[31] См. В. И. Ленин. ПСС, Т. 49, стр. 180, 517.
[32] См. В. И. Ленин. ПСС. Т. 27, стр. 631.
[33] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 1, ед. хр. 1718, лл. 13—14.
[34] В. И. Ленин. ПСС. Т. 49, стр. 207.
[35] См. В. И. Ленин. ПСС. Т. 49, стр. 218. Письмо В. И. Ленина Г. Л. Шкловскому по этому поводу от 18 апреля 1916 года.
[36] Цит. по статье Рейнгарда Вэра в «Acht Uhr Abendblatt», апрель 1926. ЦПА ИМЛ, ф. 72, оп. 3, ед. хр. 374, лл. 2—3.
[37] Показательно в этом отношении его письмо В. А. Карпинскому и С. Н. Равич в июне 1915 г. См. В. И. Ленин. ПСС. Т. 49, стр. 242.

встали особенно остро. Бернская хозяйка Ульяновых потребовала освободить комнату, найти другую не удавалось [38]. А намечавшаяся поездка в Цюрих осложнялась финансовыми трудностями. В. И. Ленин просил товарищей в Цюрихе точно выяснить возможности заработка чтением реферата, возможность получить комнату самую дешевую, но в рабочей семье, узнать, сколько будет стоить обед в столовой, утренний завтрак и кофе вечером [39]. Подобные же вопросы вставали в феврале, мае 1916 г. во время поездки для занятий в Женеву [40]. «У нас скоро прекращаются все старые источники существования, и вопрос о заработке встает довольно остро»,[41]— писала Н. К. Крупская М. И. Ульяновой в середине декабря 1915 года. «О себе лично скажу, что заработок нужен. Иначе прямо поколевать, ей-ей!! Дороговизна дьявольская, а жить нечем»,— вырывается у В. И. Ленина, обычно так мало заботившегося о своих личных нуждах, в одном из писем в октябре 1916 года [42].

В отчете районной полиции Цюриха в ответ на запрос о жизни В. И. Ленина в этот период говорится: «Он живет с женой в одной комнате, за которую аккуратно вносит плату в размере 24 фр. ежемесячно. И вообще он аккуратен в своих платежах. Здесь Ульянов занимается литературной работой, которая дает ему, как говорят, около 200—250 фр. в месяц». Буржуазный журналист Рейнгард Вэр, получивший у цюрихской полиции эти материалы о В. И. Ленине, прокомментировал их так: «24 фр. в месяц за комнату в дорогом Цюрихе! Каждый рабочий живет лучше и тратит больше. И 200—250 фр. дохода. Чернорабочий получает больше» [43].

В. И. Ленин проводил целые дни в читальных залах библиотек, прочитывал, просматривал и изучал обширную литературу. В одном только Цюрихе он использовал материалы кантональной библиотеки, музейного общества, городской библиотеки по социальной литературе. Знакомился он, видимо, и с библиотекой семинара по общественно-политическим наукам высшей женской школы в Цюрихе [44], выписывал книги из других библиотек. Швейцарские библиотеки вообще порадовали своими материалами В. И. Ленина. О Берне он писал: «Хороши здесь библиотеки, и я устроился недурно в смысле пользования книгами» [45]. Однако он считал библиотеки Цюриха «много лучше бернских» [46]. Здесь в течение нескольких месяцев 1916 г. и велась напряженная работа по сбору данных о всемирном капиталистическом хозяйстве. Только выписки и заметки, составившие ленинские «Тетради по империализму», содержат материалы из 148 книг и 232 статей на немецком, французском, английском, русском языках. Но сюда вошло, очевидно, не все. Из собственных книг Владимир Ильич обычно не делал выписки. Он подчеркивал важные места в тексте, делал заметки на полях, а в конце книги на чистом листе составлял своеобразное оглавление отмеченных в тексте материалов. Анализ «Империализма» показывает, что здесь глубоко и детально использован материал XXVII главы III тома «Капитала» К. Маркса. В. И. Ленин блестяще развил Марксову методологию при изучении современного ему капитализма, однако в «Тетрадях по империализму» выписок из соответствующей главы «Капитала» нет. При разработке

[38] См. «Ленинский сборник» XI, стр. 206. Письмо Н. К. Крупской С. Н. Равич от 1 февраля 1916 года; В. И. Ленин. ПСС. Т. 55, стр. 516, примечание 340.

[39] См. В. И. Ленин. ПСС. Т. 49, стр. 178—179. Письма В. И. Ленина М. М. Харитонову от 27, 29 января 1916 года.

[40] См. там же, стр. 184, 225. Письма В. И. Ленина С. Н. Равич от 13 февраля 1916 г., В. А. Карпинскому от 17 мая 1916 года.

[41] В. И. Ленин. ПСС. Т. 55, стр. 454.

[42] В. И. Ленин. ПСС. Т. 49, стр. 302.

[43] ЦПА ИМЛ, ф. 72, оп. 3, ед. хр. 374, л. 4.

[44] По поводу занятий в этой библиотеке ректор школы просил В. И. Ленина зайти к нему (см. там же, ф. 2, оп. 5, ед. хр. 664, л. 1).

[45] В. И. Ленин. ПСС. Т. 55, стр. 357.

[46] Там же, стр. 364.

проблем империализма В. И. Ленин, очевидно, использовал и свои «Философские тетради», особенно по вопросам диалектики.

В ходе работы над «Империализмом» В. И. Ленину приходилось преодолевать ошибочные взгляды по вопросам экономики современного ему капитализма, существовавшие в рядах западноевропейской и русской социал-демократии. С одной стороны, научное понятие империализма нередко низводилось до какого-то бранного выражения по адресу конкурентов и противников [47]. Его общие и основные черты игнорировались, а особенности в отдельных странах преувеличивались [48]. С другой — имели широкое хождение взгляды на империализм как на особую политику; его рассмотрение замыкалось в кругу идей, подытоженных в «Финансовом капитале» Гильфердинга [49].

Все это тем более важно отметить, что и заказчики-издатели «Паруса» и редактор М. Н. Покровский трактовали в то время финансовый капитал, империализм в «ухудшенно гильфердинговском» духе. В конце 1914 г. М. Н. Покровский писал, что «наблюдения над тем, как началась и шла война, поколебали уверенность... в правильности взглядов Р. Гильфердинга на счет банкового капитала ...придется скорее принять, что банковый капитал, как усовершенствованный ростовщический, более архаичная форма, нежели промышленный» [50]. Подобные взгляды проводились и в имеющем весьма эклектический характер издательском проспекте книги, заказанной В. И. Ленину «Парусом» под заглавием «Современная жизнь и роль финансового капитала в ней» [51]. Проблемы империализма в проспекте в значительной мере сводились к развитию «свободного капитала», подчинению промышленного капитала его интересам. Зависимость правительств от воли финансистов иллюстрировалась примерами, начиная с роли Медичи как банкиров Италии, Франции, Англии и кончая деятельностью немцев в Соединенных Штатах, организующих производство снарядов для врагов Германии. Да и вся структура содержания намечавшейся книги в корне отличалась от написанного Лениным «Империализма».

Работа В. И. Ленина над книгой сталкивалась и с другими трудностями, связанными с требованиями издательства. Когда М. Н. Покровскому наконец удалось в марте 1916 г. восстановить связи с «Парусом», появились новые осложнения. Издательство выдвигало весьма жесткие требования по отношению к авторам, особо настаивало на осторожности в освещении вопросов «применительно к России», необходимости писать «поискуснее» в цензурном отношении [52]. Отмечались вопросы, заведомо неприемлемые для рассмотрения с точки зрения цензуры. Для того, чтобы авторы «считались с здешними условиями», предлагалось разделение гонорара на две половины. Вторая половина могла быть выдана только после прохождения работы через цензуру. Одновременно намечались и сроки издания: не позже начала или середины апреля.

---

[47] См. В. И. Ленин. ПСС. Т. 27, стр. 94.

[48] См., например, о позиции Орнатского (Чичерина) ЦПА ИМЛ, ф. 159, оп. 1, ед. хр. 21429. О подобных взглядах В. И. Ленин писал в «Империализме»: «Факты показывают, что различия между отдельными капиталистическими странами, например, в отношении протекционизма или свободной торговли, обусловливают лишь несущественные различия в форме монополий или во времени появления их...» (В. И. Ленин. ПСС. Т. 27, стр. 315).

[49] «Гильфердинг был своего рода евангелистом»,— вспоминал М. Н. Покровский (см. М. Н. Покровский. Империалистская война. 1934, стр. 68). Известна ленинская критика взглядов на империализм К. Каутского, который также утверждал, что под империализмом надо понимать определенную политику, «предпочитаемую» финансовым капиталом (см. В. И. Ленин. ПСС. Т. 27, стр. 390).

[50] ЦПА ИМЛ, ф. 150, оп. 1, ед. хр. 41883, лл. 1—2. Письмо И. И. Скворцова-Степанова М. Н. Покровскому от 27 декабря 1914 года.

[51] Там же, ф. 17, оп. 1, ед. хр. 1718, л. 7.

[52] Там же, ф. 147, оп. 1, ед. хр. 41887, л. 3. Письмо А. Н. Тихонова, который фактически вел дела издательства.

Новые требования издательства вызвали протест М. Н. Покровского[53]. А. М. Горький постарался смягчить инцидент. Гонорар, по его словам, должен был разделяться только по срокам выплаты, а издание до весны оказалось невозможным[54]. Но до получения этих разъяснений прошло почти три месяца, и М. Н. Покровский передал тем временем требования издательства авторам. В письмах от 9 марта 1916 г. он, хотя и не стеснялся в выражениях по адресу издательства, все же поторапливал с окончанием работы. М. Н. Покровский считал, что для В. И. Ленина цензурные ограничения не будут сложны. Сроку представления рукописей к апрелю не придавал значения. Но вообще-то он советовал подумать в связи с повышением требований «Паруса»[55].

Однако раздумывать — писать или не писать — было уже поздно. В. И. Ленин интенсивно работал над книгой и считал необходимым принять условия издательства. В. И. Ленин, по-видимому, считал, что от издателей «Паруса» можно ждать новых ущемлений, он хотел закрепить предварительно выдвинутые условия, не обостряя вопрос о сроке, ставшем заведомо нереальным[56]. И недаром. В ответ на письмо М. Н. Покровского о согласии на условия издательства последовали новые требования[57].

В начале июня 1916 г. они свалились на В. И. Ленина. То был период интенсивной творческой работы над книгой. «Он сейчас погружен в свой империализм и целые дни проводит в библиотеках»,— писала Н. К. Крупская к И. Ф. Арманд 22 мая 1916 года. В середине мая работе помешала на несколько дней болезнь, отрывали и практические дела[58]. В это время В. И. Ленин получил открытку М. Н. Покровского от 29 мая, где предлагалось подготовить рукопись к отправке в Петроград в начале, максимум в середине июля, включая сюда неделю-полторы, необходимые М. Н. Покровскому на редактирование[59]. В. И. Ленин делает для себя заметки и отвечает М. Н. Покровскому 8 июня 1916 года[60]. «Я работаю усиленно,— пишет В. И. Ленин,— но в силу сложности материала и болезни опаздываю. Очень боюсь, что не успею к этому предельному сроку. Надеюсь, редакция и издатель даст мне тогда хоть небольшую отсрочку. Буду торопиться»[61].

Через несколько дней В. И. Ленин получил новые требования редакции. Дело в том, что 6 июня к М. Н. Покровскому дошло отправленное 19 апреля (2 мая) письмо издательства, в котором срок представления рукописи урезывался более чем на два месяца. Рукописи должны были поступить в издательство в начале июля (по старому стилю). При этом максимально допустимый размер книги устанавливался в 2—3 листа вместо 5[62]. М. Н. Покровский на этот раз не возражал относительно срока и, по сути дела, согласился с сокращением объема рукописи. Он лишь оговаривал необходимость оплатить полностью на-

---

[53] Архив А. М. Горького, КГ-уч, 9—22—3, л. 1; ЦПА ИМЛ, ф. 142, оп. 1, ед. хр. 572, л. 6.

[54] Архив А. М. Горького. ПГ-рл. 31—5—8, л. 1. См. письмо от 2 (15) апреля 1916 г. (получено М. Н. Покровским 19 мая 1916 г.).

[55] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 1, ед. хр. 1718, лл. 13—14; ф. 142, ед. хр. 572, л. 6.

[56] «Предложение Покровского, конечно, принять... Пусть Покровский *официально* ответит *мне* и Вам, что условия *приняты* (N. B. пришлите его старые письма о размере и прочем); о сроке же *помолчит пусть* (к V или VI, авось, успею)»,— писал В. И. Ленин (В. И. Ленин. ПСС. Т. 49, стр. 207—208). Соответствующий ответ и был получен М. Н. Покровским (ЦПА ИМЛ, ф. 147, оп. 1, ед. хр. 61, л. 41)

[57] ЦПА ИМЛ, ф. 147, оп. 1, ед. хр. 41887, л. 4. Письмо М. Н. Покровскому от 19 апреля (2 мая) 1916 года.

[58] См. В. И. Ленин. ПСС. Т. 49, стр. 225—236.

[59] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 1, ед. хр. 1718, л. 16.

[60] «Вопросы истории КПСС», 1958, № 4, стр. 31.

[61] В. И. Ленин. ПСС. Т. 49, стр. 245.

[62] ЦПА ИМЛ, ф. 147, оп. 1, ед. хр. 41887, л. 4.

писанные брошюры, а для печати-де «авторы, вероятно, не откажутся их, елико возможно, сжать» [63]. Об этом он и уведомлял В. И. Ленина [64].

Таким образом, в период завершения работы над рукописью, когда уже был отработан ее детальный план и бóльшая часть книги оказалась написанной, у В. И. Ленина потребовали ее коренной переделки (иначе не было возможности сократить рукопись в 1,5 раза), да еще ускоренного завершения. В. И. Ленин счел, по-видимому, лучшим, не вступая в переписку по этому поводу, скорее завершить книгу по задуманному плану. К концу июня она была закончена, переписана в нескольких экземплярах и 2 июля 1916 г. отослана во Францию М. Н. Покровскому. Одновременно В. И. Ленин пишет М. Н. Покровскому о невозможности сократить текст книги еще раз до 3 листов. «Ужасно обидно будет, если не издадут! Нельзя ли хоть ходатайствовать тогда о помещении в журнале того же издателя?» В. И. Ленин очень просил сохранить примечания к работе. Он предлагал возможные варианты псевдонима автора, заглавия книги применительно к требованиям цензуры [65].

Итак, работа над рукописью была завершена, но на пути ее превращения в книгу встали новые преграды. Началось с того, что рукопись до М. Н. Покровского не дошла. В. И. Ленин был очень этим обеспокоен и писал об этом М. Н. Покровскому [66]. Прошло более трех недель, а ответа все не было [67]. Лишь в начале августа пришло известие из Парижа о том, что рукопись пропала: она была задержана военной цензурой [68]. Пришлось отправлять новый экземпляр, но на этот раз нелегально в переплетах двух французских книг [69].

Рукопись В. И. Ленина из Флюмса, где он в это время жил, должна была быть отправлена в Берн, а оттуда — друзьям в Женеву. А те должны были переправить ее в Париж [70]. К 10 августа вдруг выяснилось, что адрес в Париже неверен. Тогда Н. К. Крупская срочно сообщает в Женеву новый адрес для пересылки рукописи и просит отправить ее не заказной, а простой почтой, чтобы не обращать на бандероль особого внимания [71]. Прошла неделя, но ответа из Женевы не было, снова беспокойство, дошла ли рукопись [72]. Но на этот раз она дошла, и уже в двадцатых числах августа началось движение ленинской рукописи через редакционно-издательские каналы [73].

Как известно, при издании книга В. И. Ленина об империализме подверглась существенной правке [74]. В связи с этим представляется необходимым остановиться на отношении к ленинскому труду со стороны М. Н. Покровского и А. М. Горького.

В последние годы были сделаны необходимые шаги для восстанов-

---

[63] Там же, ф. 17, оп. 1, ед. хр. 1718, л. 17.

[64] О том, что к середине мая в позиции издательства наметились изменения (речь шла уже об объеме в 4—5 листов. Там же, ф. 147, оп. 1, ед. хр. 41 887, л. 6) М. Н. Покровский, естественно, сообщить В. И. Ленину еще не мог.

[65] В. И. Ленин. ПСС. Т. 49, стр. 256—259.

[66] См. там же, стр. 262—263, 264.

[67] См. там же, стр. 266, 272.

[68] См. там же, стр. 274; ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 1, ед. хр. 1718, л. 23. Официальное подтверждение этого В. И. Ленин получил много месяцев спустя (см. В. И. Ленин. ПСС. Т. 49, стр. 360).

[69] См. В. И. Ленин ПСС. Т. 49, стр. 274, 538. Примечание 356.

[70] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 1, ед. хр. 1861, л. 1.

[71] Там же, ед. хр. 1863, л. 1.

[72] См. В. И. Ленин. ПСС. Т. 49, стр. 279—280.

[73] ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 5, ед. хр. 692, л. 1. 31 августа 1916 г. В. И. Ленин писал М. Н. Покровскому: «На предложения Ваши согласен. Ужасно угнетен только мыслью об урезании конца» (В. И. Ленин. ПСС. Т. 49, стр. 285). Это свидетельствует, по-видимому, о том, что М. Н. Покровский уже читал ленинскую рукопись и направил ему предложения по ее сокращению.

[74] Впоследствии после Октябрьской революции вычеркнутые и «исправленные» места книги были восстановлены по рукописи.

ления доброго имени одного из крупнейших историков-марксистов, видного деятеля Коммунистической партии и Советского государства М. Н. Покровского. При этом отмечалось, что «Покровского облыжно обвиняли в том, что он якобы виноват в исключении ленинской критики Каутского»[75]. Однако в дальнейшем появились по этому вопросу неточные, на наш взгляд, формулировки, фактически снимающие с М. Н. Покровского всякую ответственность за исключение из ленинской книги критики взглядов К. Каутского[76]. Отдельные авторы пытаются доказать, что М. Н. Покровский вообще занимался только пересылкой ленинской рукописи в Петроград[77]. Утверждается, что к редактированию «Империализма» М. Н. Покровского привлек сам В. И. Ленин[78].

Говоря об исключении из книги В. И. Ленина ряда важных моментов, касающихся критики Каутского, Мартова, Спектатора (а вычеркивались целые куски), было бы неверно, разумеется, забывать о редакции «Паруса», с которой приходилось считаться и М. Н. Покровскому, отстаивавшему для авторов право писать «научно, но не беспристрастно»[79]. По поводу другой из серии намечавшихся брошюр А. Н. Тихонов, представитель издательства, писал ему: «Вторая половина представляет скрытую и явную полемику против «оппортунистов». Задача почтенная, но не в брошюре, претендующей на объективность и всестороннее освещение фактов»[80]. Имеется также свидетельство, полученное помимо М. Н. Покровского, что ленинская критика К. Каутского не устраивала издателей. А. И. Елизарова сообщала В. И. Ленину 13 (26) ноября 1916 г.: «Рукопись об империализме получена. Хотели снестись с автором по поводу полемических глав и некоторой брани Каутского»[81].

Не следует также считать, что М. Н. Покровский специально взял на себя задачу «цензуры» книги В. И. Ленина. Ведь в самом начале работы над изданием он писал: «Мне собираются платить редакторский гонорар, что меня несколько смущает, ибо Вл. И., например, я не собираюсь, разумеется, фактически редактировать»[82]. В дальнейшем, после исчезновения рукописи, он советовал В. И. Ленину «второй экземпляр отправить прямо в Питер», то есть минуя его как редактора[83]. В письме к А. М. Горькому М. Н. Покровский, очевидно, настаивал на том, чтобы книга В. И. Ленина была издана целиком[84].

---

[75] О. Соколов. Об исторических взглядах М. Н. Покровского. «Коммунист», 1962, № 4, стр. 71.

[76] Утверждалось следующее: «М. Н. Покровскому приписывали ответственность за исключение из книги Ленина «Империализм, как высшая стадия капитализма» критики К. Каутского. В действительности, как показывает опубликованная переписка В. И. Ленина с М. Н. Покровским, такое обвинение возводилось без всяких оснований. Более того, В. И. Ленин считал, что без участия Михаила Николаевича издание было бы подготовлено значительно хуже» (О. Д. Соколов. Революционер, ученый, государственный деятель. «Вопросы истории КПСС», 1964, № 5, стр. 83). Нам представляется, что правильнее более позднее утверждение О. Д. Соколова: «Под давлением руководства издательства сокращения сделал М. Н. Покровский» (см. «В мире книг», 1965, № 3, стр. 5).

[77] С. М. Дубровский. Академик М. Н. Покровский и его роль в развитии советской исторической науки. «Вопросы истории», 1962, № 3, стр. 10, примечание.

[78] О. Д. Соколов. Революционер, ученый, государственный деятель, стр. 83. В действительности, как об этом говорилось выше, М. Н. Покровский был доверенным лицом издательства, организатором и редактором серии, просившим В. И. Ленина взять на себя написание брошюры.

[79] Архив А. М. Горького, КГ-уч. 9—22—7, л. 1.

[80] ЦПА ИМЛ, ф. 147, оп. 1, ед. хр. 41887, л. 7.

[81] «Пролетарская революция», 1930, № 7—8, стр. 195.

[82] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 1, ед. хр. 1718, л. 4.

[83] Там же, л. 23. Возможно, что дополнительный экземпляр был послан, минуя М. Н. Покровского, во всяком случае, А. И. Елизарова вспоминала: «Туда (в издательство «Парус».— *Р. Е.*) была передана мною увидевшая свет уже после революции книга В. И. «Империализм как новейший этап капитализма» («Пролетарская революция», 1930, № 7—8, стр. 180).

[84] ЦПА ИМЛ, ф. 75, оп. 1, ед. хр. 130, л. 1.

Однако при всем этом критика К. Каутского из книги В. И. Ленина была исключена при непосредственном участии М. Н. Покровского. Об этом свидетельствует письмо А. Н. Тихонова М. Н. Покровскому 20 октября (2 ноября) 1916 г: «Брошюру В. Ильина сдаем в набор немедленно, сократив те главы, которые Вы отметили (полемика с Каутским)»[85]. Да и сам М. Н. Покровский в письме к В. И. Ленину указывал, что «счел возможным» выкинуть критику К. Каутского[86]. При этом вряд ли можно предположить, что рукопись В. И. Ленина в течение сентября—октября проделала тройной путь между Покровским и «Парусом» и что по указанию издателей, ознакомившихся с рукописью, М. Н. Покровский отметил для сокращения критику Каутского. Это было бы невозможно по времени[87].

Видимо, М. Н. Покровский, исходя из требования редакции о сокращении книги и настоятельных просьб В. И. Ленина отстоять ее размер, отметил в рукописи то, что, по его мнению, могло бы быть сокращено при необходимости[88]. В пользу такого предположения свидетельствует, нам кажется, и письмо В. И. Ленина М. Н. Покровскому от 21 декабря 1916 г.: «Вы «сочли возможным» выкинуть критику Каутского из моей брошюры... Грустно! Ей-ей, грустно. Зачем? Не лучше ли попросить издателей: напечатайте, господа милые, прямиком: *мы*, издательство, удалили критику Каутского. Право, так бы надо сделать... Я, конечно, вынужден подчиниться издателю, но пускай издатель не боится сказать, чего он хочет и чего он не хочет; пускай издатель отвечает за сокращения, а не я. Вы пишете «не вздуете»?, т. е. я Вас за согласие выкинуть сию критику?? Увы, увы, мы живем в слишком цивилизованном веке, чтобы так просто решать дела... Шутки в сторону, а грустно, черт побери... Ну, я в другом месте посчитаюсь с Каутским»[89]. Это письмо непосредственно связано, по-видимому, с сообщением А. Н. Тихонова о сокращении в ленинской рукописи полемики с К. Каутским. Вероятно, в первой половине декабря 1916 г. М. Н. Покровский получил письмо А. Н. Тихонова и тогда же — датированное пятью днями позже — письмо А. М. Горького с сообщением, что книгу В. И. Ленина сдали в типографию, а автору высылают гонорар[90]. Об этом М. Н. Покровский, наверное, сообщил В. И. Ленину 14 декабря открыткой, на которую В. И. Ленин ответил М. Н. Покровскому цитированным письмом.

Не случаен и отбор наиболее значительных мест, отмеченных в рукописи В. И. Ленина М. Н. Покровским. Ведь он, по его собственному признанию, находясь под влиянием Гильфердинга, отрицал в 1915 г. в полной мере империалистический характер войны, а прочтя ленинскую рукопись об империализме, не понял, что после работы В. И. Ленина соответствующую часть работы Р. Гильфердинга «надо было убрать

---

[85] Там же, ф. 147, оп. 1, ед. хр. 41887, л. 7.

[86] Ср. ответ В. И. Ленина М. Н. Покровскому: В. И. Ленин. ПСС. Т. 49, стр. 344.

[87] Ленинская рукопись была отправлена Покровским в издательство, вероятно, в начале сентября 1916 г. и получена в начале — середине октября. До 12 октября она была прочтена А. М. Горьким (ЦПА ИМЛ, ф. 75, оп. 1, ед. хр. 130, л. 1), а к 23 сентября брошюр, пригодных для издания, в издательстве, как считал А. М. Горький, не было (там же, ед. хр. 129, л. 1). Пересылка рукописи в Петроград должна была занять более месяца.

[88] Такой путь в отношении другой брошюры был ему предложен ее автором: отметить издателю красным карандашом, а он пусть решает, выкидывать ли (там же, ф. 147, оп. 1, ед. хр. 61, л. 36). Выдвигаемое нами объяснение представляется более вероятным, чем воспоминания М. Н. Покровского («Воспоминания о В. И. Ленине». Ч. III. М. 1960, стр. 134—135) о том, что издательство исключило критику Каутского, которая содержалась в примечании № 101 к ленинской книге (сокращения ведь не ограничивались этим местом книги). О примечании О. Д. Соколова к воспоминаниям и его комментарии письма А. Н. Тихонова от 20 октября (2 ноября) 1916 г. («В мире книг», 1965, № 3, стр. 5) см. выше.

[89] В. И. Ленин. ПСС. Т. 49, стр. 344.

[90] ЦПА ИМЛ, ф. 75, оп. 1, ед. хр. 131, л. 1. Получено 12 декабря 1916 года.

в архив»...[91]. Летом 1915 г. В. И. Ленин критиковал взгляды М. Н. Покровского о «не необходимости» империализма [92]. О терпимости М. Н. Покровского к позиции Мартова, критика которого «исчезла» из ленинской книги, свидетельствует, между прочим, выдвигавшийся им план привлечь Мартова в качестве одного из авторов брошюр серии «Европа до и во время войны». Исходя из всего этого, ясно, что дело было не только в издателях «Паруса». Но и вопрос об издателях нуждается в уточнении, ибо позиция А. М. Горького была особой. Ведь А. М. Горький после прочтения «Империализма» не требовал сокращений и очень высоко оценивал книгу и ее автора. «Да, брошюра Ильинского действительно превосходна, и я вполне согласен с Вами: издать ее необходимо целиком, но — вне серии... Какой прекрасный работник Ильинский, какая это умница, как нужен этот чудесный человек здесь, дома!» — писал он М. Н. Покровскому [93]. Такая оценка тем более показательна, что А. М. Горький очень требовательно относился к другим рукописям серии. Так, он остался недоволен брошюрой А. В. Луначарского об Италии, вернул М. Н. Покровскому брошюру Г. Зиновьева об Австро-Венгрии. А. М. Горький считал необходимым для серии четко выраженную направленность, служение определенным задачам: «...Дело общественного воспитания масс ныне постепенно переходит в руки интеллигенции, созданной этими массами, социально однородной с ними, и вот именно для этой интеллигенции нужна книга»,— писал он. Он считал, что эта интеллигенция «вполне способна сделать свои выводы и нуждается лишь в хорошем подборе фактов, творимых историческими силами современности» [94]. Такая позиция, мы думаем, перекликается с мыслями В. И. Ленина, который, отстаивая сохранение примечаний к «Империализму», писал М. Н. Покровскому: «...Они важны (особенно № 101), да и литературу *надо* указать, ибо в России и студент читает и тому подобная публика» [95]. В общем, дело, очевидно, прежде всего не в А. М. Горьком, тем более что он читал рукопись с отметками М. Н. Покровского по сокращению [96].

Если исходить из всей совокупности фактов, то будут понятны и критика В. И. Лениным М. Н. Покровского в письме от 21 декабря 1916 г. и более поздние слова в его адрес: «Очень Вам благодарен за хлопоты о спасении моей брошюры. Ей-ей, Вы напрасно думаете, что я Вас сколько-нибудь обвиняю. Ничего подобного! Я уверен, что без Вашего вмешательства было бы гораздо хуже, ибо издатель, очевидно, слушается «случайных» советов из обывательского лагеря... Хорошо и то, что Вам удалось все же отстоять известную (и очень большую) долю» [97]. Тем более, что слова эти были ответом на открытку, рассказывавшую о хлопотах М. Н. Покровского по спасению «Империализма», а источником информации были почти исключительно сообщения М. Н. Покровского.

После того как рукопись ушла в издательство, В. И. Ленин не прекратил работу над ней. Он посылает оставшиеся у него экземпляры товарищам, чтобы услышать их мнение, использует материалы «Империализма» в дальнейшей своей работе [98].

Подцензурные условия, чрезвычайная ограниченность объема ис-

---

[91] «Под знаменем марксизма», 1924, № 12, стр. 256.
[92] ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 5, ед. хр. 596, л. 1.
[93] Там же, ф. 75, оп. 1, ед. хр. 130, л. 1.
[94] Там же, ед. хр. 128, л. 1. Письмо А. М. Горького М. Н. Покровскому от 1 (14) сентября 1916 года.
[95] В. И. Ленин. ПСС. Т. 49, стр. 276. Примечание № 101 содержало критику взглядов Каутского.
[96] См. также В. И. Ленин. Соч. Т. XIX, стр. 461.
[97] В. И. Ленин. ПСС. Т. 49, стр. 351.
[98] Там же, стр. 284, 296, 311.

кусственно сузили для В. И. Ленина возможности высказать все свои мысли по теории империализма. Места, посвященные политическим вопросам, приходилось формулировать намеками, эзоповским языком. В апреле 1917 г. В. И. Ленин писал в предисловии к «Империализму»: «Тяжело перечитывать теперь, в дни свободы, эти искаженные мыслью о царской цензуре, сдавленные, сжатые в железные тиски места брошюры. О том, что империализм есть канун социалистической революции, о том, что социал-шовинизм... есть полная измена социализму, полный переход на сторону буржуазии, что этот раскол рабочего движения стоит в связи с объективными условиями империализма и т. п.— мне приходилось говорить «рабьим» языком»[99]. Но и в таких условиях, будучи вынужден строжайше ограничить себя теоретическим, экономическим анализом, В. И. Ленин блестяще решил задачу, стоявшую перед международным рабочим движением. Его книга воплотила в себе основы теории империализма, явилась творческим продолжением Марксова исследования, данного в «Капитале». Вместе с тем В. И. Ленин при создании «Империализма» показал пример необходимости и возможности выступать с развитием революционной теории даже в условиях разгула реакции, отсутствия легальности. Ряд революционных положений, которые не могли быть высказаны в подцензурном «Империализме», развиты В. И. Лениным в статье «Империализм и раскол социализма» и других бесцензурных изданиях.

Книга «Империализм, как высшая стадия капитализма» была подготовлена к изданию весной 1917 г., но увидела свет только в сентябре. Очевидно, напуганное антибольшевистской кампанией Временного правительства, травлей В. И. Ленина издательство «Парус» затягивало издание труда[100]. По выходе в свет книга сразу же вызвала большой интерес, и ее первоначальный тираж был утроен. Началась долгая и славная жизнь замечательного произведения В. И. Ленина.

---

[99] В. И. Ленин. ПСС. Т. 27, стр. 301.
[100] М. Е. Хейфец. Находка в архиве «Паруса». «Огонек», 1963, стр. 9.

ЛИТОВСКАЯ ЭМИГРАНТСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ОБ УСТАНОВЛЕНИИ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ В ЛИТВЕ в 1918—1919 годах

Академик АН Литовской ССР Ю. Й. Жюгжда, Г. А. Шаджюс

Борьба с буржуазной идеологией, с реакционной буржуазной историографией, и в частности с буржуазно-националистическими концепциями, является установившейся традицией литовской советской исторической науки[1]. Находящиеся в эмиграции литовские буржуазные националисты служат империалистам. Их реакционные эмигрантские организации активно включаются в работу пропагандистского аппарата империалистических правительств, фальсифицируют советскую действительность, прилагают все усилия к тому, чтобы зарубежные литовцы не узнали правды о Советской Литве[2]. Свои подлинные цели буржуазные националисты в эмиграции прикрывают лозунгами о «свободе» и «литовской независимости».

Актуальность борьбы с эмигрантским буржуазным национализмом особенно возросла в связи с тем, что в США в конце 1967 г. был создан совет представителей националистических организаций («Совет американских литовцев», «Мировое сообщество литовцев», «Верховный комитет освобождения Литвы»), основная функция которых заключается в «активизации литовской информации чужестранцам в связи с 50-летием восстановления независимости Литвы»[3] (16 февраля 1918 г. литовская буржуазия в условиях сотрудничества с немецкими оккупантами приняла так называемый «Акт независимости Литвы». Буржуазные националисты решили 1968 год назвать «годом борьбы за свободу Литвы» и как можно шире информировать «свободный мир о литовских делах». Это значит, что литовские националистические организации в эмиграции изыскивают новые пути, методы и формы распространения антисоветской пропаганды, направленной против Советской Литвы, против строящего новую жизнь литовского народа[4]. В частности, буржуазные националисты в эмиграции, особенно в прошлом году, в своей печати уделяли

---

[1] Ю. Жюгжда. Фальсификаторы истории литовского народа в литовской буржуазно-националистической историографии. «Коммунистас». Вильнюс. 1946. № 2—3; Ю. Юргинис. Фальсификаторы истории литовского народа. «Советская Прибалтика в братской семье народов СССР». Т. 4. Рига. 1960.

[2] В настоящее время за границей живет около 1 млн. литовцев, в том числе около 100 тыс. эмигрантов, уехавших за границу во время второй мировой войны и сконцентрировавшихся в основном в США. Литовская реакционная эмиграция за рубежом, прежде всего в США, создала свыше 20 националистических центров и организаций, которые ведут подрывную деятельность против Советского Союза и Советской Литвы; издается около 30 реакционных газет и журналов.

[3] «Dirva», 2.X.1967. Cleveland, JAV (США).

[4] В этом они находят поддержку со стороны американских империалистов. Так, 6.XII.1967 г. верхушка реакционной литовской эмиграции совместно с «литовскими дипломатами» была принята вице-президентом США Г. Хемфри, который заявил о «твердости» политики правительства США по так называемому «балтийскому вопросу» («Draugas» 8.XII. 1967. Chicago, JAV).

много внимания фальсификации истории литовского народа в 1918—1919 гг., всячески превознося «акт независимости». Одновременно прилагаются усилия, чтобы умалить значение революционных событий 1918—1919 гг. в Литве и представить их в искаженном виде. В данной статье авторы пытаются дать сжатый обзор реакционной буржуазной эмигрантской литовской националистической литературы, посвященной этому периоду истории литовского народа, показать фальсификаторский характер некоторых буржуазно-националистических концепций, которые имеют хождение в эмигрантской историографии и публицистике.

Развитие под влиянием Великой Октябрьской социалистической революции революционного движения в Литве, борьба трудящихся за установление Советской власти, деятельность Литовской Советской Социалистической Республики в 1918—1919 гг.— эти проблемы уже в годы господства буржуазии в Литве были объектами фальсификации литовских буржуазных историков. Примерно с 1930 г. в официальной историографии появилась тенденция вообще не писать о Великом Октябре и пролетарской революции в Литве. С этого времени буржуазные историки сознательно не касались вопроса об участии трудящихся Литвы в революционном движении. В учебниках и обобщающих курсах по истории Литвы А. Алекны, П. Пенкаускаса, В. Сруогене-Даугирдайте, А. Шапоки[5] вообще обходится молчанием факт установления в 1918—1919 гг. Советской власти в Литве. Схемы исторического развития Литвы, разработанные в период буржуазной республики до начала 30-х годов, использовали и авторы выпущенных в эмиграции нескольких изданий обобщающих курсов и школьных учебников[6]. Вместе с тем литовские эмигранты опубликовали большое количество специальных работ по истории Литвы. Их авторы враждебно относятся к советскому строю и социалистической Литве. Значительную часть этой литературы составляют мемуары и публицистика бывших военных и политических деятелей буржуазной Литвы[7], немалая часть ее выпущена на немецком и английском языках[8]. Буржуазные националисты — историки и публицисты — стараются в своих трудах представить свою деятельность в годы господства буржуазии как услугу литовскому народу, раздувают роль отдельных буржуазных деятелей. В то же время активная деятельность трудящихся масс Литвы, их участие в революционной борьбе, деятель-

---

[5] A. Alekna. Lietuvos istorija. Kaunas, 1931; P. Penkauskas. Lietuvos istorija. Kaunas, 1934; V. Sruogienė-Daugirdaitė. Lietuvos istorija. Kaunas, 1935; Lietuvos istorija. Red. A. Šapoka. Kaunas. 1936.

[6] Lietuvos istorija. Red. A. Šapoka. 3 leid. Felbach, 1950 ir 4 leid., JAV, 1960; V. Daugirdaitė-Sruogienė. Lietuvos istorija penktoji laida. Chicago. 1954; idem. Lietuvos istorija. Lietuva amžių sukūry. Chicago. 1956 (далее — Lietuva amžių...); A. Bendorius. Lietuva. Chicago. 1952.

[7] J. Cicėnas. Vilnius tarp audrų. Chicago. 1953; J. Petruitis. Laisvę ginant JAV, 1952; K. Škirpa, J. Audėnas ir kt. M. Sleževičius. Straipsnių rinkinys. Chicago. 1954; St. Raštikis. Kovose dėl Lietuvos. Kario atsiminimai, I—II d. Los Angelos, 1957, 1959; K. Žukas Žvilgsnis į praeiti. Chicago. 1959; Z. Ivinskis. Herojiški momentai Lietuvos istorijoje, «į Laisve». Illinois. Nr. 23(60). 1960 (далее — Herojiški momentai...); R. Skipitis. Nepriklausomą Lietuvą statant. Chicago. 1961; N. Sūduvis. Vienų vieni. Dvidešimt penkerių metų rezistencijoje. Chicago. 1964 (далее — Vienų vieni...); A. Merkelis. A. Smetona. N. Y. 1964.

[8] C. Jurgela. History of the Lithuanian Nation. N. Y. 1948; A. E. Senn. The Emergence of Modern Lithuania. Columbia U. Press. N. Y. 1959; idem Die bolschewistische Politik in Litauen. 1917—1919. «Forschungen zu Osteuropaischen Geschichte». V. 1957; (далее — Die bolschevistische Politik...); idem. The Sovietization of the Baltic States. «Annals of the American Academy of Political and Social Science». Philadelphia. 1958; A. Tarulis. Soviet Policy Tovard the Baltic States. 1918—1940. University of Notre Dame Press Indiana. 1959; idem. American-Baltic Relation 1918—1922. The Struggle Over Recognition. Washington. 1965. (далее — American-Baltic...); idem A Heavy Population loss in Lithuania. «Journal of Central European Affairs». XXI. Nr. 4, 1962; L. Valiukas. Lithuania land of Heroes. Los Angeles. 1962; V. Vardys. (Ed.). Lithuania under the Soviets. N. Y. 1965.

ность литовских большевиков обходится молчанием, умаляется ее значение, или же она освещается искаженно.

Что касается истории Литвы 1918—1919 гг., то авторы работ, в том или ином аспекте затрагивающих эту тему, пытаются доказать, что пролетарская революция в Литве была явлением случайным и чисто русским, что это было отклонением от начавшегося во второй половине XIX в. прогрессивного развития литовского народа. Извращению подвергаются социальная и политическая сущность Советской власти и деятельность Коммунистической партии Литвы в 1918—1919 годах.

Свой интерес к истории Литвы эмигранты — историки и публицисты объясняют тем, что будто бы объективно писать историю Литвы могут лишь литовцы, живущие в «свободном» мире[9]. В своих «исследованиях» эти авторы используют в основном мемуарную литературу, полностью игнорируя работы литовских советских историков. Одному из лидеров литовской эмигрантской националистической историографии, З. Ивинскису, не нравится концепция[10], содержащаяся в III томе «Документов и материалов по истории Литвы», в котором освещается борьба литовского народа за Советскую власть и строительство новой жизни в Литовской ССР в 1918—1919 годах. Такая реакция З. Ивинскиса понятна: ведь в томе приведены достоверные документы, которые доказывают необоснованность и ложность концепций этого буржуазного автора и его единомышленников, а также свидетельствуют о предательстве верхушки литовской буржуазии в эти годы. Именно это и раздражает эмигрантских националистических авторов, которые распространяют всяческие клеветнические домыслы в своих статьях историографического характера[11].

Литовские советские историки уделяли и уделяют много внимания освещению событий 1918—1919 гг. в Литве. Активные деятели Коммунистической партии Литвы, организаторы КП Литвы В. Мицкявичюс-Капсукас и З. Алекса-Ангаретис, которых можно назвать и основоположниками литовской советской исторической науки, в своих обобщающих работах проанализировали развитие капитализма и рост рабочего движения накануне Великой Октябрьской социалистической революции, показали предпосылки пролетарской революции 1918—1919 гг. в Литве, ход этой революции и причины ее временного поражения[12]. В ряде работ[13], освещающих события 1918—1919 гг. в Литве, показано всемирно-историческое значение Великой Октябрьской социалистической революции, ее влияние на общественно-политическую жизнь литовского народа, приведено много исторических документов, рассказывающих о борьбе трудящихся против царизма, кайзеровских оккупантов и литовских буржуазных националистов, о борьбе за Советскую власть. От-

---

[9] Mažoji Lietuva. N. Y. 1958, p. 5.

[10] Z. Ivinskis. Herojiški momentai... p. 7.

[11] Z. Ivinskis. Lietuvos ir kitų baltų valstybių praeitis Sovietų interpretacijoje. «Europos lietuvis». Nr. 12. 1957; V. Bagdanavičius. Sovietinė Lietuvos istoriografija «Tautos praeitis», t. I, knyga I, 1959, p. 3—24; V. Trumpa. Lietuvos (TSR) istorikų darbai. «Aidai». Nr. 6, 1960, p. 258—263.

[12] V. Kapsukas. Pirmoji Lietuvos proletarinė revoliusija ir Tarybų valdžia. V., 1958; Z. Angarietis. LKP įsikūrimas ir proletarinė revoliucija Lietuvoje. V. 1960.

[13] Lietuvos TSR istorija. T. 3. 1965; Lietuvos Komunistų partijos istorijos apybraiža. «Komunistas». Nr. 11, 12. V. 1967; Борьба за Советскую власть в Прибалтике. М. 1967, стр. 457—536; J. Žiugžda. Lietuvių tautos kova dėl Tarybų valdžios 1918—1919 metais. V. 1948; to paties. Lietuvių ir rusų tautų santykiai istorijos vystymosi eigoje. K. 1964; R. Šarmaitis. Lietuvos Komunistų partijos kova dėl lietuvių tautos laisvės ir nepriklausomybės. V. 1947; to paties. Lietuvos Komunistų partijos pirmojo suvažiavimo sušaukimo istorijos klausimu. V. 1954; to paties. Amerikos — Anglijos imperialistų intervencija Lietuvoje 1918—1920 m. V. 1955; J. Jurginis. Vilnius-Tarybų. Lietuvos centras Lietuvoje 1918—1919 metais. V. 1958; J. Aničas. S. Noreikienė, Lietuvos reikalų komisariato veikla 1917—1918 m. V. 1958; K. Navickas. TSRS vaidmuo ginant Lietuva nuo imperialistinės agresijos 1920—1940 metais. V. 1966; А. Андреев. Борьба литовского народа за Советскую власть (1918—1919 гг.). М. 1954.

дельно следует отметить монографию Б. Ю. Вайткявичюса [14], в которой дана всесторонняя и обобщающая оценка исторических событий 1918—1919 гг. в Литве. Этой же теме посвящены сборники статей [15], публикации документов [16], мемуары. Все они убедительно разоблачают лживые концепции буржуазно-националистической историографии.

Вопреки фактам буржуазные националисты утверждают, будто социалистическая революция в Литве в 1918—1919 гг. была осуществлена против воли и желания литовского народа и не вследствие закономерного общественного развития Литвы, а в результате экспорта революции из России и что она была проведена в основном русскими. Наиболее полно эта точка зрения отражена в работах двух авторов: А. Сенна «Возникновение современной Литвы» [17] (автор имеет в виду буржуазную Литву) и А. Тарулиса «Политика Советского Союза в отношении прибалтийских государств в 1918—1940 гг.» [18]. Примыкает к ним и ярый националист, бывший личный секретарь фашистского диктатора Литвы А. Сметоны — А. Меркелис, который утверждает, что Советская власть в Литве в 1918—1919 гг. «не получила никакой поддержки со стороны населения» [19]. О мнимом отсутствии условий для социалистической революции в Литве пишут В. Даугирдайте-Сруогене [20] и К. Юргела [21], доказывая «непопулярность» Советов депутатов трудящихся, революционных комитетов и других органов Советской власти, извращая при этом факты их деятельности на местах [22]. На такой же оценке событий сходятся эмигрантские деятели и Ю. Паяуис и И. Циценас [23]. Они ставят перед собой единую задачу — в наиболее искаженном виде представить этот период революционной борьбы литовского народа, затушевать роль

---

[14] B. Vaitkevičius. Socialistinė revoliucija Lietuvoje 1918—1919 metais. V. 1967.

[15] 40 metų. V. 1958; Už spcialistinę Lietuva. V. 1960; Spalio revoliucijos keliu. V. 1967; Spalio revoliucija ir visuomeniniai mokslai Lietuvoje. V. 1967; Revoliucinis judėjimas Lietuvogje. V. 1957; Proletarinė revoliucija Lietuvoje. V. 1960; 40 лет пролетарской революции в Литве. В. 1959; Вопросы истории Коммунистической партии Литвы. В. 1961; Lietuvos istorijos šaltiniai. T. III. V. 1958; Lietuvos Komunistų partijos atsišaukimai. T. I. V. 1962;

[16] «Борьба за Советскую власть в Литве в 1918—1920 гг.». В. 1967.

[17] Alfred Erich Senn. The Emergence of Modern Lithuania (далее — The Emergence...). Претендуя на объективное освещение этого периода в истории литовского народа, А. Сенн опирается на материалы, взятые из ряда американских и европейских библиотек, государственных архивов. Использовано немало и неопубликованных рукописей (архив И. Шаулиса в Пенсильванском университете. переписка буржуазных дипломатов Литвы и др.). Однако А. Сенн, давая оценку важнейшим событиям того периода, по существу, повторяет утверждения других буржуазно-националистических историков.

[18] Albert N. Tarulis. Soviet Policy Tovard the Baltic States 1918—1940 (далее — Soviet Policy...). В 1959 г. Нотрдамский университет в США в серии своих международных исследований издал книгу А. Тарулиса, ставшего историком уже в Америке. Автор, некоторое время работавший профессором в технологическом институте Питсбурга, организованном на средства фонда Карнеги, впоследствии перешел работать в библиотеку Конгресса в Вашингтоне. Книга написана на основе хранящихся в библиотеке Конгресса материалов, в ней также широко использованы материалы так называемого Керстенского комитета, опубликованные в 1954 г. Конгрессом США (в 1953 г. Конгресс США учредил так называемый Керстенский комитет «по изучению агрессии коммунистов». Этому комитету было поручено «изучить» включение прибалтийских республик в состав СССР. Результатом деятельности этого комитета явились сборники документов и материалов, «Report of the Select Committee to Inverstigate Communist Aggression and the Forced Incorporation of the Baltic States into U.S.S.R. 1954»). Введение к книге написал профессор Фордгамского университета О. Халецкий, один из «знатоков» восточноевропейской истории в США, автор многих работ по этим вопросам.

[19] A. Merkelis. Op. cit., p. 226.

[20] V. Daugirdaitė-Sruogienė. Lietuva amžių... p. 883—892.

[21] C. Jurgela. Op. cit., p. 513.

[22] J. Švaistys. Rokišky susitinku su komunistais. «Lietuvių dienos». Los Angeles. Nr. 2, 1962, p. 16.

[23] J. Cicėnas. Op. cit., p. 38; J. Pajaujis. Dėltautos ir laisves. «Varpas». Nr. 4, N. Y. 1953, p. 12.

широких трудящихся масс Литвы в революционном движении и умолчать о подъеме революционного движения в Литве в 1918—1919 годах.

Как же в действительности развивались в Литве события 1918—1919 годов? Литовские советские историки, опираясь на многочисленные источники и документы того времени, аргументированно доказывают[24], что назревание и развитие революционной ситуации в Литве в 1918 г. явилось закономерным процессом, порожденным объективно сложившимися условиями, ходом развития капиталистической системы, обострением внутренних антагонистических противоречий.

Огромное влияние на развитие революционной ситуации, на весь ход пролетарской революции в Литве оказала Великая Октябрьская социалистическая революция, явившаяся переломным моментом в истории литовского народа. В распространении идей Великого Октября большую роль сыграли возвратившиеся в Литву после Брестского мира (март 1918 г.) рабочие и трудящиеся крестьяне, эвакуированные в Россию в годы первой мировой войны. Значительную их часть составляли коммунисты или непосредственные участники революции. Все это, естественно, способствовало развитию и подъему революционного движения литовского народа. Летом и осенью 1918 г. в Литве стали создаваться коммунистические ячейки, партийные организации. I съезд Коммунистической партии Литвы в октябре 1918 г., учитывая создавшееся положение, в резолюции по текущему моменту указал, что «экономические условия, порожденные этой войной, обострение классовых противоречий настоятельно требуют от пролетариата нанести последний удар по буржуазно-капиталистическому строю и взять политическую власть в свои руки, завершить войну всеобщим миром и начать строить новую жизнь на социалистических началах»[25].

События показали, что трудящиеся массы Литвы полностью поддерживали выдвигаемые Коммунистической партией Литвы задачи. В конце 1918 г. в Литве сложилась революционная ситуация. На дальнейшее развитие освободительного движения значительное воздействие оказывали как социально-политические условия внутри Литвы, так и определенные события вне ее. 9 ноября 1918 г. в Германии произошла буржуазно-демократическая революция, а 13 ноября Советское правительство аннулировало навязанный империалистической Германией Брестский мир. В результате Советская Россия получила возможность оказать оккупированным немцами прибалтийским народам политическую и военную помощь в борьбе за их социальное и национальное освобождение. Таким образом, создались благоприятные внешние условия для борьбы литовского народа против оккупантов и буржуазии. Однако решающее значение для успеха в этой борьбе имела внутренняя обстановка. С созданием Коммунистической партии Литвы, широким распространением коммунистических организаций борьба за установление рабоче-крестьянской власти, за Советскую власть стала главным направлением освободительного движения литовских народных масс. Оккупационный режим разлагался, начались революционные выступления рабочих и крестьян. Органы буржуазной власти в Литве не имели в стране реальной поддержки и поэтому искали помощи у империалистов Запада. Таким образом, в Литве назрел общенациональный кризис и создались все условия для начала социалистической революции.

Социалистическая революция 1918—1919 гг. в Литве, являясь составной частью Великой Октябрьской социалистической революции, имела свои особенности и трудности, так как по требованию Антанты даже

---

[24] Lietuvos TSR istorijos šaltiniai (далее — LIŠ); Борьба за Советскую власть в Литве; Lietuvos TSR istorija, p. 34; «Komunistas», Nr. 11; V. 1967, p. 81; 40 metų... p. 33 ir 63; B. Vaitkevičius. Op. cit., p. 311 и др.

[25] Lietuvos ir Baltarusijos Komunistų partijos Pirmojo suvažiavimo rezoliucijos. V. 1918, p. 6; B. Vaitkevičius. Op. cit., p. 302.

после Ноябрьской революции в Германии немецкие оккупационные войска оставались в Литве и были оплотом литовской буржуазии и созданного ею буржуазного государственного аппарата.

В декабре 1918 г. революционная ситуация в Литве переросла в социалистическую революцию. На местах создавались Советы рабочих депутатов, военно-революционные комитеты. В Вильнюсе 8 декабря 1918 г. было образовано Временное революционное рабоче-крестьянское правительство Литвы во главе с В. Капсукасом[26], 16 декабря оно обнародовало манифест об установлении Советской власти в Литве[27].

Желая доказать, что в 1918—1919 гг. в Литве отсутствовали закономерные объективные условия для социалистической революции, эмигрантские буржуазно-националистические историки ищут «причины», которыми можно было бы объяснить, почему все же социалистическая революция свершилась и Советская власть одержала победу на большей части территории Литвы. Так, вышеупомянутый А. Сенн, говоря о деятельности возглавляемого В. Капсукасом правительства, пишет: «Цель его создания — только расчистить путь для Красной Армии». Он утверждает, что якобы «русские большевики старались захватить власть в Литве путем прямой оккупации»[28]. Аналогичные утверждения содержатся и в другой работе А. Сенна, где он пишет, что установление Советской власти в Литве в конце 1918 г. будто бы было лишь тактическим маневром внешней политики Советской России[29]. Вымыслам о «посылке» воинских группировок в Прибалтику в целях осуществления социалистических революций много места уделено в книге А. Тарулиса, утверждающего, что уже в 1918—1919 гг. Советская Россия будто бы «посылала в Прибалтику свои воинские формирования»[30]. Ему вторит З. Ивинскис: «Когда красные в начале 1919 года заняли Вильнюс... их войска продвигались в глубь страны, стараясь расколоть ее пополам. До начала февраля 1919 года красные успели дойти до самого Тельшяя»[31]. А один из рецензентов книги Р. Скипитиса — ярого националистического деятеля в эмиграции, бывшего прокурора, министра внутренних дел в буржуазной Литве, так «поправляет» рецензируемое издание: «Автор в нескольких местах неточно называет красноармейцев, вторгшихся в Литву в 1919 году, «армией Капсукаса»... Ведь В. Капсукас не имел никакой армии — он был доставлен в Литву из Москвы на штыках иностранных войск»[32].

Попытки буржуазных реакционных историков и публицистов объяснять социалистические революции теорией «экспорта революции» еще в 1918 г. разоблачил В. И. Ленин: «Конечно, есть люди, которые думают, что революция может родиться в чужой стране по заказу, по соглашению. Эти люди либо безумцы, либо провокаторы»[33]. Провозглашение Советской власти в Литве непосредственно содействовало дальнейшему революционному подъему трудящихся и ускорило создание органов Советской власти на местах. В декабре 1918 г.— январе 1919 г. эти процессы охватили всю Литву — и те районы, которые были оккупированы германскими войсками, и те, откуда они вынуждены были уйти под нажимом революционной борьбы трудящихся. 15 декабря 1918 г. состоялось торжественное заседание Вильнюсского Совета рабочих депутатов, провозгласившее переход всей полноты власти в Вильнюсе в руки Совета рабочих депутатов[34]. Тот факт, что Советская власть в Вильнюсе,

---

[26] Revoliucinis judėjimas..., p. 664.
[27] Борьба за Советскую власть в Литве, стр. 49.
[28] A. Senn. The Emergence..., p. 65, 228.
[29] A. Senn. Die bolschewistische Politik..., p. 109.
[30] A. Tarulis. Soviet Policy..., p. 7.
[31] Z. Ivinskis. Herojiški momentai..., p. 22.
[32] Nepriklausomą Lietuvą statant. «Aidai». Nr. 10. Brooklyn, N.Y. 1961, p. 449.
[33] В. И. Ленин. ПСС. т. 36, стр. 457.
[34] LIS, p. 104—105; Борьба за Советскую власть в Литве, стр. 47—49.

как и во многих местах Литвы, была установлена волей литовского народа, когда там не было Красной Армии, вынужден признать и ярый враг Советской Литвы К. Шкирпа. Он пишет: «В самом Вильнюсе заседал Совет рабочих, возникший раньше»[35]. Лживость утверждений буржуазных авторов относительно экспорта революции опровергается фактом создания органов Советской власти в Вильнюсе и на всей территории Литвы еще в условиях немецкой оккупации, а также в тех районах, куда части Красной Армии вообще не вступали (Каунас и ряд местностей бывшей Сувалкской губернии).

21 декабря в Каунасе, во втором по величине городе Литвы, несмотря на наличие немецких оккупационных войск и создаваемых под их опекой органов буржуазной власти, Совет рабочих депутатов взял власть в свои руки. В конце декабря 1918 г. органы Советской власти — Советы депутатов рабочих или Революционные комитеты — были созданы в городах Шяуляе, Укмерге, Паневежисе, в январе — в Тельшяе и других городах[36]. Следует отметить, что органы Советской власти образовались и действовали в Каунасе, Вилкавишкисе, Калварии, Казлу-Руде, Пильвишкяе, Скуодасе, Кельме и других местностях на западе Литвы, находившихся под контролем немецких оккупационных войск и литовской буржуазии. Это вынужден признать и А. Сенн, говоря, что «коммунистическому правительству Литвы удалось добиться признания многих периферийных Советов»[37].

Таким образом, неопровержимые факты свидетельствуют о том, что установление Советской власти осуществлялось преобладающим большинством литовского народа. Основными движущими силами социалистической революции были городской и сельский пролетариат, беднейшее крестьянство. Это позволило Советской власти за сравнительно короткий срок (ноябрь 1918 — январь 1919 гг.) утвердиться на подавляющей части территории Литвы, несмотря на яростное сопротивление сил контрреволюции.

Буржуазно-националистические фальсификаторы в поисках «аргументов» для подкрепления своих вымыслов об экспорте революции утверждают, что большевистские организации в Литве состояли якобы только из русских и только русские распространяли революционные настроения среди местного населения. Они пишут, будто Коммунистическая партия Литвы с первых же дней выдвигала и защищала «русские» цели, «чуждые» литовскому народу. Так, эмигрант Б. Алмонтас заявляет, что деятельность Коммунистической партии якобы «не имела ничего общего с подлинными интересами Литвы»[38]. Подобным образом рассуждают А. Меркелис и А. Тарулис[39]. Враги Советской власти стремятся убедить читателей, что социалистическая революция в Литве была результатом большевистского заговора, что это был насильственный захват власти группой русских большевиков, навязывание своей воли трудящимся массам. Все это противоречит фактам.

В годы первой мировой войны в России жило около 300 тыс. жителей Литвы, многие из которых активно включились в борьбу большевистской партии против царизма и буржуазии. В ноябре 1916 г. в Петрограде была создана первая литовская большевистская организация[40], а в конце 1916 г. и в начале 1917 г. литовские большевистские организации появились в Москве, Воронеже, Ростове-на-Дону и в других городах России. С 12 апреля 1917 г. в Петрограде начала выходить первая газета

[35] K. Škirpa. Pakeliui su Mykolu Sleževičium, kn. M. Sleževičius, p. 223.
[36] Lietuvos TSR istorija, p. 53—54.
[37] A. Senn. The Emergence..., p. 65.
[38] B. Almontas. Viduriniosios lietuvių politinės srovės kelias. «Varpas». Nr. 1. N. Y. 1953, p. 15.
[39] A. Merkelis. Op. cit., p. 214; A. Tarulis. Soviet Policy..., p. 40.
[40] Очерки истории Коммунистической партии Литвы. «Комунистас». Вильнюс. 1967, № 9, стр. 87.

литовских большевиков—«Тиеса». 10 октября 1917 г. при ЦК РСДРП(б) было создано Центральное бюро литовских секций РСДРП(б) во главе с В. Капсукасом, З. Ангаретисом и Ю. Думшой[41]. В то время в рядах большевистской партии работали такие видные литовские большевики, как К. Пожела, В. Рекашюс, К. Римша, Ю. Опанскис. Победа Великого Октября была как бы первым этапом в борьбе литовских большевиков за Советскую власть в Литве. Боевой и организационный опыт позволил им, возвратясь в 1918 г. из России в Литву, активно включиться в борьбу против немецких оккупантов и их пособников — литовской буржуазии. Ряды литовских коммунистов росли и в самой Литве. В апреле 1918 г. в Вильнюсе была создана первая коммунистическая ячейка[42]. Летом коммунистические организации возникли в Паневежском и Шяуляйском уездах, а осенью они уже действовали во многих городах и местечках Литвы. В самой Литве начинали свою деятельность многие известные литовские большевики: П. Эйдукявичюс, С. Грибас, А. Якшявичюс, А. Шепута.

1—3 октября 1918 г. в оккупированном немцами Вильнюсе нелегально состоялся I съезд Компартии Литвы, в работе которого приняли участие 34 делегата, представлявшие 800 членов партии[43]. Создание Коммунистической партии Литвы означало победу идей марксизма-ленинизма и было закономерным явлением в развитии общественной жизни литовского народа. О постоянно растущем авторитете партии в глазах трудящихся Литвы свидетельствует и быстрый рост ее рядов. В начале 1919 г. в Литве уже насчитывалось свыше 150 партийных ячеек, объединявших 4 930 членов партии[44]. С установлением Советской власти Коммунистическая партия Литвы руководила созданием государственного аппарата, строительством основ социалистической экономики и культуры, борьбой трудящихся против внешних и внутренних врагов.

Националистические фальсификаторы истории утверждают, будто бы в руководящих органах Коммунистической партии Литвы были одни русские. В действительности литовцами были и руководители Коммунистической партии Литвы (В. Капсукас, З. Ангаретис, П. Эйдукявичюс, А. Якшявичюс и др.) и значительное большинство руководителей районных партийных организаций (Шяуляйской — К. Пожела, Ю. Думша; Каунасской — В. Нарушявичюс; Паневежской — А. Бразджениc; Рокишкской — Э. Тичкус; Купишкской — В. Рекашюс и др.). Поскольку среди населения Литвы были жители разных национальностей, то в ЦК Коммунистической партии Литвы и в руководящие партийные органы районов входили и представители трудящихся других национальностей— русские, поляки, белорусы, евреи.

Социально-экономические преобразования, осуществленные Советской властью в Литве, буржуазные авторы либо замалчивают, либо фальсифицируют. Особенно они спекулируют на некоторых ошибках при осуществлении аграрной и национальной политики, которые допускали молодые органы Советской власти в своей работе. Извращением конкретной деятельности Советской власти изобилуют работы А. Сенна, А. Меркелиса[45], а также и других националистических историков и публицистов.

Одним из основных тезисов буржуазных авторов является утверждение, будто литовский народ сам, под руководством буржуазии свергнул в 1919 г. советский строй и добровольно избрал путь буржуазного

[41] «Tiesa», 29. IX, 1917.

[42] R. Šarmaitis. Lietuvos Komunistų partijos įkūrimasir jos vadovaujantis vaidmuo 1918—1919 metų proletarinėje revoliucijoje. kn.: Už socialistinę Lietuvą, p. 9.

[43] Ibid., p. 11.

[44] R. Šarmaitis. Lietuvos Komunistų partija liaudies revoliucinės kovos ir socialistinės statybos priešakyje. kn.: Spalio revoliucija. . ., p. 13.

[45] A. Senn. The Emergence. . ., p. 80; ibid. Die bolschewistische Politik. . ., p. 114; A. Merkelis. Op. cit., p. 214, 226, 241.

развития. Как же в действительности развивались события в Литве в 1918—1919 годах? Решающую роль в подавлении пролетарской революции и Советской власти в Литве в 1919 г. сыграли контрреволюционные силы Германии и буржуазно-помещичьей Польши, инспирируемые и всемерно поддерживаемые западными империалистическими державами. Некоторую, весьма незначительную помощь им оказывали литовские буржуазные воинские части. Захват и подчинение Литвы были одной из основных задач германского империализма в годы первой мировой войны. Это подчеркнул, например, участник переговоров в Бресте немецкий генерал М. Гофман, писавший, что «на Востоке нам необходимо получить Литву и Курляндию»[46]. Однако осуществлению этих планов помешала Великая Октябрьская социалистическая революция. Германских империалистов пугал выдвинутый В. И. Лениным лозунг о праве наций на самоопределение. Один из столпов кайзеровского империализма, Е. Людендорф, в своих воспоминаниях признал, что «вражеская пропаганда выдвинула лозунг мира без аннексий и лозунг права малых наций на самоопределение, что могло привести к решению литовского вопроса, несовместимому с интересами Германии»[47]. В тот период важную услугу Германии оказала литовская буржуазия, обеспокоенная революцией в России. Литовский буржуазный совет (Литовская тариба) в декларации от 11 декабря 1917 г. заявил, что он «просит у Германии защиты и помощи» и «выступает за вечные, прочные союзные связи между Литовским государством и Германией»[48]. Этот шаг литовской буржуазии германские империалисты использовали во время мирных переговоров в Бресте, стараясь обойти требование делегации Советской России признать право народов на самоопределение и отказаться от аннексий. Представители Германии на переговорах Кюльман и М. Гофман, прикрываясь декларацией Литовской тарибы, а также аналогичными заявлениями польской и курляндской буржуазии, доказывали, что якобы «представители этих стран уже давно решили отделиться от России и вопрос о дальнейшем устройстве государства передать на усмотрение Германии», что Германия и ее союзники «не считают аннексией совместное с представителями упомянутых народов решение их дальнейшей судьбы»[49]. Таким образом, германские империалисты с помощью литовской буржуазии старались оправдать в глазах мировой общественности захват Литвы и ее превращение в колонию Германии.

Ноябрьская революция 1918 г. в Германии помешала осуществлению этих планов. Компьенским перемирием от 11 ноября 1918 г., а потом решением Парижской мирной конференции Германии вменялось в обязанность держать войска на территории Прибалтики до тех пор, пока здесь не окрепнут буржуазные государства и не будет задушено революционное движение. Подавляя революционное движение в Литве, немецкие оккупационные войска защищали создаваемый литовской буржуазией аппарат власти, помогали ей выполнять полицейские функции. Однако германские империалисты, потерпев поражение в войне, не могли собственными силами обеспечить широкую помощь литовской буржуазии. Кроме того, в самой Германии в то время шла революционная борьба. Все это вынуждало литовскую буржуазию обращаться за помощью к странам Антанты. Вот почему, когда началась интервенция Антанты в Советской России, вооруженное выступление контрреволюционных сил против Советской власти в Литве стало составной частью агрессии империалистических держав. Буржуазная Литва, равно как и другие прибалтийские республики, по замыслам правящих кругов западноевропейских государств и США, должна была стать «санитарным

[46] Генерал Макс Гофман. Записки и дневники, 1914—1918. Л. 1929, стр. 223.
[47] E. Ludendorf. Meine Kriegserinnerungen 1914—1918. Berlin. 1919, S. 376.
[48] LIŠ. III, p. 92—93.
[49] Генерал Макс Гофман. Указ. соч., стр. 120—123.

кордоном» против распространения идей большевизма на Запад. Так, американский дипломат А. Даллес в меморандуме своему правительству 30 декабря 1918 г. писал: «Литва и Польша — последний барьер между Германией и большевиками»[50]. Это подтверждает и А. Меркелис: «В восстанавливающейся на руинах войны Европе Антанта начала признавать за Литвой важную роль — быть заслоном между Западной Европой и «большевистской Россией»[51]. При поддержке и одобрении стран Антанты правительство Германии предоставило в конце 1918 г. сформированному в Литве буржуазному кабинету министров Вольдемараса заем на сумму 100 млн. марок. Эти деньги должны были пойти на создание контрреволюционных вооруженных сил. В начале 1919 г. США отправили из своих резервов во Франции буржуазному правительству Литвы большое количество оружия и военного снаряжения[52]. Хотя страны Антанты в то время еще официально не признавали самостоятельность Литвы в надежде на победу контрреволюции на всей территории бывшей Российской империи, занятая ими позиция создала благоприятные условия для утверждения буржуазной власти в Литве. С этой точки зрения планы империалистов Запада отвечали стремлениям контрреволюционной буржуазии Литвы[53].

Империалисты стран Антанты и США, не довольствуясь пребыванием немецких оккупационных войск в Литве, начали планировать военный десант в Прибалтику. Государственный департамент США и его представители в Европе интересовались тем, какую помощь можно было бы оказать литовской буржуазии в ее борьбе против революционного движения в Литве. Так, в меморандуме, приложенном к письму представителя госдепартамента США в Швейцарии А. Стоваля (20 ноября 1918 г.), содержалась просьба «собрать воинское соединение из 10 000 американских литовцев... Уж сам по себе факт, что такая сила существует, придаст смелости лицам, поддерживающим порядок, и призовет к порядку тех, кто настроен предательски. Эти солдаты восстановили бы покой, поддерживали бы порядок до тех пор, пока правительство Литвы сможет организоваться и взять на себя эти обязанности»[54]. Тогдашний литовский буржуазный официоз с удовлетворением писал: «Союзники приходят в эту страну, чтобы оберегать и защищать ее, чтобы помочь ей организоваться и установить порядок. Они помогут и деньгами, и оружием, и войсками»[55]. Об организации легиона американских литовцев для «защиты» буржуазной Литвы пишут также А. Сенн и А. Тарулис. А. Тарулис утверждает[56], что этим вопросом немало интересовались как государственный департамент, так и отдельные сенаторы. Командиром легиона был назначен капитан Виллиямс Н. Свартхаут, который начал вербовать американских добровольцев. Однако эта кампания не имела успеха, и в Литву только в конце 1919 г. прибыло всего 19 американских офицеров[57]. А. Сенн[58] пытается объяснить провал организации легиона

[50] Papers Relating to the Foreign Relations of the United States 1919 the Paris Peace Conference (далее — Papers Relating...). Vol. II. Washington. 1942, p. 481; LIŠ p. 215.

[51] A. Merkelis. Op. cit., p. 222.

[52] Lietuvos TSR istorija..., p. 39.

[53] A. Tarulis. American-Baltic... Автор пытается в наиболее благоприятном свете показать роль США и их партнеров в решении важнейших вопросов внешней политики буржуазной Литвы в то время. Говоря о причинах, по которым США позже всех других великих держав признали независимость буржуазной Литвы, одним из главных мотивов А. Тарулис считает мнимое нежелание США «вмешиваться» во внутренние дела других государств. Между тем известно множество очевидных фактов, свидетельствующих, что уже к тому времени США превратились в опекуна павших реакционных режимов.

[54] Papers Relating..., p. 25; LIŠ, III, p. 102.

[55] «Lietuvos aidas», 12. XII. 1918.

[56] A. N. Tarulis. American-Baltic..., p. 274.

[57] Ibid., p. 276.

[58] A. Senn. The Emergence..., p. 197.

разногласиями между Вольдемарасом и другими деятелями литовской буржуазии. Между тем этот провал предрешила позиция трудящихся американских литовцев, которые решительно отказались поддерживать контрреволюционные замыслы реакционной буржуазии Литвы.

Не случайна и роль буржуазно-помещичьей Польши в подавлении Советской власти в Литве. Серьезные разногласия и даже вражда между буржуазными правительствами Литвы и Польши не мешали им выступать единым фронтом против Советской власти. Войска буржуазно-помещичьей Польши весной 1919 г. захватили Вильнюс и ряд районов Литвы, а также Белоруссии.

Ныне литовская буржуазная историография раздувает роль литовской буржуазной армии и так называемых добровольцев в создании литовского буржуазного государства. Националисты пишут, будто литовцы массами вступали в отряды добровольцев. В курсе по истории Литвы, написанном В. Даугирдайте-Сруогене, говорится: «Молодые мужчины шли толпами из деревень, хуторов, городов... Шли со всех уголков Литвы на защиту свободы и родины... Хотя и слабо вооруженные, наши добровольцы останавливали большевиков»[59]. А. Бендорюс пишет, будто «горстка литовских добровольцев, поддерживаемая широчайшими массами, сумела вооружиться и противостоять вторжению красных»[60]. Подобные вымыслы мы находим у А. Меркелиса[61] и других буржуазных авторов. Но могли ли приостановить ход социалистической революции в Литве формируемые литовской буржуазией, предавшей интересы народа, так называемые добровольческие отряды и буржуазная армия? Какую роль она сыграла в установлении буржуазной диктатуры? Для правильного ответа необходимо вспомнить некоторые факты того времени.

В конце 1918 г. литовская буржуазия, поддерживаемая германскими оккупантами, начала собирать контрреволюционные силы и формировать первые так называемые добровольческие отряды своей армии. Тем, кто вступит в армию добровольно, литовская буржуазия обещала выдавать постоянное жалованье, наделить землей, обеспечить существование их семьям и т. д. В то же время литовская буржуазия вербовала и белогвардейских офицеров. Белогвардейский генерал Кондратович был назначен первым вице-министром обороны страны в буржуазном правительстве; в штабе созданной литовской буржуазной армии работали бежавшие от революции царские офицеры, белогвардейцы Клещинский, Катхе и другие. Однако литовские трудящиеся не желали идти в буржуазную армию, не желали вступать в ряды так называемых добровольцев. Об этом свидетельствуют даже отзывы самих буржуазных деятелей. Один из первых министров обороны в буржуазной Литве, полковник-лейтенант К. Жукас, в своих воспоминаниях пишет: «Жемайты встретили призыв идти добровольцами защищать свою страну без особого энтузиазма...»[62]. Еще ярче эта мысль выражена в воспоминаниях И. Петруйтиса. Описывая формирование второго пехотного полка буржуазной армии в начале 1919 г., он вспоминает: «В полку было 11—12 рот. Состав добровольцев в ротах менялся ежедневно. Каждый день приходили новые отряды добровольцев, и каждый день многие из них уходили»[63]. А. Сенн признает, что формирование литовской буржуазной армии в январе 1919 г. все еще находилось на первоначальной «бумажной» стадии. «Немцы на своих плечах продолжают выносить основные трудности»[64],— заключает он.

---

[59] V. Daugirdaitė-Sruogienė. Lietuva amžių..., p. 894.
[60] A. Bendorius. Lietuva, p. 223.
[61] Z. Ivinskis. Herojiški momentai..., p. 23; N. Sūduvis. Vienų vieni..., p. 24; A. Merkelis. Op. cit., p. 227.
[62] K. Žukas. Žvilgsnis į praeitį..., p. 167.
[63] J. Petruitis. Laisvę ginant, p. 44.
[64] A. Senn. The Emergence..., p. 84.

Видя, что все усилия создать собственную контрреволюционную армию на основе призыва добровольцев рухнули, что никакими посулами не удается привлечь необходимое количество добровольцев, литовская буржуазия прибегла к принудительной мобилизации. Собравшаяся 16—22 января 1919 г. в Каунасе буржуазная так называемая II конференция Литовского государства приняла решение о немедленной мобилизации литовской молодежи. Как и раньше, в целях привлечения народа на свою сторону и использования его для утверждения господства буржуазии в Литве обещалось в первую очередь наделять землей тех безземельных и малоземельных крестьян, «которые добровольно вступят в литовскую армию для защиты отечества»[65]. 13 февраля 1919 г. буржуазное правительство объявило о принудительной мобилизации призывников[66]. И не столько демагогическими обещаниями, сколько принуждением буржуазии удалось вовлечь некоторое число литовцев в свою армию.

И все же формирование буржуазной армии шло крайне медленно. На 15 апреля 1919 г. в ее рядах было всего 7 821 чел.[67], а ее боевой дух был низок. С большим трудом сформированные буржуазией незначительные воинские части не могли представить и не представляли реальной силы. «Если бы на помощь буржуазии Литвы и Польши не пришел международный капитал,— писал В. Капсукас,— рабочий класс Литвы и Западной Белоруссии, поддерживаемый беднейшим крестьянством, под руководством компартии смог бы собственными силами легко расправиться с «собственной», еще очень слабой тогда буржуазией»[68]. Главную роль в подавлении пролетарской революции, в удушении Советской власти в Литве сыграли контрреволюционные силы Германии и буржуазно-помещичьей Польши под руководством и при непосредственной помощи империалистов Антанты и США. Это обстоятельство под нажимом фактов вынуждены признать как буржуазно-националистические деятели Литвы, так и некоторые буржуазные историки. А. Сенн пишет, что «присутствие немецких воинских частей было абсолютно необходимым для литовцев. Без них Каунас не устоял бы»[69]. Упомянутый выше К. Жукас признает: «Немцы прикрыли нас от наступающих большевиков»[70]. Подобные признания содержатся в воспоминаниях С. Рашгикиса, К. Шкирпы, М. Плескавичуса и ряда других военных деятелей буржуазной Литвы, с оружием в руках боровшихся против Советской власти[71]. К. Шкирпа, например, пишет: «Под прикрытием немецких войск мы уже могли планомерно создавать свои вооруженные силы, провести мобилизацию офицеров и унтер-офицеров, ввести всеобщую воинскую повинность, мобилизовать призывников и все лучше вооружаться»[72]. А. Меркелис также твердит об «угрозе вторжения большевиков»: «Страшная опасность, грозившая Литве со стороны большевизма, была одной из важнейших причин поездки А. Сметоны в Берлин. Он отправился в Берлин потребовать, чтобы немцы выполняли свое обязательство — помогали Литве защищаться от угрозы вторжения большевиков»[73]. А. Сенн утверждает, что буржуазная Тариба, борясь за власть в Литве, могла реально рассчитывать только на поддержку со стороны Германии[74]. Действовавшие в западной части Литвы немецкие оккупационные части маскировались по политическим и дипломати-

---

[65] «Lietuva», 25.II.1919.
[66] LIŠ, III, p. 228.
[67] B. Vaitkevičius. Op. cit., p. 574.
[68] V. Kapsukas. Op. cit., pp. 189—190.
[69] A. Senn. The Emergence..., p. 78.
[70] K. Žukas Žvilgsnis į praeitį..., p. 178.
[71] St.. Raštikis. Op. cit., d. I; Pleskevičius. Mes nešėm laisvę. Hamilton, 1961.
[72] K. Škirpa. Pakeliui su Mykolu Sleževium, pp. 231, 233.
[73] A. Merkelis. Op. cit., p. 217.
[74] A. Senn. The Emergence..., p. 45.

ческим соображениям, и в официальных сообщениях с фронта их называли «литовскими» частями. Они сыграли решающую роль во взятии крупных городов Литвы. 19 мая 1919 г. литовские буржуазные части заняли Паневежис, однако удержать его не смогли. Красноармейцы Советской Литвы вновь освободили город, и только 26 мая немецкие войска овладели им. В августе 1919 г. пал последний опорный пункт вооруженных сил Советской Литвы — город Зарасай [75]. В военных операциях против Красной Армии части литовской буржуазной армии начали принимать участие лишь с мая — июня 1919 года. Об этом пишет и А. Сенн [76].

Трудящиеся Литвы, поднявшиеся на борьбу за Советскую власть, за Советскую Литву, создали свои вооруженные силы — литовские красноармейские части, состоявшие из двух стрелковых полков, двух резервных батальонов и более 10 красноармейских коммунистических и комсомольских отрядов. В них насчитывалось около 5 тыс. бойцов [77]. Вооруженные силы Советской Литвы совместно с пришедшими к ним на помощь воинскими частями из Советской России встали на защиту революции. Однако Советская Россия в то время не могла оказать Советской Литве необходимую помощь. Основные силы Красной Армии сражались тогда на тех фронтах гражданской войны, где решались судьбы молодого пролетарского государства. Б. Ю. Вайткявичюс подсчитал соотношение воинских сил в Литве в 1918—1919 годах. В рядах вооруженных сил социалистической революции было около 17,5 тыс. человек. Между тем вооруженные силы буржуазной контрреволюции насчитывали 96 тыс. человек. Контрреволюционные вооруженные силы имели штыков в 5 раз больше, чем революционные, сабель — в 14 [78]. Однако этот перевес был достигнут не за счет литовской буржуазной армии. Ее силы были совсем ничтожны, и она была не в состоянии оказать серьезное сопротивление вооруженным рабочим и крестьянам Советской Литвы, следовательно, не могла сыграть той роли, в которой ее хотели бы видеть буржуазные националистические историографы. Значительное превосходство контрреволюционных сил над защитниками Советской республики в живой силе и вооружении — вот основная причина падения Советской власти в Литве в 1919 году. Международная контрреволюция временно подавила Советскую власть в Литве, закрепила власть буржуазии и толкнула Литву по пути капитализма.

Анализ концепций идеологов буржуазии при освещении событий 1918—1919 гг. в Литве позволяет прийти к выводу, что явная тенденциозность всех фальсификаторских работ идеологов антикоммунизма по истории Литвы прежде всего диктуется практическими задачами политики и пропаганды империалистических кругов. Большинство утверждений реакционной буржуазной историографии используется пропагандой и дипломатией империалистических держав в целях разжигания антикоммунизма. Но усилия буржуазных апологетов напрасны. Дело социалистической революции 1918—1919 гг. в Литве, жертвы, принесенные во имя ее победы, не пропали даром. Идеи Великого Октября, пример Советской России, Советского Союза поднимали литовский народ в годы господства буржуазии на борьбу за восстановление Советской власти, за независимость Литвы. Трудящиеся Литвы под руководством Коммунистической партии восстановили советский строй в своей республике и ныне в единой братской семье народов СССР успешно строят коммунизм.

---

[75] Lietuvos TSR istorija, p. 94.
[76] A. Senn. The Emergence..., p. 151.
[77] B. Vaitkevičius. Op. cit., p 655.
[78] Ibid., pp. 654, 667.

ГОСУДАРСТВЕННО-МОНОПОЛИСТИЧЕСКИЕ ТЕНДЕНЦИИ В РОССИИ

(НА ПРИМЕРЕ САХАРНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ)

М. М. Гуревичов

Одной из актуальных задач исторической науки является изучение проблем государственно-монополистического капитализма, являющегося, как подчеркивал В. И. Ленин, полнейшей материальной подготовкой социализма[1]. В разработке этой важной проблемы советские исследователи сделали уже многое[2], и все же она далека от завершения. До сих пор, например, не изучены государственно-монополистические процессы в сахарном производстве России. Попытка хотя бы частично восполнить этот пробел предпринимается в настоящей статье. Автор пытается рассмотреть три вопроса: во-первых, возникновение монополий трестовского типа в сахарном производстве, размещенном в значительной степени на Украине[3]; во-вторых, формы сращивания государственного аппарата царизма и Временного правительства с монополиями; в-третьих, практику государственного регулирования сахарного производства в интересах монополий.

Важнейшие закономерности возникновения и развития государственно-монополистического капитализма в России вообще[4] и в сахарном производстве в особенности[5] раскрыл В. И. Ленин. Он неоднократно указывал, что именно в сахарном производстве прежде всего возникла и быстро развивалась одна из ведущих в России — сахарная монопо-

---

[1] См. В. И. Ленин. ПСС. Т. 34, стр. 193.

[2] «Советская историческая наука от XX к XXII съезду КПСС». М. 1962, стр. 315. Начало и развитие монополизации сахарного производства до первой мировой войны изучены К. Г. Воблым («Нариси з історії російсько-української цукробурякової промисловості». Тт. I—II. Київ. 1930) и М. Я. Гефтером («Из истории монополистического капитализма в России (Сахарный синдикат)» («Исторические записки». Т. 38). Однако результаты этого процесса (монополии высшего типа и государственно-монополистические тенденции в этой отрасли) остались еще не освещенными, несмотря на наличие статей И. Ф. Гиндина и Л. Е. Шепелева «Банковские монополии в России накануне Великой Октябрьской социалистической революции» («Исторические записки». Т. 66. 1960), Л. Е. Шепелева «Акционерные коммерческие банки в годы первой мировой войны» («Исторические записки». Т. 73. 1963), монографии М. М. Паламарчука «Свеклосахарное производство Украинской ССР» (Киев. 1964), статей того же автора «Возникновение свеклосахарной промышленности в западных областях Украинской ССР» («Сахарная промышленность», 1957, № 3), «Сахарная промышленность западных областей в период капитализма» («Сахарная промышленность», 1957, № 10), а также статей В. А. Гречухина «Некоторые вопросы развития сахарной промышленности в дореволюционной России» («Сахарная промышленность», 1957, № 9) и А. И. Корчинского «Сахарная промышленность России в период, предшествовавший Великой Октябрьской социалистической революции» («Труды» Киевского технологического института пищевой промышленности. Т. 20. 1959).

[3] Накануне первой мировой войны на Украине насчитывалось 198 сахарных заводов (из 234 по всей России). В 1913—1914 гг. здесь было переработано 81,3% сахарной свеклы и произведено 82,2% общероссийского производства сахара («Основные показатели по сахарной промышленности за дореволюционный и революционный периоды». М.-Л. 1932, стр. 61—62).

[4] См. В. И. Ленин. ПСС. Т. 32, стр. 293; т. 35, стр. 169—170.

[5] См. В. И. Ленин. ПСС. Т. 34, стр. 191.

лия[6]. Она была первой и долгое время единственной монополией в отраслях, производивших предметы потребления, и довольно широко охватила предприятия сахарной промышленности. Сахарозаводчики были значительно лучше организованы, чем предприниматели любой другой отрасли промышленности.

Процесс монополизации сахарного производства прошел несколько этапов. Начальный этап (с 1887—1895 до 1913 г.) характеризовался заключением соглашения между владельцами 171 завода (из 219) о рынках сбыта и норме прибыли; концентрацией производства в крупные капиталистические предприятия; всесторонней помощью царизма (вплоть до щедрых субсидий Государственного банка) этим предприятиям. В течение этих лет монополизация сахарного производства достигла высокой степени концентрации: было объединено 92% предприятий в синдикат, введена по его требованию государственная нормировка выпуска на рынок и производства сахара, создан синдикат крупнейших сахарозаводчиков-рафинеров[7]. Следующий этап приходится на годы первой мировой войны. За это время число действующих заводов уменьшилось на 20%, площади под посевами сахарной свеклы сократились на 26%, почти на треть снизилось производство сырья, упала производительность труда и, как следствие этого, более чем вдвое сократилось производство сахара[8]. «Финансовая газета» (орган финансовых кругов России), обычно в розовом свете рисовавшая состояние отечественной экономики, уже в мае 1916 г. с горечью писала, что сахарная промышленность склонилась «с пути роста на покатую плоскость упадка»[9]. При первом взгляде казалось, что концентрация производства в сахарной промышленности в годы войны почти прекратилась: если в 1914—1915 гг. один свеклосахарный завод производил в среднем 412 тыс. пудов сахара, то в 1916—1917 гг.— 245 тыс. пудов. Однако в действительности процесс концентрации подвигался вперед. Это видно из того, что, во-первых, в связи с комбинированием (соединением в одном предприятии производства сахарного песка и рафинада) выработка сахара-рафинада одним заводом в среднем увеличилась с 1,2 млн. пудов в 1914 г. до 1,6 млн. пудов в 1916 г.[10]; во-вторых, быстро развивалось кооперирование, когда несколько свеклосахарных заводов, группируясь вокруг рафинадного завода, создавали производственную ячейку сахарного производства. Так, 15 наиболее крупным рафинадным заводам поставляли сахар-песок 44 предприятия[11]. На этой основе ускорялась концентрация и централизация капитала. Крупнейшие русские банки, особенно петербургские, форсировали монополизацию сахарного производства, стремясь создать несколько сахарных трестов[12]. Но, начавшись еще до войны, этот процесс завершился только в военные годы.

Возрастала и роль банков в кредитовании сахарной промышленности, особенно в годы первой мировой войны[13]. Развивались те формы банковского предпринимательства, которые до войны встречались сравнительно редко. Речь идет о внедрении крупных банков в сферу материального производства как путем финансирования частных предприятий через выдачу им гарантийных писем, так и путем самостоя-

---

[6] См. там же, стр. 168.

[7] М. Я. Гефтер. Указ. соч., стр. 112—115, 119.

[8] Исчислено на основании следующих данных: ЦГИА УССР, ф. 918. оп. 1, д. 44, л. 7. «Народное хозяйство в 1916 году». Птгр. 1922. Вып.I—VI, стр. 40; вып. VII, стр. 125.

[9] «Финансовая газета», № 219, 21. V. 1916.

[10] ЦГИА УССР, ф. 579, оп. 1, д. 261, л. 1; д. 1, л. 16.

[11] Там же, д. 22, лл. 6—37.

[12] «Финансовая газета», № 89, 1915.

[13] М. А. Плюхина, Л. Е. Шепелев. Об экономическом положении России накануне Октябрьской революции. «Исторический архив», 1957, № 2, стр. 17.

тельной торговли [14]. Развитие этих форм деятельности банков способствовало росту их финансового могущества, необыкновенно быстро происходившему в годы войны. Увеличились главным образом капиталы крупнейших петроградских банков («Петроградская восьмерка»). За годы войны удельный вес крупнейших банков среди всех банков страны (по балансу) с 77 поднялся до 81% и средний темп увеличения капиталов в них был выше, чем во всех банках (260% против 255%) [15]. Усиление финансовой мощи позволяло крупнейшим петроградским банкам активно продолжать начатую еще до войны борьбу за овладение предприятиями наиболее прибыльных отраслей, в том числе и сахарной.

Сращивание банков с предприятиями сахарной промышленности в годы войны свелось практически к состязанию банков за увеличение числа товариществ сахарных заводов, получавших от них кредиты. Лихорадочную деятельность по кредитованию предприятий сахарной промышленности развернул наряду с другими и Русский для внешней торговли банк, утвердившийся еще до войны в роли кредитора многих обществ сахарных заводов. Вначале он предоставлял ссуды чуть ли не всем предприятиям, обращавшимся к нему с подобными просьбами [16]. Однако уже в 1915 г. банк стал переходить от эпизодического предоставления ссуд к более или менее постоянному кредитованию предприятий. Он открыл долгосрочные кредиты Обществу наследников Н. Н. Неплюева, Товариществу Бобрицкого завода, Товариществу Тростянецкого завода и Правлению сахарных заводов Орлова-Давыдова [17]. Кроме того, постоянно кредитовались банком Мезеневский, Погребищенский и Поташнянский сахарные заводы. На 1 января 1916 г. таких заводов насчитывалось уже 23 [18].

Долгосрочное кредитование осуществлялось, как правило, под залог сахара. С ростом числа кредитуемых предприятий быстро росло количество сахара, поступавшее банку в виде залога. Так, в 1915 г. банк получил 89,2 тыс. пудов сахара, а в 1916 г. — уже около 185 тыс. пудов, то есть вдвое больше [19]. Для более прибыльного сбыта сахара банк объединил в 1916 г. 13 сахарных заводов в «Комиссионное бюро сахарных заводов» [20]. Сосредоточив таким образом в своих руках определенную часть сахарного рынка и постепенно увеличивая зависимость сахарных предприятий, он перешел к установлению над ними своего полного контроля. В конце 1915 — начале 1916 г. банк располагал уже более чем 75% акций Мезеневского сахарного завода [21], 90% акций Александровского и всеми акциями Корюковского товарищества сахарных заводов. В это же время он становится крупным акционером Общества наследников А. Н. Терещенко, Товарищества «Харитоненко и сын», Товарищества сахарного завода «Монастырщина» [22].

В 1916—1917 гг. банк стал держателем контрольных пакетов акций 19 сахарных заводов [23] и был акционером еще 24 крупных сахарных

---

[14] Подробнее об этом см. М. М. Гуревичов. О некоторых формах деятельности русских банков в годы первой мировой войны. «Сборник научных работ кафедр политэкономии вузов г. Харькова». Вып. I. Харьков. 1960, стр. 221—229.

[15] Исчислено на основании данных журнала «Финансовое обозрение» (орган финансовых торгово-промышленных кругов) за 1914—1917 годы.

[16] ЦГИА УССР, ф. 880, оп. 1, д. 133, л. 1.

[17] Там же, ф. 1644, оп. 1, д. 114, лл. 8, 10, 14—15, 17.

[18] Киевский областной государственный архив (КОГА), ф. 1644, оп. 1, д. 110, л. 1.

[19] ЦГИА СССР, ф. 599, оп. 1, д. 743, л. 21.

[20] «Финансовое обозрение», 1915, № 14, стр. 13.

[21] ЦГИА УССР, ф. Товарищества Мезеневского завода, 1915, д. 15, л. 7.

[22] ЦГИА СССР, ф. 599, оп. 1, д. 743, лл. 24—25, 45; КОГА, ф. 1644, оп. 1, д. 114, л. 10; ф. 1646, оп. 1, д. 58, лл. 16—17.

[23] КОГА, ф. 1644, оп. 1, д. 114, л. 7; «Ежегодник по сахарной промышленности Российской империи за 1913—1914 гг.». Киев. 1916, стр. 3—96.

предприятий [24]. В объединение сахарных заводов Русского для внешней торговли банка одно время входило 14 предприятий, которые находились под контролем «сахарного короля» К. И. Ярошинского [25]. Будучи подлинным хозяином всех этих заводов, банк руководил производством сахара. Он указывал размеры посевных площадей сахарной свеклы при заводах, объем заготовок сырья, определял производственную загрузку предприятий и количество продукции. Дело доходило даже до того, что банк обеспечивал предприятия семенным фондом сахарной свеклы [26]. Был установлен и тщательно поддерживался строгий контроль банка за производственной деятельностью предприятий. Трижды в месяц Правление банка собирало сообщения об использовании земельного фонда и площадях посева (уборки) сахарной свеклы, о рабочей силе, заработной плате и т. д.[27]. Производственным процессом большинства предприятий руководили непосредственные представители банка. Например, директор правления Киевского отделения банка А. Ю. Добрый был назначен директором правления Мезеневского свеклосахарного завода [28]. Кроме того, он направлял производственную деятельность еще 11 сахарных заводов [29].

Направляя деятельность предприятий, банк добился расширения посевов сахарной свеклы при заводах на 8% и увеличения производства рафинада на 31% [30]. Он непосредственно руководил и сбытом продукции. Заводы данного объединения поставляли сахар на внутренний рынок, а также для нужд армии [31]. В широких размерах банк вел торговлю на внешнем рынке. Он сосредоточил в своих руках всю торговлю сахаром с Персией. В 1914 г. через азиатскую границу было вывезено 4,6 млн. пудов сахара, из них большая часть — в Персию [32]. Центром торговли с Персией стал Ашхабадский склад банка, куда отправляли свою продукцию многие заводы, руководимые банком [33]. Банк добивался постоянного повышения цен и на внутреннем и на внешнем рынке, что достигалось способом, о котором откровенно писала «Финансовая газета»: «Продажные цены рафинада несколько преувеличены и поддерживаются на этом уровне путем уменьшения предложения товара на рынке» [34].

Сконцентрировав в своих руках несколько десятков сахарных заводов, став их полновластным собственником, направляя их производственную и сбытовую деятельность, Русский для внешней торговли банк создал крупнейшее в России монополистическое предприятие, которое оказывало существенное воздействие на производство и сбыт сахара во всей стране. В состав этого объединения входили: Русский для внешней торговли банк (основной капитал 70 млн. руб.), 19 сахарных заводов (14 свеклосахарных и 5 рафинадных), представлявших собственность банка, а также 24 завода (17 свеклосахарных и 7 рафинадных), в которых банк имел доли участия, то есть всего 43 завода. Если в 1912—

---

[24] ЦГИА СССР, ф. 599, оп. 1, д. 743, лл. 24—25, 45; КОГА, ф. 1646, оп. 1, д. 58, лл. 16—17.

[25] ЦГИА СССР, ф. 595, оп. 6, д. 488, лл. 37—38; ЦГИА УССР, ф. 574, оп. 1, д. 221, лл. 6—7.

[26] КОГА, ф. 1646, оп. 1, д. 21, л. 16.

[27] Там же, д. 115, л. 24.

[28] См. «Экономическое положение России накануне Великой Октябрьской социалистической революции». Ч. I. М.-Л. 1957, стр. 116.

[29] «Ежегодник по сахарной промышленности Российской империи за 1913—1914 гг.», стр. 3—96.

[30] КОГА, ф. 1646, оп. 1, д. 114, л. 7.

[31] Там же, ф. 1644, оп. 1, д. 114, л. 7.

[32] Финансово-экономический ежегодник «Годовые обзоры важнейших отраслей народного хозяйства». Птгр. 1916, стр. 344.

[33] КОГА, ф. 1644, оп. 1, д. 58, лл. 5, 35, 56, 86.

[34] «Финансовая газета», № 130, 23. I. 1916.

1913 гг. группа сахарных заводов, опекаемых банком, дала 21% и в 1913—1914 гг.— около 30% [35], то в 1915—1916 гг. она дала уже около 50% общероссийского производства сахара. Усиление эксплуатации рабочих и монопольное положение на рынке позволяли предприятию неуклонно повышать свои доходы. Его чистая прибыль составляла от 25 до 50% к основному капиталу [36].

В короткий срок всецело зависимыми от Петроградского международного коммерческого банка стали многие ведущие предприятия сахарной промышленности: Товарищество графов Бобринских, Федоровские, Матусовский, Райгородский, Верхнянский, Лебединский (рафинадный), Ново-Таволжанский, Чечельницкий свеклосахарный (и рафинадный) и Веприкский заводы [37]. Все 14 предприятий, производство и сбыт которых направлял банк, представляли собой крупную монополию, дававшую в годы войны до 15% общероссийского годового производства сахара [38]. Русский торгово-промышленный банк, объединив вокруг себя около десятка предприятий сахарной промышленности, доставлял рынку 8—9% годового общероссийского производства сахара [39]. Другие крупнейшие банки также вовлекли в свою орбиту многие предприятия сахарной промышленности. Так, Товарищества Маловисковского, Богатовского сахарных заводов, а также Жашковский, Каменский, Староконстантиновский, Ходорково-Романовский сахарные заводы попали в собственность Азовско-Донского банка [40].

В. И. Ленин отмечал организующую роль банков в монополизации производства. «Банки,— писал он в 1916 г.,— во всяком случае, во всех капиталистических странах, при всех разновидностях банкового законодательства,— во много раз усиливают и ускоряют процесс концентрации капитала и образования монополий» [41]. Это вынуждена была признать в 1916 г. и буржуазная «Финансовая газета», несколько приоткрывшая официальную завесу молчания над процессом монополизации сахарного производства. «Многие сахарные заводы перешли в руки частных банков с Русским для внешней торговли банком во главе» [42],— констатировала она.

Важнейшими ступенями процесса монополизации сахарного производства в годы первой мировой войны были, таким образом: 1) кредитование предприятий банками под товарную продукцию (фаза накопления капитала); 2) закупка банками сахара у предприятий, проведение ими самостоятельной торговли с целью монополизации рынка (фаза распределения и обмена) [43]; 3) кредитование предприятий банками под акции и переход в результате этого многих предприятий в собственность банков (внедрение последних в фазу производства). Это был господствующий вид кредитования предприятий банками, и он стал

---

[35] М. Я. Гефтер. Указ. соч., стр. 48.

[36] ЦГИА УССР, ф. 579, оп. 1, д. 105, л. 6.

[37] КОГА, ф. 626, оп. 1, д. 1741, лл. 22—23, 37; ф. 1643, оп. 2, д. 87, л. 5; ЦГИА УССР, ф. 579, оп. 1, д. 221, лл. 2—5; д. 275, л. 1.

[38] КОГА, ф. 1641, оп. 6, д. 28, л. 317; «Финансовая газета», № 89, 3.XII. 1915.

[39] «Финансовая газета», № 89, 3.XII. 1915.

[40] ЦГИА СССР, ф. 616, оп. 10, д. 784, лл. 17, 52—55; ЦГИА УССР, ф. 579, оп. 1, д. 721, лл. 41, 43, 46, 53.

[41] В. И. Ленин. ПСС. Т. 27, стр. 332.

[42] «Финансовая газета», № 219, 21. V. 1916.

[43] Уместно подчеркнуть значение реализации сахара для ускорения процесса монополизации сахарного производства. Реализация (а не производство) сахара монополизировалась прежде всего. Дело в том, что, облегчая и ускоряя реализацию товарной продукции сахарных заводов, банки, преследуя далеко идущие своекорыстные цели, форсировали монополизацию сбыта. И это удавалось ввиду возраставшей зависимости заводов от банковского кредитования. По мере монополизации сбыта (на внутреннем и на внешнем рынке) банки получали сверхприбыли, расширяли кредитование товариществ сахарных заводов, и уже на этой основе ускорялся процесс монополизации сахарной промышленности.

типичным для сахарной промышленности к концу первой мировой войны.

Таким путем протекал процесс слияния банков с производством и торговлей, то есть возникновения крупных монополий в сахарной промышленности. Высокие темпы монополизации, ярко выраженная руководящая роль банков, широкое взаимопроникновение обществ в дела друг друга, тщательная маскировка объединений и слияний обусловили особенности сахарных монополий в России. Эти особенности позволяют квалифицировать указанные монополистические объединения как тресты. В. И. Ленин, характеризуя существо трестовской монополии, писал: «*Трест — собственность* на все предприятия *единая* и абсолютная власть»[44]. Тресты в сахарной промышленности оказались той ступенью монополизации, при которой создалось крупное единое производственное, коммерческое, финансовое и административное звено капиталистической экономики. Но с возникновением трестовских монополий процесс монополизации в сахарной промышленности не приостановился. Дальнейший ход его следует усматривать в возникновении на базе трестовских монополий финансовой группы К. И. Ярошинского[45].

Быстро появившись в условиях благоприятной конъюнктуры, эта группа, несмотря на вовлечение в ее орбиту предприятий различных отраслей, оставалась в своей основе крупнейшей сахарной монополией. Монопольное положение сахарных трестов, сосредоточивших в своих руках более трех четвертей общероссийского производства сахара, и зависимость от них государства позволили им усилить использование государственного аппарата в своих целях.

В 1916 г. обнаружился кризис в снабжении сахаром армии и населения. В «Известиях Особого совещания по продовольствию» указывалось, что сахара не хватало и на 50% его довоенного потребления по губерниям. Из рук вон плохо снабжалась сахаром армия, а рабочие многих заводов получали менее фунта сахара в месяц, всего 11—12 граммов в сутки[46]. Царское правительство предприняло ряд попыток государственного регулирования производства и потребления сахара, обеспечивая при этом интересы сахарных магнатов. В январе 1916 г. эти попытки завершились организацией в составе Особого совещания по продовольствию Центрального бюро по объединенным закупкам сахара (Центросахар) с местонахождением в Киеве и с прямым представлением от военного министерства[47]. В составе Центросахара было 6 отделов, аппарат его состоял из 316 человек. Кроме того, он учредил институт контролеров по проверке качества сахара, закупавшегося для снабжения армии. К концу 1916 г. контролеры работали почти на всех действовавших сахарных заводах страны (на 236 из 239)[48]. И хотя регулирование производства и распределения сахара неуклонно ухудшалось, министерство финансов ассигновало деньги для вознаграждения сотрудников Центросахара за их деятельность в защиту интересов монополий[49].

Во главе Центросахара сначала находился царский сановник С. Ф. Веселовский, затем его сменил бывший сотрудник Русского для

---

[44] В. И. Ленин. ПСС. Т. 28, стр. 47.

[45] Подробнее о возникновении и деятельности финансовой группы сахарозаводчика К. И. Ярошинского см.: М. М. Гуревичов. О вызревании материальной подготовки Октябрьской революции. «Вестник» Харьковского политехнического института, № 24 (72). Серия научного коммунизма. 1967, стр. 53—64.

[46] ЦГВИА СССР, ф. 369, оп. 1, д. 5, лл. 35—66; д. 8, лл. 31—36.

[47] Там же, д. 3, л. 9.

[48] ЦГИА УССР, ф. 579, оп. 2, д. 4, лл. 1—10; оп. 1, д. 8, лл. 5—7, 16; ф. 830, оп.1, д. 1587, л. 63.

[49] Там же, ф. 579, оп. 1, д. 101, лл. 66—72.

внешней торговли банка А. Черныш[50]. Замена одной фигуры другой отразила те сдвиги, которые произошли среди группировок в сахарной промышленности. Если сначала доминирующее положение занимали дворяне-сахарозаводчики (объединенные во Всероссийском обществе сахарозаводчиков во главе с В. П. Бобринским, которое выражало их интересы), то впоследствии все большее влияние на деятельность Центросахара (через своих прямых ставленников) оказывали представители монополистической буржуазии — К. И. Ярошинский, А. Ю. Добрый, Л. И. Бродский и др. Почти вся двухлетняя деятельность Центросахара (с 20 января 1916 г. по 15 января 1918 г.)[51] со всей очевидностью свидетельствовала о том, что Центросахар, созданный как орган царского помещичьего государства, учитывал интересы буржуазии и защищал их, хотя усиленно маскировал свои действия.

Центросахар стремился направлять финансовую, производственную и коммерческую работу сахарных заводов, всесторонне руководить сахарной промышленностью страны. Неуклонно возрастала роль Центросахара в финансировании сахарных заводов. Поскольку сахарные заводы испытывали хронический недостаток в оборотных капиталах, Центросахар столкнулся с проблемой обеспечения их средствами. Первым шагом в этом направлении явился учет Центросахаром тех предприятий, которые «финансировались» частными банками. Затем Центросахар централизовал финансирование ряда сахарных предприятий из средств частных банков. Так, весной 1917 г. Петроградский международный коммерческий банк выделил 30 млн. руб. для финансирования сахарных заводов (конечно, не тех, которые входили в состав его сахарного треста). В этом случае финансирование осуществлялось в форме учета векселей сахарозаводчиков с визой или гарантией Центросахара[52].

С марта 1917 г., когда Центросахару в Государственном банке был открыт кредит на 60 млн. руб., он самостоятельно начал финансировать сахарные заводы и сбыт сахара[53]. Наконец, в апреле 1917 г. Временное правительство издало постановление о финансировании сахарной промышленности. Согласно этому постановлению, предприятия сахарной промышленности могли пользоваться капиталами Государственного и частных банков, для чего Центросахар ходатайствовал об открытии им специальных текущих счетов[54]. Таким образом, Временное правительство оказывало крупнейшим сахарозаводчикам поддержку государственными средствами. Все это свидетельствовало о том, что Центросахар финансировал сахарные заводы за счет государства[55].

Еще больше ощущалась направляющая рука крупных трестов в попытках Центросахара регулировать производственный процесс в сахарной промышленности. Так, хотя рафинадных заводов и рафинадных отделений при свеклосахарных заводах в 1916—1917 гг. действовало 54 (из общего числа 240 заводов), они получали вдвое больше угля, чем свеклосахарные заводы. Например, в мае 1917 г. первые получили 2 997,2 тыс. пудов угля, а вторые — 1 861,8 тыс. пудов[56]. Это объяснялось не столько особенностями технологии изготовления сахара-песка и сахара-рафинада, сколько тем, что рафинадные заводы были сосредоточены в руках крупнейших сахарных монополистов, на страже интересов которых стоял Центросахар. Однако в целом угля для сахарных заводов не хватало. Если для нормальной работы заводов необходимо

---

[50] Там же, д. 105, лл. 1—9; д. 141, лл. 60—64.
[51] Там же, д. 917, лл. 1, 4.
[52] КОГА, ф. 1641, оп. 6, д. 78, л. 2.
[53] ЦГИА УССР, ф. 579, оп. 1, д. 719, л. 11.
[54] Там же, оп. 2, д. 33, лл. 2—3.
[55] Там же, оп. 1, д. 2, лл. 3—4.
[56] Там же, ф. 574, оп. 1, д. 1984, лл. 14—20; д. 1962, лл. 56—64.

было минимум 13 млн. пудов угля в месяц, то в действительности поступало 8—8,5 млн. пудов[57]. Центросахар регламентировал производственные связи между заводами и снабжение рафинадных заводов основным видом сырья — сахарным песком. Прежде всего Центросахар определил порядок и правила выделения количества, доставки и оплаты сахарного песка рафинадными заводами. Более 200 свеклосахарных заводов поставляли сахарный песок 22 крупным рафинадным заводам[58]. Характерно, что по мере вовлечения в орбиту треста новых свеклосахарных заводов Центросахар утверждал их в роли поставщиков сахарного песка для рафинадных заводов этого треста[59].

В связи с войной ощущался недостаток рабочих рук на предприятиях сахарной промышленности. Эту нехватку Центросахар пытался сократить. По его ходатайству Военное министерство предоставило некоторым категориям основных рабочих сахарных заводов отсрочку от призыва в армию, а место вспомогательных рабочих заняли тысячи военнопленных[60]. Хотя с помощью таких мер и сократился несколько недостаток рабочих рук, радикально решить проблему все же они не могли. Деятельность Центросахара по снабжению сахарных заводов топливом, сырьем, рабочей силой и установлению производственных связей между ними означала прямые попытки государственного регулирования сахарного производства.

Полностью в руках Центросахара было сосредоточено распределение сахара. Центросахар разработал годовой и месячный общегосударственный баланс сахара[61]. Но построить баланс производства и потребления сахара было значительно легче, чем постоянно обеспечивать его реальное потребление в определенном размере. И трудности в этом были действительно серьезные. Во-первых, ощущалась постоянная нехватка оборотных средств. Дело в том, что сахарные заводы (по сути, тресты) сбывали свою продукцию Центросахару, который сразу ее оплачивал заводам (на деле — банкам, возглавлявшим сахарные тресты), а затем отправлял в пункты назначения, после чего, в свою очередь, получал деньги за отправленную продукцию. Возвращаемые ему деньги служили средством закупки новой партии сахара и т. д. Поскольку в середине августа 1916 г. Центросахар сосредоточил в своих руках примерно 75% закупок и распределения производимого в стране сахара, а потребители (получавшие от него сахар) не всегда оперативно оплачивали полученную продукцию, Центросахар оказался без оборотного капитала. Переписка Центросахара с Особыми совещаниями по обороне и по продовольствию о выделении оборотных средств (в течение нескольких месяцев) не дала никаких результатов[62]. Потребление сахара начало резко сокращаться. Например, снабжение сахаром действующей армии настолько ухудшилось, что в марте 1916 г. сахар-рафинад был исключен из числа продовольственных товаров, идущих на снабжение армии. В апреле по приказу военного министра он был заменен сахарным песком для войск, находившихся вне театра военных действий[63].

Но возражения со стороны военного командования (по сути дела, протест солдатской массы) и резкое недовольство хозяев сахарных трестов (опасавшихся того, что их наиболее прибыльная продукция — сахар-рафинад не будет выгодно сбываться военному ведомству — казне) сыграли свою роль: рафинад стал поступать на довольствие армии, а Центросахар получил разрешение министерства финансов еженедель-

---

[57] Там же, д. 1; д. 1984, лл. 56—64; ф. 579, оп. 1, д. 461, лл. 42, 64.
[58] Там же, ф. 579, оп. 1; д. 105, л. 15; д. 261, л. 1.
[59] Там же, ф. 579, оп. 1, д. 221, лл. 6—7, 11, 29.
[60] КОГА, ф. 1644, оп. 1, д. 85, л. 30.
[61] ЦГИА УССР, ф. 579, оп. 1, д. 1, лл. 1, 16; д. 136; л. 15.
[62] Там же, д. 1, л. 11; д. 141, лл. 1—6.
[63] ЦГВИА СССР, ф. 369, оп. 12, д. 8, лл. 2, 5.

но финансировать свои сбытовые операции. Сначала Центросахар получал по 1 млн. рублей в неделю, затем — по 1,5 и, наконец, с августа 1916 г.— по 5 млн. рублей [64]. Если учесть, что ежемесячный оборот Центросахара составлял до 50 млн. рублей, то станет ясно, что возможность использования почти 20 млн. рублей государственных денег в месяц для страховки оборота оказалась для него серьезным подспорьем. По нарядам Центросахара шло снабжение сахаром армии (15 млн. пудов сахара-рафинада, то есть более 25% его годового производства), всех районов России, включая Архангельск, Сибирь и Среднюю Азию [65]. Только Балтийскому флоту надо было поставить лишь на один месяц 25 тыс. пудов сахара (около тысячи пудов в день!) [66]. Снабжение осложнялось к тому же обширной географией поставок: от Петрограда до Владивостока. Во все концы страны приходилось ежесуточно отгружать 200—300 вагонов сахара [67]. Это обострило проблему транспортировки сахара из районов производства к местам потребления.

Какие действия предпринимал Центросахар в этих условиях? Систематически подавая заявки на 300 вагонов в сутки под погрузку сахара, он с сентября 1916 г. ежесуточно составлял графики хода погрузки. Однако вагонов не хватало. И если в октябре—декабре 1916 г. недогруз сахара не превышал 8% от необходимого количества (в то время как хлеб перевозился с недогрузом в 23%), то в 1917 г. недогруз непрерывно увеличивался, достигнув в середине года 36—42% от необходимого количества [68]. Так кризис транспорта усиливал кризис снабжения армии и населения сахаром. К тому же в его транспортировке имелось много неразберихи, формализма и путаницы. В Центросахар систематически поступали жалобы от губернаторов, городских управ и уполномоченных Особого совещания по продовольствию о том, что ряд губерний — Новгородская, Ярославская, Архангельская и другие — ежемесячно недополучал десятки вагонов сахара [69]. Все эти факты, составлявшие картину ухудшавшейся доставки сахара к пунктам назначения, свидетельствовали о провале деятельности Центросахара в области транспортировки.

Центросахар проводил политику цен, которую диктовали ему сахарные монополии. Это была политика лихорадочного грабежа монополиями всего населения, смысл которой однако тщательно маскировался. Монополии преднамеренно сокращали выпуск сахара для повышения цен на него и получения новых сверхприбылей. Именно в регулировании цен со всей силой проявлялась направляющая рука монополий, которые добивались постоянного повышения цен на сахар. С 1914 по 1915 г. цены на сахар (здесь и ниже речь идет о рафинаде) возросли в среднем на 20% [70]. Но сахарозаводчикам этого казалось мало. Спустя некоторое время они потребовали нового повышения цен. Эти требования наиболее полно были выражены в записке сахарозаводчика Ю. Л. Кенига, направленной в Особое совещание по продовольственному делу. В поддержку Кенига выступил управляющий делами Особого совещания, который обратился в Центросахар с ходатайством — удовлетворить просьбу Кенига. Центросахар, однако, демонстративно отклонил домогательства сахарозаводчика. Тогда сахарозаводчик, не дожидаясь санкции Центросахара, «реализовал рафинад по предложенной им же цене» [71]. Никаких санкций, штрафов или хотя бы пори-

[64] Там же, лл. 7—14; ЦГИА УССР, ф. 579, оп. 1, д. 141, лл. 10—16, 23, 87; д. 136, л. 15.
[65] ЦГИА УССР, ф. 579, оп. 1, д. 1, л. 3; д. 134, л. 7; д. 262, лл. 1—2.
[66] Там же, д. 136, л. 77.
[67] Там же, д. 141, л. 23.
[68] Там же, л. 98; оп. 2; д. 1, л. 7.
[69] Там же, оп. 1, д. 583, лл. 35—51.
[70] «Ежегодник министерства финансов». Птгр. 1917, стр. 244—275; ЦГИА УССР, ф. 830, оп. 1, д. 1585, л. 1.
[71] ЦГИА УССР, ф. 579, оп. 1, д. 132, лл. 1—10.

цаний не последовало. Усилиями сахарозаводчиков, и прежде всего заправил сахарных трестов (которые отнюдь не ставили открыто вопроса о повышении цен, а достигали результатов, действуя «тихой сапой»), цена на сахар-рафинад в 1916 г. была поднята еще на 24% против уровня 1915 года [72]. Но и этого, как и следовало ожидать, оказалось мало. Спустя несколько месяцев гр. В. А. Бобринский предложил Центросахару провести очередное повышение цен на сахар [73]. Никакой официальной реакции Центросахара не последовало. Цены неуклонно росли. В апреле 1917 г. цена на сахар-рафинад поднялась на 4%, в июле — уже на 10%, а в сентябре сразу на 290% против конца 1916 г., то есть почти втрое [74].

Повышение цен на сахар в годы первой мировой войны происходило, следовательно, непрерывно, хотя и скачкообразно. Обращает на себя внимание рост цен в 1916 г. на 44% против уровня 1914 г., что было связано с утверждением в сахарном производстве крупнейших монополий, доставлявших рынку более $^2/_3$ сахара, производившегося в стране. Затем бросается в глаза факт семикратного (!) повышения цен на сахар с марта по сентябрь 1917 года. К сентябрю в конце концов усилиями Центросахара, которые направлялись крупнейшими монополиями, цены на сахар возросли более чем в четыре-пять раз против довоенного времени [75].

Необычайная дороговизна и настоящий кризис продовольствия требовали полного государственного контроля над производством и потреблением сахара. Большинство сахарозаводчиков, однако, тревожась за судьбу своих сверхприбылей, выступило против этого. Тогда некоторые государственные чиновники предложили ввести локальную казенную монополию на сахар. Но и этой идее не суждено было осуществиться при царизме. Безрезультатные попытки введения государственной сахарной монополии характеризовали полную неспособность царизма не только устранить продовольственный кризис, но даже наилучшим образом защитить интересы заправил сахарных трестов.

Но что не способен был сделать царизм, сделала сама буржуазия, захватившая власть в России в 1917 году. Буржуазное Временное правительство, опираясь на более концентрированную и уже монополизированную в рамках всей страны сахарную промышленность, 14 сентября установило государственную сахарную монополию [76]. Это означало, что «продажа сахара внутри государства, а равно ввоз сахара из-за границы и вывоз его за границу составляли исключительное право казны. Весь сахарный песок, производимый на сахарных заводах, приобретался казною по ценам Министерства финансов» [77].

Провозглашением государственной монополии как бы завершилось создание единой общегосударственной системы регулирования производства, распределения и потребления продукции сахарной промышленности. Эта система складывалась из нескольких звеньев. Низшее звено — рафинадные заводы, среднее — тресты во главе с банками, высшее — Центросахар, которым руководило Министерство продоволь-

---

[72] Исчислено на основании следующих данных: «Ежегодник министерства финансов». 1917, стр. 244—275; ЦГИА УССР, ф. 830, оп. 1, д. 1585, л. 1.

[73] ЦГИА УССР, ф. 579, оп. 2, д. 1, л. 10.

[74] Там же, оп. 1, д. 99, л. 1; д. 583, л. 71.

[75] Конечно, следует учитывать падение курса рубля (до 57,2 копейки в начале 1917 г.). См. С. Н. Прокопович. Война и народное хозяйство. М. 1918. Изд. 2-е, стр. 55. Да и себестоимость производства сахара возросла на 22% с 1914 по 1916 г. («Народное хозяйство в 1915 г.». Птгр. 1916, стр. 107) и еще вдвое с 1916 по осень 1917 г. (ЦГИА УССР, ф. 579, оп. 1, д. 583, лл. 70—78). Но точный учет этих обстоятельств показывает, что они сами по себе не могли служить причиной пятикратного повышения цен на сахар.

[76] ЦГИА УССР, ф. 830, оп. 1, д. 1585, л. 1.

[77] КОГА, ф. 1641, оп. 6, д. 78, л. 17.

ствия. Главную роль в системе государственного регулирования производства сахара играли тресты, в его распределении — Центросахар.

Каковы же были итоги регулирования сахарной промышленности со стороны государства? Число действующих заводов уменьшилось в 1916—1917 гг. до 235 против 293 в 1913—1914 годах. Производство сахара сократилось в 1916 г. до 77,7 млн. пудов и в 1917 г.—до 40—50 млн. пудов против 105 млн. пудов в 1914 году. Производительность труда на рафинадных заводах понизилась. Если до начала войны производство рафинада на одного рабочего составляло 1 425 кг, то в 1916—1917 гг.— всего 1 140 кг[78]. Систематически снижались нормировка и снабжение сахаром фронта и тыла. Сокращение производства сахара сопровождалось, однако, увеличением его поставок казне. Самый низкий уровень производства сахара был отмечен в 1917 году. Но в том же году был отмечен максимум поставок сахара казне. Чем больше сокращалось производство сахара, тем больше возрастал объем государственных закупок, то есть тем больше повышался удельный вес государственного потребления сахара в сравнении с частным. Доля государства в потреблении сахара достигла в 1917 г. 90% общего производства сахара в стране. Только на такой государственно-монополистической основе и под воздействием государства при падении производства могли неуклонно возрастать и возрастали цены на сахар. Цена на сахар-песок поднялась за пуд с 4,79 руб. в 1913 г. до 37,57 руб. в 1917 г., а на рафинад — с 5,16 руб. до 40—60 рублей[79]. Неудержимый рост цен не ставил под угрозу обеспечение казенного спроса (по любой цене), но приводил к резкому сокращению душевого потребления сахара и бешеному росту сверхприбылей сахарозаводчиков. В целом по сахарной промышленности прибыль составляла около 30% к основному капиталу[80]. Если в 1914 г. чистая прибыль сахарных предприятий равнялась 100—120 млн. руб., то в 1917 г. она поднялась до 500 млн. рублей[81]. Однако предприятия, входившие в состав крупнейших сахарных трестов, давали до 40—50 и даже 60% прибыли к основному капиталу[82]. Так, при падении производства сахара в два с лишним раза одновременно увеличились монопольные прибыли. Обобщая эти явления, В. И. Ленин писал: «При демократической республике остается *на деле* реакционно-бюрократическое регулирование сахарной промышленности, все остается по-старому, хищение народного труда, рутина и застой, обогащение Бобринских и Терещенок»[83]. Таким образом, попытки государственного регулирования сахарной промышленности с целью развития производства и увеличения выпуска продукции провалились, но паразитическая цель этих попыток — увеличение монопольно высоких прибылей сахарозаводчиков — была достигнута.

Возникновение органов государственного регулирования и сращивание их с монополиями было одним из условий усиления эксплуатации трудящихся масс. В то время как «нормальный» рабочий день продолжался 9,5 часа, на большинстве предприятий сахарной промышленности он длился 10,5 и даже 12 часов, а число рабочих дней в неделю составляло 7[84]. Государственно-монополистический капитализм явился общемонополистической, а потому самой жестокой формой экс-

---

[78] ЦГИА УССР, ф. 918, оп. 1, д. 44, л. 7; «Народное хозяйство в 1916 г.». Вып. I—VI, стр. 40, вып. VII, стр. 125.

[79] «Ежегодник министерства финансов». 1917, стр. 244—275; ЦГИА УССР, ф. 830, оп. 1, д. 1583, л. 1.

[80] А. И. Корчинский. Указ. соч., стр. 76—78.

[81] Исчислено на основании следующих данных: «Финансовая газета», 1916—1917 гг.; «Финансовое обозрение», 1916, № 15, стр. 10; «Ежегодник министерства финансов». 1917, стр. 244—275.

[82] А. И. Корчинский. Указ. соч., стр. 76—78.

[83] В. И. Ленин. ПСС. Т. 34, стр. 168—169.

[84] ЦГИА УССР, ф. 574, оп. 1, д. 1804, лл. 1—6, 7—10, 11, 56.

плуатации рабочего класса. Наиболее высокой была степень эксплуатации рабочих на предприятиях крупных трестов. Это приводило к неоднократным выступлениям рабочего класса против эксплуататоров. В подобных случаях администрация, опираясь на поддержку Центросахара, приостанавливала работу предприятий и объявляла локаут. В целях подавления рабочего движения Центросахар пытался действовать по двум направлениям. Во-первых, спекулируя тем, что он — государственный орган, стоящий якобы над сахарозаводчиками и над рабочими и защищающий будто бы интересы всего государства, он стремился установить поступление к нему всех требований и апелляций рабочих, в которых они жаловались на капиталистов, чтобы затем «похоронить» их. Когда в апреле 1917 г. на Киевском рафинадном заводе вспыхнула забастовка и рабочие обратились к Центросахару как к третейскому судье, последний стал на сторону сахарозаводчиков, и забастовка была подавлена [85]. Подобные факты помогали рабочим скорее понять, что государственные органы Временного правительства защищают интересы предпринимателей. Во-вторых, Центросахар вел открытое наступление на рабочий класс. Сахарозаводчики выступили инициаторами организации активной поддержки Временного правительства. Так, в августе 1917 г. они учредили Киевский комитет представителей акционерных банков, первоочередной задачей которого был сбор средств банков в фонд контрреволюции [86]. За счет этих взносов осенью 1917 г. были повышены ставки чинам полиции и увеличены пожертвования офицерским союзам. Буржуазное государство и монополии слились в одну реакционную силу, стремившуюся подавить нараставшую революцию.

Хищнический характер государственно-монополистического капитализма ускорил крах капиталистической системы в России. Ликвидировав эту систему, рабочие и крестьяне во главе с Коммунистической партией в октябре 1917 г. открыли новую эру в мировой истории — эру коммунизма.

---

[85] Там же, д. 492, л. 9.
[86] КОГА, ф. 1641, оп. 6, д. 8, л. 6.

РУССКАЯ ПРАВДА И НОВГОРОДСКИЕ БЕРЕСТЯНЫЕ ГРАМОТЫ

Л. В. Черепнин

Русская Правда является важнейшим источником по истории социально-экономических отношений в Древней Руси. Это сборник законодательных княжеских постановлений и норм обычного права, на основе которых вершился суд. Но сквозь юридические нормы можно разглядеть реальные явления общественной жизни, уловить взаимоотношения, складывавшиеся между различными классами и социальными группами в деревне, вотчине, городе в процессе разложения общинного строя и в условиях феодализации. Исследователями давно отмечено, что некоторые статьи Русской Правды порождены конкретными конфликтами, происходившими в обществе того времени. Так, статья 29 Краткой редакции Правды устанавливает, что в случае кражи коня или вола либо ограбления клети, если к ответственности будет привлечено 18 человек, то каждый из них должен уплатить 3 гривны и 30 резан штрафа [1]. Статья 40 говорит о взыскании с каждого из 10 человек, обвиненных в присвоении чужой овцы, козы или свиньи, 10 резан. Конечно, оба эти постановления были ответом на какие-то реальные случаи коллективных краж, в которых приняли участие один раз 18, другой — 10 человек. В Пространной редакции Правды указанные нормы Краткой редакции утратили свой конкретный характер и даны в обобщенной форме: вместо цифр 18 и 10, называющих точное число лиц, судимых за нарушение прав чужой собственности, стоит выражение «много» [2]. Составители различных разделов и частей Русской Правды мыслят не отвлеченно и, давая ту или иную юридическую формулу, иногда тут же указывают, как она применяется в жизни. Конкретизация доходит до того, что воспроизводится живая речь истца или ответчика.

Но если из самого содержания Правды ясна реальная основа ее правовых норм, то вопрос о применении этих норм в повседневной судебной практике требует обращения к другим источникам. Для XI—XIII вв. таких источников в нашем распоряжении до сих пор почти не было, ибо актовый материал от этого времени сохранился в ничтожном количестве. Отмеченный пробел, как нам представляется, восполняют новгородские берестяные грамоты, опубликованные А. В. Арциховским [3]. Их содержание, иногда уверенно, иногда предположительно,

---

[1] Нумерация статей Русской Правды дается в соответствии с изданием М. Н. Тихомирова «Пособие для изучения Русской Правды» (М. 1953).

[2] См., например, Русскую Правду Пространной редакции, ст. 37 и 38.

[3] А. В. Арциховский и М. Н. Тихомиров. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1951 г.). М. 1953; А. В. Арциховский. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1952 г.). М. 1954; А. В. Арциховский и В. И. Борковский. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1953—1954 гг.). М. 1958; их же. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1955 г.). М. 1958; А. В. Арциховский. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1956—1957 гг.). М. 1963; его же. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1958—1961 гг.). М. 1963 (в дальнейшем ссылки на эти издания даются сокращенно: НГБ и в скобках — годы раскопок).

можно связать с теми или иными статьями Русской Правды. Новгородские берестяные грамоты — это письма, в которых авторами и адресатами являются люди, пострадавшие и ищущие суда или привлеченные к суду, их родственники, а также лица, причастные к исполнению судебно-административных функций. Большинство писем носит частный характер. Люди, их писавшие, жалуются на несправедливости, советуются или дают советы о том, как защищать свои права, сводят с кем-либо те или иные счеты. Но некоторые из писем, по-видимому, могут быть квалифицированы как жалобы, донесения, решения, имеющие официальный характер. Следует отметить также документацию, касающуюся кредитных сделок и связанных с ними конфликтов.

Сопоставление новгородских берестяных грамот с Русской Правдой наглядно демонстрирует этот памятник в действии. Отдельные юридические нормы обретают плоть и кровь, и их применение на практике вырисовывается во всем конкретном своеобразии. Фигурирующие в Правде «мужи», «головники», «послухи» и т. д. получают в берестяных грамотах живой облик, выступают под собственными именами в своих индивидуальных, хотя во многом и повторяющихся ситуациях. Если Русская Правда отражает древнерусское общество (во всяком случае, наиболее его существенные стороны) в целом, причем в виде правовых формул, то берестяные грамоты иллюстрируют эти формулы яркими зарисовками отдельных судебных казусов. А в своей совокупности такие казусы представляют достаточно выразительное полотно общественной жизни, заполненное конфликтами, которые порождал процесс распада общинных отношений и рождения феодального общества, построенного на классовом антагонизме.

Нашей задачей и является анализ некоторых берестяных грамот с целью выяснить, как в них отразились нормы Русской Правды. Если Правда, как говорилось выше, претворила в общие юридические положения ряд конкретных судебных решений, то теперь у нас имеется возможность ознакомиться с модификацией этих обобщенных формул в практике древнерусского суда. А деятельность суда вводит нас в самую гущу народной жизни, где углублялось социальное неравенство, усиливалось закабаление трудовых масс, что обостряло борьбу между людьми, обладавшими имуществом и властью, и теми, кто всего этого был лишен.

Суд по уголовным делам. «Виры» и «продажи»

Задачей Русской Правды являлось определение характера преступлений и видов наказаний, среди которых прежде всего упоминаются «виры» и «продажи» — штрафы за убийство и другие преступления. Совершенно естественной поэтому будет попытка поискать указаний на «виры» и «продажи» и в берестяных грамотах.

В грамоте № 421 (XII в.), посланной Братятой Нежилу, читаем[4]: «От Братяте к Нежилоу. Поиди, соуноу, домовь, свободне еси. Паки ли не идеши, а послоу н[а] тя ябьтьник. Я заплатиль 20 гр[и]в[е]н, а ты свобонь». Автор письма сообщает адресату, что заплатил за него 20 гривен, и предлагает ему ехать домой, ибо теперь он свободен. В. Л. Янин считает, что Нежил совершил какое-то преступление и скрылся: штраф, который с него следовал, пришлось внести его отцу[5]. Согласно Русской Правде, штраф в 20 гривен («полувирье») взыскивался за отсечение у

[4] А. В. Арциховский. Берестяные грамоты из раскопок 1962—1964 гг. «Советская археология», 1965, № 3, стр. 210—211.

[5] В. Л. Янин. Я послал тебе бересту... М. 1965, стр. 181.

кого-либо руки или ноги, за ослепление человека, за убийство своей жены [6].

Не совсем понятно, почему отец собирается вызвать сына через ябедника, то есть судебного пристава (если он не явится добровольно): ведь штраф уплачен, Нежил «свободен» от дальнейшей ответственности перед судом и его будущие взаимоотношения с отцом как будто бы являются чисто семейным делом — и вдруг ябедник? Очевидно, взнос Братятой «полувирья» за Нежила был актом не добровольным, а принудительным. Ввиду того, что преступника не оказалось на месте, отвечать за него должен был ближайший родственник. Когда существовала кровная месть, то брат мстил за брата, отец за сына, сын за отца и т. д.[7]. С тех пор, как месть была заменена денежным выкупом, родственники стали нести ответственность за уплату преступником «вир» и «продаж». Поскольку Нежил убежал, суд взыскал штраф за него с отца. Но затем последнему стало известно местопребывание сына, и он решил потребовать с него возмещения понесенных убытков (добровольно или через судебные органы).

Среди преступлений, караемых «продажами», Русская Правда называет нанесение побоев. Описание конкретного случая избиения женщины находим в берестяной грамоте № 156 (XII в.) [8], где читаем: «От Завида к Мън к жене и к детьм. А женоу ти били, не измоучили, чего же». Между строчками вписаны слова: «К Лоуке иди». Хотя текст читается легко, смысл его постигнуть трудно. А. В. Арциховский пришел к выводу: «словосочетание получается нелепое; его объяснить можно лишь раздраженным состоянием автора». Действительно, если принять перевод грамоты, предлагаемый А. В. Арциховским, то ее содержание покажется по меньшей мере странным: «От Завида к Мон... к жене и к детям. Жену твою били, жаль, что совсем не замучили. Иди к Луке».

По нашему мнению, предпосылкой для правильного понимания этого текста должно послужить установление различия между терминами «бити» и «мучити» — «измучити». Первое слово применяется для обозначения незаконного и караемого судом избиения, второе — когда речь идет о пытке или применении ордалий по суду. В церковном уставе князя Владимира Святославича предусматривается случай, когда дети «отца и матерь бьють» [9]. В уставе князя Ярослава Владимировича говорится: «Аже сын бьеть отца или матерь, да казнити его волостельскою казнию, а епископу в вине». Там же находим статью: «Аже мужь бьеть чюжю жену, за сором еи по закону, а епископу 6 гривен» [10]. Русская Правда избиения женщины специально не касается, но, как уже отмечалось выше, о случаях убийства «жены» говорит [11]. О «муке» как мере воздействия, используемой при судебном разбирательстве, речь идет в статьях 71 и 72 Пространной Правды, запрещающих «мучить» смерда и огнищанина «без княжа слова», и в статьях 81 и 82 того же памятника, говорящих о применении раскаленного железа для выяснения виновности заподозренных лиц.

На основе проведенного терминологического анализа можно попытаться разобраться в смысле грамоты № 156. Адресат, имя которого, видимо, не дописано («Мън...»), обратился к Завиду (очевидно, лицу, исполнявшему какие-то административно-судебные функции) с жалобой на то, что его жена подверглась избиению. Речь здесь шла, конечно, о побоях, нанесенных ей не своими домашними, а кем-то посторонним

---

[6] Русская Правда Пространной редакции, ст. 21 и 83.
[7] Там же, ст. 1.
[8] А. В. Арциховский и В. И. Борковский. НГБ (1955), стр. 36—38, № 156.
[9] «Памятники русского права» (далее: ПРП). Вып. I. М. 1952, стр. 238, ст. 7.
[10] Там же, стр. 261, ст. 29—30.
[11] Русская Правда Пространной редакции, ст. 83.

(ибо прошение к Завиду последовало от всей семьи пострадавшего). Завид отнесся к жалобщику лояльно и указал ему, что судебно-административный аппарат здесь ни при чем, что жену его не подвергали никаким пыткам, испытанию железом и прочим «мукам». Муж избитой должен поднять дело в суде против конкретного виновника преступления, и Завид посоветовал ему, куда следует обратиться: «иди к Луке».

Очень интересно, что письмо Завида адресовано, кроме лица, имя которого начинается буквами «Мън», также жене и детям. Это указывает как на коллективную ответственность семьи за преступления, так и на коллективное выступление семьи в защиту своих интересов. По Русской Правде, разбойник выдается на «поток и разграбление» с женою и детьми [12]. Но в том же памятнике зафиксирована норма: «чада смирять» того, кто изувечит их отца [13]. Трудно сказать, к какой общественной среде принадлежали избитая женщина, ее муж и дети. Статья Русской Правды о «муке» касалась и огнищан и смердов. Непосредственное обращение мужа пострадавшей к представителю власти (если Завид был таковым), подсказавшему ему легальные пути дальнейших действий против обидчика, говорит скорее за принадлежность его к социальным верхам, чем низам.

Судебный процесс

Ряд берестяных грамот рисует систему судопроизводства, виды судебных доказательств, общие черты судебного процесса.

Одной из форм опознания и уличения преступника, известной древнерусскому праву, было «гонение по его следу». Форма эта предусматривала использование судом в своих интересах общины — верви, которая должна была «отвести» подозрительный след, ведший к ее территории, доказав, что он здесь не кончается, следовательно, не принадлежит человеку, живущему или скрывавшемуся в верви. Если общине не удавалось это сделать, то она отвечала вместе с тем, кто оставил свой след. Обязанность коллективной ответственности сближает институты «дикой виры» и «гонения по следу». Последний институт как будто нашел отражение в некоторых новгородских берестяных грамотах. Рассмотрим одну из них — № 374, относящуюся к сравнительно позднему времени (XV в.) [14]. Это отрывок, в котором говорится: «...шестора луди ехали с Валена. Лудище иде. Мои кони оу тебе, а твои конь оу мене. Не буде моихь конь оу тебе, и ты даи ми рубел...».

Можно думать, что речь идет о гонении по следу за вором (конокрадом). М. Н. Тихомиров приводит пример подобной процедуры, заимствованный из материалов копных (общинных) судов XVI в. в Белоруссии [15]. В 1575 г. в Слонимском уезде был украден конь. Собравшиеся для погони, «взявши есмо след от петы, то есть от того местца, где оный конь взят, шли есмо следом горачим и привели след до села пана Абрама Мелешка до Киселев; люди деи с того села вышедши до оного следу, тот след приведеный от села своего отвели». Как можно судить по интересующей нас берестяной грамоте, в Новгородской земле, в деревне Валене или Валине луге [16], в XV в. имело место нечто подобное тому, что произошло в Слонимском уезде в XVI веке. Очевидно, у автора письма были похищены лошади. След вора привел к деревне Валину лугу. Местные жители должны были отвести от себя подозрение в

---

[12] Там же, ст. 5.
[13] Русская Правда Краткой редакции, ст. 5.
[14] А. В. Арциховский. НГБ (1958—1961), стр. 72—74, № 374.
[15] М. Н. Тихомиров. Указ. соч., стр. 103.
[16] «Новгородские писцовые книги». Указатель к первым шести томам. Птгр. 1915, стр. 111.

воровстве, и семь человек двинулись по следу (шестеро верхом, один пешком). Подозрение пало на адресата письма. Пострадавший отобрал у последнего в залог принадлежавшую тому лошадь и согласился, если подозреваемый станет отрицать, что он занимался кражей, но не сможет назвать подлинного вора, получить с него рубль в возмещение за свою пропажу.

Особую группу судебных дел составляли дела, возникавшие по «поклепу», то есть по обвинению, не подкрепленному доказательствами. «Поклеп» не раз служил орудием классовой и внутриклассовой борьбы, средством, при помощи которого расправлялись друг с другом политические противники. Грамота (дефектная) № 247 (XI в.) [17] дает материал для суждения о том, как производился суд по «поклепу». Можно прочесть следующее: «...сегмми резанами. А замъке келеа, двьри келеа. А господарь в нетяже, недее. А продаи клеветьника того. А оу сего смерда възъ епоу... смьрьди побити клеветьника...». Перевод А. В. Арциховского смысла текста не раскрывает: «...резанами, замок келии, двери келии, ее хозяин бездельник. Продай клеветника того. А у этого смерда воз... смердам побить клеветника». В. Л. Янин, отмечая наличие в грамоте «бессвязных обломков фраз», отказывается от ее толкования [18].

Ввиду того, что края рассматриваемого берестяного документа оборваны, воспроизвести его полный текст и дать точный перевод действительно невозможно. Но общий смысл его понять можно. Было поднято «поклепное» дело. Термины «поклеп», «клепати» не раз встречаются в Русской Правде [19]. В памятниках публицистики неоднократно подчеркивается, что не следует верить «клеветникам». Так, в Изборнике (сборнике) князя Святослава 1076 г. имеются следующие изречения: «яко не достоить послушати клеветаря, сладко ти глаголюштя или слышати на ближьняго»; «...въвъздрьжи клевештуштаго в ушию твоея, да не купно с нимь погынеши» [20].

В грамоте речь идет о «поклепе» в отношении смердов, которые обвинились, по-видимому, в попытке ограбить келью, находившуюся под замком. Материал об ограблении монашеских келий имеется в Киево-Печерском Патерике [21]. Со смердов взыскивается «продажа» резанами, а привлечь к уплате «продажи» надо «клеветника». «Господарь», от которого смерды, вероятно, зависимы, уклонился от тяжбы, не хочет действовать, выступать на суде [22]. Смердам остается побить «клеветника». Судебная тяжба грозит закончиться самосудом. В оборванном слове «възъ» после существительного «смьрда», может быть, следует видеть глагол «въздрьржати» — удержать; то есть, возможно, в грамоте содержится опасение, что смерды расправятся с тем, кто начал против них «поклепное» дело, и выражается забота, чтобы эту расправу предотвратить.

В разобранном деле мы сталкиваемся с классовым делением феодального общества. Жертвой «поклепа» являются смерды, причем не смерды-данники, живущие на государственных землях, а крестьяне, зависимые от своего «господаря», то есть феодала. Характерны и их столкновение с монахами и их активные действия, направленные против «клеветника», возбудившего судебный процесс. Все это подтвержда-

---

[17] А. В. Арциховский и В. И. Борковский. НГБ (1956—1957), стр. 69—71, № 247.

[18] В. Л. Янин. Указ. соч., стр. 173.

[19] Русская Правда Пространной редакции, ст. 15, 16, 17, 45, 60.

[20] В. Шимановский. К истории древнерусских говоров. Исследование с приложением полного текста Сборника Святослава 1076 г. Варшава. 1887, стр. 012, 016.

[21] Патерик Киево-Печерского монастыря. СПБ. 1911, стр. 88.

[22] В Русской Правде не раз встречается слово «тяжа» — тяжба (ст. 17, 59, 81, 99). Выражение «в нетяже», очевидно, указывает на уклонение от тяжбы.

ет, что за юридической оболочкой «поклепных» дел иногда скрывались острые схватки общественных сил и интересов.

Рассмотренные грамоты, конечно, не могут дать целостного представления об эволюции судопроизводства. Перед нами прошли скорее конфликтные сценки, иллюстрирующие его отдельные стороны. Но и такой отрывочный, иллюстративный материал позволяет представить себе, как претворялись в жизнь законоположения Русской Правды.

Процедура «свода» и «холопий вопрос»

Одним из характерных институтов древнерусского права была процедура «свода» — розыска пропавших (утерянных или похищенных) вещей и рабов. Акты покупки на торгу должны были сопровождаться определенными формальностями. Их несоблюдение покупателем влекло за собой ответственность последнего в том случае, если впоследствии оказывалось, что приобретено было имущество, продавцу не принадлежавшее. Покупатель, чтобы снять с себя обвинение в краже, должен был «свести» владельца пропавшего имущества с тем, кто ему его продал. Тогда тот или отвечал как «тать», или, в свою очередь, аналогичным путем отводил от себя подозрение в «татьбе». Подобный порядок, с одной стороны, говорил о достаточном развитии частной собственности и о разработке соответствующих правовых норм, ее охранявших, а с другой, свидетельствовал о слабости экономических связей, в силу чего поиски пропавшей вещи вращались в сравнительно узкой округе.

Новгородские берестяные грамоты рисуют конкретные формы розыска потерянных или украденных вещей и холопов, в частности, характеризуют институт «свода». С большим трудом читается грамота № 8 (XII—XIII вв.) [23]. Многое в ней неясно. Публикаторы предлагают следующее чтение: «осьмнун... скръи Гучьку, чья... [е]сть корова, да молови ему ожалочьши [24] коровь, а едеши по корову, а вьзи [8] [25] гривьнь». Исходя из этого чтения, Л. П. Жуковская дает такой перевод грамоты: «[Г]осьмнуну. Скрой Гучьку, чья корова (то есть Гучьку, которому принадлежит корова), и скажи ему (не переведено: «ожалочьши коровь»). [Если] поедешь за коровой, вези три гривны». Л. П. Жуковская признает, что смысл грамоты ей не вполне понятен [26]. Иное чтение и другое понимание текста предлагает В. К. Чичагов. Он считает, что в грамоте написано не «да молови ему», а «дамо лови ему» и не «ожалочьши», а «оже лучьши коровьа». Смысл здесь, по мнению Чичагова, такой: «[я] дам ловы ему, что лучше коровья», то есть речь идет об обмене «ловов» (мест ловли зверей или птиц, «ловищ») на корову [27]. Однако в таком понимании грамоты представляется искусственной разбивка на слова и толкование текста.

Чтение, предложенное А. В. Арциховским и М. Н. Тихомировым, в целом ближе к истине, но требуются некоторые коррективы в транскрипции и раскрытии смысла. Правда, внести полную ясность в грамоту, сильно поврежденную временем, невозможно, но надо поискать пути, которые приблизили бы нас к расшифровке ее содержания. Речь идет о корове, причем ясно, что вопрос стоит не о легальной покупке, а рассматривается какое-то спорное дело о том, «чья... [е]сть корова».

---

[23] А. В. Арциховский и М. Н. Тихомиров. НГБ (1951), стр. 38—39, № 8.

[24] Д. С. Лихачев в рецензии на книгу А. В. Арциховского и М. Н. Тихомирова «НГБ (1951)» («Советская археология», т. XIX, 1954, стр. 324) читает: «о жалочыши».

[25] По мнению М. К. Кислова (приведенному А. В. Арциховским и М. Н. Тихомировым),— не «8», а «три».

[26] Л. П. Жуковская. Тексты грамот и переводы с разночтениями. «Палеографический и лингвистический анализ новгородских берестяных грамот». Сборник статей. М. 1955, стр. 194.

[27] В. К. Чичагов. Филологические заметки. «Вопросы языкознания», 1954, № 3, стр. 84—85.

Разобраться в существе конфликта помогает привлечение Русской Правды. По поводу первого слова в берестяной грамоте — «осьмнун» — А. В. Арциховский и М. Н. Тихомиров высказывают предположение, не является ли оно искажением термина «осмьник», или «осменик», — должностное лицо, сборщик торговых пошлин. Обращаясь к Русской Правде, видим, что обвиняемый в покупке чего-либо краденого на торгу (коня, одежды, «скотины») должен указать того «мытника» (сборщика торговых пошлин), в присутствии которого была совершена покупка. Думается, что грамота № 8 представляет конкретный случай применения приведенной выше статьи Русской Правды. Начало грамоты можно прочитать несколько иначе, чем предложили А. В. Арциховский и М. Н. Тихомиров, а именно: «Осьмнунь[28] екръи Гучьку, чья... [е]сть корова...» Гучко, вероятно, приобрел краденую «скотину» (корову). Нашелся ее владелец, сумевший доказать свое законное право собственности, сославшись на «осменика» — «мытника», в присутствии которого сам в свое время купил корову у третьего лица. Гучко же не мог такой же ссылкой подтвердить свою покупку и поэтому, по закону, должен был лишиться коровы. Русская Правда говорит по этому поводу: «а оному желети своих кун, зане не знаеть, оу кого купив», то есть тот, кто не знает, у кого купил коня, одежду, «скотину» и прочее, относительно чего возбужден судебный иск, теряет затраченные деньги, а спорное имущество у него отбирается. Законный собственник коровы, которую приобрел Гучко, защищая свои права при посредничестве «мытника» — «осменика», просит последнего поехать к Гучку и разъяснить ему статью Русской Правды, «молвив» «о жалочьши коровьа». Последнее выражение вполне совпадает с формулами Русской Правды, «а оному желети своих кун», «а прока ему желети, что с ним погибло»[29]. В то же время законный собственник коровы готов ее уступить Гучку за соответствующую сумму и поэтому просит «осменика» отвезти и предложить ему деньги.

Для характеристики процедуры «свода» интересный материал, по нашему мнению, дает грамота № 65 (XIII в.)[30], хотя содержание ее можно толковать по-разному. Это — начало письма, довольно легко читающееся: «Поклно от Матвия ко Есифу ко Давидову. Вывези ми 2 медведна да веретиша да попонь. А к...» На обороте грамоты тем же почерком написано: «Ажь водя, по 3 рубля продаи, али не водя — нь продаи»[31]. Матвей обнаружил у кого-то принадлежавшие ему ранее вещи (медведна, веретиша, попону), признал их своими, а теперешнего их владельца обвинил в краже или покупке краденого. Начался «свод», то есть (как говорилось выше) особого рода расследование, при котором каждый человек, подозреваемый в воровстве, должен был указать, у кого он купил спорное имущество. «Свод» вышел за пределы города, где жил Матвей, и последний поручил дальнейшее ведение дела Есифу. Согласно статье 31 Русской Правды Пространной редакции, вне городской черты «свод» продолжался до третьего ответчика. Тот должен был возместить истцу стоимость пропавшего у него имущества, а сам с этим имуществом в руках идти по «своду» дальше, пока не будет найден настоящий похититель, который уже не сможет отвести от себя обвинения. На этого «конечного татя» и падет обязанность уплатить все убытки по иску и штраф в казну («продажу»).

Когда Матвей писал Есифу: «вывези» мне такие-то вещи,— он подразумевал, очевидно, не их покупку, а возврат по окончании «свода».

[28] После буквы «н» в тексте еще какая-то буква, напоминающая «ь».
[29] Русская Правда Пространной редакции, ст. 32, 35.
[30] А. В. Арциховский. НГБ (1952), стр. 65—66, № 65.
[31] «Медведно»— полсть из медвежьей шкуры. Попоны — узкие полсти, выделываемые из войлока. «Веретище» — «вретище» — мешок. См. С. В. Бахрушин. Научные труды. Вып. I. М. 1952, стр. 171.

Когда он говорил «водя» или «не водя», он, надо полагать, имел в виду, признает ли себя виновным в краже тот, на кого будет указано в результате «третьего свода», или нет. Термин «водя», думается, правомерно сопоставить со словом «свод» и, в частности, с выражением ст. 29 Пространной Русской Правды: «сведитеся, кто будеть виноват, на того татба снидеть...» «Продай», вероятно, означает не «соверши сделку продажи на рынке», а «привлеки к уголовной ответственности, заставь уплатить продажу» третьего по счету ответчика, если он виноват; если же нет, пусть продолжает «свод». Кстати, бросается в глаза следующее совпадение: по Русской Правде «продажа» — три гривны, автор берестяной грамоты № 65 пишет: «по 3 рубля продаи». Цифры сходятся.

Наряду с материалами о «своде» по искам о похищенных вещах, в берестяных грамотах имеются сведения и о «своде» по делам о владении холопами. В обществе, которое рисуют документы на бересте, рабы представляли определенную ценность, и рабовладельцы вели за них борьбу. До нас дошли лишь отдельные иллюстрации этой борьбы, на основе которых трудно составить представление о ее силе, интенсивности, распространенности. Но иллюстрации эти столь жизненны, что невольно приковывают внимание и захватывают воображение. В одной из древнейших берестяных грамот, № 109 (XI в.) [32], говорится: «Грамота от Жизномира к Микоуле. Коупил еси робоу Плескове. А ныне мя в том яла княгыни. А ныне ся дроужина по мя пороучила. А ныне ка посли к томоу моужеви грамотоу, е ли оу него раба. А се ти хочоу, коне коупив и княж моуж въсадив, та на своды. А ты, атче еси не възал коун тех, а не емли ничто же оу него».

Ряд исследователей (приоритет здесь принадлежит А. В. Арциховскому) связывает эту грамоту с постановлением Русской Правды о том, что владелец украденного и перепроданного раба, обнаружив его у другого владельца, имеет право возбудить о нем иск и требовать от нового господина (как и в случае находки пропавшей вещи) «свода», то есть указания лица, продавшего ему раба. Тот поступал аналогичным образом. Но так дело велось (в противоположность процедуре розыска похищенных вещей) только до «третьего свода». Третий ответчик должен был отдать истцу своего раба, а сам продолжать розыск, используя украденного человека в качестве «лиця» (поличного), и на основании его показаний устанавливать всех тех, кто его продавал и покупал, вплоть до «конечного татя», то есть до обнаружения подлинного вора. Тогда происходил обмен рабами между третьим ответчиком и истцом, а «конечный тать» должен был уплатить «продажу» и возместить убытки истцу [33].

Смысл грамоты Жизномира Микуле (слуге) следующий. Автор письма сообщает адресату, что на купленную им в Пскове рабу предъявила права (как на беглую или похищенную) княгиня. Она задержала Жизномира и привлекла его к ответственности. За Жизномира поручилась дружина (такое поручение требовалось согласно нормам Русской Правды) [34]. Жизномир, обращаясь к Микуле, просит его узнать у продавца рабы, есть ли у него другая раба, которую должен он отдать княгине (опять-таки согласно нормам Русской Правды) вместо рабы, проданной и оказавшейся беглой или краденой, на то время, пока при помощи этой последней будет производиться «свод», то есть розыски ее похитителя у княгини. Вести расследование будет княжеский «муж» (дружинник), для которого Жизномир специально покупает коня. Жизномир предупреждает Микулу, чтобы он не соглашался на получение с продавца рабы заплаченных за рабу денег, ибо продавец, возможно,

[32] А. В. Арциховский и В. И. Борковский. НГБ (1953—1954), стр. 38—41, № 109.

[33] Русская Правда Краткой редакции, ст. 15; Русская Правда Пространной редакции, ст. 33.

[34] Русская Правда Краткой редакции, ст. 13.

захочет, чувствуя свою ответственность, прекратить таким путем дело.

Большой интерес для изучения вопроса о «своде» по искам о холопах представляет грамота № 155 (XII в.) [35]: «От Полоцька к... Пояле девку оу Домаслава. На мне ти Домаславе взяле 12 гривне. А присли 12 гривне. Или не прислеши, а мне ти стати... [кня]зя и у владыке. А больши ти протеря гоши». Все исследователи (А. В. Арциховский, Л. П. Жуковская, Б. Б. Кафенгауз, В. Л. Янин) [36] считают, что в этом письме речь идет о женитьбе адресата на «девке»—рабыне Домаслава. Домаслав взял за нее выкуп с автора письма. Тот хочет возместить этот убыток и просит адресата вернуть ему стоимость рабыни, угрожая в противном случае обратиться в суд (княжеский и владычний). Это толкование оставляет необъясненным один вопрос: при чем здесь Полчек? Почему он расплачивался за брак адресата и выкупал его из рабства, а потом ему же стал грозить судом? Думается, что исследователи неправильно видят основное содержание грамоты № 155 в осложнениях, возникших в связи с женитьбой свободного человека на чужой рабыне и выкупом последней на свободу. Предпосылкой для подобной трактовки является понимание выражения «поял девку» как «женился», «взял девку в жены». В таком смысле это выражение действительно часто встречается в источниках. Но есть и другое значение глагола «поял» — «пояти», «поиметь», которое применительно к «челядинам» употреблено в ст. 33 Пространной редакции Русской Правды и прямо связывает с этой статьей берестяную грамоту № 155. По ст. 33 Русской Правды, владелец беглого или украденного «челядина», опознавший его у кого-либо, может его «пояти» (то есть забрать к себе) и, руководствуясь показаниями «челядина» о тех, кто его покупал и продавал, искать путем «свода» его похитителя. Вероятно, адресат письма, найдя у Домаслава какую-то «девку», назвал ее своей рабыней и вернул себе. Началось расследование («свод»), которое привело к Полчеку. Тот, видимо, не смог отвести от себя подозрение, и ему пришлось поэтому уплатить Домаславу двенадцать гривен. Кстати, такова была сумма «продажи», которая, по ст. 34 Русской Правды, взималась с владельца беглого или украденного «челядина». Полчек был вынужден внести эту сумму, но в письме к лицу, возбудившему иск о рабыне, потребовал вернуть ему деньги, не считая себя виновным. Может быть, принадлежность «девки»-рабыни человеку, которому адресовано письмо, была спорной, может быть, у последнего была какая-то договоренность с Домаславом о взыскании с него денег, которые он платить был не должен,— здесь мы вступаем уже в область гаданий. Во всяком случае, в своем послании Полчек подчеркнул, что если адресат не возместит его убытки, то он будет действовать по суду дальше, и это принесет адресату только расходы, ибо ему придется взять на себя все судебные издержки. Следует обратить внимание на полное соответствие терминов «протеря» в грамоте и «протор» в ст. 33 Русской Правды («протор тому же платить», то есть все издержки платить лицу, виновность которого окончательно установлена).

Не совсем понятно выражение «протеря гоши...». «Гошити», «изгошити», «угошити» значит: делать, устраивать [37]. Буквальный перевод слов «протеря гошити» был бы: делать ущерб. Но можно думать, что «гоши», это сокращенное «гонеши». Давая подобное толкование, надо остановиться на ст. 108 Пространной редакции Русской Правды, где речь идет как раз о поисках беглого холопа, причем имеется выражение:

---

[35] А. В. Арциховский и В. И. Борковский. НГБ (1955), стр. 34—36, № 155.

[36] Л. П. Жуковская. Новгородские берестяные грамоты. М. 1959, стр. 41; Б. Б. Кафенгауз. Заметки о новгородских берестяных грамотах. «История СССР», 1960, № 1, стр. 172; В. Л. Янин. Указ. соч., стр. 170.

[37] И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка. Т. I. СПБ. 1893, стр. 573, 1054; т. III. СПБ. 1903, стр. 1140.

«...аче упустить и гоня». Надо думать, что Полчек приглашает своего адресата пойти на мировую и во избежание ущерба для него самого не возобновлять процедуру «свода» или «гонения». Несколько неясно, почему Полчек собирается обратиться в суд не только княжеский, но и владычний. Может быть, действительно его адресат так желал добиться получения рабыни, потому что хотел на ней жениться, а подобное дело могло быть подведомственно церкви. Но основная тема письма № 155 — это не выкуп рабыни, а спор о ней на основе норм Русской Правды.

Полагаю, что в Русской Правде можно найти ключ к объяснению грамоты № 411 (XIII в.) [38], в которой говорится: «...ора [39] ко Ксьнье. Ожь яль будь Матфьеца, добрь скуеть, а цьпье могить добы[ти] [40]. Прикуеть в подклыть в пивномо. А дае Кснятиньцу его, отъ блюдь до мынь... и в сьло с посто...» В начале письма было обращение (как предполагает А. В. Арциховский) — «[от Фед]ора» или «[от Сид]ора», либо (как думает В. Л. Янин) «[от Алекса]ндра», или «[от Мена]ндра», или «[от Ника]ндра». А. В. Арциховский так переводит текст: «От Федора к Ксении. Если Матфея поймали, хорошо его скуйте, а цепи сумейте достать. Прикуйте в пивном подклете. Дайте его Константину, пусть сторожит до моего приезда». Последнюю строку, где имеются разрывы, А. В. Арциховский отказывается перевести.

Может быть, смысл этой грамоты прояснится, если сопоставить ее со статьей 108 Русской Правды: «аже кто своего холопа сам досочиться в чьемь любо городе, а будеть посадник не ведал его, то поведавше ему, пояти же ему отрок от него и шедше оувязати й, и дати ему вязебную 10 кун, а переима нетуть; аче оупустить и гоня, а собе ему пагуба, а платить в то никто же, тем же и переима нетуть». Это значит: если кто-либо найдет в каком-либо городе своего (беглого) холопа (причем посадник не знал, что холоп там скрывался), то владельцу беглеца следует, известив об этом посадника, взять у него отрока, который наложит на беглого холопа оковы, и заплатить отроку 10 кун «вязебного». Брать же штраф за «переим» холопа ни с кого не надо. Если же затем холоповладелец, ведя пойманного холопа к себе домой, по дороге снова его упустит, то сам будет виноват, платить ему за это никто не обязан, и штраф за «переим» в данном случае не взыскивается.

Вернемся теперь к грамоте № 411. Матфеец, по-видимому,— беглый холоп автора письма и его жены Ксении. Последняя находится в Новгороде, ее муж — в подгородном имении (в «сьле»). Розыски Матфейца, очевидно, производятся в соответствии с процедурой Русской Правды. В них принимает участие какой-то Кснятинец (Константин), по всей видимости, «отрок», выделенный посадником. Он должен сковать Матфейца, то есть заковать его в цепи. Об этом весьма беспокоится холоповладелец в письме к своей супруге Ксении. Когда холоп будет скован, его, очевидно, следует доставить из Новгорода в село. При этом важно не упустить его снова по дороге. Надо думать, господин хочет этим заняться сам. Вот он и просит, чтобы до его приезда в город Матфейца продержали скованным в пивном подклете его городской усадьбы, а Константин последил бы за тем, чтобы тот не убежал. Как только автор письма прибудет в Новгород, он сам позаботится о доставке Матфейца в свое село.

Исследования последних лет все более убеждают в том, что холопство занимало видное место в общественной структуре Руси X—XIII веков. Пополнение источников по истории этой социальной категории чрез-

---

[38] А. В. Арциховский. Берестяные грамоты из раскопок 1962—1964 гг., стр. 203—204; В. Л. Янин. Указ. соч., стр. 110.

[39] В. Л. Янин читает «...ндра» (см. В. Л. Янин. Указ. соч., стр. 110).

[40] Конъектура А. В. Арциховского (см. А. В. Арциховский. Берестяные грамоты из раскопок 1962—1964 гг., стр. 203—204).

вычайно важно. И найденные берестяные грамоты (хотя их по данному вопросу и названной эпохе не так много, сохранность текстов очень плохая, а уцелевших полностью грамот почти нет совсем) помогают нагляднее представить положение холопов.

Тяжба по делам о кредите и ростовщичестве

Целый ряд статей Русской Правды посвящен вопросу о кредите и ростовщических операциях. Усиление ростовщичества, закабаление непосредственных производителей в городе и деревне вызвали после смерти в Киеве князя Святополка в 1113 г. сильное народное движение. Владимир Мономах, заняв освободившийся киевский стол, вынужден был издать устав о «резе» (он вошел в состав Пространной редакции Русской Правды), несколько ограничивший деятельность ростовщиков, нормировав величину процентов, взыскиваемых ими с должников. Новгородские берестяные грамоты дают новый материал для характеристики кредита и ростовщичества в Древней Руси. Это разнообразные долговые документы: заемные письма, расписки, обязательства и т. д.

Угрозу кредитора подать в суд жалобу на злостного неплательщика содержит грамота № 246 (XI в.) [41]. Хотя она относится к очень раннему времени, но сохранилась превосходно и читается легко: «От Жировита к Стоянови. Како ты оу мене и чьстьное древо възъмъ и вервиць ми не присълещи, то девятое лето. А не присълещи ми полоупяты гривьны, а хоцоу ти выроути в тя лоуцьшаго новъгорожянина. Посъли же добръм». А. В. Арциховский так переводит текст: «От Жировита к Стояну. Как ты у меня взял крест и не прислал мне вервиц (то есть денег.—*Л. Ч.*) уже девятый год. Если не пришлешь мне четыре с половиной гривны, хочу ославить тебя, лучшего новгорожанина (то есть новгородца.—*Л. Ч.*) (вариант с тем же смыслом: огласить твой долг). Пошли же добром». Так же толкует документ и В. Л. Янин [42].

Я хочу предложить несколько иное понимание письма. Выражение «чьстьное древо възъмъ, и вервиць ми не присълещи» означает не то, что Стоян купил у Жировита крест и не заплатил за него деньги, а то, что Жировит дал Стояну деньги взаймы, он поклялся на кресте, что долг вернет, и клятву нарушил. Прошло девять лет, и Жировит напоминает Стояну, что тот его обманул. Это было подсудное дело, ибо по Русской Правде злостный должник (тот, кто не отдавал «кун за много лет») обязан был заплатить штраф («за обиду») три гривны [43]. Для того, чтобы получить со Стояна долг (четыре с половиной гривны), Жировиту следовало представить свидетелей, ибо по Русской Правде заемные сделки без послухов считались законными лишь на сумму не свыше трех гривен [44]. Жировит и грозит Стояну, что уличит его посредством какого-то «лучшего новгорожанина», то есть новгородца, принадлежащего к числу социальных верхов (может быть, феодалов, может быть, зажиточных купцов). Маловероятно мнение, что под «лучшим новгорожанином» Жировит подразумевает самого Стояна. Обращение Жировита в суд с привлечением послуха грозило Стояну тем, что ему пришлось бы, помимо возврата кредитору четырех с половиной гривен, уплатить еще три гривны штрафа. Собственно, об этом и предупреждает автор письма своего адресата, советуя ему не дожидаться, чтобы он передал дело судебным органам, и расплатиться добровольно.

Особо следует рассмотреть берестяные грамоты, иллюстрирующие известные законоположения Русской Правды, которыми определялись

---

[41] А. В. Арциховский и В. И. Борковский. НГБ (1956—1957), стр. 67—69, № 246.

[42] В. Л. Янин. Указ. соч., стр. 173.

[43] Русская Правда Пространной редакции, ст. 43.

[44] Там же, ст. 47.

размеры процентов с денежных ссуд. Небольшой фрагмент грамоты № 75 (XII в.) [45] А. В. Арциховский читает: «...о ти заято в треть». Б. Б. Кафенгауз предлагает другую разбивку на слове: «о ти зая, то в треть» [46]. Общий смысл текста в обоих случаях одинаков: речь идет о займе денег под условием так называемого «третного реза». Различное деление на слова меняет лишь грамматическую форму: тобой занята сумма «в треть», или, раз ты занял, то плати «в треть».

Б. Б. Кафенгауз правильно связывает рассматриваемый текст со статьями 47 и 48 Пространной редакции Русской Правды. Первая из них относится к законодательству Святополка, вторая — Владимира Мономаха. В ст. 47 говорится, что «месячный рез» (то есть процент с долговой суммы, высчитываемый за каждый месяц кредитной сделки) можно брать только при кратковременных ссудах («оже за мало»). Если заем длился не менее года, то при получении долга кредитор не имеет права производить расчет процентов, исходя из определенной их суммы за каждый месяц. Он может взять с должника 50% за год («то дадять ему куны в треть», то есть за каждые два рубля — третий). Статьей 48 заимодавцу, давшему в рост деньги из 50%, разрешалось взыскивать с должника указанные проценты не свыше двух раз; кредитор, взявший в третий раз с задолжавшего ему человека рост в указанном размере, терял право на получение основной суммы долга («...и уставили до третьяго реза, оже емлеть в треть куны; аже кто возметь два реза, то то ему исто; паки ли возметь три резы, то иста ему не взяти»).

Приведенные постановления, направленные к некоторому, правда, весьма умеренному, ограничению ростовщичества, явились ответом на бурные народные восстания конца XI — начала XII века. Берестяная грамота № 75 и рисует практику взыскания «третного реза». По отрывку трудно судить, что это за документ. Вероятно, перед нами письмо кредитора должнику с напоминанием об уплате долга.

О «третном резе» речь шла и в грамоте № 170 (XII в.) [47], от которой сохранился лишь отрывок: «...ру куне есем... имаю в другую трьть... же и на тя». Несмотря на отрывочность текста, его общий смысл становится ясным в свете вышеприведенных статей 47 и 48 Пространной редакции Русской Правды, говорящих о вторичном денежном займе из расчета «в треть куны» (то есть на два рубля третий, что составляет 50% годовых). Такой высокий процент кредиторам, как уже отмечалось, разрешалось брать дважды. Таким образом, давая деньги «в другую треть», ростовщик, имя которого грамота не сохранила, до конца использовал предоставленные ему законом возможности и извлек максимальную прибыль из суммы, служившей для резоимства.

Статьи 47 и 48 Пространной Правды помогают понять и грамоту № 113 (XII в.) [48], написанную очень отчетливо: «От Чьрьнска к Лоудьславоу. Въда [т][49]ебе Ств... дал еси год [д][50]ва лета, а въда еси...» Перевод письма, данный А. В. Арциховским, не разъясняет его смысла: «От Чернека к Лудиславу. Отдал тебе Ств... Ты дал срок два года, а ты отдал...» Исходя из законоположений Русской Правды, я считаю, что выражение «дал еси год два лета» в берестяной грамоте указывает на наиболее тяжелые, но разрешенные законом условия займа, при котором в течение двух лет кредитор удваивал свой капитал. Возможно, что заимодавец (имя которого начиналось с букв «Ств») хотел превысить

---

[45] А. В. Арциховский. НГБ (1952), стр. 76, № 75.
[46] Б. Б. Кафенгауз. Указ. соч., стр. 170.
[47] А. В. Арциховский и В. И. Борковский. НГБ (1955), стр. 56—57, № 170.
[48] А. В. Арциховский и В. И. Борковский. НГБ (1953—1954), стр. 45—46, № 113.
[49] Буква «т», по-видимому, пропущена случайно.
[50] Буква «д», по-видимому, пропущена случайно.

эту сумму, и автор письма Чернек дает советы Лудиславу (должнику), как ему следует поступить.

Споры и дела о наследстве

С развитием частной собственности оформляется наследственное право. В Пространной редакции Русской Правды оно выступает в достаточно разработанном виде. Вопросам о разделе наследства, об устройстве имущественных дел умершего, об опеке над несовершеннолетними наследниками, о правах и обязанностях отчима в отношении пасынков уделяют внимание и берестяные новгородские грамоты. В них находят отражение нормы Русской Правды.

Уже не раз привлекалась исследователями грамота № 9 (XI в.) [51]: «От Гостяты к Васильви. Еже ми отьць даял и роди съдаяли, а то за нимь. А ныне водя новоую женоу, а мне не въдасть ничьто же, избив роукы [52], поустил же мя, а иноую поял. Доеди, добре сътворя». Пожалуй, ни один из новгородских берестяных текстов не был предметом стольких толкований, как данная грамота. Спор вызывал прежде всего вопрос о том, было ли имя Гостята мужским или женским. По-разному толкуют исследователи и смысл грамоты. По мнению А. В. Арциховского, юноша Гостята жалуется на своего отца, женившегося на двух новых женах и отнявшего по этому случаю у него имущество. Отец здесь является носителем традиций большой семьи, патриархально распоряжаясь имуществом ее членов. Сын опирается на новые городские нормы, требуя отдельного владения. Он обращается к некоему Василию, надеясь на то, что тот приедет, сотворив добро, то есть поможет. Слова в «рукы пустил...» В. И. Борковский истолковал в смысле: заставил подчиниться. По мысли М. Н. Тихомирова, Гостята — женщина, с которой муж самовольно (без санкции церкви) развелся, присвоив имущество, полученное ею от отца и родственников, и прогнал ее («и збив рукы, пустил...»), приведя в дом новую жену. В. Л. Янин считает, что «злодеем Гостяты» был отчим, который после смерти ее (или его) матери женился вторично и попытался захватить в свои руки добро, по закону принадлежавшее детям его первой умершей жены [53]. Думаю, что В. Л. Янин ближе всех к истине.

Итак, Гостята (вероятно, это юноша) приносит жалобу на отчима, завладевшего имуществом, которое передал ему отец и какие-то родичи. Что здесь имеется в виду? Ответ на вопрос дает Русская Правда, которая содержит детально разработанные нормы наследственного права. Согласно этому законодательному кодексу, каждый из детей умершего должен владеть тем, что покойный отец определил ему по завещанию: «Аже кто оумирая разделить дом своим детем, на том же стояти» (ст. 87). На тех же началах строилось и наследование по закону, при отсутствии завещания. Дети одной матери, но двух разных отцов наследовали каждый имущество своего отца: «Аже будуть двою мужю дети, а одиное матери, то онем своего отця задниця, а онем своего» (ст. 97). О своей доле отцовского наследства и говорит Гостята в первую очередь («еже ми отьць даял...»). Кроме того, он упоминает и то, что ему «роди съдаяли». А это что такое? Обратимся снова к Русской Правде. По статье 93 Правды, имущество малолетних сирот, лишившихся отца, в случае вторичного выхода замуж их матери сдается при свидетелях в опеку кому-либо из ближайших родственников (опекуном может стать и отчим). Когда сироты подрастут и достигнут правоспособности, опе-

---

[51] А. В. Арциховский и М. Н. Тихомиров. НГБ (1951), стр. 40—42.

[52] Другие варианты прочтения: «и збн в рукы...», «изби в рукы...», «и збив рукы...».

[53] В. Л. Янин. Указ. соч., стр. 170.

кун должен вернуть их имущество («а истыи товар воротить им») и уплатить стоимость того, что растратил («ростерял»).

Эти нормы Русской Правды проливают свет на то, что могло произойти с Гостятой. Предположительно дело обстояло так. Когда он еще был малолетним, у него умер отец, а мать второй раз вышла замуж. В связи с этим причитающееся Гостяте от отца наследство было взято в опеку. Сначала опекунами были какие-то родственники («роди», «ближии»), которые умножили имущество покойного Гостятина отца и вернули его с приращением («съдаяли»). Затем опекуном стал отчим Гостяты, который, напротив, присвоил доставшееся ему наследство («а то за нимь»). По закону он за это должен был ответить. Нарушение отчимом закона о наследстве произошло тогда, когда он привел в дом новую жену. Надо думать, что мать Гостяты умерла, и он остался круглым сиротой. Отчим ему «не въдасть ничьто же», то есть лишил всего принадлежащего ему по закону. А ведь ему полагалась, помимо отцовского имущества, находившегося под опекой, и материнская доля. «...Будуть ли дети, то что первое жены, то возмуть дети матери своея...»— говорит Русская Правда (ст. 88), то есть в случае вторичной женитьбы кого-либо его дети от первой жены наследуют ее имущество. Это прямо подходит к случаю с Гостятой.

Обидев Гостяту, его отчим нарушил свое обязательство об опеке, которое оформлялось путем официальной передачи детей-сирот «на руки» опекуну: «дати на руце и с добыткомь и с домомь» (ст. 93). Расторжение этого договора и имеет в виду Гостята, говоря: «и збив рукы, пустил же мя». Он подчеркивает, что беззаконие было допущено отчимом в связи с тем, что он решил вторично вступить в брак: «а иную (жену) поял» (и ранее: «а ныне водя новую жену»). Гостята обращается к Василью со словами: «Доеди, добре сътворя». Очевидно, он предлагает последнему помочь ему добиться по закону своих прав. Может быть, в это время Гостята уже достиг совершеннолетия. Кто же такой Василий? Вероятно, один из тех «ближних», кто еще до отчима взял на себя надзор за имуществом Гостяты, или, еще правдоподобнее, один из тех «людей», перед кем опекун совершил, согласно Русской Правде, «ряд» об опеке. Как участник или свидетель дела о причитающемся Гостяте наследстве, он должен был выступить по этому делу в суде.

Тема об отчиме-растратчике развивается и в грамоте № 163 (XII в.) [54], где говорится: «Покланя[ние от] Дьмияна ко д... е парудова... А ты продае коне, колико ти водадя, а чето потеряеш(и), а то помени. А Кузеке соци, абы не истьряле куно. Лихе есте». Текст этот труден для понимания. А. В. Арциховский переводит его следующим образом: «Поклон от Демьяна к Д... А ты продай коня за любую цену. А что на этом потеряешь, то помни. А от Кузьки требуй, чтобы он не растерял кун: он плох». Мне кажется, этот перевод требует уточнения. Прежде всего А. В. Арциховский опускает слово «парудова», которое, надо думать, происходит от глагола «порудити» — «рудити» — нарушать, отменять [55]. Таким образом, письмо начинается с обвинения Демьяном своего корреспондента в каких-то правонарушениях. Далее автор письма поднимает ряд конкретных вопросов. Чтобы правильно понять их суть, необходимо вдуматься в смысл еще двух глаголов: «потеряеши» и «истьряле». А. В. Арциховский видит в первом из них указание на убыток, понесенный продавцом коня ввиду продажи его по дешевой цене. Второй глагол исследователь понимает буквально: «растерял». Между тем понимание обоих терминов («потеряеши» и «истьряле») значительно облегчается в результате привлечения ст. 97 Русской Правды, посвящен-

[54] А. В. Арциховский и В. И. Борковский. НГБ (1955), стр. 48—50, № 163.

[55] И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка. Т. II, СПБ. 1895, стб. 1217; т. III, стр. 187.

ной вопросам наследства. Там говорится, что дети одной матери от двух браков наследуют каждый имущество своего отца. А далее следует такое постановление: если отчим растратит («потеряет», «истеряет») что-либо из имущества, принадлежащего его пасынку, и это будет подтверждено свидетельскими показаниями, то родной сын растратчика должен возместить потери своему пострадавшему брату по матери.

Итак, термины «потерял» и «истерял» здесь означают «растратил». Думаю, что таково же их значение и в берестяной грамоте № 163. Такое толкование вполне соответствует, во-первых, началу письма, содержащему упреки адресату в каких-то правонарушениях. Во-вторых, подобное толкование находит подтверждение и в последних словах грамоты: «Лихе есте». А. В. Арциховский относит их к имени «Кузька» и переводит: «он плох». Я считаю прежде всего, что выражение это как бы подводит итог всему письму, и нет оснований связывать его только с тем, что сказано о «Кузьке». Кроме того, «лихе» значит не «плохой» или «плохо», а преступно, совершено по злому умыслу. В источниках под понятие «лихого дела» часто подводятся «разбой», «душегубство» (убийство), «татьба» (воровство), «ябедничество».

Все вышеизложенное дает основание считать, что указанное письмо отличается единством по своей тематике и замыслу. Автор начинает с напоминания адресату о каких-то незаконных действиях, кончает новой квалификацией его акций в том же духе, а в середине своего послания дает ему два конкретных наставления. Первое я перевел бы так: «коня ты продай, но помни (веди учет тому), сколько за него получишь и сколько потом истратишь». Здесь речь идет именно об отчетности перед кем-то, а не о том, чтобы продать лошадь за любую цену. Второй совет можно передать словами: «Потребуй по суду деньги, отданные Кузьке, чтобы он их не растратил» (В. И. Борковский правильно указал, что «соци» значит «ищи по суду», а не просто «требуй») [56].

Если справедливы изложенные выше соображения, то естественно заключение, что Демьян выступает защитником чьих-то интересов, которые уже в прошлом затронул и может продолжать нарушать в будущем адресат. Вероятно, Демьян ратует за тех, кто еще сам себя защитить не может, то есть за лиц несовершеннолетних. Привлечение статьи Русской Правды о растратчике-отчиме, думается, все разъясняет в грамоте № 163. Очевидно, Демьян обращается к отчиму — опекуну каких-то сирот, лишенных родного отца, судьба которых ему не безразлична. Адресат хочет продать коня из имущества опекаемых. Автор письма его предупреждает: что ж, продай, но помни, что тебе придется «платити детям тем» все, «что ли будешь ростерял» [57]; ты отдал детские деньги Кузьке,— требуй их судом назад, ибо есть угроза, что он их растратит.

Особый интерес представляет грамота № 198 (XIII в.) [58], которая говорит о выморочном имуществе, причем имуществе крестьянском. Текст документа следующий: «От Сьмьюна. Сь возяло есмь у Храря задницю Шибьньцьву. А боль нь надобе никому». А. В. Арциховский правильно привлекает для понимания этой грамоты ст. 85 Пространной Русской Правды: «аже смерд оумреть, то задницю князю; аже будуть дщери оу него дома, то даяти часть на не; аже будуть замужемь, то не даяти части им». Весьма вероятно, что Шибанец — смерд, но не княжеский, а государственный, ибо дело было в Новгороде. Он умер, не оставив после себя ни сыновей, ни дочерей, могущих претендовать на наследство. Вследствие этого его имущество подлежало переходу в казну. Храрь, возможно, был представителем той общины, к которой при-

---

[56] А. В. Арциховский и В. И. Борковский. НГБ (1955), стр. 105.
[57] Русская Правда Пространной редакции, ст. 93.
[58] А. В. Арциховский и В. И. Борковский. НГБ (1956—1957), стр. 16, № 198.

надлежал покойный Шибанец, облеченным какими-то полномочиями и ответственным за соблюдение закона. Поэтому под его охраной временно находилось выморочное смердье имущество. Поскольку у Шибанца наследников не оказалось и это было проверено и официально зафиксировано, его «задниця» была затем передана Семьюну (Симеону), вероятно, представителю правительственной власти.

Но Шибанца вовсе не обязательно считать государственным смердом. Он мог быть и частновладельческим вотчинным крестьянином. Случай с ним хорошо укладывается в рамки того правопорядка, который отражен в ст. 84 Псковской Судной грамоты. Если в селе какого-либо землевладельца умирал изорник, у которого не было ни жены, ни детей, ни других родственников, то землевладелец мог продать имущество умершего в присутствии приставов и свидетелей из числа местных людей, а вырученную сумму взять себе в возмещение ссуды, в свое время выданной изорнику. В дальнейшем брат изорника или его другие родственники уже не имели права возбуждать иски относительно наследства [59]. Можно допустить, что Шибанец — крестьянин, у которого не было, говоря словами Псковской грамоты, «ни жены, ни детей, ни брата, ни племени»; Семьюн (Симеон) — землевладелец, в имении которого Шибанец жил и к которому должно было перейти по закону его выморочное имущество; Храрь — один из тех «сторонних людей», которые должны были следить за правильностью действий феодала при продаже «живота» умершего изорника. Последняя фраза ст. 84 — «а потому племяни изорничи, ни брату не сочит живота изорнича» — вполне соответствует словам берестяной грамоты: «а боль нь надобе никому».

Берестяные грамоты конкретизируют и персонифицируют догмы Русской Правды. Перед глазами читателей проходят укрывающийся от платежа «полувирья» Нежил; добивающийся правосудия муж избитой женщины; начавший «свод» о пропавшем имуществе Матвей, купивший краденую корову Гучко, приобретший чужую рабу Жизномир и другие персонажи. Мы видим, как люди XI—XIII столетий подают иски в суд и отвечают по суду, страдая от «волокиты» и отводя «поклеп», как они приводят «послухов», «гоняют по следу» вора и «сводят» с себя обвинение в краже, как общинники и родственники преступника разделяют с ним ответственность.

Внимание всех, кто знаком с материалом Русской Правды, касающимся роли ростовщического капитала в закабалении неимущих людей города и деревни, не может не привлечь фигура Лудислава, попавшего в цепкие лапы кредитора. Колоритен и Стоян, уклоняющийся от уплаты долга Жировиту. Для общества, где господствовала частная собственность, типична фигура отчима Гостяты, выгнавшего его из дома. А на другом полюсе этого общества выступают беглые холопы; скованный Матвеец; «девка»-рабыня, на которую претендует и Домаслав, и Полчек, и еще кто-то; смерды, грозящие побить «клеветника»; не имеющий собственной земли и пользующийся господской — крестьянин Шибанец.

Все названные лица, столь различные и по общественному положению и по судьбам, жили в то время, когда новый, феодальный порядок все больше заявлял о себе, но и старый, патриархальный строй еще не ушел в прошлое. Отсюда столь причудливое переплетение старого с новым, отсюда приспособление общинных институтов к потребностям развивающегося раннефеодального общества. Берестяные грамоты ценны тем, что отразили всю пестроту и сложность общественной жизни и ее воздействие на живших тогда людей.

[59] ПРП. Вып. II. М. 1953, стр. 297, ст. 84.

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ «ФАКТ» В ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКЕ

Г. М. Иванов

Установление объективных исторических фактов средствами источниковедческого анализа является одной из важнейших задач начального этапа исторического исследования. Успешное выполнение этой задачи зависит не только от профессионального мастерства ученого, но и от его философской концепции исторического факта, которая в конечном итоге определяет методику установления, анализа и обобщения изучаемых фактов. В этой связи решение вопроса о том, что представляют собой исторические факты, приобретает для конкретного исторического исследования первостепенное методологическое значение, особенно в обосновании объективности исторических знаний, в дальнейшем повышении теоретического уровня исторической науки. До сих пор, однако, опубликовано очень мало работ, посвященных специально проблеме исторического факта[1]. Эти работы не дают исчерпывающего изложения проблемы, но служат основанием для дальнейшего ее исследования. Конечно, в одной статье невозможно осветить все методологические вопросы, относящиеся к проблеме исторического факта. Поэтому мы ограничимся рассмотрением содержания самого понятия «исторический факт» и характеристикой основных видов исторического факта.

Первоначальное содержание понятия «исторический факт» сложилось в буржуазной историографии XIX в. под влиянием преимущественного изучения истории политических событий. Поскольку историче-

---

[1] За последние годы в советской и зарубежной марксистской печати были опубликованы работы, в которых дается логико-гносеологический анализ понятия «факт», показывается его роль в системе научных знаний вообще, в социологическом и историческом исследованиях в частности. См., например, Н. К. Стефанов. Въпроси на методологията на историческата наука. София. 1962; О. О. Яхот. Социологические исследования и некоторые теоретические вопросы статистики. «Вопросы философии», 1963, № 5; В. В. Косолапов. Факти та їх роль в історичному дослідженні. «Український історичний журнал», 1963, № 2; его же. Факт как основание научного знания. «Логика научного исследования». М. 1965; А. И. Ракитов. Статистическая интерпретация факта и роль статистических методов в построении эмпирического знания. «Проблемы логики научного познания». М. 1964; С. Bobińska. Historyk, fakt, metoda. Warszawa. 1964; А. Ф. Килунов. Про природу історичного факту. «Український історичний журнал», 1965, № 8; А. И. Уваров. Структура теории в исторической науке. «Методологические и историографические вопросы исторической науки». Вып. 3. Томск. 1965; В. Н. Орлов. Роль научного описания в историческом исследовании. «Философские науки», 1966, № 1; В. А. Ядов. Об установлении фактов в конкретном социологическом исследовании. «Философские науки», 1966, № 5; В. М. Подосетник. Гносеологическое значение фактов в познании общественных явлений. «Теория познания и современная наука». М. 1967; М. А. Варшавчик. Вопросы логики исторического исследования и исторический источник. «Вопросы истории», 1968, № 10; Л. С. Мерзон. К вопросу о гносеологической природе фактов науки. «Ученые записки» ЛГПИ им. А. И. Герцена. Т. 365. Л. 1968.

ские источники давали более или менее непосредственное отражение реальности какого-либо единичного, однократного события, изучаемого политической историей, постольку задача установления исторического факта сводилась в основном к максимальной критической проверке истинности тех сведений о данном событии, которые содержались в исторических источниках. В соответствии с этим понятие «исторический факт» употреблялось, как правило, для обозначения твердо установленного, достоверного знания, тождественного реальному единичному событию прошлого, реконструируемого сознанием историка на основе критики исторических источников. Понимаемые таким образом исторические факты считались надежной основой объективности исторической науки, а сами историки не сомневались в том, что в своей исследовательской работе они имеют дело с реальными событиями прошлого. Они рассматривали процесс установления и описания единичных, отдельных фактов в качестве главной задачи исторического исследования, отвергая необходимость исторических обобщений.

Возникновение марксизма означало качественно иную постановку вопроса об историческом факте и его месте в познании исторических процессов. Для марксизма общее и единичное, отдельное не противостоят друг другу; общее существует лишь в отдельном, через отдельное. В то же время действительность и понятие о ней, событие и его описание в каких-то понятиях, терминах с точки зрения марксизма отнюдь не тождественны, ибо «действительность соответствует им лишь весьма окольным путем, да и то лишь в ассимптотическом приближении» [2]. Историческое познание, отмечал Ф. Энгельс, имеет «по существу относительный характер, так как ограничивается выяснением связей и следствий известных общественных и государственных форм, существующих только в данное время и у данных народов и по самой природе своей преходящих» [3].

Под влиянием марксизма и формирования в буржуазной историографии ко второй половине XIX в. так называемой социально-экономической истории, существенно расширившей предмет исторической науки, становилось очевидным, что при изучении социально-экономических процессов и отношений невозможно обойтись без теоретических обобщений. В этой связи перед историками встала проблема соотношения исторического факта и исторического обобщения, по-разному решавшаяся двумя основными направлениями буржуазной историко-философской мысли — позитивизмом и неокантианством. Ученые, исследовавшие преимущественно социально-экономическую историю и находившиеся под влиянием позитивистской «универсальной логики», объявили главной задачей исторической науки установление «эмпирических законов» общества, понимаемых как своего рода обобщения «фактов истории». Разработанная Дж. Ст. Миллем логика «нравственных наук», на которую в известной мере опирались историки-позитивисты, не придавала самостоятельного значения историческим фактам и рассматривала их лишь как «материал для исторического обобщения». Понимая под «фактом» (или «фактически существующим») все «доступные называнию вещи», Милль рассматривал самое существование того или иного явления либо как «действительное восприятие этого явления», либо как «наше умозаключение относительно возможности его восприятия». «Моя уверенность в прошлом существовании Юлия Цезаря,— писал Милль,— есть уверенность в том, что я увидел бы его, если бы я присутствовал при Фарсальской битве или был в известный момент в помещении сената в Риме». Таким образом, «последними, коренными посылками» в логике Милля оказывались в конечном итоге только факты

---

[2] К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма. М. 1947, стр. 482.
[3] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 20, стр. 90.

субъективного сознания. «О внешнем мире,— писал он,— мы не знаем и не можем знать абсолютно ничего, кроме испытываемых нами от него ощущений» [4].

Субъективно-идеалистическая в своей основе позитивистская логика «нравственных наук» объясняла развитие всех сторон общества исключительно изменениями в «умственной жизни людей» и схематизировала исторический процесс. Поэтому, естественно, она не смогла разрешить тех методологических трудностей, с которыми столкнулись историки при обобщении фактов (особенно в области социально-экономической истории). Более того, свойственным ей пренебрежением к философии она во многом способствовала развитию скептического отношения к историческим обобщениям, в которых стали усматриваться лишь субъективные конструкции, произвольно создаваемые мышлением историка. Результатом этого явилось усиление эмпиризма в историографии, абсолютизация исторических фактов как единственной основы исторического знания. В конечном счете исторический анализ сводился к простой систематизации исторических фактов с помощью цепочки непосредственных казуальных связей.

С теоретическим обоснованием отказа от исторических обобщений выступила и разработанная Г. Риккертом неокантианская логика исторического исследования, в отличие от «универсальной» позитивистской логики пытавшаяся прежде всего исходить из специфики истории как науки, изображающей единичное, индивидуальное и неповторимое, отбираемое из массы материала по принципу «теоретического отнесения к ценности». Обычно в истории, подчеркивал Г. Риккерт, «объект наблюдения и объект исторического изложения, стало быть, источник и факт, не совпадают». Но поскольку исторический факт, как правило, не является непосредственно данным историку материалом, постольку центральное значение в исторической науке приобретает вопрос о существовании ее объектов. Для историка, который постоянно говорит: «это было так, а то было иначе», «суть дела состоит именно в утверждении и обосновании чисто фактической истинности таких суждений» [5]. Существенная особенность исторического факта, по мнению Г. Риккерта, заключается также в том, что он в отличие от естественнонаучного факта, повторяющегося многократно, однократен и поэтому содержит в себе только единичное, индивидуальное, неповторимое, придающее ему ту «ценность», от которой историк не может и не должен отвлечься. Если для естествоиспытателя первостепенное значение имеет «практическая оценка» факта, то для историка на первое место выдвигается принцип «теоретического отнесения к ценности», рассматриваемой как выражение духовной сущности человека и выражающейся в создаваемых им культурных ценностях. Принцип «теоретического отнесения к ценности» является и критерием отбора исторических фактов. Совершенно очевидно, что подобный идеалистический подход к анализу исторического факта не мог ориентировать историческую науку на познание самой объективной исторической реальности, существующей независимо от воли и сознания людей. Кроме того, идеографический метод Г. Риккерта, основанный на метафизическом противопоставлении единичного и общего, исключал и возможность понимания диалектической взаимосвязи исторического факта и исторического обобщения.

Свойственная буржуазной историографии трактовка исторического факта оказывалась тормозом при изучении социальных процессов и отношений.

Обращение исторической науки к изучению социальных процессов

---

[4] Дж. Ст. Милль. Система логики. М. 1914, стр. 54, 550, 834.

[5] Г. Риккерт. Границы естественнонаучного образования понятий. СПБ. 1903—1904, стр. 279, 283.

со всей очевидностью показало, что исторический факт — не только предпосылка исследований, но и его результат, полученный благодаря анализу большой массы источников и статистических данных и содержащий в себе определенный уровень обобщения. Стало ясным, что зависимость между «фактами» и «обобщениями» следует рассматривать как взаимозависимость, предполагающую, что «не только обобщения невозможны без фактов, но и, наоборот, не существует научных фактов, которые не содержали бы в себе элемент обобщения» [6]. Теоретический анализ понятия «факт» обнаружил бесконечность и неисчерпаемость так называемых «элементарных фактов», установление которых также предполагает определенное обобщение знания, содержащегося в различных исторических источниках, описывающих единичные события. Но если «установление факта достигается в дедукции», то отсюда, по мнению английского ученого Ф. Пауика (выражающего весьма распространенные в буржуазной историографии взгляды), следует, что «история, которую мы читаем, хотя и основана на фактах, является, строго говоря, не фактами, а серией допускаемых суждений, и то, что мы называем историческими обобщениями, является суждениями о суждениях» [7]. Так ложно понятое соотношение факта и обобщения вело к субъективистскому утверждению, что каждый историк осуществляет свое «познание» истории, к релятивизму, ставящему под сомнение и объективность самого исторического факта и возможность получения достоверных знаний об историческом прошлом.

Еще дальше идет американский историк К. Л. Беккер, который, высмеивая примитивные представления о так называемых «твердых», «холодных» фактах, подобных «кирпичам», и показывая, что любой «простой» факт включает в себя, по существу, бесконечное множество других, более мелких фактов, о которых историк ничего не знает, приходит к выводу о том, что исторический факт — всего лишь «умственная конструкция», «только символ, простая формулировка, которая является обобщением тысячи и одного простейшего факта...» Этому символу, лишенному объективного содержания и не соответствующему реальности, Беккер противопоставляет действительное событие прошлого. Рассматривая в качестве примера убийство Авраама Линкольна 14 апреля 1865 г., Беккер пишет, что оно «было действительным событием, но теперь оно является историческим фактом. Действительное событие и исторический факт, хотя и тесно связаны, являются двумя различными вещами». Поскольку событие прошлого исчезло и его нельзя снова повторить или засвидетельствовать в нашем опыте, оно является для нас не объективной реальностью, а лишь воспоминанием, существующим в чьем-либо сознании в форме различных образов или идей, составляющих тот единственный «материал», из которого исходит историк. «Исчезнувшие реальности,— пишет Беккер,— уступили место тусклым отражениям, неосязаемым образам или идеям о себе, и эти тусклые отражения и неосязаемые образы, которые нельзя потрогать или взять в руки, есть все, что осталось от действительного события». Оживляя эти образы в своем сознании, историк тем самым создает исторический факт — «символ», не отражающий объективной реальности, не соответствующий действительному событию прошлого. Исторический факт как умственная конструкция лишается, таким образом, своего объективного содержания, а историческая действительность превращается в «неосязаемый мир, мысленно воссоздаваемый и существующий в нашем сознании» [8].

---

[6] И. С. Кон. Философский идеализм и кризис буржуазной исторической мысли. М. 1959, стр. 237.

[7] F. M. Powicke. Modern Historians and the Study of History. L. 1955, p. 231.

[8] C. L. Becker. What are Historical Facts? «The Western Political Quarterly», vol. VIII, 1955, № 3, pp. 329, 331, 333.

Релятивистские выводы, основанные на полном противопоставлении исторического факта как умственной конструкции историческому событию, характерны и для других современных буржуазных историков. С. Хук, например, критикуя историческую терминологию, подчеркивает, что в самой истории, когда она рассматривается как процесс событий в пространстве и времени, не существует «фактов» как таковых. «Факты должны быть установлены в ходе исследования», однако надеяться, что «они приведут к истинам, бесполезно» [9]. Каждый факт, который историк устанавливает, так или иначе, по Хуку, произволен, ибо он «предполагает некоторую теоретическую конструкцию», и поэтому любое историческое исследование заведомо ставится под сомнение. Французский буржуазный философ и социолог Р. Арон, придерживающийся иррационалистской концепции, рассматривает исторические факты как субъективные по своему содержанию конструкции, выведенные из сознания историка и являющиеся результатом «понятийного перевода»: эти факты «не существуют сами по себе, но только через сознание и для сознания». Так, например, «битва, увиденная историком, есть идеальное в том смысле, что она является реальностью только в сознании». Однако данный факт как «идеальная конструкция, существующая в сознании историка», вовсе не рассматривается Р. Ароном в качестве отражения объективно реального события прошлого, так как, с его точки зрения, вообще «не существует исторической реальности, независимой от науки, и которую наука могла бы достаточно верно воспроизвести». «История,— пишет Р. Арон,— рассматривает объект, который не только прошел (если это событие), не только уже исчез (если это природное или человеческое условие), но который достигает существования и изменения только в сознании» [10]. Историческое познание, по убеждению Р. Арона, всегда будет иметь только относительный характер, поскольку «трудно увидеть пределы факта», произвольно конструируемого историком.

Неопозитивистская методология истории пытается решить проблему исторического факта, исходя прежде всего из анализа логической структуры исторического знания и способов исторического объяснения. Признавая необходимость эмпирических обобщений в истории [11], неопозитивисты рассматривают исторический факт как один из таких элементов общей логической структуры исторического знания, который сам включает в себя абстракцию. Однако, исходя из того, что слово «факт» употребляется как для обозначения «действительно происходившего» (то есть исторического события), так и в смысле «свидетельство», «материал» или в качестве синонима логического термина «истинно» (в утверждении «Данный доклад основан на фактах» термину «факт» придается значение «истинности, доказательности»), неопозитивисты пытаются на этом основании поставить под сомнение объективность исторических фактов, принципиальные же различия между материалистическим и субъективно-идеалистическим истолкованием природы исторического факта они сводят к чисто терминологическим. По мнению П. Гардинера, например, именно двусмысленность в употреблении термина «факт» приводит к «заблуждению», что вне нас находятся «таинственные сущности, называемые «фактами». На самом деле, замечает Гардинер, «факты для историка не являются сущностями, данными извне». Именно поэтому, утверждает он, «мы не можем «знать факты» так, как мы знаем людей, не можем «владеть фактами»

---

[9] «Theory and Practice in Historical Study: a Report of the Committee on Historiography». N. Y. 1946, pp. 123—124.

[10] R. Aron. Introduction to the Philosophy of History. An Essay on the Limits of Historical Objectivity. Boston. 1961, pp. 113, 118, 289.

[11] См. И. С. Кон. Неопозитивизм и вопросы логики исторической науки. «Вопросы истории», 1963, № 9.

так, как владеем автомобилем. Выражение «собирание доказательств» еще может иметь этот смысл, но выражение «собирание фактов» не может, если только оно не используется в смысле «собирания доказательств» [12]. Гардинер, по существу, выступает против материалистического понимания исторических фактов, основанного на признании объективной реальности исторического прошлого, подобно представителям других буржуазных школ, противопоставляя факты объективной реальности.

Наш краткий историографический обзор взглядов буржуазных исследователей свидетельствует, что решение вопроса о том, что представляют собой исторические факты, выходит за пределы чисто терминологического анализа и зависит в конечном итоге от мировоззрения исследователя. Конечно, факты, понимаемые как объективные события, не идентичны знаниям об этих событиях. Означает ли это, что научное описание, выражающее такие знания, не соответствует объективной реальности? Разумеется, нет. Нельзя отрывать описание от того, что описывается. Научное описание всегда в той или иной степени соответствует описываемому, адекватно ему, иначе оно превращается в фальсификацию, теряет научный смысл. Но степень этой адекватности находится в прямой зависимости от философских позиций ученого. Не случайно уже неоднократно отмечавшееся в нашей литературе явление, когда конкретно-историческое исследование того или иного буржуазного историка, стремящегося к максимальной точности в воспроизведении прошлого, оказывается в противоречии с его идеализмом в теории.

Марксистско-ленинская философия рассматривает исторический факт как один из видов «факта» вообще. Анализ самого понятия «факт» в марксистско-ленинской философской литературе показывает, что оно употребляется в основном в двух наиболее распространенных понятиях: во-первых, для обозначения так называемых *«эмпирических фактов»*, то есть непосредственно наблюдаемых или изучаемых нами явлений, событий, процессов, относящихся либо к самой объективной реальности («факты действительности»), либо к сфере сознания («факты сознания»), поскольку явления сознания существуют и объективируются в продуктах духовной деятельности людей; и, во-вторых, для обозначения так называемых *«научных фактов»*, представляющих собой элементы логической структуры научного знания, констатирующие и описывающие изучаемые нами явления действительности или сознания. «Эмпирические факты» являются для исследователя лишь сырым материалом и сами по себе еще не имеют научного значения. Только после соответствующей систематизации, описания, обобщения они могут стать научными фактами, включающими в себя тот или иной уровень абстракции. «Чтобы факт стал научным, он должен быть включен в ту или иную систему научного знания» [13].

Перейдем теперь к характеристике собственно исторического факта. Прежде всего следует отметить, что понятие «исторический факт» нельзя, на наш взгляд, целиком и полностью отождествлять с понятием «историческое событие». Действительно, «событие» и «факт» в определенной степени «накладываются» друг на друга, в силу чего данные понятия используются как равнозначные, однако эта равнозначность не абсолютна, а относительна, так как отнюдь не исключает различия между ними. Различие же состоит в том, что факт представляет собой не просто объективную реальность — событие, существующее независимо от сознания, но реальность, так или иначе *отражаемую* или *отраженную* сознанием. Факт возникает как бы на стыке субъекта с объек-

---

[12] P. Gardiner. The Nature of Historical Explanation. L. 1952, pp. 73—74, 76.

[13] В. В. Косолапов. Факт как основание научного знания. «Логика научного исследования», стр. 47.

том. Установить тот или иной факт — значит открыть, констатировать реальность, наличность данного явления или события, его существование в объективной действительности прошлого или настоящего. Древняя культура Хорезма, например, хотя и являлась объективным историческим прошлым, существовавшим тысячи лет назад, стала, однако, для нас фактом только в XX в., когда археологические раскопки представили нам ее реальные памятники. Следовательно, историческое событие только в том случае превращается для нас в исторический факт, если его реальность установлена нами на основе анализа исторических источников, отразивших в свое время данное событие постольку, поскольку оно имело для современников определенное историческое значение. Таким образом, мы бы определили исторические факты как констатированные в нашем сознании социально значимые события прошлого, реальность которых засвидетельствована их отражением в исторических источниках, но которые, однако, не тождественны этим событиям, поскольку, как подчеркивал Ф. Энгельс, «тождество мышления и бытия... понятие о вещи и ее действительность движутся вместе, подобно двум ассимптотам, постоянно приближаясь друг к другу, однако никогда не совпадая» [14].

Различая исторический факт и историческое событие, нельзя, однако, абсолютизировать это различие и тем более противопоставлять исторический факт историческому событию, как это часто делается в буржуазной историографии. Если абсолютизация однозначности исторического факта и исторического события ведет к примитивному, вульгарному представлению, будто исторические факты берутся историком как события из самой исторической действительности, то абсолютизация различия исторического факта и исторического события приводит к субъективистскому представлению о факте как «умственной конструкции», не соответствующей историческим событиям. Факты исторические тем существенно отличаются от фактов естественнонаучных, что они *социальны* по своей природе, являясь продуктом общественно-исторического развития, результатом материально-производственной и духовной деятельности людей прошлых эпох. В этом отношении исторический факт как зафиксированное на основе источников событие прошлого представляет собой диалектическое единство объективного и субъективного, имеющего место как в самой исторической действительности, так и в отражающем ее историческом познании [15]. Исторический факт как зафиксированное социальное явление, порожденное деятельностью людей, несет на себе печать определенного состояния общественного сознания, сопутствующего тому или иному историческому событию [16]. Связь исторических событий с состоянием сознания данной эпохи, бесспорное влияние этого сознания на процесс исторического творчества используются представителями идеалистической методологии истории для рассмотрения социально-исторических фактов как явлений «коллективного» или «индивидуального» сознания, как «психических событий», «сгущенных комплексов волевых актов» [17].

Понимание исторического факта, основанное на чрезмерном преувеличении роли сознания в историческом процессе или сведении истори-

---

[14] К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма, стр. 482.

[15] Подробно об этом см. Г. М. Иванов. Своеобразие процесса отражения действительности в исторической науке. «Вопросы истории», 1962, № 12.

[16] Обращая внимание на это обстоятельство, Г. В. Плеханов, например, писал: «Нет ни одного исторического факта, которому не предшествовало бы, которого не сопровождало бы и за которым не следовало бы известное состояние сознания» (Г. В. Плеханов. Избранные философские произведения. Т. II. М. 1956, стр. 247—248; см. также А. Лабриола. Очерки материалистического понимания истории. М. 1960, стр. 92).

[17] См., например, R. Aron. Op. cit., pp. 72—73; H. Mommsen. Historische Methode. Geschichte. Frankfurt a/Main. 1961, S. 82.

ческой действительности к историческому сознанию, резко ограничивает возможности научного объяснения исторических событий. В историческом исследовании необходимо строго отличать реальные психические мотивы, волевые акты людей, способствующие созданию определенного исторического события, от реальных общественных действий, выступающих в качестве объективных социально-исторических фактов. В. И. Ленин, критикуя субъективный метод Н. К. Михайловского, писал: «По каким признакам судить нам *о реальных* «помыслах и чувствах» реальных личностей? Понятно, что такой признак может быть лишь один: *действия* этих личностей,— а так как речь идет только об общественных «помыслах и чувствах», то следует добавить еще: *общественные действия* личностей, т. е. *социальные факты*» [18]. Как видим, В. И. Ленин понимал социальные (а значит, и исторические) факты как «общественные действия личностей», считая, что именно из них следует прежде всего выводить реальные «помыслы и чувства», которые, будучи вплетенными в детерминацию человеческой деятельности, тоже могут выступать как исторические факты, подлежащие изучению, но отнюдь не тождественные общественным действиям — объективным историческим фактам. Уточняя в этом смысле данное нами выше определение, мы должны рассматривать понятие «исторический факт» как обозначение объективных общественных и индивидуальных действий людей, тех или иных исторических событий и явлений, происходивших в прошлом и ставших предметом исторического исследования в силу своей социальной значимости.

Конечно, предметом исторического исследования являются не только объективные экономические и политические события, выступающие для историка как исторические факты, но и различные формы общественного сознания в их историческом развитии. Философские, религиозные, политические, правовые и т. п. идеи, поскольку они в той или иной форме зафиксированы в разнообразных исторических источниках и стали предметом исторического исследования, также являются историческими фактами. Для историка религии, например, миф о Христе является фактом религиозного сознания и в этом смысле историческим фактом. Всякое ложное сообщение, содержащее какой-либо вымысел о событии, если последнее действительно имело или имеет место, может в определенном аспекте исследования (например, в источниковедческом анализе) выступать для историка как факт, свидетельствующий о тенденциозности или недостоверности данного исторического источника. В этом плане не только самое историческое событие, но и его определенная оценка, поскольку она была высказана в том или ином сочинении и рассматривается в плане историографического исследования, также является для историка фактом. Следовательно, содержание понятия «исторический факт» неоднозначно и зависит от аспекта и предмета исторического исследования. Это понятие в равной мере может обозначать не только событие, относящееся к объективной исторической реальности и ставшее предметом нашего познания, но и любое познаваемое нами общественно значимое явление, относящееся к сфере общественного сознания, объективированного в продуктах целенаправленной и сознательной деятельности прошлых поколений. Поэтому в каждом конкретном случае необходимо строго различать, во-первых, «факты исторической действительности» и «факты исторического сознания» и, во-вторых, в последних — их объективное и субъективное содержание.

Осуществление этого методологического требования в конкретном историческом исследовании наталкивается на ряд существенных трудностей. Во-первых, сам исторический факт, как уже отмечалось, будучи

[18] В. И. Ленин. ПСС. Т. 1, стр. 423—424.

явлением социальным, представляет собой диалектическое единство объективного и субъективного: если в «фактах исторической действительности» объективируется в той или иной степени и форме историческое сознание, то в «фактах исторического сознания», поскольку они отражают объективную историческую реальность, имеется определенное объективное содержание. Во-вторых, реальность исторического события, ставшего для нас историческим фактом, относится главным образом к области прошлого, оставившего какие-то следы в настоящем, но уже не существующего как непосредственно воспринимаемая историком действительность, а отраженного в исторических источниках. Это, конечно, не означает, что, владея историческими источниками, ученый тем самым уже владеет и самими историческими фактами [19]. Последние должны быть реконструированы путем внешней и внутренней критики источников, определяющей степень достоверности содержащейся в источниках информации и тем самым устанавливающей, можно ли рассматривать отраженные в ней события в качестве исторических фактов. И хотя наличие в источнике сообщения о событии всегда является в определенном смысле фактом, отсюда не обязательно следует, что самое это событие имело место в исторической действительности. Сообщение о событии — это еще не само объективное событие, а его отражение в форме информации, содержание которой может быть как объективным (то есть соответствовать тому, что было в исторической действительности), так и субъективным (не отражающим эту действительность или отражающим ее в извращенном свете). К историческим источникам, как справедливо отмечает акад. Б. А. Рыбаков, нельзя подходить формально, рассуждая так: если «написано что-то — значит, так и было в действительности, не написано — значит, не было» [20]. Ошибочность подобных рассуждений в том и состоит, что «факт-информация» отождествляется в них с «фактом-событием». На недопустимость такого рода отождествления неоднократно указывал В. И. Ленин. «Чтобы разобраться в партийной борьбе,— писал В. И. Ленин,— не надо верить на слово, а изучать действительную историю партий, изучать не столько то, что партии о себе говорят, а то, что они *делают,* как они поступают при решении разных политических вопросов, как они *ведут себя* в делах, затрагивающих жизненные интересы разных классов общества...» [21].

Ленинский подход к источникам, основанный на сопоставлении содержания источников и фактов действительности («фактов-событий»), является важнейшим методологическим принципом советского источниковедения, для которого в равной мере неприемлемо как сведение фактов исторической действительности к фактам исторического сознания, растворение объективной исторической реальности в историческом сознании, так и отождествление любого сообщения об историческом событии (поскольку это сообщение имеется в источнике и в этом отношении является для нас фактом) с фактом-событием, относящимся к самой объективной действительности. В том и другом случае отождествляются качественно различные по своей природе исторические факты, в результате чего создается возможность подмены объективной исторической истины всякого рода субъективизмом и мифотворчеством. Таким образом, к содержанию самого понятия «исторический факт» необходимо подходить конкретно: то, что является для нас фактом по отношению к содержанию исторического источника, не всегда оказывается для нас фактом по отношению к самой объективной исторической действитель-

[19] Еще В. О. Ключевский отмечал, что исторические факты не даны историку прямо, как только он возьмет в руки памятник старины или взглянет на него (см. В. О. Ключевский. Собрание сочинений. Т. 6. М. 1959, стр. 479).

[20] «История и социология». М. 1964, стр. 61.

[21] В. И. Ленин. ПСС. Т. 21, стр. 276.

ности. Поскольку в историческом источнике содержится не само объективное событие прошлого, а только определенного рода информация о нем, постольку наличие такой информации позволяет рассматривать в качестве факта для нас не само событие, а прежде всего информацию о нем. Подобные «факты» можно определить как «факты-информации», содержащиеся в источниках [22].

Научная реконструкция исторического события — сложный процесс исследования. Объективную реальность прошлого нельзя превратить в непосредственно данную реальность настоящего. Поэтому, реконструируя историческое событие, историк не «воссоздает» самое это событие, а вырабатывает его модель, фиксирующую знание о реальности данного события в форме *«научного исторического факта»* («факта-знания»), являющегося результатом анализа исторических источников и представляющего собой более или менее адекватную историческим событиям реконструкцию прошлого, создаваемую в сознании историка. Однако поскольку «факты-информации», обобщаемые историком, являются не самими объективными событиями прошлого, а только их отражениями, часто имеющими идеологическую окраску, постольку историк, как это кажется при поверхностном взгляде на вещи, исходит из выраженного в источниках исторического сознания, заслоняющего собой объективную историческую реальность, затушевывающего действительную связь научного исторического факта с отражаемым им событием прошлого. Это обстоятельство, на наш взгляд, является наиболее глубокой гносеологической причиной, порождающей иллюзию того, чтс научные исторические факты («факты-знания») в силу идеологической направленности большинства письменных источников имеют будто бы не объективную, а субъективную основу.

Марксистско-ленинская методология, не отрицая известной «субъективности» научного исторического факта, вместе с тем рассматривает его как единство объективного и субъективного, обусловленное в конечном счете взаимодействием объекта и субъекта в самой исторической действительности, отражением которой является научный исторический факт. Реконструируя исторический факт («факт-событие») в форме научного факта («факта-знания»), историк имеет возможность с помощью методов источниковедческого анализа «снять», преодолеть «субъективность» содержащихся в источнике «фактов-информаций», вычленить из них объективное содержание, само историческое событие, отражением которого является источник, и, таким образом, добиться максимально адекватной историческому событию реконструкции прошлого. Научный исторический факт, следовательно, формируется историческим мышлением в соответствии с объективной исторической реальностью, существующей независимо от сознания, и представляет собой достоверное знание, являющееся отражением, которое «необходимо и неизбежно предполагает объективную реальность того, что «отображается» [23]. Выступая как гносеологическое явление, как элемент достоверного исторического знания, научный исторический факт не является ни тождественным, ни противостоящим факту исторической действительности. Это обстоятельство необходимо учитывать, когда речь идет о логико-гносеологической природе «научного исторического факта», анализ которой осуществляется на основе выявления тех особенностей, которыми характеризуются «факты исторической действительности» или «факты исторического сознания».

Как уже отмечалось, сами исторические события не могут входить в состав исторической науки, поскольку она представляет собой не сами

---

[22] Подробно см. М. А. Варшавчик. Указ. соч.
[23] В. И. Ленин. ПСС. Т. 18, стр. 248.

события, но определенную систему знаний, их фиксирующих и описывающих.

Чтобы правильно реконструировать историческую реальность, историк в соответствии с конкретными целями и аспектами своего исследования производит своеобразную логическую сортировку научных исторических фактов, размещая их по каким-либо признакам в определенные, отличные друг от друга группы. В этой связи важное методологическое значение приобретает вопрос о видах научного исторического факта [24]. Практика исторического исследования показывает, что в основе такой классификации обычно лежат главные признаки научных фактов: содержание, структура и значимость (выбор которых в каждом отдельном случае во многом зависит от изменения конкретных задач и методики на разных стадиях исследования). В соответствии с указанными признаками историк может иметь три разных варианта группировки исторических фактов.

Первый вариант предполагает группировку исторических фактов по их содержанию, в качестве которого выступает конкретное явление исторического процесса. В зависимости от принадлежности последнего к той или иной сфере общественного развития марксистско-ленинская методология истории различает прежде всего три вида научных исторических фактов: 1) факты, реконструирующие события, явления, процессы из истории экономического развития,— *«экономические факты»*; 2) факты, реконструирующие события, явления, процессы из истории политического развития, классовой борьбы, войн, революций, истории развития и гибели государств и т. п.,— *«политические факты»*; 3) факты, реконструирующие явления из истории развития форм общественного сознания людей, истории общественной психологии и идеологии, духовной деятельности человека, вплетающейся в ткань экономического и политического развития общества,— *«идеологические факты»*. Отметим, что методологическое значение этой классификации для конкретного исторического исследования состоит главным образом в том, что она, будучи основанной на материалистическом понимании истории, позволяет правильно подойти к анализу структуры общества на данном этапе его развития, раскрыть функциональные связи и взаимодействия различных изучаемых общественных явлений, определить их место и роль в историческом процессе.

Второй вариант — группировка научных исторических фактов по их структуре, определяемой структурой самого исторического события и его пространственно-временной характеристикой (то есть его фиксированностью относительно данного места и времени). Взятые в отношении структуры научные исторические факты делятся на *«простые»* и *«сложные»* [25]. Разумеется, различие между «простыми» и «сложными» фактами является относительным, поскольку оно во многом зависит от различий в аспектах исследования, когда один и тот же факт может рассматриваться в одном отношении как «простой», а в другом отношении как «сложный».

«Простой» (или «элементарный») исторический факт характеризуется прежде всего признаком единичности: его содержание ограничено одним вполне определенным историческим событием, рассматриваемым как индивидуальное, неповторимое. Такие, например, события,

[24] В упомянутой выше статье М. А. Варшавчика предлагается общая классификация исторических фактов: «факт-событие», «факт-источник», «факт-знание»; автор данной статьи ставит задачу разработки типологии научных исторических фактов («фактов-знаний»).

[25] На наш взгляд, не лишено основания высказанное в литературе мнение о том, что «эти два типа фактов должны быть названы иначе», так как в связи с развитием «социологической» истории, изучающей процессы и отношения, разделение фактов на «простые» и «сложные» действительно не исчерпывает «новых потребностей классификации и терминологии» (см. Bobińska. Op. cit., s. 23—24).

как Бородинское сражение, восстание декабристов на Сенатской площади, крестьянская реформа 19 февраля 1861 г., можно рассматривать как «простые» исторические факты, отражающие неповторимые в своих индивидуальных чертах исторические события. Однако единичность, фиксированная в «простом» историческом факте, относительна. Во-первых, всякое единичное, как известно, содержит в себе общее, является формой выражения общего. Уже самая констатация исторического события в форме научного факта, поскольку она производится в системе определенных предложений, включающих, как правило, общие понятия («сражение», «восстание», «реформа» и т. п.), позволяет в известной мере выразить тот общий признак, который содержится в единичном событии. Но глубокое исследование этого события, выделение мышлением существенно общего, присущего единичному, совершается только путем анализа совокупности сопоставимых по своему содержанию исторических фактов. Во-вторых, само единичное поддается дальнейшему делению и обнаруживает свои многочисленные связи с другими единичными событиями, вследствие чего «простой» исторический факт превращается в «сложный», выступающий уже как система, состоящая из целой совокупности составляющих ее элементов, в свою очередь, оказывающихся в положении «простых» фактов. Так, например, Бородинское сражение, рассматриваемое относительно всего хода Отечественной войны 1812 г.,— одно из ее частных событий, и в этом смысле оно является «простым» историческим фактом, обладающим признаком единичности. Но если историк ставит своей задачей детальное освещение хода именно этого сражения, то оно уже будет выступать в качестве «сложного» исторического факта, включающего в себя совокупность других фактов, отражающих различные боевые действия обеих армий (бои за Багратионовы флеши, за батарею Раевского и т. п.).

Каждый «элементарный факт», таким образом, не только часть конкретного целого, но и сам сложное целое, состоящее из множества более мелких фактов, которые, в свою очередь, можно разложить на бесконечные составные части. В буржуазной методологии истории неисчерпаемость исторического факта служит поводом для построения субъективистско-релятивистских выводов, ставящих под сомнение существование объективной основы исторических фактов и возможность их достоверного познания[26]. Для историка-марксиста сложность и неисчерпаемость «элементарного факта» свидетельствуют о том, что нет и не может быть непроходимой, абсолютной грани между «простыми» и «сложными» фактами, что различие между ними относительно, что любой исторический факт, рассматриваемый как «единство многообразного», может быть понят только в свете диалектики целого и части, общего и единичного. Диалектический подход позволяет преодолеть кажущуюся изолированность исторических фактов друг от друга и рассматривать их как более или менее сложные реконструкции исторических событий в развитии единого исторического процесса. «Простые» и «сложные» исторические факты отличаются друг от друга также тем, что они воспроизводят различные пространственно-временные характеристики исторических событий. «Простой» исторический факт, как правило, отражает действие или событие, характеризующееся определенной локализацией и кратковременностью, более или менее точно определенными пространственно-временными пределами, обычно зафиксированными в исторических источниках в форме конкретного указания места и времени (даты) свершения события. В отличие от «простого» «сложный» исторический факт описывает событие, совершившееся в более широких пространственно-временных границах, на сравнитель-

[26] См., например, C. Becker. Op. cit., pp. 328—329. Критику взглядов К. Беккера по данному вопросу см. И. С. Кон. Указ. соч., стр. 238—240.

но большей территории и в значительных временных пределах, подчас не имеющих четких хронологических рамок.

Хронологическая длительность и широкие географические рамки — характерные признаки исторических процессов, представляющих собой развивающиеся исторические системы с целым комплексом взаимосвязанных исторических событий. Сами исторические процессы могут выступать для историка в качестве исторических фактов как установленная реальность. При упомянутом условии можно считать историческими фактами такие процессы как, например, генезис феодализма, образование наций, религиозные движения, дифференциация классов, первоначальное накопление капитала, рабочее и национально-освободительное движения, социальные революции и т. п. Очевидно, что подобные *«факты-процессы»*, как правило, не могут найти целостного отражения в одном или даже нескольких исторических источниках, поскольку в каждом из них обычно отражаются какие-то отдельные моменты исторического процесса. Более или менее исчерпывающую информацию об исторических процессах удается получить только благодаря детальному изучению огромной массы исторических источников и статистических данных. Уже самый процесс получения такой информации, поскольку он предполагает синтезирование сведений, содержащихся в многочисленных источниках, заключает в себе известный элемент обобщения, которое затем органически включается в научный исторический факт, констатирующий реальность непрерывного процесса. Научный исторический факт, на наш взгляд, нельзя всегда и во всех отношениях рассматривать как отражение только лишь индивидуального, однократного явления. Степень абстракции научного исторического факта может быть различной в зависимости от особенностей отражаемого в нем исторического объекта.

При реконструкции исторического процесса нет необходимости описывать каждый из элементов последнего. Для того, чтобы воспроизвести, например, процесс дифференциации английского крестьянства в XIII в., вовсе не требуется описание каждого крестьянского хозяйства того времени. Кроме того, неточность и неполнота средневековых источников заставляют историка избегать суждений, основанных на индивидуальных цифрах, если нет возможности их проверить. Поэтому в подобном случае вполне правомерно ставить своей целью лишь выявление господствующих тенденций, основываясь на массовом материале. «При массовых подсчетах,— отмечал акад. Е. А. Косминский,— ошибки и пропуски в источниках уравновешиваются и стираются»[27]. Оперирование с большими цифрами, полученными на основании учета достаточного числа отдельных случаев, позволяет получить вполне достоверную картину воспроизводимого историком процесса. При использовании статистического метода, опирающегося на массовый цифровой материал источников, реконструкция исторического процесса осуществляется в форме исторического обобщения. Отражающий такое обобщение научный исторический факт характеризуется сравнительно высоким уровнем и своеобразным способом абстрагирования. Понятие «научный исторический факт», по существу, приближается здесь к историческому обобщению, к понятию *«статистический факт»* (термин, введенный В. И. Лениным)[28]. Для статистических фактов в исторической науке типичен массовый характер отражаемого в них явления, а по своей гносеологической природе эти факты аналогичны «социально-статистическим фактам», которые рассматриваются как «итог качественно-коли-

---

[27] См. Е. А. Косминский. Исследования по аграрной истории Англии XIII века. М. 1947, стр. 92, 93.

[28] См. В. И. Ленин. ПСС. Т. 27, стр. 142.

чественного, статистического обобщения свойств индивидуальных социальных явлений»[29]. Историко-статистический факт можно было бы назвать «фактом-континуумом», поскольку он, отражая в обобщенной форме существенно общие черты и тенденции развития исторического процесса, воспроизводит *непрерывное* многообразие изучаемого процесса как единого целого. Реконструируя исторические процессы, исследователь составляет не только статистические таблицы, но и различные исторические схемы и карты (археологические, экономические, политические и т. д.), имеющие важное познавательное значение. Этот род деятельности историка можно определить как своеобразное моделирование пространственных границ прошлого исторического процесса, своеобразный способ группировки исторических фактов. Нельзя не согласиться с акад. Б. А. Рыбаковым, который рассматривает историко-географическую карту «как одну из форм исторического синтеза, позволяющего объединить целый ряд различных явлений, показать их в пространстве»[30]. Можно, например, используя историко-географическую карту как одно из средств исторического обобщения, отразить общеизвестный факт многоукладности, имевшейся в России. Сопоставляя несколько карт на отдельные темы, историк получает, таким образом, существенные данные по динамике изучаемого исторического процесса.

Третьим вариантом группировки научных исторических фактов может быть их группировка по значимости. Без момента социальной, исторической значимости факт, как мы уже отмечали, не является историческим. Вопрос о том, какие факты прошлого являются историческими и какие неисторическими, не только не лишен смысла, как считал, например, Б. Кроче[31], а, напротив, имеет важное методологическое значение для историографии, решающей этот вопрос по-разному, в зависимости от той или иной гносеологической концепции. Историческая наука никогда не изучала и никогда не сможет изучить и описать все без исключения события человеческой истории. С нашей точки зрения, только те из этих событий могут классифицироваться как исторические факты, которые сыграли значительную роль в истории и оставили свой отпечаток на ее последующем развитии, то есть обладают внутренне свойственным им признаком конкретной исторической значимости. Последняя объективно присуща самому историческому событию, и поэтому задача историка состоит в том, чтобы, реконструируя его в форме научного исторического факта, установить со всей возможной объективностью действительное значение изучаемого события, его место в системе связей с другими событиями, место вызванных им последствий во всей совокупности последующих событий. Выяснение этих важных вопросов показывает, что исторические факты, создаваемые и отбираемые историком в соответствии с темой его исследования, неравнозначны и поэтому должны быть классифицированы с учетом степени значимости, которой обладали сами исторические события.

С этой точки зрения исторические факты могут быть разделены на *существенные* и *несущественные*. Общим объективным критерием, позволяющим отличить существенные исторические факты от несущественных, является, как известно, понятие «общественно-экономическая формация», руководствуясь которым историк устанавливает прежде всего принадлежность реконструируемых им событий к конкретной ступени развития определенной общественно-экономической формации и, исходя из ее структуры, выясняет их место и роль в системе взаимодействия базисных и надстроечных элементов данной исторической эпохи. При изучении структур «малого» масштаба историк руковод-

[29] В. А. Ядов. Указ. соч., стр. 31, 32; см. также О. О. Яхот. Указ. соч., стр. 56—59; А. И. Ракитов. Указ. соч., стр. 393.

[30] «История и социология». М. 1964, стр. 60.

[31] См. B. Croce. Teoria e storia della storiografia. 6. ed. Bari. 1948, p. 95.

ствуется и критериями другого масштаба, применяя такие понятия, как «историческая эпоха», «экономический уклад», «уровень развития производительных сил», «характер производственных отношений», «надстроечный элемент», «классы», «сословия» и т. п. Конкретные критерии деления исторических фактов на существенные и несущественные историк должен каждый раз обосновывать, исходя прежде всего из особенностей предмета и аспекта его исследования. При изучении, например, аграрных отношений средневековой Англии он отбирает исторические факты с помощью таких понятий, как «манор», «домен», «вилланство», «фригольдерство» и др. Существенные исторические факты являются, как правило, отражением событий, наиболее полно и ярко воплотивших закономерности данной сферы общественного процесса, сконцентрировавших в себе своеобразные и типические черты изучаемой эпохи и оказавших значительное влияние на ход последующих событий[32]. Несущественные исторические факты — это реконструкции сравнительно незначительных событий, сыгравших второстепенную роль в рассматриваемом историческом процессе и не оставивших глубокого следа в последующем его развитии. Разумеется, указанные различия между существенными и несущественными историческими фактами весьма приблизительны и относительны. Во-первых, в процессе исторического развития степень значимости того или иного явления изменяется: не играя первоначально большой роли, оно может впоследствии оказывать значительное влияние на ход истории, и, наоборот, являясь первоначально существенным, оно впоследствии может играть второстепенную роль. Это особенно важно иметь в виду при анализе переходных периодов исторического процесса, когда происходит зарождение новых и ломка, отмирание старых общественных отношений. Наконец, любой исторический факт, если его рассматривать не изолированно, а с учетом многогранности его связей и отношений, обычно является существенным по отношению к одним и несущественным по отношению к другим фактам. Это вовсе не означает, что деление исторических фактов на существенные и несущественные лишено объективного основания, оно лишь раскрывает одно из диалектических противоречий исторического факта, требуя от историка каждый раз вполне определенного, конкретного анализа.

Подводя итоги рассмотренным вопросам, можно сформулировать следующие основные выводы: 1) Анализ содержания понятия «исторический факт» показывает, что оно употребляется прежде всего в двух его основных вариантах: а) как обозначение любого социально значимого явления исторической действительности или общественного сознания, явления, которое действительно имело место в прошлом и благодаря своему отражению в исторических источниках стало объектом изучения исторической науки; б) как обозначение адекватной историческому явлению реконструкции прошлого, представляющей собой достоверное знание, констатирующее реальность изучаемого события. Как научный исторический факт, реконструкция события прошлого всегда содержит в себе элементы научной абстракции, тот или иной уровень систематизации и обобщения информации, содержащейся в исторических источниках. 2) В зависимости от предмета, аспекта, задач и методики конкретного исторического исследования выделяемые историком разнообразные виды научных исторических фактов могут быть объединены в различные группы по таким характерным признакам, как их содержание, структура и значимость. Все виды исторических фактов связаны между собой, а их различия часто носят условный характер.

[32] О понятии «характерного» (существенного) исторического факта см. также Н. К. Стефанов. Указ. соч., стр. 132—133.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕРЕВОРОТ В ПОЛЬШЕ 1926 года И ИНОСТРАННЫЕ ГОСУДАРСТВА

С. Лопатнюк

К весне 1926 г. в буржуазной Польше резко обострилось внутриполитическое положение. Трудящиеся все активнее выступали против реакции. В Варшаве, Львове, Люблине и других городах состоялись массовые первомайские демонстрации, разогнанные с помощью полиции. В этих условиях буржуазные группировки повели еще более ожесточенную борьбу за власть, в ходе которой 10 мая было образовано правительство во главе с «крестьянским вождем», лидером партии «Пяст» В. Витосом. Но уже через несколько дней под видом борьбы с правительством реакции одна из группировок господствующих классов — пилсудчики — совершила государственный переворот. Майский переворот 1926 г. в Польше отдал власть в руки крайне реакционной, агрессивной и авантюристической политической группировки. Пропаганда лагеря пилсудчиков концентрировалась главным образом на внутренних вопросах. Вместе с тем подчеркивалось, что внешняя политика остается неизменной. Внутренние проблемы Польши не были безразличны иностранным государствам, но они прежде всего интересовались направлением внешней политики Пилсудского после переворота. Майский переворот привлек внимание политических кругов и печати всей Европы. Это было следствием прежде всего географического положения Польши. Без участия Польши или использования ее территории трудно было рассчитывать на организацию агрессии против СССР в Европе. Польша входила в систему союзов, созданную Францией, и наряду с Малой Антантой составляла главную опору французской политики в Восточной и Центральной Европе. Большое значение для международного положения в Европе имели также отношения Польши с Германией и с прибалтийскими странами. Оценивая майские события в Польше, правительственные круги отдельных государств руководствовались различными соображениями. Все буржуазные государства, которые одобрили майский переворот, надеялись на то, что Пилсудский займет более резкую антисоветскую позицию.

Франкофильской ориентации в Польше придерживались правые группировки эндеков—национально-демократической партии. Их внешнеполитические концепции в наибольшей степени отвечали интересам Франции. Не ограничиваясь контактами с правящим лагерем, французские политики и дипломаты еще до переворота поддерживали тесную связь с Пилсудским. Известный французский политик и дипломат Ж. Поль Бонкур, встречавшийся в начале апреля 1926 г. с Пилсудским, пришел к убеждению, что последний вскоре захватит власть [1]. 25 апреля в Варшаву прибыл новый посол Франции Ж. Ярош, который в соответст-

---

[1] J. Laroche. Polska lat 1926—1935, wspomnienia ambasadora francuskiego. Warszawa, 1966, s. 30.

вии с инструкцией министра иностранных дел А. Бриана уже 5 мая нанес визит Пилсудскому. Этот визит не был актом простой вежливости — он свидетельствовал о том, что французская дипломатия придает большое значение личности Пилсудского и всей его группировке. В докладе, направленном в министерство иностранных дел, Лярош так излагал свои впечатления от этой беседы: «Приход маршала к власти приближается с каждым днем. Если его противники попытаются не допустить его к власти слишком грубым образом, он, вероятно, попытается добыть ее силой». А в дневнике посол записал, что от Пилсудского он «возвращался с уверенностью, что опасность государственного переворота становится все более явной» [2].

10 мая Пилсудский обратился к послу Франции с просьбой принять его 12 мая с ответным визитом. Возможно, Пилсудский пытался таким образом отвлечь внимание правительственных кругов от тайно подготовлявшегося переворота, который был назначен именно на этот день. Не исключено также, что он предполагал провести лишь демонстрацию верных ему воинских частей, сосредоточенных в Рембертове, под Варшавой. Остается фактом, что в то время, как французский посол ожидал визита Пилсудского, войска последнего уже овладели Прагой и готовились перейти на левый берег Вислы. После трехдневных уличных боев в Варшаве мятежные части Пилсудского оттеснили из Варшавы правительственные войска. Президент и правительство подали в отставку, Пилсудский стал хозяином положения. Французские правящие круги, невзирая на их традиционные связи и симпатию к политическим противникам пилсудчиков — эндекам, решили признать фактическое положение вещей. 14 мая Лярош рекомендовал руководству Кэ д'Орсе проявлять сдержанность по поводу происшедших событий, но вместе с тем признать новое правительство, назначенное маршалом. 16 мая А. Бриан телеграфировал послу: «Я одобряю Вашу позицию по вопросу о признании де-факто правительства, которое создается маршалом Пилсудским и которое, как представляется... является левым правительством, признанным страной. Наша информация из Германии и России говорит о том, что там господствуют мирные настроения. В Европе, видимо, преобладает мнение, что Пилсудский, который относится к России враждебно и подозрительно, будет искать соглашения с Берлином, во всяком случае, в экономической области, и встретит там примирительные тенденции» [3]. Политические круги Франции опасались, что Пилсудский поддастся нажиму Англии, поведет политику уступок в отношении Германии и ослабления связей с Францией. Причиной столь активного интереса Франции к положению в Польше были опасения за судьбу созданной французской дипломатией системы союзов, существенным звеном которой была Польша.

Больше всего интересовали Францию перспективы и характер польско-советских отношений. Вопреки различным предположениям Пилсудский не осуществил в первый период после майского переворота резких изменений в отношениях с Советским Союзом. В какой-то мере это было подтверждено в интервью, которое спустя две недели после переворота дал французскому агентству «Гавас» вице-министр иностранных дел Р. Кнолль. Он, в частности, заявил: «Концепция Польской федерации в составе Белоруссии, Украины и Литвы в качестве свободных республик, вновь соединенных с Польшей... которой маршал Пилсудский руководствовался в 1919 г., принадлежит прошлому. Политика, основанная на Рижском договоре и экономическом сближении с Россией, которую проводил господин Скшиньский (бывший министр иностранных дел.— *С. Л.*), остается главным принципом восточной полити-

[2] Ibid., s. 34.
[3] Ibid., s. 40.

ки Польши» [4]. Этим заявлением Р. Кнолль пытался успокоить польскую общественность и Советское правительство, а также общественное мнение во Франции, встревоженное майскими событиями в Польше. Бесспорно, что Пилсудский никогда не стремился к широкому и длительному сотрудничеству с Советским Союзом.

Французская дипломатия была заинтересована в скорейшей внутренней стабилизации Польши, нарушенной майским переворотом. В таком направлении она оказывала давление на правую оппозицию Пилсудскому в стране, что нашло свое выражение в беседе Ляроша с одним из руководителей польских помещиков, председателем кредитного земельного общества Вл. Глинкой. Последний так описывает эту встречу: «24 мая я имел продолжительную беседу с французским послом, господином Лярошем. Он осуждает государственный переворот и кровопролитие, но считает, что свершившийся факт следует признать... Он подробно беседовал с маршалом, который производит впечатление человека, знающего, чего он хочет, а то, чего он хочет, если ему удастся это осуществить, было бы для Польши благом» [5]. 20 мая во французском посольстве в Варшаве состоялась беседа между Пилсудским и Лярошем. Пилсудский заверил Ляроша в соблюдении конституционных форм, а также в том, что вскоре будут подавлены местные беспорядки и созван сейм. Одновременно Пилсудский заявил, что, хотя в прошлом он был социалистом, коммунисты являются его исконными врагами [6].

Пилсудский старался опровергнуть свою репутацию политика, ориентирующегося больше на Германию и Англию, чем на Францию. Визит во французское посольство сразу же после переворота был, в частности, попыткой поколебать репутацию его противников из лагеря эндеков как единственных сторонников альянса с Францией. Французская дипломатия определенно предпочла бы видеть у власти в Польше своих сторонников из кругов эндеков, но была вынуждена считаться с свершившимися фактами. Вот почему, не питая симпатии к пилсудчикам, она искала пути сотрудничества с ними.

Большой интерес к внутреннему положению в Польше проявляла также Англия. Правительство консерваторов в тот период активизировало политику в Восточной Европе. Перед майским переворотом английский посол в Варшаве М. Мюллер и английский военный атташе Клейтон были частыми гостями у Пилсудского. Британская дипломатия была информирована о подготовке государственного переворота и отнеслась положительно к захвату власти пилсудчиками. Посол Польши в Лондоне К. Скирмунт так излагал позицию британского правительства по этому вопросу: «Что касается отношения самого английского правительства к событиям в Польше, то из очень осторожных высказываний чиновников Форин Оффис и более прямых и ясных заявлений здешнего военного министерства нашему военному атташе я должен сделать следующие выводы: англичане предвидели возвращение маршала Пилсудского к активной и более влиятельной позиции в польской государственной жизни, и это отвечает их желаниям» [7]. О том, что английская ди-

---

[4] «Temps», 27.V.1926.

[5] Biblioteka Katolickiego Uniwersytetu Lubelskiego. Papiery J. Steckiego, t. 15 (записка Вл. Глинки).

[6] J. Laroche. Op. cit., s. 45. В прошлом Ю. Пилсудский был одним из лидеров Польской социалистической партии. После раскола, в 1906 г., он возглавил правое крыло ППС—революционная фракция. С момента обретения Польшей независимости Пилсудский был выдвинут на пост руководителя возрожденного польского государства, порвав уже раньше связи с ППС. Политические противники Пилсудского среди правых группировок считали его вождем «красных». Поэтому в беседах с дипломатами западных стран Пилсудский демонстрировал свой антикоммунизм.

[7] Archivum Akt Nôwych. Akta J. i Al. Pilsudskich, Adiutantura Belwederu (далее — AAN). T. 4, s. 8. Донесение К. Скирмунта в министерство иностранных дел от 20. V. 1926.

пломатия была полностью осведомлена о подготовке переворота, наиболее убедительно свидетельствует тот факт, что Форин Оффис ранее разослал своим учреждениям циркуляр, в котором высказывалось «благожелательное отношение к оппозиции против формировавшегося кабинета Витоса, предсказывалось, что этот кабинет будет устранен силой, и констатировалось, что такой оборот дела отвечает британским интересам. В качестве мотива приводилось то, что Витос, а особенно министр финансов Здзеховский противятся установлению в соответствии с планом Великобритании контроля Лиги Наций над польской экономической политикой. Руководители же оппозиции обнаруживают гораздо большее понимание необходимости для молодого государства сотрудничать с международными учреждениями» [8]. Об этом сообщает в своих воспоминаниях К. Моравский, вице-министр иностранных дел в кабинете А. Скшиньского, исполнявший с согласия Пилсудского обязанности министра иностранных дел в правительстве Витоса, то есть человек, хорошо информированный.

К. Скирмунт в одном из своих донесений писал, что, по мнению английского правительства, раскол в сейме, невозможность создания правительства, которое пользовалось бы поддержкой парламента,— серьезные и длительные препятствия для стабилизации отношений в Польше, в которой заинтересован английский капитал. Промышленные и финансовые круги Англии стремились поставить польские финансы под иностранный контроль. Репутация непримиримого противника Советского Союза, которая прочно закрепилась за Пилсудским, обеспечивала ему полную поддержку и симпатию английских консерваторов, считавших главной опасностью для Англии в Европе Страну Советов. Одновременно те же круги положительно относились к перспективе польско-германского сближения [9]. Английская дипломатия стремилась также к ослаблению отношений между Польшей и Францией и подчинению польской внешней политики английским интересам. С Англией Пилсудский связывал большие политические и экономические надежды. По этой причине предпринимались усилия для того, чтобы привлечь на сторону нового режима в Польше английское общественное мнение. Польское посольство в Лондоне старалось через посредство Форин Оффис соответствующим образом инспирировать английскую прессу. В донесении от 12 мая 1926 г. посол Скирмунт сообщал в министерство иностранных дел, что почти все серьезные газеты «относятся весьма благожелательно к личности маршала Пилсудского. Это в первую очередь касается ультраконсервативной «Morning Post», которая в течение ряда лет проявляет неизменно дружественное отношение к нам, и консервативных «The Times», «The Sunday Times» и «Observer». Либеральная печать также благожелательно относится к его (Пилсудского) личности и намерениям» [10].

Английское правительство позитивно отнеслось и к первым распоряжениям нового правительства. Из меморандума, разработанного в Форин Оффис, с которым было ознакомлено польское посольство в Лондоне, вытекает, что, по мнению английского правительства, экономические вопросы в Польше должны быть предметом особой заботы новых властей. В целях улучшения финансового положения в Польше предлагалось надлежащим образом разработать налоговую систему. Разумная политика в этой области могла, по мнению авторов меморандума, привлечь на помощь иностранный капитал. Для английской стороны речь шла об обеспечении выгодных условий для вложения капиталов

---

[8] K. Morawski. Tamtenbrzeg, wspomnienia i szkice. P. 1961, s. 165.

[9] AAN, т. 4, s. 8. Донесение К. Скирмунта в министерство иностранных дел от 20. V. 1926.

[10] Цит. по: «Sprawy miedzynarodowe», 1956, № 6, s. 68.

и подчинении польской экономики иностранному контролю. Авторы меморандума высказывали большие опасения по поводу социальных отношений в Польше. Они опасались революционных настроений как в городе, так и в деревне. Их беспокоил вопрос, обладает ли польское правительство достаточными силами, чтобы противостоять попыткам социального переворота в деревне, который могут вызвать элементы, разочаровавшиеся после майского переворота в своих надеждах. Они давали понять, что в силу причин чисто личного характера правительство может лишиться поддержки «тех слоев, которые в нормальных условиях призваны стоять на страже общественного порядка». Форин Оффис рекомендовал назначить министром иностранных дел А. Скшиньского, о котором говорили, что в период Локарно он изменил франкофильскую ориентацию польской внешней политики на пробританскую [11]. Однако Скшиньский, будучи премьером, восстановил против себя Пилсудского в связи с обсуждением закона о высшем военном командовании, и это перечеркнуло его шансы на получение после майского переворота портфеля министра иностранных дел и вообще на дальнейшую дипломатическую службу.

Пилсудский первоначально намеревался поручить ведомство иностранных дел Я. Радзивиллу, который выполнял эти функции в 1918 г. в период Регентского совета. Однако отрицательная позиция по этому вопросу Ляроша заставила его отказаться от этой кандидатуры. Министром иностранных дел стал А. Залесский [12]. Он был известен в Англии, где находился некоторое время в период первой мировой войны и где получил степень доктора наук в одном из английских университетов. Английская дипломатия положительно отнеслась и к назначению на пост премьера К. Бартеля и других министров (финансов, промышленности и торговли) [13].

Майский переворот не вызвал широкого отклика в Соединенных Штатах. В тот период политика США в отношении стран Центральной Европы в основных вопросах была сходной с позицией Англии. Государственный департамент не занимался Польшей столь активно, как это имело место в конце первой мировой войны или во время второй мировой войны. Вопрос о Польше всплывал на поверхность главным образом в связи с политикой в отношении Советского Союза или в отношении Германии. Наряду с упомянутыми аспектами Соединенные Штаты придавали в тот период большое значение стабилизации внутреннего положения в Польше, что было тесно связано с интересами американских финансовых кругов. Пилсудский, пользовавшийся репутацией волевого человека, служил гарантией стабилизации политической власти. А стабилизация создавала дополнительные возможности для американского капитала. Американский посол в Варшаве Стетсон в беседе с Вл. Глинкой заявил, что в глазах иностранцев Пилсудский «олицетворяет сильную власть и порядок, а иностранный капитал прежде всего ждет гарантий такого рода» [14]. Год спустя, осенью 1927 г., американские банки при участии английских предоставили стабилизационный заем польскому правительству. Благосклонность Англии и США к Пилсудскому в большой мере была связана с его отношением к Германии. Английская дипломатия стремилась примирить интересы Польши и Германии, чтобы иметь возможность направить оба государства против Советского Союза. Пилсудский ка-

[11] AAN, t. 4, s. 15—17. Донесение К. Скирмунта в министерство иностранных дел от 20.V и 21.VI. 1926.

[12] J. Krasuski. Stosunki polsko-niemieckie 1926—1932. Poznan. 1964, s. 43.

[13] AAN, t. 6, s. 67. Донесение К. Скирмунта в министерство иностранных дел от 21. V. 1926.

[14] Biblioteka Katolickiego Uniwersytetu Lubelskiego. Papiery J. Steckiego, t. 15 (записка Вл. Глинки).

зался подходящей кандидатурой для реализации этих намерений, так как был известен своей антисоветской одержимостью.

Государственный переворот в Польше вызвал большой интерес и доброжелательное отношение в Германии. Германская печать различных направлений строила множество домыслов и предположений, среди которых бросались в глаза тезисы об антисоветской позиции Пилсудского, о его большой заинтересованности в проблемах восточной политики и благосклонном отношении к Германии. Еще во время боев в Варшаве между правительственными войсками и пилсудчиками влиятельная газета «Vossische Zeitung» писала 14 мая 1926 г., что «Пилсудский возвысился в войне против России. Славянская опасность на востоке всегда превосходила в его глазах германскую опасность на западе. В то время как правые националисты отказывались от политики соглашения с Германией и искали скорее соглашения с Россией, устремления Пилсудского были обращены в противоположную сторону». На страницах «Tägliche Rundschau» барон В. Рейнбабен, выражая радость по поводу майского переворота в Польше, заявлял о готовности Германии оказать Польше экономическую помощь при одновременной ревизии границ. Социал-демократическая «Vorwärts» указывала на возросшие после майского переворота надежды на возвращение Гданьска и (Гданьского) коридора Германии [15]. Было очевидно, что взгляды, выражавшиеся германской прессой, соответствовали позиции правительственных кругов Германии. Уже в декабре 1926 г. государственный секретарь министерства иностранных дел Карл фон Шуберт в беседе с А. Залесским заявил, что «никакое серьезное соглашение между обоими государствами вообще недопустимо без предварительного урегулирования вопросов «коридора», Гданьска и Силезии». Таков был ответ на усилия послемайского правительства, направленные на нормализацию отношений с Германией и прежде всего на урегулирование всех экономических вопросов, прекращение таможенной войны и заключение торгового договора. А. Залесский, отвечая фон Шуберту, заявил, что Польша никогда не согласится на подобные предложения [16]. В инструкции дипломатическим представительствам А. Залесский рекомендовал исключать из бесед вопрос о ревизии польско-германской границы, категорически заявляя, что Польша никогда на это не согласится [17]. 9 января 1927 г. А. Залесский выступил с речью в Обществе международных проблем в Варшаве, в которой коснулся антипольской пропаганды в Германии. Он утверждал, что польская дипломатия стремится к установлению добрососедских отношений с Германией, однако подчеркнул, что «за эти добрососедские отношения мы не станем платить ревизией наших западных границ. Ни за какую цену мы не уступим ни пяди поморской или силезской земель, земель исконно польских, которых мы были лишены силой и которые в результате победы права и справедливости возвращены нам» [18]. Позиция, выраженная А. Залесским, пользовалась поддержкой в Польше, поскольку в вопросе принадлежности Поморья и Силезии к Польше различные партии и политические направления были единодушны.

Начавшиеся после майского переворота польско-германские переговоры потерпели фиаско. Правительство Германии не хотело допустить урегулирования экономических вопросов с Польшей, не добившись ревизии границ. Последствия таможенной войны наносили ущерб прежде

---

[15] «Kurier Warszawski», 22. V. 1926, «Vorwärts», 19. V. 1926 (дневной выпуск).

[16] Archiwum Ministerstwa Spraw Zagranicznych (далее — AMSZ). Wydział Zachodni, P-11, w. 10, t. 6. Письмо А. Залесского послам в Берлине и в Лондоне от 20. XII. 1926.

[17] Ibid., t. 20. Инструкция А. Залесского заграничным представительствам от 22. XII. 1926.

[18] A. Zaleski. Przemowy i Deklaracie. Warszawa. 1929, s. 61.

всего польской экономике, для Германии они были менее чувствительны. Сохранение напряженности в отношениях с Польшей позволяло немецким шовинистам сплачивать общественное мнение вокруг ревизионистских лозунгов. Они считали вопрос о границах открытым. Именно эти проблемы обусловили провал попытки Пилсудского нормализовать сразу же после майского переворота отношения с Германией [19].

В Италии майский переворот был положительно оценен официальными кругами. Правительственные круги, группировавшиеся вокруг Муссолини, не придавали особого значения роли Польши в международной политике. Важнейшими вопросами, которые в данном случае привлекли внимание в Италии, были перспектива борьбы с буржуазной демократией в Польше и возможность установления правительства «сильной руки», которое опиралось бы на «сильную» личность и добивалось бы приоритета исполнительной власти в сравнении с законодательной. В Италии считалось, что именно таким деятелем и является Пилсудский — он, как и Муссолини, сумеет выполнить эти задачи. Польский военный атташе в Риме полковник И. Матушевский так оценил отношение кругов, группировавшихся вокруг Муссолини, к ситуации в Польше после майского переворота: «Всякое уменьшение прав парламента, всякое усиление исполнительной власти будет здесь воспринято как подтверждение фашистского тезиса о том, что либеральное государство изжило себя и подлежит перестройке, и как таковое встретит симпатию». Возвращение к парламентско-правовым отношениям домайского периода произвело бы, по мнению И. Матушевского, отрицательное впечатление, а именно что поляки не способны освободиться от «тирании парламентских институтов», упрочило бы убеждение в том, что создание сильной исполнительной власти, опирающейся на «левые» элементы или беспартийные круги, преданные маршалу Пилсудскому, невозможно. И. Матушевский правильно оценил отношение фашистских кругов Италии к майскому перевороту в Польше. Муссолини в беседе с послом Польши в Риме С. Козицким, состоявшейся во время уличных боев в Варшаве, отозвался с большой симпатией о заговорщиках. Он убеждал посла в том, что государственный переворот укрепит и оздоровит Польшу. Симпатия к новому режиму в Польше, которую проявили Муссолини и фашистские круги, не отражала мнения широкой общественности Италии. В обзоре прессы польское посольство в Риме обращало внимание на отрицательное отношение части общественного мнения к майскому перевороту в Польше, особенно той, которая находилась в оппозиции к режиму Муссолини. Никаких изменений в польско-итальянских отношениях после майского переворота не произошло. Военные переговоры, начатые до переворота, были по приказу Пилсудского продолжены [20].

В Румынии майский переворот встретил положительный отклик. Газеты всех политических направлений восхваляли Пилсудского и приветствовали известия о прекращении боев в Варшаве и других городах страны. В румынских политических кругах опасались, что продолжение внутренней борьбы ослабит позиции Польши на международной арене, вынудит ее прекратить проведение антисоветской политики и уменьшит значение польско-румынского союза. Военные круги Румынии особенно опасались раскола в польской армии. Персональные изменения в командовании оценивались как сведение личных счетов сторонников Пилсудского с его противниками [21]. После майского переворота

---

[19] Польско-германские переговоры подробно рассматривает И. Красусский (J. Krasuski. Op. cit., s. 39—76).

[20] Centralne Archiwum Ministerstwa Spraw Wewnetrznych (далее — CAMSW). W.—w. 2, t. 1, dok. 143. Рапорт военного атташе Польши в Риме И. Матушевского начальнику II отдела генерального штаба от 28.V.1926.

[21] Там же, dok. 140. Рапорт военного атташе Польши в Бухаресте от 28. V. 1926.

сотрудничество Польши и Румынии стало еще более тесным. Проекты изменения польской конституции в направлении усиления роли президента и создания правительства с большими исполнительными прерогативами комментировались в весьма благоприятном духе.

В Эстонии майские события в Польше также встретили доброжелательный прием. О Пилсудском писали как о способном деятеле с сильным характером, который сумеет обеспечить расцвет и могущество Польши. Как пресса, так и политики, безотносительно к разделявшим их разногласиям, подчеркивали, что именно Пилсудский первый выдвинул проект тесного союза прибалтийских государств[22]. Эстонские политики были заинтересованы в консолидации балтийских стран, включая Польшу. Союз с Польшей и другими балтийскими странами давал эстонским правящим кругам надежду на предотвращение революции. Подобную же позицию в отношении переворота заняло правительство Латвии. Экономические круги Латвии и Эстонии надеялись, кроме того, что им удастся установить с новым правительством Польши более тесные экономические отношения, расширить торговый обмен и увеличить экспорт в эту страну.

Одним из немногих государств, поддерживавших нормальные отношения с Советским Союзом в рассматриваемый период, была Турция. В марте 1921 г. правительство Кемаля Ататюрка заключило с СССР договор о дружбе и братстве, отменивший все старые соглашения, навязанные Турции царской Россией с помощью силы. Договор подчеркивал право наций на самоопределение, призывал к солидарности обеих стран в борьбе с империализмом и определял новую границу. Развитие дружественных отношений между обеими странами привело к подписанию 17 декабря 1925 г. нового договора о дружбе и нейтралитете. Этот договор положил начало серии двусторонних договоров о ненападении, подписанных СССР с другими, главным образом соседними, государствами. После подписания договора 1925 г. турецко-советские отношения продолжали улучшаться[23]. В Турции считали, что переворот Пилсудского приведет к обострению отношений между Польшей и СССР. Кроме этого аспекта, скептическое отношение к событиям в Польше было обусловлено внутренней революционной обстановкой в Турции. Когда одна из газет опубликовала сообщение под заглавием «Революция в Польше», Ататюрк подверг ее острой критике, а в официальной печати появилась статья, осуждающая участие армии в перевороте в Польше[24]. Из числа рассмотренных капиталистических государств только Турция наряду с Францией сдержанно приняла майский переворот в Польше.

Государственный переворот, совершенный Пилсудским, не застал Советское правительство врасплох. Еще 14 ноября 1925 г. «Известия» сообщали, что сторонники Пилсудского, стоящие в резкой оппозиции к существующему правительству, намереваются использовать катастрофически ухудшившуюся экономическую обстановку в стране, а также трудное положение кабинета для совершения государственного переворота. Во главе организации, отмечала газета, стоит сам Пилсудский, который пользуется поддержкой части партии «Вызволене» и ППС. В январе и феврале 1926 г. советская печать вновь писала о возможности государственного переворота в Польше. Пилсудского в Советском Союзе знали. Его считали крайним националистом, человеком, настроенным резко антисоветски. Допускалась возможность того, что Пилсудский

---

[22] Там же. W.—w. 2, t. 2, dok. 148. Рапорт пор. Кинктопфа из военного атташата Польши в Хельсинки от 2. VI. 1926.

[23] «Документы внешней политики СССР». Т. III. М. 1959, док. 342; т. VIII, М. 1963, док. 418.

[24] CAMSW. W.—w. 2, dok. 152. Рапорт военного атташе Польши в Турции подполк. Т. Схаэтцля.

возвратится к старым концепциям внешней политики на востоке — федерации Польши с Литвой и захвату Белоруссии и Украины. Известны были также связи между лагерем пилсудчиков и русской, кавказской и украинской белой эмиграцией. В СССР полагали, что в случае прихода пилсудчиков к власти сотрудничество Польши с боярской Румынией и прибалтийскими странами станет еще более тесным. В СССР опасались также сближения Польши с Англией, консервативное правительство которой проводило все более антисоветскую политику. В свете всех этих возможностей надеяться, что в польско-советских отношениях сохранится политический курс периода Локарно, было трудно. Ожидалось, что политический курс после переворота приведет к обострению отношений с СССР. 15 мая посол Польши в Москве Ст. Кентжинский имел беседу с членом коллегии Народного комиссариата по иностранным делам Б. Стомоняковым и сообщил ему об отставке правительства В. Витоса, а также заявил, что Пилсудский будет продолжать в отношении СССР политику предыдущего правительства. Двумя днями позже, уже по поручению нового правительства, Ст. Кентжинский официально заявил Б. Стомонякову, что политика Польши останется прежней и что новое правительство будет сотрудничать со всеми другими государствами для поддержания всеобщего мира. После избрания президента и образования парламентского правительства, заверил посол, переговоры по различным вопросам, начатые с СССР, будут продолжены [25].

В мае и первые дни июня советская печать посвящала перевороту много места. Первоначально это были краткие сообщения о событиях, в последующих публикациях резко отрицательно оценивались характер переворота и перспективы дальнейшего развития обстановки в Польше [26]. Из высказываний советских руководителей вытекало, что их беспокоит политический курс Польши после майского переворота. Народный комиссар иностранных дел Г. В. Чичерин в беседах с иностранными дипломатами подчеркивал, что Советское правительство видит рост опасности с запада главным образом в возможности проведения единой антисоветской политики Польшей, Англией и Германией [27].

Для того, чтобы предупредить проявление антисоветских агрессивных намерений пилсудчиков, Советское правительство представило 24 августа 1926 г. проект договора о ненападении. В нем выделялись четыре основных вопроса: 1) взаимное воздержание от агрессивных действий; 2) сохранение нейтралитета в случае нападения на одну из договаривающихся сторон третьего государства; 3) неучастие в политических и экономических соглашениях, направленных против другой стороны; 4) разрешение спорных вопросов смешанной согласительной комиссией, состоящей из представителей обоих государств. В компетенцию этой комиссии входили бы только те спорные вопросы, которые возникли бы после подписания договора [28].

Польская сторона затягивала ответ на советское предложение подписать пакт о ненападении. Ставка польской дипломатии на затяжку начала переговоров о проекте пакта о ненападении была связана со всей политикой послемайского правительства. Уже в июле 1926 г. сейму был представлен гарантийный договор с Румынией, антисоветский характер которого не вызывал сомнений. Правительство Пилсуд-

[25] «Документы внешней политики СССР». Т. IX. М. 1964, док. 160; «Документы и материалы по истории советско-польских отношений». М. 1967. Т. V, док. 2.

[26] См. «Известия», 19, 22, 27. V. 1926; 1, 12, 26. VI. 1926; «Правда», 30. V. 1926; 29. X. 1926.

[27] В беседе с послом Германии в Москве У. Брокдорф-Рантцау Г. В. Чичерин представил Пилсудского как сторонника Англии и противника профранцузской ориентации. Он предвидел, что Пилсудский будет искать сближения с Германией в целях обеспечения ее поддержки в случае нападения на СССР. См. «Politisches Archiw des Auswärtigen Amtes», телеграмма У. Брокдорф-Рантцау в МИД Германии от 22. V. 1926.

[28] «Документы внешней политики СССР». Т. IX, док. 244.

ского поддерживало также давние контакты с кавказской белой эмиграцией, руководство которой в тот период находилось в Турции. После майского переворота активизировались белогвардейские группировки, находившиеся на территории Польши. В июле 1926 г. контрразведке корпуса обороны пограничных войск стало известно о подготовке убийства советского посла П. Войкова, проводившейся по поручению великого князя Николая Николаевича[29]. Руководство монархистского центра в Польше рассчитывало использовать убийство советского посла в целях провокации вооруженного конфликта между обоими государствами. Все эти факты, несомненно, вели к ухудшению польско-советских отношений. Тревогу внушало также влияние западных держав на внешнюю политику Польши. Особенно опасным был рост английского влияния. Английские консерваторы организовывали в то время единый антисоветский фронт от Тихого океана до Балтики. Таким образом, множились проблемы, обусловившие ухудшение польско-советских отношений после майского переворота. При этом следует обратить внимание на тот факт, что радикально ухудшить отношения с Советским Союзом Пилсудский не имел возможности. Этому препятствовало неустойчивое положение пилсудчиков внутри страны и главным образом прочное и официально признанное положение Советского Союза на международной арене.

Прогнозы иностранных кругов в отношении внешней политики Польши в результате майского переворота не сразу оправдались. Пилсудский первоначально пытался сохранить тесные дружественные отношения с Францией и одновременно урегулировать отношения с Германией, которые в 20-х годах окончились неудачей. Политика Польши по отношению к балтийским странам не изменилась, но ее отношения с Румынией укрепились. Одновременно усилилось влияние Англии на Польшу. Коренное изменение внешней политики Польши наступило только в 30-х годах, когда польско-французские связи ослабли и был подписан пакт о ненападении с Германией, который означал изменение польской внешней политики и явился одной из причин поражения Польши в сентябре 1939 года.

---

[29] «Документы и материалы по истории советско-польских отношений». Т. V, док. 7, 12, 16.

БОРЬБА СОВЕТСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА ЗА НОРМАЛИЗАЦИЮ СОВЕТСКО-ЧЕХОСЛОВАЦКИХ ОТНОШЕНИЙ (КОНЕЦ 1918 — НАЧАЛО 1920 г).

А. Х. Клеванский

В истории советско-чехословацких отношений период 1918—1920 гг. характеризовался участием чехословацких вооруженных сил в союзнической антисоветской интервенции. Как известно, к началу первой мировой войны в России проживало несколько десятков тысяч чехов и словаков, эмигрировавших из Австро-Венгрии. К началу 1917 г. здесь оказалось также 200—250 тыс. военнопленных чехов и словаков, бывших солдат и офицеров австро-венгерской армии. Осенью 1917 г. главным образом из добровольцев-военнопленных был сформирован чехословацкий армейский корпус численностью до 30 тыс. человек, который должен был принять участие в военных действиях против Центральных держав. После Великой Октябрьской социалистической революции ускорился и углубился процесс социально-политического размежевания среди чехов и словаков, оказавшихся в годы войны в России. Он происходил здесь значительно интенсивнее, чем в чешских землях и Словакии, где буржуазии удалось под лозунгом общенационального единства в борьбе с монархией Габсбургов удержать руководство освободительным движением и ограничить его, по крайней мере в этот период, рамками борьбы за достижение самостоятельной государственности. Весной 1918 г. политическая дифференциация среди чешских и словацких военнопленных и эмигрантов в России получила свое организационное оформление. Во главе их революционного крыла встала коммунистическая организация, считавшая своим высшим долгом защиту завоеваний Великой Октябрьской социалистической революции — залога социального и национального освобождения трудящихся чехов и словаков. В то же время значительная часть чехов и словаков, солдат и офицеров чехословацкого корпуса, руководимая буржуазными лидерами и организациями, материально и политически связанными с англо-франко-американским империалистическим блоком, приняла участие в прямом вооруженном конфликте с пролетарской революцией [1].

Одним из доводов, которым державы Антанты и США пытались обосновать необходимость вооруженного вмешательства в дела Советской России, было якобы их стремление защитить чехов и словаков от уничтожения, грозившего им со стороны большевиков и немцев. Что же касается лидеров чехословацкого национального движения, а затем и руководителей чехословацкого государства, то для оправдания фактического участия в интервенции они также выдвигали самые разнообразные предлоги. Сначала это была так называемая борьба

[1] Подробнее о мятеже чехословацкого корпуса см. А. Х. Клеванский. Чехословацкие интернационалисты и проданный корпус. М. 1965.

с «большевистской анархией и террором», потом вынужденная самооборона и помощь русской демократии, наконец, необходимость создания антигерманского фронта на Волге и Урале. После окончания первой мировой войны участие чехословацких частей в военных действиях объяснялось якобы выполнением ими союзнического долга. Советское правительство понимало, что окончание мировой войны может содействовать усилению интервенции. Выступая в начале ноября 1918 г. на VI Всероссийском чрезвычайном съезде Советов, В. И. Ленин предупреждал, что «никогда наше положение не было так опасно, как теперь»[2]. А между тем чехословацкий корпус, являвшийся составной частью армии только что созданной Чехословацкой республики, был ядром союзнических интервенционистских сил в России.

В конце 1918 г., учитывая основные тенденции международной, а также целый ряд благоприятных факторов внутренней обстановки (крупные военные успехи на фронтах и политические успехи в тылу белых и интервенционистских армий) этого времени, советская дипломатия переходит от вынужденной обстоятельствами «пассивной политики» (как характеризовал Г. В. Чичерин период, наступивший вслед за заключением Брестского мира)[3] к политике активной, характеризующейся целой серией мирных предложений, обращенных ко всем противникам Советского государства. В настоящей статье на основании ряда новых документальных материалов рассматриваются конкретные шаги советской дипломатии, направленные на нормализацию советско-чехословацких отношений.

Одним из первых правительств, к которым обратилась с мирными предложениями Советская Россия, было правительство Чехословакии. Советские руководители исходили при этом из того, что недавно возникшее чехословацкое государство само нуждается в мире и есть все основания для ликвидации вооруженного конфликта. На второй день после провозглашения чехословацкой республики, 31 октября 1918 г., народный комиссар иностранных дел РСФСР Г. В. Чичерин обратился с радиограммой к временному правительству Чехословакии. «Советское правительство, несмотря на успех своего оружия,— говорилось в ней,— ни к чему так горячо не стремится, как к окончанию бесполезного и прискорбного для него пролития крови и заявляет... что оно готово предоставить чехословакам полную возможность, после того как они сложат оружие, проследовать через Россию для того, чтобы возвратиться в свою родную страну, с полной гарантией их безопасности»[4]. 3 ноября был издан специальный приказ по Красной Армии и Красному Флоту, в котором сообщалось о конкретных мерах, направленных на то, чтобы прекратить кровопролитие и поставить новое чехословацкое правительство в известность о готовности Советского правительства «предоставить чехословакам [возможность] без оружия при полной гарантии безопасности проследовать через Россию на свою освобожденную родину»[5]. Приказ предписывал реввоенсоветам всех армий Восточного фронта принять меры к тому, чтобы довести до сведения чехословацких солдат и офицеров об этих шагах Советского правительства, а также о переменах, происходящих в Австро-Венгрии. 7 ноября на заседании ЦИК единогласно было принято воззвание «К солдатам чехословацкой армии». «Мы,— подчеркивалось в воззвании,— считаем дальнейшую кровопролитную борьбу между чешскими и русскими солдатами преступлением, преступлением перед русским,

---

[2] В. И. Ленин. ПСС. Т. 37, стр. 164.

[3] Г. Чичерин. Внешняя политика Советской России за два года. М. 1920, стр. 7.

[4] «Известия ЦИК», 1.XI.1918.

[5] ЦГАОР, ф. 130, оп. 2, д. 589, л. 21.

преступлением перед чешским народом». Приводя текст ноты Г. В. Чичерина, ЦИК заявлял: «Мы обязываемся перед лицом мира пропустить вас через русскую территорию. Делом вашего правительства будет договориться с Польшей или Украиной о пропуске вас через эти территории... мы вам даем возможность вернуться в ваше отечество... Так и знайте: свободный проезд тем, кто хочет вернуться на родину, и борьба беспощадная с теми, кто остается на русской территории как сознательный враг русского народа»[6].

В отличие от правительства Чехословакии, которое не только не ответило на советское предложение, но и утаило его от общественности, не решившись его даже опубликовать, командование и политическое руководство корпуса не могло отмалчиваться. Нота Чичерина, воззвание ЦИК и приказ Наркомвоена, опубликованные в листовках и газетах чехословацких коммунистов, получили широкое распространение за линией фронта. 5 ноября официальный орган чехословацкого командования газета «Československý dennik» опубликовала сокращенный и весьма вольный перевод радиограммы Чичерина, опустив, в частности, те места, где говорилось об условиях пропуска чехословацких частей через территорию Советской России и о гарантии их полной безопасности. Одновременно газета опубликовала ряд статей, пытаясь дискредитировать и ослабить влияние советского предложения. Газета утверждала, что, не разбив большевиков, нельзя обеспечить прочность молодого чехословацкого государства и что чехословацкое правительство, связанное договором с Антантой, ведущей войну с Центральными державами и их союзниками, никогда не подпишет сепаратного мира или даже перемирия с Россией, а рука, протянутая Советским правительством, «останется висеть в воздухе»[7]. У нас нет прямых сведений о том, каково было непосредственное воздействие советского обращения на солдат и офицеров чехословацкого корпуса, находившегося уже с начала осени главным образом под влиянием неудач на фронте в состоянии глубокого морально-политического кризиса. Однако бесспорно, что вместе с сообщениями о провозглашении Чехословацкой республики, капитуляции Австро-Венгрии и Германии и прекращении военных действий в Европе, известия о мирных предложениях Советского правительства явились еще одним ударом по боеспособности чехословацких частей.

О том, что советское предложение оставило глубокий след в мыслях и душах чехословацких солдат, косвенно свидетельствует тот факт, что прибывший в Сибирь военный министр новой Чехословацкой республики М. Штефаник, беседуя с делегациями воинских частей, вынужден был убеждать их (в частности, 11 декабря в Тюмени) в невозможности обеспечить возвращение корпуса на родину через Россию. М. Штефаник утверждал, что Советское правительство не в состоянии дать корпусу никаких гарантий безопасности на своей территории. «Путь на запад?» — спрашивал он и категорически утверждал: «Кто хочет сегодня идти туда без боя, тот должен быть большевиком, совершить над собой моральное харакири. Да и кто станет договариваться с большевиками? О нас за границами,— продолжал министр,— говорили уже много плохого, но не говорили одного, что чехословаки настолько глупы, чтобы заключить соглашение с большевиками даже в том случае, а это не исключено, если Советское правительство согласится пропустить нас с оружием»[8]. Нельзя не отметить, что к мысли о необходимости переговоров для достижения соглашения с Советским правительством о возвращении корпуса на родину через Европей-

---

[6] «Известия ЦИК», 5.XI.1918; «Правда», 6.XI.1918.
[7] См. J. Kratochvil. Cesta revoluce. Praha. 1928, s. 188—189.
[8] «Československý voják». Irkutsk, 16.V.1919.

скую Россию приходили многие рядовые легионеры, как только обстоятельства заставляли их серьезно задуматься над своей дальнейшей судьбой. Так, например, нелегальное совещание представителей чехословацких частей, проходившее весной 1919 г. в Екатеринбурге, обсуждало вопрос «о посылке делегатов в Советскую Россию или через нее на родину» [9]. Ниже будут приведены и другие факты подобного рода.

Несмотря на то, что Советское правительство не получило ответа на свои мирные предложения, оно прилагало все новые и новые усилия, стремясь всемерно использовать создавшиеся объективные и субъективные условия для ликвидации конфликта, исходя из того, что возвращение корпуса на родину через западную территорию Советской России при определенных условиях вполне осуществимо. И Т. Масарик, судя по имеющимся документам, не исключал такую возможность. По свидетельству его секретаря Я. Цисаржа, Масарик в инструкции Э. Бенешу 29 октября 1918 г. рекомендовал: «Если будет возможно, начать переговоры с Лениным о пропуске нашей русской армии на родину; она бы в этом случае могла двигаться через Галицию или по Черному морю, если до этого времени капитулирует Турция» [10]. Таким образом, советская сторона, предлагая корпусу вернуться на родину через контролируемую ею территорию, давала возможность новому чехословацкому правительству занять более самостоятельную позицию по отношению к державам Антанты и США, ибо другой путь, путь через два океана, ставил его в асболютную зависимость от тех сил, в руках которых находились необходимые для перевозки морские суда и которые использовали это для достижения своих политических целей [11]. Вопрос о транспортировке чехословацких частей носил политический характер, а не технический, как это пытались представить Масарик, Штефаник и другие члены правительства Чехословакии [12]. Насколько известно, до сих пор никто не опроверг факты, приведенные консервативным чехословацким исследователем А. Калиной еще в конце 30-х годов, согласно которым весной — летом 1918 г. США имели на Дальнем Востоке достаточное количество судов, зафрахтованных главным образом в Японии, однако не предоставили их для перевозки корпуса в Европу [13]. Даже такой буржуазный автор, как Ф. Пероутка, которого в отличие от А. Калины трудно заподозрить в антипатии к лидерам чехословацкого национального движения, также категорически утверждал, что вопрос о судах являлся вопросом политическим. Осенью 1918 г. существовала, писал Пероутка, «тенденция предоставить Колчаку столько времени, сколько ему было необходимо, чтобы укрепить свою власть, и это был главный и тайный довод, почему легионы не были выпущены из Сибири... Именно поэтому до тех пор, пока существовала еще какая-то надежда, что Колчак удержится, не приходили суда». В свою очередь, и Бенеш в 1923 г. признал, что «суда могли быть или не быть, либо из-за технически-материальных затруднений, либо в зависимости от того, каково было в решительный момент настроение в Париже или Лондоне: за или против интервенции» [14].

Было очевидно, что выбор чехословаками пути на родину является существенным фактором, но далеко не решающим. Главное заключалось в том, захочет ли вообще чехословацкое правительство обсуж-

---

[9] «Archiv Vojenského Historického Ústava (далее AVHU, Štáb I. div., krab. 12, I.G/16.

[10] «České slovo». Praha, 28.X.1919.

[11] «Жизнь национальностей», 19.I.1919.

[12] J. Řepka. II sjezd čsl. vojska na Rusi. Praha. 1928, s. 77; «Za svobodu. Obrázková kronika československého revolučního hnutí na Rusi. 1914—1920». D. IV. Praha. 1929, s. 723, 724.

[13] A. Kalina. Krví a železem dobyto čsl. samostatnosti. Praha. 1938, s. 160—161.

[14] F. Peroutka. Budování státu. Praha. 1936, d. III, s. 1644—1645, 1647.

дать вопрос о выводе своих войск из России, откажется ли оно от участия в интервенции и способно ли оно будет в таком случае проявить самостоятельность, учитывая упорное стремление Франции, от которой прежде всего зависело новое государство, продолжать старую интервенционистскую политику. В этом были серьезные сомнения. Причины молчания Праги определялись классовой сущностью чехословацкого государства, его экономической и политической зависимостью от Антанты, негативным отношением его руководителей к новой России. И все же Советское правительство не прекращало усилий, направленных на то, чтобы путем переговоров нормализовать отношения с Чехословацкой республикой. В начале декабря 1919 г. по инициативе В. И. Ленина был освобожден арестованный в связи с антисоветским выступлением чехословацких частей в Челябинске проф. Прокоп Макса, бывший комиссар чехословацкого корпуса. Он выразил желание передать лично мирные предложения Советского правительства президенту Масарику. Перед отъездом в Прагу Макса встретился и беседовал с В. И. Лениным. Сохранились некоторые документальные материалы, освещающие историю переговоров Максы с представителями Советского правительства и содержание его беседы с В. И. Лениным.

Сам Макса впоследствии дважды, в 1943 г. в Лондоне и в 1950 г. в Праге, выступал в печати с воспоминаниями об этих переговорах [15]. В рукописном отделе библиотеки имени В. И. Ленина хранится черновик воспоминаний В. Д. Бонч-Бруевича, также подтверждающий, что В. И. Ленин принял Максу и беседовал с ним [16]. Неофициальная записка П. Максы от 11 февраля 1919 г., сохранившаяся в фондах так называемого Парижского архива Чехословацкого национального совета, проливает дополнительный свет на те усилия, которые прилагало Советское правительство для достижения мира, и помогает понять, почему наиболее дальновидные чехословацкие буржуазные политики в то время пришли к мысли о бесполезности и опасности дальнейшего участия в антисоветской интервенции. По словам Максы, он постепенно пришел к убеждению, что помощь союзников чехословацкому корпусу не была и не могла быть оказана именно из-за «социально-политического характера» действий антисоветских сил в России, потерявших всякую поддержку общественности стран Антанты, особенно после поражения Германии. Информация, полученная Максой от Й. Пшенички [17], утвердила его в мысли, что «характер борьбы» в России «разлагающе действует на наших людей». Чем далее, тем яснее становилось ему, «как лишь весьма косвенно связано это предприятие (военные действия корпуса.— *А. К.*) с нашей национальной борьбой» и какую опасность таит оно в себе для будущего Чехословакии. «Я сказал себе,— писал Макса,— что пришло время ликвидировать нашу акцию в России, пока она не стала причиной внутриполитической кампании». После длительных переговоров, отмечал Макса, «по настоянию Ленина и Карахана, мне было дано разрешение вернуться и выражено пожелание, чтобы в Праге я передал, что Советское правительство готово пропустить армию через свою территорию при условии, что оружие она повезет в отдельных составах. В Праге я сообщил обо всем этом проф. Масарику, который одобрил мое поведение, выразил полное согласие с моими взглядами и лишь указал на необходимость ввиду международной обстановки повременить с действиями. Я это делаю. Однако использую каждую неофициальную возможность для того, чтобы вы-

[15] «Čechoslovak». Londyn. 22.1.1943; «Hlas revoluce». Praha, 25.1.1950.

[16] Отдел рукописей Государственной библиотеки имени В. И. Ленина, ф. 369, картон 21, ед. хр. 28, лл. 1—3.

[17] Легионер Й. Пшеничка, посланный командованием корпуса из Сибири с секретной информацией в Прагу через Советскую Россию, был задержан в Москве и некоторое время находился в заключении вместе с Максой.

разить свое убеждение 1) в необходимости ликвидации нашей акции в Сибири и 2) в необходимости нашего неучастия в интервенционистской политике, причем заблаговременно, пока еще может быть предотвращена опасность: а) разложения корпуса, б) внутренней политической борьбы по этим вопросам» [18].

Из официальных документов советской стороны по этому вопросу укажем на обращение Г. В. Чичерина от 16 января 1919 г. к правительству США. В обращении, в частности, говорилось: «Мы официально предложили чехословакам возвращение на родину через Россию при условиях, обеспечивающих как их, так и нашу безопасность, и мы достигли полного соглашения с председателем Чехословацкого национального Совета в России профессором Макса. Он отправился в Богемию с тем, чтобы передать наше предложение чехословацкому правительству» [19]. 19 января аналогичное сообщение было опубликовано и в газете «Жизнь национальностей». Важным документальным свидетельством является и письмо тогдашнего редактора издававшейся в Москве чехословацкой коммунистической газеты «Průkopnik svobody» В. Ружички вернувшемуся на родину председателю ЦИК Чехословацкой коммунистической секции при РКП(б) А. Муне. «Обращаю твое внимание,— писал Ружичка,— что проф. Макса был отпущен из России по решению ЦИКа и что именно Ленин добивался этого. Проф. Макса имел длительную аудиенцию у Ленина, и ему действительно поручена неофициальная миссия к чешскому правительству, которая касается, с одной стороны, предоставления возможности чехословацкому корпусу возвращения через Россию, а с другой — установление связей чешского правительства с русским по вопросу о перевозке пленных...» [20].

Итак, судя по документам, в конце ноября — в декабре 1918 г. Советское правительство, повторив предложение пропустить чехословацкий корпус на родину через свою территорию, делает новый шаг навстречу чехословацкой стороне, разрешая корпусу проезд с оружием, обусловив лишь перевозку его в отдельных составах. Думается, что эта новая инициатива, не оставляющая никаких сомнений в доброй воле и искреннем желании договориться, но бесспорно связанная для советской стороны с известным риском, была предпринята в результате учета всех новых обстоятельств внутреннего и международного положения. Она была предпринята потому, что, во-первых, возможное возвращение корпуса через Россию являлось вопросом острой политической борьбы как в самой Чехословакии, так и в Сибири, между силами, настаивающими на продолжении интервенции, и теми, кто искренне стремился к быстрейшей ликвидации кровавой авантюры. Во-вторых, морально-политическое состояние чехословацких частей в это время было таково, что исключалась возможность империалистической агентуры вновь спровоцировать их на антисоветское выступление. Об этом писала в то время и газета «Жизнь национальностей». Так, 19 января 1919 г. в ней отмечалось, что борьба за возвращение корпуса через Россию «становится борьбой двух направлений не только в самом корпусе, но и в Чехословацкой республике, где рабочие требуют немедленного возвращения корпуса через Россию и прекращения враждебного отношения к Русской Республике». 2 февраля та же газета констатировала, что поступающие из Сибири сообщения позволяют, по-видимому, судить, что «чехословацкий корпус потерян для контрреволюционного фронта...». Современные чехословацкие и советские исследователи на основе анализа достаточно большого фактического материала подтвердили, что эти предположения и оценки име-

[18] Archiv Ministerstva Zahraničních Věci ČSSR (далее—AMZV), P. A. 19, Legace Omsk, č. 2161.

[19] «Документы внешней политики СССР». Т. II. М. 1958, стр. 25.

[20] AMZV, P. A. 19, Legace Omsk, č. 2161.

ли под собой вполне реальную почву. Нельзя также забывать, что эти мирные предложения делались в обстановке крупных успехов Красной Армии на Западном, Южном и Восточном фронтах и что именно в это время, во второй половине января 1919 г., на заседании Совета десяти в Париже Д. Ллойд-Джордж, поддержанный В. Вильсоном, поставил вопрос о невозможности и нецелесообразности дальнейшего продолжения интервенции собственными вооруженными силами держав Антанты и США и высказался за переговоры с Советским правительством.

Казалось бы, учитывая все это, чехословацкое правительство имело бóльшие, чем раньше, основания для шагов, отвечающих интересам народов республики. Однако и оно и военное и политическое руководство в Сибири отрицательно реагировали на новую советскую инициативу, поддержанную наиболее реально мыслящими чехословацкими буржуазными политическими деятелями. Как только сведения о миссии Максы дошли до Сибири, Штефаник поставил в известность командующего интервенционистскими войсками в Сибири французского генерала М. Жанена, что будет решительно противодействовать принятию советских предложений, ибо такой шаг был бы, по его мнению, «опасным и недостойным». Он просил и Жанена использовать свое влияние для воздействия в этом духе на чехословацкое правительство. 25 января политический уполномоченный чехословацкого правительства в Сибири Б. Павлу отправил в Прагу телеграмму, составленную совместно с Жаненом. В ней заявлялось, что Макса не правомочен выступать от имени чехословацких легионеров, что возвращение через советскую территорию таит в себе серьезную опасность для будущего республики, произведет неблагоприятное впечатление на союзников и, хотя армия действительно устала и рвется домой, «состояние ее не таково, чтобы было необходимо прибегать к мере, столь унизительной»[21]. Но опасения чехословацкого командования и политического руководства были напрасны. Ни Масарик, ни Бенеш, ни тем более премьер К. Крамарж не собирались вступать в переговоры с Советским правительством. Масарик в середине февраля 1919 г. в интервью корреспонденту французской газеты «Le Temps» говорил о невозможности дальнейшей вооруженной интервенции западных держав Антанты и США на данном этапе и вместе с тем отмечал, что Япония могла бы успешно продолжать военные действия в Советской России. Масарик решительно высказался за политическую блокаду Советского государства и энергичную экономическую интервенцию. Он заявил, что необходимо «изолировать очаг заразы и приступить к экономическим репрессиям»[22].

До начала 1920 г. в позициях Бенеша и Крамаржа не было принципиальных расхождений о вооруженной интервенции. Крамарж открыто требовал, чтобы корпус с боями пробивался на родину и по пути «мимоходом помог свергнуть большевистское правительство». Что касается Бенеша, то, воздерживаясь от публичных высказываний, он конфиденциально рекомендовал французскому правительству поддержать авантюристический план Б. Савинкова о создании на территории Чехословакии «с непрямой помощью чехословацкого правительства» антисоветской армии из бывших русских военнопленных[23]. Она предназначалась для удара по Советскому государству с запада, в то время как белые армии и чехословацкий корпус готовились к нападению с востока. Еще 3 февраля 1919 г. Бенеш, находившийся на Парижской мирной конференции, предупреждал чехословацкое правительство, что «было бы опасно для нашей политики здесь начинать прямые переговоры

---

[21] M. J a n i n. Moje účast na československém boji za svobodu. Praha (б/г), s. 210.
[22] T. G. M a s a r y k. Cesta demokracie. Sv. I. Praha. 1933, s. 82.
[23] «Dokumenty o protisovětských piklech československé reakce». Praha. 1954, s. 35.

с большевиками о возвращении наших». «Этот капитал (корпус в Сибири.— *А. К.*),— добавлял он позже,— необходимо использовать, и мы не имеем права так просто сбрасывать его со счетов»[24]. В конце марта 1919 г. Бенеш в беседе с государственным секретарем США Р. Лансингом, находившимся тогда в Париже, заявил, что он против того, чтобы корпус двинулся на родину из Сибири с согласия Советского правительства, ибо, по его мнению, солдаты могли, проезжая через Россию, легко подвергнуться большевистской заразе. Кроме того, такое соглашение повредило бы отношениям союзников, а следовательно, и чехословацкого правительства с Колчаком[25].

Между тем еще в период мартовских успехов войск колчаковского генерала Ханжина под Уфой чехословацкое командование начало подумывать о срочном возвращении частей корпуса, отведенных в конце 1918 г. за Урал, на фронт[26]. Оно не оставляло этой мысли, как свидетельствуют документы колчаковской разведки, и в мае[27]. С середины июня из Европы начали поступать сообщения о том, что руководящие круги Антанты склонны принять старый английский план об организации удара силами чехословацких и колчаковских частей в направлении на Архангельск для соединения с английскими экспедиционными войсками. Бенеш весной и летом 1919 г. неоднократно обсуждал этот план с военным министром Великобритании Черчиллем. В письмах Бенеша подчеркивалась трудность его реализации в связи с «политической обстановкой в Чехии, а также настроением чешских солдат в Сибири». Он предлагал бросить солдат на фронт «не под лозунгом борьбы с большевиками и оказания помощи адмиралу Колчаку, а под тем предлогом, что они направляются на север только для того, чтобы их можно было перевести на родину, как только они соединятся с английскими войсками, которые проводят операции на севере России». По мнению Бенеша, лишь в этом случае можно было «иметь некоторые шансы на успех...»[28].

Колчаковцы и представители Антанты действовали заодно. Управляющий колчаковским министерством иностранных дел Сукин убеждал генерала Жанена в выгодности посылки чехословацкого корпуса на Архангельск, а английский генерал Нокс убеждал Павлу и командующего чехословацкими войсками Я. Сырового принять это предложение[29]. К концу июня английский план поддержали правящие круги США, а затем и Франции. 25 июня 1919 г. Бенеш телеграфировал Павлу, что большая часть корпуса (30 тыс.) должна быть эвакуирована через Архангельск и что отправка должна произойти «не под лозунгом антибольшевистского похода, а под лозунгом возвращения в Чехию». «Английский министр,—сообщал Э. Бенеш Масарику,— заявил, что если это предложение не будет принято, наши солдаты попадут домой не раньше чем через полтора-два года»[30]. Почти одновременно представитель колчаковского правительства в Париже Сазонов писал в Омск, что «англичанами, как и американцами, поднят во-

---

[24] AMZV, P. A. č. 4724, 6727.

[25] «Papers Relating to the Foreign Relations of the United States. Russia. 1919». Washington. 1932, pp. 279—281.

[26] ЦГАОР, ф. 200, оп. 5, д. 14, л. 24.

[27] Начальник управления государственной охраны колчаковского министерства внутренних дел доносил 19 мая 1919 г.: «Из бесспорно достоверных источников известно, что руководители чехословаков озабочены одним планом, а именно: в соглашении с польскими и румынскими войсками, находящимися в Сибири, отправиться всем совместно на фронт и пробраться через Советскую Россию, через Петроград или на юг домой в Чехословакию, Польшу, Румынию (прежде всего имеется в виду направление — Петроград...)». ЦГАОР, ф. 147, оп. 8, д. 14, л. 267.

[28] AMZV, P. A., č. 656.

[29] M. J a n i n. Op. cit., s. 258, 270.

[30] «Документы об антинациональной и антинародной политике Масарика». М. 1954, стр. 63—67.

прос о побуждении чехословаков в восточной России продвигаться на Котлас, чтобы выйти к Архангельску». В начале июля конференция держав Антанты в Версале приняла решение о немедленной отправке чехословацких частей на фронт, о чем Клемансо сообщил Колчаку телеграммой [31].

Однако, пока в Париже велись переговоры и уточнялись детали плана, на Урале и в Сибири обстановка коренным образом изменилась. Южная группа войск Красной Армии, перешедшая в конце апреля в контрнаступление на Восточном фронте, разгромила армию генерала Ханжина и 10 июня освободила Уфу. Вслед за этим перешли в наступление части Красной Армии на левом фланге Восточного фронта. 1 июля белые были выбиты из Перми, а затем из Уральска, Златоуста, Екатеринбурга и, наконец, из Челябинска. Этим было завершено освобождение Урала. Павлу, Жанен и Сыровы сочли, что в данной обстановке агитация за возвращение чехословацкой армии на фронт будет безуспешной, хотя Бенеш телеграммой от 5 июля дал им фактически полную свободу действий, предложив самим решить, возможно ли в сложившихся обстоятельствах осуществление плана переброски корпуса [32]. Однако уже в середине июля стало известно о подготовке нового, запланированного на август 1919 г. совместного наступления войск Колчака и Деникина. В связи с этим Павлу предложил срочно создать добровольческое формирование («дивизию в составе трех полков») для продвижения на юг, через Уральск и Царицын, и соединения с Деникиным. Этот план он считал «целесообразным и выполнимым» [33].

Между тем 12 августа во Владивосток прибыло, наконец, так долго ожидавшееся легионерами посольство из Чехословакии, возглавлявшееся членом Национального собрания, социал-демократом писателем Ф. Крейчи. У посольства не было полномочий ни корректировать, ни тем более радикально изменять политический курс, до сих пор проводившийся чехословацкими руководящими кругами в Сибири. Его задача, согласно инструкциям, полученным в Праге и Париже, сводилась исключительно к тому, как писал позднее Крейчи, чтобы «содействовать моральному укреплению армии, надолго оторванной от родины, как усиленной пропагандой, так и эффективным сотрудничеством и помощью в рамках уже существующей в Сибири военно-политической организации» [34]. Иными словами, посольство должно было успокоить брожение среди солдат, внушить доверие к командованию и правительству. Этому могло способствовать только конкретное заявление о сроке и маршруте эвакуации армии на родину. Но, как отмечал сам Крейчи, именно этого посольство сделать не могло, ибо и тогда все еще «не было ничего известно ни о времени, когда наши легионы начнут свой путь на родину, ни о способе, каким это произойдет. Была открыта дверь всевозможным соглашениям и комбинациям» [35]. В этих условиях посольство лишь утверждало, что в принципе вопрос о возвращении корпуса домой уже предрешен и дело лишь в «технике». В заявлении посольства, опубликованном по прибытии его во Владивосток, сообщалось, что желание президента, правительства и народа — вернуть солдат на родину. «Ваше возвращение,— подчеркивалось в заявлении,— возложено на тех, кто уполномочен его подготовить и осуществить. Срок его не будет отложен ни на один день сверх того времени, которое диктуют обстоятельства технического характера» [36].

---

[31] ЦГАОР, ф. 200, оп. 5, д. 14, лл. 27, 33.
[32] AMZV, P. A. 82, č. 9028.
[33] J. S k á c e l. Československá armada v Rusku a Kolčak. Praha. 1926, s. 217.
[34] «Za svobodu», d. IV, s. 719.
[35] F. V. K r e j č i. Navrát sibiřských legií. Praha, 1920, s. 10.
[36] «Za svobodu», d. IV, s. 724.

На деле командованию предоставлялась возможность под предлогом отсутствия денежных средств и судов для перевозки морем держать корпус в Сибири столько, сколько оно сочтет нужным, или под тем же предлогом попытаться бросить его, если создадутся благоприятные условия, на запад, чтобы «пробиться» на родину через Россию. Для оправдания и обоснования любой из этих возможностей в запасе у посольства были послания президента Масарика и премьера Крамаржа. В послании Масарика прежде всего утверждалось, что он ничего так горячо не желает, как возвращения солдат домой. Однако, сокрушался он, им и их родным «придется еще набраться терпения», так как технических средств для перевозки корпуса нет и решение вопроса зависит от Антанты, с «которой мы остаемся в тесной политической дружбе». Стремясь оправдать дальнейшее участие чехословацких частей в интервенции, Масарик сваливал вину за продолжение военных действий на Советское правительство и Венгерскую Советскую Республику, которая, дескать, «коварно напала на Чехословакию, стремясь соединиться с советскими войсками». Послание Крамаржа было гораздо более определенным. Являясь сторонником энергичной и немедленной поддержки со стороны чехословацкого корпуса наступления белых армий на Москву, он призывал чехословацких воинов к терпению и выражал уверенность, что они сами изберут «самый короткий и самый славный путь возвращения на родину» [37].

В то же время велись секретные переговоры посольства с Павлу, Сыровы, Жаненом, иностранными дипломатами, представителями колчаковского правительства. Главным предметом обсуждения был вопрос о возможности и условиях дальнейшего участия чехословацкого корпуса в интервенции. В октябре Павлу, Сыровы и Жанен сочли наконец обстановку на фронте благоприятной для немедленной организации похода на запад. Как известно, к этому времени Деникин подходил к Орлу, угрожая Москве, а Юденич стоял под Петроградом. 3 октября 1919 г. Павлу телеграфировал Сыровому: «Мы делаем величайшую глупость, что не готовимся к нанесению последнего удара большевикам... Следовало бы подумать о создании корпуса добровольцев (для движения) на запад и потребовать согласия нашего правительства...». Сыровы на следующий день отвечал ему: «Я согласен с переброской армии домой через запад. Потребуй от Бенеша свободу рук на случай такой выгодной возможности...»[38]. 20 октября Павлу сообщил Бенешу в Париж: «Крупные успехи Деникина внушают нам мысль пробиться с самыми решительными частями армии на запад. ...Мы с генералом Сыровы просим, чтобы правительство предоставило нам свободу рук для подготовки возможного пути на запад при благоприятной ситуации... Просим ясной директивы по данному вопросу. Речь идет не об авантюре, а о важном деле, которое бы существенным образом содействовало и сохранению нашей армии». В ожидании ответа из Парижа и Праги Павлу и Сыровы начинают спешно готовить «западный вариант» [39].

Что же думала об этих планах солдатская масса? Ярче всего ее отношение к пропагандируемой в чехословацкой и белогвардейской печати идее нового похода «в Прагу через Москву» выразили интернированные на полуострове Горностай, близ Владивостока, делегаты II нелегального съезда чехословацкого корпуса и солдаты расформированных за неповиновение частей. В их гектографированной листовке — ответе на упоминавшееся выше послание Крамаржа говорилось, что ту политическую линию, которую премьер-министр предлагает осуществлять

---

[37] «Československý denník», 17, 31. VIII. 1919.
[38] ЦГАОР, ф. 147, оп. 8, д. 40, лл. 209—210; J. Skácel. Op. cit., s. 273.
[39] AMZV. P. A. 19, Legace Omsk, č. 1612; J. Skácel. Op. cit., s. 279.

в России кровью чехословацких солдат, могли бы проводить лишь банды преступников, но не освобожденный народ Чехословакии и его представители в Сибири. Призыв Крамаржа идти на фронт на помощь Деникину, писали делегаты, «разоблачает ту бесстыдную политику союзников по отношению к русскому народу, из-за которой Антанта потерпела полный провал в России, из-за которой вот уже год мы здесь гибнем, из-за которой до сих пор раскалывается и губится Россия; ту политику, которая является нашим проклятьем, проклятьем России и славянства...».

Не менее показательны для характеристики царивших в корпусе настроений и агентурные донесения, поступавшие к командованию. В ночь на 11 ноября в Иннокентьевской, сообщала контрразведка, состоялось тайное совещание представителей 2-го и 3-го стрелковых полков, а также 2-й, 3-й и 4-й батарей легкой артиллерии. Затем без разрешения командования было созвано общее солдатское собрание. Председательствовавший на нем бывший ротный доверенный из 2-го полка Резрел заявил, что солдаты напрасно ждали решения своей судьбы от посольства, которое, находясь в Сибири уже несколько месяцев, «до сих пор ничего не предпринимает». «Поэтому мы,— говорил он далее,— решили начать борьбу на собственный страх и риск». Кроме того, пришло сообщение, что солдаты 7-го полка категорически отказались нести службу. Среди солдат, доносил офицер контрразведки, распространено убеждение, что если придется войти в соприкосновение с большевиками, то следует заключить с ними мир и договориться о свободном проезде на родину через Россию. «Настроение,— отмечалось в донесении,— чрезвычайно скверное и в боевом отношении ничего не стоит... Ныне движение стало массовым и грозит катастрофой... Солдаты воевать не будут и используют все средства, чтобы выбраться из России домой, по всей вероятности, и путем переговоров с большевиками...» [40].

Но окончательно планы «похода на Москву» были похоронены Красной Армией. Начав в середине октября новые наступательные операции на Тоболе, V и III армии к началу ноября подошли к колчаковской столице — Омску. Отступление белых армий превратилось в паническое бегство. 5 ноября из Омска спешно выехал генерал Жанен в сопровождении 6-го чехословацкого полка. 10 ноября бежало колчаковское правительство. 8 января 1920 г. передовые части Красной Армии вступили в Красноярск. Когда арьергарду отступавшего чехословацкого корпуса угрожал удар, его командование по собственной инициативе начало переговоры об условиях перемирия с авангардом Красной Армии. 11 января Сибревком и Реввоенсовет V армии, напомнив, что Советское правительство уже неоднократно обращалось с призывом прекратить военные действия, предложили чехословацкому корпусу разоружиться, передать представителям Советской власти Колчака, его приближенных, золотой запас и другое имущество, являющееся достоянием народов России. В этом случае чехословакам гарантировались «неприкосновенность и всякое содействие в возвращении на родину» [41]. Командование чехословацкого корпуса отклонило требования Сибревкома [42], прервало переговоры и издало приказ: «Оружие ни при каких обстоятельствах не сдавать, а в случае необходимости вступить в бой. Всеми средствами уничтожать путь и объекты, эшелоны

---

[40] AVHU. Štáb II div., krab. 27, II/209.

[41] J. Kratochvil. Op. cit., s. 515; AMZV. f. Girsy, č. 33.

[42] Есть основания предполагать, что требование Сибревкома о сдаче оружия было выдвинуто без согласования с центральным Советским правительством. Об этом, в частности, заявил в беседе с корреспондентом газеты «Československý denník» 11 марта 1920 г. уполномоченный по внешнеполитическим делам советской сибирской миссии В. Виленский.

поджигать и создавать на дороге баррикады из вагонов. Делегации красных на восток не пропускать, железнодорожных служащих принудить к несению службы силой оружия»[43]. Осуществление этого приказа могло замедлить темпы наступления Красной Армии, осложнить политическое положение в Сибири, отдалить окончательную ликвидацию колчаковщины, затруднить переброску подкреплений и подвижного железнодорожного состава на запад, где возникла реальная угроза польской интервенции[44]. Одновременно советскому командованию стало известно, что чехословацкие части были вынуждены пробиваться на восток через заслоны семеновцев, которых активно поддерживали японцы, стремившиеся во что бы то ни стало удержать чехословаков между собой и наступающей Красной Армией. 9—12 января под Верхнеудинском между отходившими чехословацкими частями и семеновцами произошли вооруженные столкновения[45].

По распоряжению Советского правительства Сибревкому было предложено снять требование о безусловном разоружении чехословацких частей и вновь предложить им путь на родину через Россию с оружием в руках. Впоследствии в воспоминаниях председателя Сибревкома И. Смирнова отмечалось, что В. И. Ленин настаивал на быстрейшем заключении соглашения с чехословацким командованием и рекомендовал предложить чехословакам в случае, если у них нет возможности продвигаться на восток, путь на родину через Советскую Россию[46]. Документы свидетельствуют, что по крайней мере со второй половины января Сибревком и Реввоенсовет V армии регулярно и подробно информировали Москву и лично В. И. Ленина о ходе переговоров с чехословацким командованием. Недавно удалось разыскать телеграмму, направленную делегацией иркутского Политического центра, выехавшей на запад для переговоров с командованием V армии. Полный текст телеграммы гласит:[47] «Иркутскому Политическому центру, копия доктору Глосу, дипломатическому представителю чеховойск, копия генералу чеховойск Сыровому. Военная вне очереди. Сибревком предлагает чеховойску через мирную делегацию Политического центра свободный проход через Советскую Россию на родину [в] количестве один эшелон в день, скорость не менее 200 верст [в] сутки, сохраняя оружие и получив гарантию неприкосновенности. Эшелоны имеют право сопровождать представители Соединенных Штатов. [В] случае принципиального согласия представители чеховойска должны выслать особую делегацию [к] передовым отрядам Красной Армии для выработки подробностей условий похода. Ахматов, Кононов, Колосов, Коркин. Верно: дежурный по штабу 30-й стрелковой дивизии»[48]. Подпись дежурного по штабу 30-й дивизии, заверяющая подлинность телеграммы, была поставлена лишь после того, как начдив 30-й А. Лапин связался по прямому проводу с командармом Устичевым и запросил его, действительно ли была отправлена телеграмма в Иркутск, гарантирующая проезд чехословацких частей на родину с оружием через Советскую республику. Командарм подтвердил отправку такой телеграммы и указал, что подробнее об этом может идти разговор после ответа чехословацкого командования[49]. Предложение о проезде через Россию было, как свидетельствуют документы, отвергнуто чехословацкой сторо-

---

[43] J. Skácel. Op. cit., s. 370.

[44] См. Ленинский сборник XXXIV. М. 1959, стр. 97.

[45] F. Šteidler. Československé hnuti na Rusi. Praha. 1922, s. 104—105.

[46] «Борьба за Урал и Сибирь». М.-Л. 1926, стр. 313.

[47] Й. Скацел, ближайший помощник генерала Сырового, опубликовал в 1926 г. искаженный текст этой телеграммы, выпустив из него, в частности, то место, где советское командование предлагало чехословакам путь через Россию. J. Skácel. Op. cit., s. 372.

[48] ЦГАОР, ф. 8310, оп. I, д. 2, л. 144.

[49] Там же, л. 143.

ной — на этот раз под предлогом технических, транспортных затруднений. В действительности же отказ был обусловлен факторами политического характера и прежде всего опасением санкций со стороны Антанты. Об этом заявил в Национальном собрании новый премьер-министр Чехословакии В. Тусар [50].

Чехословацкое командование вскоре вообще прервало переговоры о заключении перемирия. При этом небезынтересно отметить вынужденные оправдания генерала Сырового, который в специальном приказе к солдатам и офицерам арьергарда утверждал, что переговоры прерваны из-за того, что условия советского командования якобы «неприемлемы и технически невыполнимы», а пришедшие к власти в Иркутске большевики «ведут себя вызывающе» и их-де необходимо припугнуть [51]. Военные действия возобновились. 28—29 января передовые части Красной Армии под Нижнеудинском нанесли чехословацкому арьергарду жестокий удар, в результате которого, как сообщало командование V армии В. И. Ленину, он вынужден был бросить 4 бронепоезда, 118 теплушек и пешком отходить на восток [52]. Й. Благож, политический уполномоченный чехословацкого правительства в Иркутске, доносил о катастрофическом положении чехословацких частей к западу от города: «Весь арьергард оставил эшелоны и в сорокаградусный мороз идет пешком, бросив все свое имущество. Паника охватила и все остальные части. Армия удручена и проклинает политическое и военное руководство» [53]. В этой обстановке чехословацкое командование было вынуждено выслать делегацию для возобновления переговоров с советским командованием. 7 февраля между командованиями Красной Армии и чехословацкого корпуса было наконец достигнуто соглашение о перемирии. На этот раз чехословацкие представители подписали условия, которые они еще 24 января категорически отклонили. Условия перемирия устанавливали подвижную нейтральную зону между авангардом V армии и чехословацким арьергардом, обеспечивали содействие советского командования в снабжении эшелонов корпуса углем и в быстрейшем завершении эвакуации. Чехословацкое командование, в свою очередь, обязывалось не предпринимать никаких попыток вмешательства в судьбу Колчака и его приближенных, передать золотой запас Российской республики иркутскому Совету при отходе последнего чехословацкого эшелона из города, не помогать белогвардейским частям, воюющим против Советской власти, не вывозить в своих поездах белых офицеров, передать советскому командованию в полной сохранности все мосты, депо, станции, туннели, не вывозить военного имущества бывшей колчаковской армии и вернуть все вагоны и локомотивы после достижения конечной станции [54].

Прекращение военных действий и достижение соглашения об эвакуации чехословацких частей открывали, казалось, дорогу и для окончательной нормализации советско-чехословацких межгосударственных отношений. Инициативу и на этот раз взяло на себя Советское правительство. 25 февраля 1920 г. по радио была передана нота правительства РСФСР правительству Чехословакии. В ноте выражалась уверенность, что заключение соглашения, гарантирующего свободный отъезд чехословацких солдат, устранит «одно из главных препятствий для полного соглашения с вашей страной, с которой Советская Россия

---

[50] F. Peroutka. Op. cit., s. 1657.
[51] J. Skácel. Op. cit., s. 380.
[52] ЦГАОР, ф. 130, оп. 4, д. 469, л. 5.
[53] J. Kratochvil. Op. cit., s. 524.
[54] ЦГАОР, ф. 130, оп. 4, д. 469, л. 7; д. 475, лл. 48—49; «Пролетарская революция», 1920, № 1 (48), стр. 246—248; «Борьба за власть Советов в Иркутской губернии». Иркутск. 1959, стр. 254.

искренне желает жить в дружбе». Далее в ноте Советского правительства содержалось предложение начать переговоры «с целью установления мирных отношений и заключения соглашений, выгодных для обеих сторон», и выражалась уверенность в том, что между двумя республиками «могут установиться прочные дружественные отношения к наибольшей пользе каждой из них» [55].

Обстановка в стране и в мире не позволила чехословацкому правительству на этот раз игнорировать советское предложение, хотя Бенеш шесть недель затягивал ответ. Однако и этого срока ему не хватило для того, чтобы подыскать в ответной ноте более или менее серьезные и убедительные аргументы, обосновывающие отсрочку начала переговоров. Бенеш не сумел найти ничего лучшего, как сослаться на то, что интерпретация в советской ноте враждебных действий чехословацкого корпуса не соответствует действительности, ибо «с юридической точки зрения» чехословацкое правительство-де никогда не находилось в состоянии войны с Россией. В этой связи, заявлял Бенеш, им готовится сборник документов, и только после того, как он будет готов, можно будет начать переговоры [56]. Как известно, этот сборник появился лишь через восемь лет [57]. А в целом даже таким далеко не ординарным чехословацким буржуазным политикам, как Масарик и Бенеш, понадобилось шестнадцать лет, чтобы отказаться от собственных иллюзий о непрочности и недолговечности нового общественного строя, установленного в России, и решиться пойти на официальное признание пролетарского государства и нормализацию отношений с ним.

В рамках одной статьи не представлялось возможным сколько-нибудь полно рассмотреть все стороны и аспекты даже межгосударственных советско-чехословацких отношений, этого короткого, но столь богатого событиями периода. Мы остановились лишь на некоторых существенных и в то же время малоизвестных сюжетах этих отношений в хронологических рамках конца 1918—начала 1920 годов. Они определялись, как нам представляется, прежде всего тем обстоятельством, что державам Антанты и США удалось втянуть в вооруженный конфликт с Советским государством дезориентированных солдат и офицеров чехословацкого армейского корпуса, а затем и возникшую на развалинах Австро-Венгрии Чехословацкую республику. Советскому правительству пришлось устанавливать отношения с государством, вооруженные силы которого вели открытую борьбу с русской революцией, той революцией, которая, по признанию самого Масарика, не только не повредила достижению национальной независимости, но была для дела чехословацкого освобождения «скорее плюсом, чем минусом» [58].

Как следует из изложенных фактов и документов, Советское правительство делало все возможное в тех трудных внутренних и международных условиях для достижения мирного урегулирования. Оно неоднократно выступало с предложениями, осуществление которых могло привести к немедленному прекращению кровопролития. И не его вина, что сделать это удалось лишь в начале 1920 г., после военного разгрома интервенционистских и белогвардейских армий в Сибири.

---

[55] «Документы внешней политики СССР». Т. II, стр. 390—391.

[56] Там же, стр. 478.

[57] Публикация увидела свет как приложение (т. III) к работе: E. Beneš. Světová válka a naše revoluce. Sv. I—III. Praha, 1927—1929.

[58] T. G. Masaryk. Světová revoluce. Praha. 1930, s. 224.

ХРИСТИАНСКИЕ ПРОФСОЮЗЫ И УСТАНОВЛЕНИЕ ФАШИСТСКОЙ ДИКТАТУРЫ В ГЕРМАНИИ

М. Я. Домнич

Социальные и идейные истоки нацизма, его классовая природа и сущность, причины его сравнительно легкой победы в Германии пристально изучаются марксистско-ленинской историографией. Разработаны и исследуются проблемы ответственности руководства социал-демократии, свободных немецких профсоюзов, католической партии «Центр» «за эту великую трагедию»[1]. Только христианские профсоюзы — массовая база «Центра» — пока еще остаются вне поля зрения советских и зарубежных прогрессивных историков. Общие данные о позиции этих профсоюзов накануне и в момент захвата власти гитлеровцами можно найти лишь в двух брошюрах, изданных в ГДР[2]. В клерикальной историографии эта тема, хотя и по иным причинам, также обойдена. Вышедший в 1966 г. коллективный труд бельгийских и французских католических историков по истории христианского рабочего движения ограничивается лишь констатацией факта разгрома нацистами сначала реформистских, а затем и христианских профсоюзов[3]. Игнорирование столь значительной вехи в судьбах немецких христианских профсоюзов историографией наших дней — пробел тем более ощутимый, что их подлинная роль в роковых событиях не являлась тайной для многих современников, отдававших себе отчет в том, что христианский синдикализм Германии и Австрии «содействовал победе фашизма». Даже VI конгресс Международной конфедерации христианских профсоюзов (МКХП) в 1934 г. признал, что христианский профцентр Германии «сделал все возможное, чтобы поддержать новое (гитлеровское.— *М. Д.*) государство»[4]. Ныне, когда христианское профсоюзное движение привлекает к себе пристальное внимание специалистов, им стало возможным заполнить и эту страницу в его истории.

Немецкий христианский профцентр — Всеобщее объединение христианских профсоюзов (ВОХП) — был сформирован на Майнцском конгрессе в 1899 году. В 1920-е годы это была массовая межконфессиональная организация профсоюзов[5]. Большой аппарат платных функцио-

---

[1] У. Фостер. Очерки мирового профессионального движения. М. 1956, стр. 393.

[2] H. van der Meer. Politischer Klerikalismus contra Gewerkschaftseinheit. B. 1964; E. Krubke. Christliche Gewerkschaftspolitik im Dienst antinationaler und antisozialer Bestrebungen der deutschen Grossbourgeoisie. B. 1962.

[3] S. H. Scholl. 150 ans de mouvement ouvrier chrétien. Louvain. P. 1966, p. 94.

[4] «Cahiers du bolchevisme», 1.XII.1934 (№ 23), p. 398; «Correspondance syndicale Internationale», 15.VII.1933 (№ 54), pp. 435—436; «Die Arbeit der christlichen Gewerkschaftsinternationale. 1932—1934». Utrecht. 1934. S. 34 (в дальнейшем: «VI. Kongress»).

[5] В 1919—1922 гг. в нее входило более 1 млн., а в 1929 г.— около 800 тыс. человек. См. Инотасс 26.II.1927 г. в рукописном фонде Института всеобщей истории АН СССР. Д. 8, № 18-а; «Zentralblatt», I. VIII. 1930 (№ 15).

неров, сеть школ и курсов для подготовки кадров, центральная и отраслевая пресса обеспечивали ей немалое влияние и вес.

Эта организация в своей деятельности опиралась на поддержку иерархии обеих немецких церквей и была тесно связана с руководством партии «Центр» и Баварской народной партии. Связь эта определялась не только идейной близостью, но и своего рода «личной унией». Так, генсек ВОХП и его признанный идеолог А. Штегервальд был видной фигурой в исполкоме «Центра» (в 1929 г. он стал председателем ее фракции в рейхстаге). Г. Брюнинг, впоследствии канцлер Германии, долгие годы занимал пост управляющего делами ВОХП. В 1930 г. 17 из 20 депутатов рейхстага, состоявшие в христианских профсоюзах, входили во фракцию «Центра» и Баварской народной партии. Кроме того, так как немецкий профцентр стоял у истоков мирового христианского синдикализма, он пользовался авторитетом в МКХП. Недаром видные функционеры ВОХП занимали руководящие должности в аппарате МКХП и ее отраслевых производственных федерациях [6].

В отличие от классических типов реформистских профсоюзов, длительное время объединявших преимущественно рабочую аристократию, сферой действия христианского профдвижения в Германии были наиболее обездоленные слои пролетариата, главным образом текстильщики, обувщики, портные, горняки, домашние работницы. Христианские профсоюзы, отмечал Э. Тельман, например, на северо-западе Германии охватывали «большую часть неквалифицированных рабочих» [7]. Более четверти членов союза составляли женщины. В самой природе христианских профсоюзов было заложено глубочайшее противоречие между коренными классовыми интересами охватываемой ими рабочей массы и социальной направленностью христианского синдикализма, основой идеологии которого являлась концепция сотрудничества работодателей и пролетариев во имя конфессиональной солидарности. Эта раздвоенность — одна из причин временами острой борьбы течений внутри христианских организаций. Однако господствующие позиции постоянно занимало идейное течение, которое и сами профсоюзы рассматривало как фактор капиталистического порядка.

Естественно, христианский профцентр пользовался большим доверием у немецкой буржуазии, особенно в связи с тем, что в дни Ноябрьской революции 1918 г. христианские союзы оказались фактором стабильности. Их неприкрытая враждебность к революции, активность в осуществлении курса на «деловое сотрудничество», наконец, злобный антисоветизм служили реакции. Недаром в 1924 г. кёльнский бургомистр Конрад Аденауэр в речи по случаю 25-летия профсоюза патетически воскликнул: «Шляпы долой перед деятелями христианского профдвижения», ибо они «дисциплинируют массы» и имеют «исторические заслуги перед народом» [8]. Разумеется, что профсоюз, идейно руководимый церковью и поддерживаемый крупным капиталом, насаждал среди верующих рабочих буржуазную идеологию.

Христианскому синдикализму была присуща известная идеологическая общность с фашизмом. О сходстве социальной доктрины христианского синдикализма и нацизма говорил на VI конгрессе МКХП генсек Серрарен, который упрекал гитлеровское правительство в несправедливости, допущенной по отношению к организации, желавшей сотрудничать с нацистами. Идеями, объединявшими христианский синдикализм с фашизмом, были антимарксизм, национализм, проповедь мира между антагонистическими классами. Но близость некоторых кардиналь-

---

[6] В 1928 г. президентом МКХП был избран Б. Отте. В 13 из 15 производственных отделений Конфедерации посты президентов и генсеков занимали немцы (см. «VI. Kongress», S. 114, 147, 321, 425).

[7] Э. Тельман. Избранные статьи и речи. Т. II. М. 1958, стр. 321.

[8] «Keram. und Glasarbeiter-Zeitung», 16.X.1924.

ных установок не означала полного тождества идеологии нацизма и христианского синдикализма. Большинство христианских профлидеров отвергало воинственную программу Гитлера, террористические методы расправы с инакомыслящими, а тем более его неприятие католицизма, так называемое «язычество национал-социализма», которое сочтено было в МКХП «опасностью для христианства». Лидеры ВОХП не были национал-социалистами и не желали ими быть, но, говоря словами Серрарена, «они позволили себя уговорить, что настало время спасти Германию от большевизма» [9].

В эпоху общего кризиса капитализма христианские профсоюзы из подчиненных организаций католической церкви стали все более превращаться в империалистическое орудие для оказания религиозно-буржуазного влияния на пролетарские массы [10]. Вехой в жизни этих союзов явилась первая мировая война. Тогда их лидеры, ревностные сторонники «гражданского мира» в военное время, вместе с реформистскими профсоюзными бонзами были привлечены правительством к работе во вспомогательные органы управления тылом [11]. В эти годы полностью раскрылась классовая суть «патриотических», откровенно проимпериалистических позиций руководства ВОХП. В то время как рядовые члены союзов находились в окопах, вожаки пристроились в тыловых учреждениях. Даже среди шовинистов они были на правом фланге. Разумеется, война для Германии, с их точки зрения, была оборонительной и велась «за свободу и будущее отечества» [12]. Шовинистическая позиция сделала христианских профлидеров приверженцами войны «до победного конца». Их подписи фигурируют в программном документе о целях войны, выработанных Союзом сельских хозяев, Союзом промышленников, Ганзейским союзом и Союзом германского среднего сословия [13]. Член правления ВОХП Ф. Беренс в 1917 г. публично заявил: «Почетный мир, отвечающий интересам рабочих, будет достигнут лишь тогда, когда интересы отечества и немецкое будущее будут обеспечены... Для этого мы нуждаемся в надежных границах, приращении территории, в колониях, свободе морей и военных компенсациях» [14].

Поражение Германии в войне было использовано немецкой буржуазией для разжигания шовинизма в народе, в том числе среди отсталых слоев трудящихся, недовольных грабительским Версальским договором. Идеологи и политики ВОХП активно способствовали распространению этих настроений. В своих выступлениях они постоянно спекулировали идеей страдания «всего народа», воспитывали в трудящихся чувства той самой «народной общности», которая впоследствии была провозглашена небезызвестным Леем целью руководимого им «Трудового фронта». Теоретики ВОХП свои концепции характера войны и причин поражения Германии заимствовали у идеологов империализма. Христианско-синдикалистское содержание этих концепций представляется в следующем виде. Утверждение, будто Германия — виновник войны, лживо, истинный ее виновник — Антанта; Версальский договор аморален, он представляет собой «отрицание основ христианских воззрений на нравственную суть отдельных личностей и народов»; творец грабительского договора — «французская плутократия» (во Франции «царит безумие, она не успокоится до тех пор, пока Германия не будет уни-

[9] «VI. Kongress», S. 33.

[10] П. Меркер. Христианские профсоюзы Германии. Харьков. 1930, стр. 51.

[11] См. P. Umbreit. Die deutschen Gewerkschaften im Weltkriege. B. 1917; Р. Мюллер. Германские профессиональные союзы до и после революции. Штгр. 1921.

[12] «25 Jahre christliche Gewerkschaftsbewegung. 1899—1924». B. 1924, S. 182.

[13] Р. Мюллер. Мировая война и германская революция. Т. 1. М. 1924, стр. 221.

[14] F. Behrens. Was der deutsche Arbeiter vom Frieden erwartet. 1917, S. 16.

чтожена полностью»); необходимо «бороться, а если надо, и жертвовать собой во имя освобождения Германии от версальских цепей рабства»; все немецкое должно быть возвращено; польский протекторат над Данцигом не имеет юридической основы и подлежит аннулированию; Верхняя Силезия и Саар были и остаются немецкими [15]. На XI конгрессе ВОХП в 1926 г. Штегервальд заявил, что Франция лишь тогда согласится на пересмотр Версальского договора, «когда Германия займет сильные позиции в мире», то есть создаст армию. Он предсказывал возможность новых войн за передел мира [16].

Таковы в общих чертах реакционно-националистические воззрения руководителей ВОХП на Версальский договор. К этому следует добавить, что о грабительском Брестском мире ни один его деятель не обмолвился ни словом: ведь немецкий империализм считался «своим». Версаль стал, таким образом, отправным пунктом для шовинистической обработки масс. «Национальная концепция» объективно означала предательство по отношению к рабочему классу. В то же время в руководящих кругах ВОХП национализм публично осуждался. В Германии, где имелись мощные пролетарские организации, стоявшие на подлинно интернационалистических позициях, было немыслимо, чтобы профсоюз не отдал, пусть хотя бы формально, дань идеям интернационализма. К осуждению национализма обязывала сама вселенская основа христианства как мировой религии, в принципе отвергавшей вражду между народами, «братьями во Христе». Но в большинстве случаев носителями национализма, с точки зрения этих профдеятелей, обычно оказывались не немцы. В номере от 15 января 1931 г. официоз ВОХП «Zentralblatt» резко обрушился на национализм, «считающий каждое действие своей нации справедливым... даже если оно покоится на эксплуатации и угнетении чужих народов». Речь шла о проблеме репараций, и, конечно, немцы изображались жертвами национализма. К началу 30-х годов шовинизм оставался официально признанной программой ВОХП. Лидеры этой организации прилагали большие усилия к тому, чтобы подготовить почву для аншлюса Германией Австрии. Австрийские христианские профдеятели активно поддерживали идею аншлюса. Так, на VI съезде австрийского профцентра в 1929 г. было продемонстрировано единство двух «немецких» земель. Речи Я. Кайзера (Германия) и Ф. Спаловского (Австрия), писала 15 августа 1929 г. «Zentralblatt», были «выражением стремления обоих движений — рейха и Австрии — вести единую освободительную борьбу немецких христианских рабочих». Газета подводила под идею аншлюса экономический фундамент, утверждая, что австрийская экономика, кроме того, что она обременена послевоенными тяготами, «живет жизнью разрезанного надвое организма» и что помочь ей можно «только путем объединения с рейхом». Официоз ВОХП постоянно пропагандировал идею о «единстве» двух государств, расчлененных вследствие «насилия», и доказывал, что немцы и австрийцы — это одна нация.

Итак, еще до прихода фашистов к власти в Германии теоретики и вожди ВОХП проповедовали шовинизм. Но временами в печати ВОХП раздавались и голоса антифашистов, ибо масса верующих трудящихся была по своему классовому инстинкту и интересам настроена антинацистски. Лидерам ВОХП приходилось считаться с настроениями рядовых членов союза и выступать с антифашистскими заявлениями. В таком органически противоречивом союзе, как ВОХП, неизбежно соседствовали различные, а иногда и противоположные

---

[15] H. Brune. Aus dem internationalen Gewerkschaftsleben. B. 1924, S. 27—35; «Die christliche Arbeiterbewegung und die Lebensfragen des deutschen Volkes». B. 1920, S. 51, 55—56; «Zentralblatt», 6.II.1922; «Deutsche Arbeit», 1926, № 2, S. 91.

[16] A. Stegerwald. Arbeiterschaft, Volk und Staat. B. 1926, S. 9—10, 17.

политические тенденции, однако доминирующим оставалось шовинистическое.

В сентябре 1929 г. состоялся XII съезд ВОХП. Как отмечалось в прогрессивной печати, на съезде не было даже намека на борьбу в защиту социально-экономических нужд трудящихся, ни слова не говорилось о том, как ликвидировать безработицу, как бороться за повышение зарплаты — «только местами и очень слабо нашли свое отражение нужды рабочих» [17]. Докладчик по вопросам экономической политики К. Шмиц требовал «оживить идею делового сотрудничества, за которую мы всегда ратовали». А в анализе причин безработицы центр тяжести был перенесен в область репараций, внешних экономических связей и долгов. Все беды немецкой экономики проистекали будто бы из того, что Германия платит дань, перерабатывает импортное сырье и обязана возвращать странам-победительницам огромные долги (6 млрд. марок внешнего долга) [18]. Вместе с тем обходилась молчанием ответственность национального капитала за экономическую политику, наносившую ущерб народному хозяйству, заинтересованность монополий в привлечении американских миллиардов на восстановление военной мощи. В принятой на съезде резолюции говорилось: «Съезд вновь признает идею национального, социального и демократического народного государства. Он видит в будущем Великую Германию, в которой все корпорации и сословия найдут жизненное пространство и родину для осуществления немецкого государственного идеала» [19]. Резолюция отвергала план Юнга и требовала возврата Германии Саара и освобождения оккупированных областей. Но на съезде раздавались и иные голоса. Так, горняки гневно обличали капиталистическую рационализацию, делегатки настаивали на необходимости для женщин бороться за равную оплату труда с мужчинами. И все же определяющей в решениях съезда была идея единения «со всем народом» на националистической основе. Недаром рабочая газета металлистов отмечала, что XII съезд ВОХП опять решительно отверг классовую идею, которой противопоставил понятие сословного государства. Христианское профдвижение, заключала она, «не является классовым движением» [20]. И эта оценка соответствовала фактам.

Задолго до того, как начался экономический кризис, Германия служила ареной острейших социально-политических битв. Ни в одной стране не было столь отчетливой поляризации классовых сил, нигде недовольство масс, прежде всего озлобленного мещанства, не являлось в такой мере предметом политических и националистических спекуляций, как в послеверсальской Германии. А отсутствие колоний лишало немецкие монополии возможности хотя в малой степени канализировать социальные противоречия за пределы страны. Лидеры ВОХП вначале не признавали наличия экономического кризиса, полагая, что он скоро пройдет. О кризисе заговорили летом 1930 г., да и то объясняли его «чрезмерной рационализацией», породившей технологическую безработицу [21]. Так подлинные причины пороков буржуазного общества остались не понятыми и не раскрытыми руководителями ВОХП. И это весьма симптоматично; ведь именно кризис послужил исходным пунктом развития событий, способствовавших нарастанию фашистской тенденции в Германии.

30 ноября 1929 г. Э. Тельман сказал: «Мы стоим перед лицом крупного генерального наступления буржуазии. Наша задача заключается в том, чтобы противопоставить этому генеральному наступлению ка-

---

[17] «Die Rote Fahne», 18.IX.1929.
[18] «Zentralblatt», 1.X.1929.
[19] «Textilarbeiter-Zeitung» (Düsseldorf), 28.IX.1929.
[20] «Metallarbeiter-Zeitung», 12.X.1929.
[21] «Der Bergknappe», 24.VII.1930; «Lederarbeiter-Zeitung», 28.III.1931.

питала наше собственное генеральное наступление, наступление пролетариата»[22]. Хотя еще не были известны конкретные формы наступления буржуазии, одно было несомненно: для успеха пролетарского контрнаступления необходимо единство всех его отрядов, всех профессиональных организаций. Вопреки серьезным тактическим ошибкам в духе «левизны» и сектантства, допущенным немецкими коммунистами и прогрессивной организацией Революционная профсоюзная оппозиция (РПО) и ими же осужденным, именно в лице коммунистов и прогрессивных профсоюзных деятелей немецкий рабочий класс имел честных и искренних сторонников единства[23]. Крупное социальное движение на единой основе предполагает наличие согласованной цели. Практические интересы диктовали рабочему движению Германии следующую программу действий: не допустить того, чтобы все тяготы кризиса целиком легли на плечи трудящихся, отстоять их социальные завоевания, обеспечить безработных работой, сорвать замыслы монополий о фашизации страны, защитить демократию. Такая программа объективно отвечала интересам всех трудящихся, ибо она носила национальный и интернациональный характер. Ни одним своим пунктом она не наносила ущерба политическим убеждениям и верованиям каждого, кто ее приемлет, и в некоторых существенных чертах даже соответствовала основополагающим декларациям социального католицизма — о праве человека на труд, о свободе личности и демократии. И если, несмотря на это, подобная программа отвергалась ВОХП, то причиной тому были не только идеологические расхождения. Главное — классово-политическая позиция тех, кто руководил движением, а в основе этой позиции по-прежнему оставался антикоммунизм.

Важнейшей функцией профсоюзов является защита социально-экономических нужд рабочих. Отказавшись признавать коренные пороки буржуазного строя, профлидеры ВОХП и МКХП во всех отрицательных явлениях усматривали лишь плоды нравственных причин и ошибок. В эти дни официоз МКХП «Die christliche Gewerkschaftsinternationale» писал: «Вопрос современного экономического порядка есть вопрос распределения, а не производства»[24]. Иначе говоря, решающую роль в отношениях между людьми играют субъективные отношения справедливости и нравственности. Поэтому и устранить общественное зло можно, лишь претворив в жизнь социальное учение церкви,— ведь оно обращено в сторону морали. По мнению лидеров христианского профцентра, кризис был бы значительно ослаблен, если бы люди следовали Христу, справедливости, любви к ближнему. Программа ослабления кризиса и его последствий, выдвинутая ВОХП, содержала различные рекомендации: прекращение утечки капитала за границу и его возвращение из-за границы; общественный контроль над банками и картелями; реформа акционерного права; обуздание социальной реакции[25]. Их реализация означала бы некоторое ограничение прав крупных собственников, но это требовало решимости наступать, которой ВОХП и недоставало. Как подчеркивал К. Шмиц, выход из кризиса «не в борьбе всех против всех, а в разумном сотрудничестве всех творческих сословий»[26].

Отражая настроения верующих тружеников, задавленных кри-

---

[22] Э. Тельман. Указ. соч. Т. II, стр. 187.

[23] «ЦК КПГ,— пишет Гюнтер Гросс,— видел главную свою задачу в создании единого фронта коммунистов, социал-демократов, членов христианских профсоюзов и беспартийных рабочих». G. Gross. Der gewerkschaftliche Widerstandskampf der deutschen Arbeiterklasse während der faschistischen Vertrauensrätewahlen 1934. B. 1962, S. 21.

[24] «Die christliche Gewerkschaftsinternationale» (далее: «Die CGI»), 1932, III, S. 72.

[25] Резолюция правления ВОХП от 23. VII. 1931. «Die Rundschau», 10.VIII.1931.

[26] «Die CGI», 1931, III, S. 74.

зисом, пресса ВОХП иногда призывала к борьбе против снижения зарплаты, против нарушения хозяевами тарифных договоров, против намерений заправил монополий сократить ассигнования на социальное обеспечение. Она звала рабочих «к борьбе за свое социальное обеспечение». Генсек профсоюза горняков Г. Имбуш 10 января 1932 г. выдвинул даже лозунг национализации шахт. Буржуазная пресса возмущалась. Орган работодателей обвинил Имбуша в пропаганде социализма, в том, что он «открывает дверь покушениям на собственность». Лидеры ВОХП в отдельных случаях вынуждены были учитывать настроения рабочих, но одновременно они призывали их «прекратить борьбу внутри общества» [27]. Проводя наступление на пролетариат, крупный капитал заключил с лидерами реформистских и христианских профсоюзов соглашение, гарантирующее на длительный срок недопущение стачек и участие этих организаций в «оживлении хозяйства». Лидеры ВОХП строго выполняли свои обязательства, срывали забастовки. Так обстояло дело со стачками 1930—1931 гг. берлинских металлистов, со стачками на северо-западе Германии, в Мансфельде и др. Между тем сами христианские рабочие обычно участвовали в них [28]. Христианский профцентр стоял также в стороне от организации движения безработных, которое было объявлено «происками коммунистов».

Из сказанного видно, что ВОХП проводило линию на раскол рабочего движения и тем самым объективно содействовала победе фашизма. Эта линия явилась логическим следствием антибольшевизма христианских профлидеров. Изображая Россию страной, находящейся во власти зла, а коммунизм — исчадием ада, они преследовали цель скомпрометировать в глазах немецкого рабочего класса путь, способный радикально разрешить социальный вопрос в пользу большинства нации. Так, они стремились извратить суть советских пятилеток и основ советского строя. Руководство ВОХП заявляло, что прогрессивные немецкие деятели являются агентами Москвы, пугало обывателей россказнями о планах большевиков завоевать Германию в качестве «трамплина для мировой революции», обвиняло советское посольство в Берлине в подстрекательстве немецких безработных к мятежу, доказывало, что цель коммунистов — разрушить профсоюзы как центры сопротивления капитализму. Программа и тактика христианских профлидеров препятствовали установлению единого фронта трудящихся. Любая мысль о единстве с левыми ими отвергалась, а переговоры коммунистов с социалистами провокационно объявлялись действиями «по указке из Москвы» [29].

Состоявшийся в 1932 г. XIII съезд ВОХП в некоторой степени отразил социальный протест верующих трудящихся против невыносимых условий жизни. Принятое на съезде под давлением масс антифашистское воззвание принадлежит к лучшим страницам в истории ВОХП [30]. Но насколько последовательны были эти антифашистские установки ВОХП? Христианский синдикализм провозгласил себя врагом крайностей, он отклонял «иго фашизма и коммунизма» [31]. Лозунг «ни коммунизм, ни фашизм» объективно помогал нацистам, так как без коммунистов, без активной части рабочего класса невозможно было разбить фашизм. Избрав удобный для себя «третий путь», христианский профцентр стал адвокатом «народного правительства» Брюнинга — Штегервальда, хотя оно действовало методами чрезвычайных декретов, сни-

[27] «Die Rundschau», 10.I.1930; «Deutsche Lederarbeiter-Zeitung», 28.II.1931; «Der Bergknappe», 13.XII.1930; 31.I, 28.II, 7.III, 20.VI.1931; 12.III, 14.IV.1932.

[28] «Известия», 21.XII.1930; «Правда», 28.VI.1930; «Коминтерн», 1930, № 24, стр, 8; Э. Тельман. Указ. соч. Т. II, стр. 321; «Der Fabrikarbeiter», IX. 1931.

[29] «Zentralblatt», I.X.1931; «Der Bergknappe», 9.I.1932, 23. I. 1932; «Lederarbeiter-Zeitung», 28.III.1931.

[30] «Die CGI». 1932. II, S. 21—23.

[31] «Die CGI», 1928, № 7, S. 120.

жало зарплату и пособия, нарушало парламентский режим, расшаркивалось перед нацистами и поддерживало планы интервенционистской войны против СССР [32].

В январе 1933 г. Гитлер стал канцлером. Нацисты ожидали сопротивления со стороны профсоюзов с их мощным оружием всеобщей стачки, при помощи которой дважды срывались путчи (в 1920 г. Каппа и в 1923 г. Гитлера). Фашистская верхушка хорошо знала силу профсоюзов, и в ее намерения входила их полная ликвидация, чтобы сделать предпринимателей, по словам Гитлера, «безраздельными хозяевами в собственном доме» [33]. До этого нацисты пытались овладеть профсоюзами, создавая так называемые «национал-социалистские ячейки на производстве», но они были маловлиятельными организациями. Хотя раздробленность профсоюзов ослабляла эти массовые организации, они все еще представляли мощную общественную силу. То была готовая армия сопротивления, массы в ней были настроены активно, все зависело от руководителей.

30 января 1933 г., в день, когда Гитлер стал канцлером, ВОХП (совместно с немецким реформистским профобъединением) опубликовало воззвание, в котором подчеркивалась угроза «разгрома демократии, ликвидации парламентаризма». Но одновременно они призывали рабочих к «хладнокровию и осторожности» [34]. Это была платформа, выработанная реформистскими профцентрами без РПО и вопреки ей. О всеобщей стачке они и не помышляли, ВОХП всегда в принципе отвергало всеобщую стачку, тем более политическую. Сказалось опасение христианского синдикализма перед массовым движением, несущим потенциальную угрозу разрушения общественных устоев. Наконец, христианские профбюрократы считали, что удары гитлеровцев обрушатся на РПО, а их профцентр сохранится. Остается фактом, что массы были лишены боевой программы, диктовавшейся историческим моментом. Как раз в эти дни руководство ВОХП выступило с клеветническими нападками на РПО в связи с очередными выборами фабзавкомов. Коммунисты и профсоюзная оппозиция были поставлены в один ряд с нацистами среди сил, стремящихся «политизировать хозяйственно-конституционные органы» [35], и тем самым как бы рассматривались в одной плоскости.

Антифашистскую программу действий выдвинули коммунисты и РПО. В ней были учтены антифашистские действия масс — манифестации и забастовки, столкновения со штурмовиками [36]. Главная тема в ней — единство всех трудящихся. В те дни Э. Тельман говорил: «Мы не хотим грабить святыни, мы не собираемся сжигать распятия... мы хотим совместной борьбы всех нуждающихся... Мы протягиваем руку и говорим: «Христианский товарищ, вот тебе наша рука для этой совместной борьбы» [37]. 11 февраля РПО опубликовала призыв ко всем профцентрам о единстве действий. Четыре раза КПГ предлагала объявить всеобщую стачку [38]. Но лидеры ВОХП отвергли эти призывы. Антибольшевизм служил руководству ВОХП основанием, позволявшим ему, как казалось, безнаказанно фрондировать против Гитлера, давал ему охранную грамоту на случай, если бы против него кто-либо вздумал обрушить репрессии. Лидеры ВОХП определенно спекулировали на своей

---

[32] «Zwei Jahre Brünings Diktatur». B. 1932. S. 19; К. Гейден. История германского фашизма. М.-Л. 1935, стр. 243—244; В. Пик. 35 лет Коммунистической партии Германии. М. 1955, стр. 39; Фонд Государственного Музея Революции № 30249/210. Д 445-11А.

[33] А. Абуш. Ложный путь одной нации. М. 1962, стр. 209.

[34] См. «Die Bergbau Industrie», 11.II.1933.

[35] «Lederarbeiter-Zeitung», 11.II.1933.

[36] Инороста. 8, 24 и 25 II. 1933. Д-8. 39-а.

[37] «Коминтерн», 1937, № 6, стр. 85.

[38] У. Фостер. Указ. соч., стр. 392.

«незаменимости» в борьбе с коммунизмом в профдвижении. Ни в одном официальном документе, ни в одной статье изданий ВОХП этой поры не было намека на мысль о необходимости в ближайшее или в отдаленное время свергнуть правительство Гитлера. Напротив, вся практика, вся пропагандистская линия этого профцентра неоспоримо свидетельствовали о его терпимости к фашистскому режиму.

24 февраля правление ВОХП обратилось к Гитлеру с просьбой принять меры к устранению безработицы, так как «нужда ведет к неслыханному обострению внутренних противоречий и несет в себе величайшую опасность для прочности государства и общественного порядка»[39]. Это было первым официальным признанием правительства Гитлера и вместе с тем одобрением его деятельности, в частности его пресловутой «четырехлетки», рассчитанной на устранение «социального и экономического кризиса». В одном из заявлений говорилось: «Достойно одобрения стремление преодолеть коммунизм в Германии»[40]. Профлидеры надеялись, что Гитлер уничтожит КПГ, и выражали свое принципиальное согласие на это. Обращение 24 февраля было опубликовано за 2 дня до провокационного поджога рейхстага. Самый поджог, а равно фальшивку о «коммунистическом заговоре» ВОХП игнорировало. А чрезвычайные декреты от 28 февраля, аннулировавшие конституционные гарантии личной свободы граждан, пресса ВОХП преподнесла всего лишь в информационном плане.

Какова была позиция профцентра на выборах в рейхстаг 5 марта 1933 года? В обстановке фашистского государственного террора сама мысль, что возможно посредством голосования создать «свободное», основанное на «праве» немецкое государство, была обманом масс. Бдительность трудящихся христианские вожди усыпляли демагогией о недопустимости «злоупотреблений одной партии». В то же время ВОХП подняло на щит фашистский тезис о единой, не разделенной на враждебные классы Германии[41]. Как известно, Гитлер тоже призывал покончить с классовой борьбой. Линия ВОХП была не чем иным, как пособничеством Гитлеру. На самом деле допускалась возможность установления антикоммунистического режима в блоке с нацистами. Потерпев моральное поражение на выборах 5 марта (КПГ и социал-демократы собрали 12 млн. голосов), гитлеровцы решили ликвидировать республиканские институты с помощью парламентского большинства. Позиция «Центра» и депутатов от ВОХП могла при этом иметь определяющее значение. Однако вожди «Центра» Клаас, Аденауэр, Брюнинг надеялись найти себе место в правительственном блоке. Правление же ВОХП в резолюции от 8 марта официально провозгласило свой отказ от вмешательства в государственные дела. Резолюция переносила центр тяжести на проблемы преодоления экономического кризиса и безработицы. Иначе говоря, фашистский режим молчаливо признавался чем-то само собой разумеющимся. В рамках этого режима ВОХП предлагало реализовать идеалы христианского профдвижения о «сословно-корпоративном социальном строе» под опекой «сильной государственной власти». Программа ВОХП, принятая в Эссене 17 марта, лишь конкретизировала эти решения и в риторических тонах трактовала проблемы «человека», стоявшего в центре экономики, превозносила государство и обещала поддержать его усилия, предпринимаемые для защиты справедливых интересов нации, для укрепления «обороноспособности страны»[42].

В истории эволюции ВОХП от объективного пособничества к явному предательству этот документ явился поворотным, лозунг «ни фашизм,

[39] «Der Bergknappe», 25.II.1933.
[40] «Textilarbeiter-Zeitung», 25.II.1933.
[41] «Der Bergknappe», 25.II, 4.III.1933.
[42] «Metallarbeiter-Zeitung», 1.IV.1933; «Lederarbeiter-Zeitung», 25.III.1933.

ни коммунизм» был отброшен. Больше слово «фашизм» в негативном смысле уже не употреблялось, принципиальное примирение с ним совершилось. В печати ВОХП стали публиковаться «документы национальной революции весны 1933 года»[43]. От Гитлера ждали лишь, чтобы он реализовал свои обещания покончить с разделением Германии на два лагеря. 17 марта лидеры профцентра объявили, что ВОХП оставляет заботы в сфере государственной деятельности за нацистской партией, а само намерено сосредоточиться на решении чисто профсоюзных вопросов[44]. Выбор позиции был предопределен политической ситуацией, боязнью потерять свои посты, но прежде всего антикоммунизмом и шовинизмом, то есть теми же идейными мотивами, которые побуждали католический «Центр» признать «языческий» расистско-националистический гитлеризм[45].

Руководители ВОХП вступили на путь капитуляции, будучи уверены в том, что Гитлер непременно сохранит их профцентр, что для них найдется место в третьем рейхе[46]. Тем временем вопрос о судьбе профсоюзов был поставлен. «Berliner Börsen-Zeitung» в номере от 31 марта 1933 г. дискутировала дилемму, «основать ли новые конструкции» или же взять от старого профсоюзного здания сохранившиеся «здоровые строительные камни, дабы использовать их для пользы государства». Стало известно заявление Геринга о необходимости «огосударствления профсоюзов». Обстановка требовала действий. Подпольный ЦК КПГ в листовке предупредил рабочих о намерении «правительства черной реакции разбить профсоюзы», подорвать рабочую солидарность, лишить их права на стачки и союзы. Осудив капитулянтство Лейпарта, Отте и других реформистских лидеров, листовка призывала всех рабочих к единым действиям[47].

Между тем в Германии свирепствовал террор, только в Берлине после поджога рейхстага бандами СС было убито 230 антифашистов. В ряде мест штурмовики закрывали профсоюзные дома. Репрессии в некоторой степени коснулись и ВОХП[48]. В начале апреля были на полгода отложены выборы советов предприятий, предприниматели получили право увольнять каждого человека, «заподозренного в антигосударственной деятельности». В этой обстановке Отте, Кайзер, Штегервальд, Имбуш предпочли организации сопротивления всего рабочего класса путь пресмыкательства и угодничества перед фашизмом.

Фашизация профсоюзов в Германии осуществлялась с помощью террора против рабочих и путем привлечения на сторону фашизма профсоюзной верхушки. Неприглядность поведения верхов ВОХП заключалась в том, что они сами домогались признания своего профцентра со стороны гитлеровского режима. В начале апреля 1933 г. ВОХП начало кампанию самого неумеренного восхваления нацизма, пришедшего к власти в результате «национальной революции». Но если революции обычно ассоциируются с «диктатурой, тиранией, деспотизмом, разрушением и уничтожением», то наша революция, заявляли лидеры ВОХП, есть «начало подъема для немецкого народа и отечества», а благодаря борьбе христианских профсоюзов за национальное

---

[43] См. «Der Bergknappe», 25.III.1933.

[44] K. Bracher, W. Sauer, G. Schulz. Die national-sozialistische Machtergreifung. Köln. 1960, S. 174; «Metallarbeiter-Zeitung», I.IV.1933.

[45] Вопреки капитуляции верхов трудящиеся отвергали нацистов. Это показали итоги выборов фабзавкомов, когда фашисты оказались в разительном меньшинстве. См. Иностра 3.V.1933. Д-8. 39-с. Там же. 31.III. 1933. Д-8, 39-в.

[46] «Der Bergknappe», 25.III.1933.

[47] «Rettet die Gewerkschaften!», Фонд Государственного Музея Революции. 9871/8—аЛ446—11.

[48] «Berliner Börsen-Zeitung», 14.III.1933; «Vossische Zeitung», 9.III.1933.

возвышение христианство будет основополагающим принципом государства [49].

Хотя обстановка в стране не давала повода для оптимизма, вожди ВОХП еще надеялись выжить. Подобные иллюзии сеяли и некоторые органы фашистской печати. Определенные авансы были даны и Геббельсом в его беседе в двадцатых числах апреля 1933 г. с Имбушем, Отте и Энденбахом по поводу празднования 1 мая. Геббельс, в частности, говорил об участии христианского профцентра в строительстве нового государства. Коммюнике сообщало, что переговоры будут продолжены. Когда же и Гитлер заявил, что его цель заключается якобы в возвышении рабочего класса, лидеры ВОХП стали убеждать верующих трудящихся, что «профсоюзная работа будет продолжаться», и призвали верить слову Гитлера и не позволять вовлекать себя в путчи [50]. Так под знаменем национализма, великодержавности и «народного единения» христианский профцентр слился с фашизмом.

Между тем 21 апреля Лей в секретном циркуляре предписал гаулейтерам на местах во вторник 2 мая в 10 часов утра приступить к «унификации» свободных профсоюзов. Занятие помещений и арест функционеров поручались отрядам СС и СА. Операция была проведена «беспрепятственно» [51] и не коснулась ВОХП, так как была направлена против «марксистских профсоюзов». Можно допустить, что это было и вознаграждение за лояльность ВОХП в предшествующий период. Следует также учесть, что у нацистов не было уверенности в благополучном исходе дня 2 мая, поэтому они решили бить противников поодиночке, следовательно, и организованных христианских трудящихся. Главное же то, что ВОХП не было опасной организацией, оно фактически уже начало сотрудничать с новым режимом.

Только ограниченностью христианских профдеятелей можно объяснить, что они и теперь еще продолжали верить в возможность какого-то независимого существования. Гитлеризм исключал малейшую форму даже призрачной общественной самодеятельности. Судьба ВОХП была предрешена. Недаром в середине апреля его покинул открыто профашистский союз торговых служащих, примкнувший к «Трудовому фронту» Лея [52]. Тем более жалкими выглядели вожаки ВОХП. Один Кайзер осмелился осудить акцию 2 мая, за что правлением ВОХП был смещен с поста руководителя рейнской организации [53]. Погром, учиненный над самой массовой профорганизацией, был абсолютным большинством христианских вождей одобрен. 3 мая правление ВОХП официально признало гитлеровское правительство и обязалось подчиняться распоряжениям нацистских властей. Руководители ВОХП определили новые цели своей организации как сотрудничество с фашистским режимом в целях углубления идей национал-социализма [54]. Но вступлением в «Трудовой фронт» ВОХП юридически санкционировало образование единой организации, что делало излишним существование каких-либо параллельных союзов. Следовательно, лидеры ВОХП поставили и свою подпись под приговором, вынесенным фашистами христианским профсоюзам. Вскоре наступила развязка.

24 июня появилось распоряжение Лея о втором акте унификации. Христианские профсоюзы были объявлены «последним убежищем марксизма». Ссылаясь на «волю фюрера», потребовавшего, чтобы

---

[49] «Der Bergknappe», 15.IV.1933.

[50] «Lederarbeiter-Zeitung», 22.IV.1933; «Der Bergknappe», 29.IV.1933; «Textilarbeiter-Zeitung», 29.IV.1933.

[51] «Berliner Börsen-Zeitung», 3.V.1933.

[52] «Germania», 24.VI.1933.

[53] «Известия», 6.V.1933.

[54] «Lederarbeiter-Zeitung», 13, 20.V.1933; «Der Bergknappe», 13.V.1933.

никакие организации, кроме «Трудового фронта», не существовали, распоряжение устанавливало, что и «католические и евангелические рабочие союзы должны рассматриваться как враждебные государству, ибо они тормозят великое строительство»[55]. В тюрьму были заключены Кайзер и Имбуш. Ни Отте, ни Штегервальд не удостоились чести стать «жертвами нацистского террора»[56]. Так прекратила свое существование организация христианских профсоюзов.

Капитуляция немецкого христианского профдвижения перед нацизмом, его, в сущности, добровольное включение в «гитлеровский порядок» не были ни неожиданным, ни случайным эпизодом в истории мирового христианского синдикализма. До того подобное уже случилось в Италии, где «белые» (христианские) синдикаты не оказали сопротивления наступлению фашизма и приняли корпоративистский режим Муссолини. Так же было в Австрии, когда там установилась фашистско-клерикальная диктатура Дольфуса. Причины падения христианских профсоюзов коренятся в методологических пороках учения социального католицизма, на которое они опираются. Антифашизм рядовых членов ВОХП не сделался орудием борьбы в защиту демократии, так как проповедовавшиеся здесь взгляды обнаруживали при тщательном их рассмотрении определенное тождество с нацистской идеологией. К ним относятся: признание целью общества основание корпоративистско-сословного строя; идея «народной общности» и классовой гармонии; националистический шовинизм; антикоммунизм.

Христианские профсоюзные вожди не симпатизировали нацизму, его «крайностям», культу разбоя, удушению свободы личности, религиозному «язычеству». Однако, будучи принципиальными сторонниками нейтралитета в партийно-политических вопросах и раскольниками профсоюзного движения, они сделали невозможным сплочение рабочего класса в такой поворотный момент истории Германии, когда одно только единство трудящихся в состоянии было предотвратить национальную катастрофу.

---

[55] «Germania», 24.VI.1933.

[56] Б. Отте погиб в автомобильной катастрофе осенью 1933 года. А. Штегервальда в 1945 г. англо-американские оккупационные власти ненадолго привлекли к политической деятельности. В 1965 г. в ФРГ отмечали 90-летие со дня его рождения.

ВОСПОМИНАНИЯ

КРАСНОЗНАМЕННЫЙ БАЛТИЙСКИЙ ФЛОТ ЛЕТОМ 1941 ГОДА

Адмирал В. Ф. Трибуц *

Гитлеровский вермахт в своем плане «молниеносной войны» против СССР огромное внимание уделял захвату Ленинграда. Фашистское командование считало данную задачу неотложной и предполагало ее решить в июле 1941 года. После этого оно намеревалось продолжить наступательные операции по овладению Москвой [1]. Какие же наиболее существенные мотивы послужили основанием для создания такого плана? Известный гитлеровский военачальник Э. Манштейн в своей книге «Утерянные победы» писал о том, что германское командование планировало «в первую очередь захват Ленинграда, который Гитлер рассматривал как колыбель большевизма и который должен принести ему одновременно и связь с финнами и господство над Прибалтикой» [2]. По расчетам немецких генералов, господство над Прибалтикой и на Балтийском море должно было привести к осуществлению беспрепятственных морских перевозок для северного крыла гитлеровской армии и превращению Балтийского моря во «внутреннее немецкое море». Но эти авантюристические замыслы провалились. Гитлеровское командование назначало несколько сроков захвата Ленинграда и уничтожения Краснознаменного Балтийского флота (КБФ). Однако совместными усилиями советских сухопутных войск, авиации, кораблей и частей флота, действовавших на приморском направлении, германские силы были надолго задержаны под Лиепаей, потом в Эстонии, на Моонзундских островах и далее на полуострове Ханко. Сорваны были и планы финского командования к северу от Ленинграда. Все это снижало темп наступления врага и вело к срыву намеченных им сроков.

Центральный Комитет партии и Советское правительство уделяли в предвоенный период большое внимание Военно-Морскому Флоту. В его составе к началу войны произошли крупные количественные и качественные изменения, существенно повысившие его мощь. Были отпущены значительные средства для возведения военно-морских баз, береговых укреплений, батарей. Главная база Балтийского флота — Таллин — к началу войны была достаточно сильно защищена с моря. В систему обороны базы входила группа башенных и открытых батарей крупного и среднего калибров, расположенных на близлежащих островах и в прибрежной зоне. Поставленные в первые дни войны минные заграждения в устье Финского залива надежно прикрывались мощными береговыми батареями Моонзундских островов, Ханко и Осмуссара. Боевые корабельные и авиационные соединения флота, базировавшиеся на территории Эстонии, во взаимодействии с береговой артиллерией и минными заграждениями надежно защищали морские подступы к Таллину. Нужно отдать должное флотским инженерам-строителям, работавшим в районе Таллина и Палдиски, начальнику строительства военинженеру 3-го ранга Н. Н. Загвоздкину и главному инженеру С. Е. Калашникову. Они сумели организовать дело так, что к началу войны все запланированные к сдаче батареи и постоянные позиции для мощных железнодорожных систем были созданы. Саперы и офицеры 35-го инженерного батальона флота под командованием капитана Н. В. Кваша блестяще выполнили важную задачу по укреплению морских подступов к Таллину. Все они после окончания работ на оборонительных объектах в районе главной базы флота принимали самое активное участие в создании рубежей обороны на суше под Таллином. Для нас, военных моряков, оборона подходов с моря к базе вообще, а к главной базе особенно была одной из важнейших задач. Поэтому наблюдение за подходами к островам Моонзунда, району Палдиски, бухтам на побережье Эстонии с первых дней войны было особенно тщательным. Высадка десантов противника где-либо на указанных направлениях сильно осложнила бы нашу борьбу на территории Эстонии, главным образом из-за отсутствия в распоряжении флота маневренных и сильных отрядов войск. Мы считали, что надежное прикрытие обороняющихся войск с моря в создавшихся условиях является чрезвычайно важным делом флота. И, как показали дальнейшие события, мы в этом не ошиблись.

---

* В годы Великой Отечественной войны Владимир Филиппович Трибуц командовал Краснознаменным Балтийским флотом.

[1] См. «Совершенно секретно! Только для командования!». Стратегия фашистской Германии в войне против СССР. Документы и материалы. М. 1967, стр. 151—153.

[2] E. Manstein. Verlorene Siege. Bonn. 1955. S. 173.

Следует отметить, что качество новых надводных кораблей и артиллерийского вооружения полностью отвечало требованиям времени. Подводные лодки по своим данным также находились на высоком уровне. Силы Краснознаменного Балтийского флота к началу войны состояли из вполне подготовленных соединений, способных вести активные боевые действия: эскадра (командующий контр-адмирал Д. Д. Вдовиченко), отряд легких сил (контр-адмирал В. П. Дрозд), соединения подводных лодок (капитаны 2-го ранга Н. П. Египко и А. Е. Орел), ВВС КБФ (генерал-майор авиации В. В. Ермаченков), береговая оборона главной базы (полковник И. А. Кустов), минные заградители (капитаны 2-го ранга Н. И. Мещерский, И. Г. Карпов), торпедные катера (капитаны 2-го ранга В. С. Чероков, Н. А. Саломатин) и другие силы. Однако по общей численности корабельного состава КБФ все же уступал немецкому флоту. Чрезвычайно мало было сторожевых кораблей, тральщиков и кораблей противолодочной обороны. Не удовлетворяла современным требованиям авиация флота. Самолеты-истребители и морские разведчики были устаревших типов, с низкими тактико-техническими данными, штурмовой же авиации мы вовсе не имели. Бóльшая часть аэродромов находилась на востоке, на значительном удалении от первоначальных районов боевых действий. На обороноспособности флота и армии отрицательно сказалось и то, что территория Эстонии, Латвии и Литвы не была еще подготовлена в военно-инженерном отношении. Новые укрепления на границе только строились, старые оказались оставленными, а некоторые — частично демонтированными. Эта же проблема не была окончательно решена и на наших новых военно-морских базах. Ответственность за оборону побережья нес военный округ, поэтому флот не имел в своем распоряжении сухопутных войск. Но это не всегда соответствовало интересам дела. Так, в Лиепае строили батареи для борьбы с морским противником, а войск у командира базы для ее обороны не было. Не хватало войск для обороны Моонзундских островов. Здесь была сосредоточена 3-я Отдельная стрелковая бригада и два батальона 16-й стрелковой дивизии с артиллерийскими средствами флота. На территории Эстонии находились только части 16-й стрелковой дивизии. Не до конца упорядоченным оставался вопрос организации взаимодействия флота с Прибалтийским Особым военным округом. Все это не могло не отразиться на обороне наших передовых военно-морских баз, находившихся на побережье и оказавшихся под ударами противника, наступавшего на Ленинград.

Однако нужно сказать, что СССР готовился к встрече с врагом. В частности, на флоте были созданы маневренные соединения, состоявшие из различных родов сил флота, для решения сложных оперативных и тактических задач. Последние два года перед войной на флоте по указанию народного комиссара Военно-Морского Флота проводились учения по повышению боевой готовности отдельных частей, дивизионов кораблей, соединений и всего флота в целом. Много времени, сил и средств было затрачено на то, чтобы в самый кратчайший срок привести в полную боевую готовность каждый отдельный корабль, батарею, авиаэскадрилью. Поддержанию постоянной боевой готовности на флоте способствовало также введение после перебазирования флота на запад новой системы боевой подготовки, позволявшей экипажам кораблей и частям флота отрабатывать учебные, огневые и тактические задачи в течение круглого года. И когда вечером 21 июня 1941 г. от наркома ВМФ Н. Г. Кузнецова было получено предупреждение об угрозе непосредственного нападения противника, все наши флоты были быстро приведены в полную боевую готовность. В 4 час. 50 мин. 22 июня Военный совет Балтийского флота объявил о нападении немецко-фашистских войск и приказал силой оружия отражать их вторжение. Этот факт представляет интерес не только для истории. Известны печальные примеры, когда командование эскадрами и флотами, зная о нападении врага, не предпринимало ответных действий, за что приходилось расплачиваться. Так, понесли серьезные потери из-за нераспорядительности командования русский флот в Порт-Артуре в 1904 г. и американский — в Пёрл-Харборе в 1941 году.

Краснознаменный Балтийский флот представлял грозную силу, способную в чрезвычайно сложной обстановке начала Великой Отечественной войны прикрыть фланги войск, морские подступы к городу Ленина, вести активные боевые действия против фашистской Германии и ее сателлитов. Матросы, старшины, офицеры, рабочие и служащие флота проявили высокий моральный дух, величайшую стойкость, мужество, храбрость, отвагу, беззаветную преданность Коммунистической партии и Советскому правительству. Личный состав был закален в моральном и политическом отношении, беспредельно предан социалистической Родине. Партийная организация флота была идеологически крепкой, тесно сплоченной вокруг ЦК ВКП(б). Коммунисты флота были передовыми, дисциплинированными и политически сознательными воинами, вожаками беспартийных масс.

Военный совет и штаб флота, находясь в Таллине, с первых дней войны установили еще более тесные деловые контакты с партийными и советскими органами Эстонии. Председатель Совнаркома И. Лауристин, председатель Президиума Верховного Совета И. Варес, секретарь ЦК партии Н. Каротамм, народный комиссар легкой промышленности А. Веймер и другие принимали самое активное участие в организации обороны Таллина, в оказании необходимой помощи флоту и армии.

Совместная работа Военного совета флота с руководителями Коммунистической партии, Верховным Советом и Советом Народных Комиссаров Эстонии, моральная и

материальная поддержка широкими трудящимися массами воинов армии и флота являлись прекрасным примером дружбы советских народов в годы Великой Отечественной войны. В тяжелые дни обороны Таллина эта дружба во многом способствовала решению поставленных перед армией и флотом задач. Партийные организации Эстонии с начала войны приступили к формированию и вооружению истребительных батальонов, основной задачей которых было обеспечение безопасности тыла Красной Армии. За время боев в Эстонии было сформировано 27 отдельных отрядов и истребительных батальонов, на базе которых впоследствии создали три добровольческих полка.

Вынужденное отступление советских войск на северо-западном направлении в начальный период войны неблагоприятно сказалось на характере боевых действий флота. Используя свой первоначальный успех и захватывая с суши передовые военно-морские базы, враг стремился силами авиации и минного оружия поставить Балтийский флот в безвыходное положение. Нужны были исключительные самоотверженность, сплоченность, чувство долга, чтобы не дрогнуть, выстоять. Уже в первых боях под Лиепаей красноармейцы, краснофлотцы базы, курсанты военно-морских учебных заведений, пограничники, рабочие батальоны и дружины под общим командованием командира 67-й стрелковой дивизии генерал-майора Н. А. Дедаева, а в морском секторе — командира военно-морской базы капитана 1-го ранга М. С. Клевенского отразили многочисленные яростные атаки врага. В течение десяти суток они доблестно удерживали важную базу флота на Балтике. Противник нес значительные потери, хотя соотношение сил было далеко не в пользу защитников Лиепаи, оказавшихся в окружении. Это снизило темп его наступления на приморском направлении. 27 июня по приказу командования защитники базы под натиском превосходящих сил противника предприняли попытку прорваться из окружения. В этих тяжелых боях смертью храбрых пали командир дивизии Н. А. Дедаев, секретарь Лиепайского горкома партии Микелас Бука, секретарь уездного комитета ЛКСМ Латвии Имант Судмалис, которому посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза.

Противник пытался достичь крупных успехов, используя внезапность нападения и заблаговременную постановку мин на морском театре военных действий. Как стало известно в послевоенные годы, агрессивные действия фашистского флота против кораблей КБФ начались значительно раньше, чем на суше и в воздухе. Еще 15 июня 1941 г., то есть за семь дней до начала открытых военных действий против СССР, главное командование военно-морского флота Германии отдало приказ «безжалостно уничтожать» советские подводные лодки при их появлении к югу от линии Мемель — южная оконечность острова Эланд. В случае возникновения конфликтов гросс-адмирал Редер рекомендовал отвечать, что германские корабли ошибочно приняли их за английские подводные лодки, хотя последние на Балтику никак не могли попасть[3]. С 16 по 21 июня 1941 г. противник поставил несколько линий минных заграждений в Балтийском море, использовав для этого более 3 300 мин и минных защитников[4]. Тогда же им было поставлено несколько минных заграждений (более 2 тыс. мин и минных защитников) в устье и западной части Финского залива, на линии Тахкуна — Эре — Турку, севернее и северо-западнее острова Найссар. Уже на второй день войны базовыми тральщиками №№ 209 и 216 были обнаружены мины к северу от Найссара, в районе плавучего маяка Таллина, в устье Финского залива и у входа в Моонзунд. В дальнейшем минная обстановка на театре военных действий усложнилась, врагом применялись новые образцы мин. Это, разумеется, вызвало огромное напряжение тральных сил, которых флоту явно не хватало. Минная опасность для нас стала главной и одной из самых труднопреодолимых.

Для борьбы с немецкими боевыми кораблями и транспортами были немедленно использованы наши подводные лодки. Уже 23 июня они заняли позиции на подходах к Клайпеде, Данцигской и Померанской бухтам. К концу июня на боевых позициях находилось до 20 подводных лодок. Высокое мужество и героизм проявили в борьбе с противником командиры подводных лодок П. Д. Грищенко, И. М. Вишневский, Д. С. Абросимов, Ф. И. Иванцов, Н. И. Петров и другие. С изменением обстановки на суше обеспечивать боевую деятельность подводных лодок стало значительно сложнее, и их использование сузилось, так как противник держал крупные надводные боевые корабли в базах и портах. Немецкий историк Ю. Ровер пишет: «Немецкое военно-морское командование, занятое борьбой против Англии, ...полагало, что морская война на Балтике примет оборонительный характер, что было бы удобным, учитывая предстоящий захват русских баз германской армией. Угрозу со стороны советских крейсеров и эсминцев немцы надеялись устранить постановкой оборонительных минных заграждений перед своими гаванями и поперек Балтийского моря, а также наступательных заграждений перед балтийскими (советскими.— *В. Т.*) портами и в проливах между Даго, Эзелем и материком и у западного входа в Финский залив. Все эти заграждения были беспрепятственно поставлены за три ночи до наступления. Более опасными считались советские подводные лодки, против которых не было достаточного количества эффективных средств, так что во избежание потерь предварительно пришлось прекра-

---

[3] «Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками». Сборник материалов. Т. 5. М. 1960, стр. 285—286.

[4] Так называется взрывное приспособление, препятствующее вражеским тральщикам уничтожать тралами мины.

тить торговое судоходство»[5]. Наша разведка своевременно не обнаружила поставленные противником минные заграждения в Балтийском море и Финском заливе. В результате этого мы поплатились гибелью некоторых своих кораблей.

Авиация флота с первых часов войны интенсивно применялась для решения большого круга боевых задач. Удары по аэродромам и базам противника, постановка мин в море и на подходах к базам начались с первого дня войны. Но основные усилия авиация направляла на решение задач, связанных с отражением наступавших сухопутных войск противника. Хотя флотские истребители по тактико-техническим данным уступали новейшим самолетам врага, они надежно прикрывали Таллин, Ханко, Кронштадт и нередко сами наносили бомбовые удары по объектам противника, имевшим сильную ПВО. Именно в ту тяжелую пору прославились наши знаменитые асы А. К. Антоненко и П. А. Бринько. Им первым на Балтике присвоили звание Героя Советского Союза. Заслугой балтийских летчиков-истребителей и всей системы ПВО является то, что вплоть до ухода советских войск из Таллина гитлеровцы не смогли нанести ни одного массированного удара по нашим базовым объектам.

В результате быстрого продвижения вражеской 4-й танковой группы на рижском направлении и отсутствия у нас достаточного количества самолетов на Северо-Западном фронте (так с началом войны стал называться бывший Прибалтийский Особый военный округ) мы были вынуждены всю нашу авиацию переключить на поддержку сухопутных войск. К исходу 29 июня Ставка Главного Командования[6] приказала авиации флота нанести удары по моторизованным войскам противника, переправлявшимся через Западную Двину. В этот день вся бомбардировочная и минно-торпедная авиация флота под командованием подполковника Е. Н. Преображенского и майора Н. В. Абрамова наносила по врагу удар за ударом. В результате было выведено из строя и уничтожено значительное количество танков и автомашин с войсками противника. В последующем авиация флота оказывала систематическую поддержку оборонявшимся на приморском направлении войскам 8-й армии. Но и наши потери, особенно в минно-торпедной авиации, были большими, главным образом из-за отсутствия истребителей сопровождения.

Наряду с активными боевыми действиями, направленными на уничтожение живой силы и техники врага, проводились и оборонительные мероприятия. Предполагалось, что для оказания помощи своим войскам, наступавшим на Ленинград, противник будет пытаться использовать в Финском заливе надводные боевые корабли. Поэтому с первых же дней войны наш флот приступил к созданию минной позиции в разных местах вод Финского залива. В минных постановках участвовали корабли эскадры контр-адмирала Д. Д. Вдовиченко, отряда легких сил контр-адмирала В. П. Дрозда, охраны Водного района главной базы и корабли минной обороны. К концу первой военной декады на центральной минной позиции в устье Финского залива было поставлено более 3 500 мин и минных защитников. Кроме того, в шхерах и на наиболее вероятных направлениях появления врага выставлялись и небольшие минные заграждения. Всего до конца 1941 г. нами было поставлено более 14 тыс. мин и минных защитников. Это, конечно, вместе с усилиями авиации, корабельной и береговой артиллерии придало устойчивость нашему флоту во время его действий в Финском заливе и при обороне с моря военно-морских баз Таллина, Ханко, островов Моонзунда, а позже — Кронштадта и Ленинграда.

Хочется добрым словом помянуть тех, кто выполнял основные минные постановки, экипажи минных заградителей «Марти» и «Урал», действовавших под командованием старейшего офицера Балтийского флота капитана 1-го ранга Н. И. Мещерского. Он был участником еще первой мировой войны, командовал тогда тральщиком, а с первых дней создания советского Балтийского флота Н. И. Мещерский — командир эскадренного миноносца, потом минного заградителя «Марти». Он прекрасно знал театр военных действий и минное оружие, пользовался заслуженным авторитетом у подчиненных. В подготовке экипажа «Марти» самое активное участие принимал и военком корабля А. А. Коваль. При его руководящем участии на корабле активно работала крепко сплоченная партийная организация. Большая заслуга в успешном решении кораблем боевых задач, прежде всего в отношении точности минных постановок, принадлежала штурманам корабля старшему лейтенанту К. М. Кононову и лейтенанту В. К. Тарасову. Примерами для экипажа всегда служили офицеры корабля: минер старший лейтенант С. М. Сизоненко, инженер-механик капитан 3-го ранга М. Н. Губанков, его помощник В. Г. Гудков. В трудных навигационных условиях, зачастую при выключенных маяках, в районах, где противник уже ставил мины, команде приходилось выполнять сложные задания. 3 июля минный заградитель был обстрелян 12-дюймовой артиллерией и атакован авиацией противника. Но, несмотря на это, корабль выполнил поставленную перед ним боевую задачу. Минный заградитель «Марти» был одним из первых кораблей Балтийского флота, получивших звание гвардейского. В результате постановки нами минных заграждений противник в самое

---

[5] Ю. Ровер. Действия советских подводных лодок на Балтике в 1939—45 гг. Центральная военно-морская библиотека. Перевод. 1958, стр. 10.

[6] Она была создана 23 июня под председательством С. К. Тимошенко. 10 июля переименована в Ставку Верховного Командования, и ее возглавил И. В. Сталин. Позднее названа Ставкой Верховного Главнокомандования.

тяжелое для нас время, в августе — декабре 1941 г., не смог использовать в Финском заливе свои крупные надводные корабли, нес потери и, что самое главное, вынужден был отказаться от применения флота для оказания помощи своим наступавшим вдоль побережья войскам (бои под Таллином, сражение за Ленинград).

К концу июня обстановка на суше все ухудшалась. После оставления Лиепаи и Риги советские войска продолжали отход на север и северо-восток. Особенно тяжелыми были условия для отступавших войск 8-й армии, которая, будучи сильно ослабленной в предыдущих боях и длительными маршами, отходила в Эстонию. Поскольку другие силы Северо-Западного фронта отходили южнее Псковского озера, а 8-я армия — через Нарву в сторону Ленинграда, 3 июля начальник штаба Северного фронта (бывшего Ленинградского военного округа) генерал Д. Н. Никишев приказал командующему 8-й армией генерал-лейтенанту Ф. С. Иванову силами местного населения приступить немедленно к созданию для трех стрелковых дивизий оборонительных рубежей по линии Пярну — Вильянди — северное побережье озера Выртсъярв [7]. Других рубежей обороны там не было. Отсутствовали они и юго-западнее Таллина, что особенно усложняло наше положение. В эти напряженные дни главнокомандующий Военно-Морскими Силами адмирал Н. Г. Кузнецов требовал от нас уточнять обстановку на суше, выставлять заслоны из единственной бригады морской пехоты, находившейся в Таллине, использовать авиацию не только для ведения разведки, но и для непрерывного содействия войскам 8-й армии; он приказал: «Оборонять до конца Ханко, Эзель, Даго и район Таллина. Отвести на восток и эвакуировать корабли и имущество, ненужное для обороны». «Деритесь,— призывал он,— за каждую пядь земли в любых условиях возможного окружения. Уверен, что командиры, бойцы выполнят свой долг перед Родиной и оправдают доверие партии». Эти указания немедленно были переданы коменданту береговой обороны Балтийского района генерал-майору А. Б. Елисееву, командирам военно-морских баз генерал-майору С. И. Кабанову и контр-адмиралу П. А. Трайнину.

Появление в первых числах июля разведывательных отрядов 217-й пехотной дивизии врага под Марьяма создало непосредственную угрозу Таллину. На этом участке почти никаких воинских частей не было, действовали лишь эстонские истребительные батальоны, предназначенные для охраны порядка в тылу. Решением командарма 8-й армии под Марьяма была брошена 16-я стрелковая дивизия генерал-майора И. М. Любовцева. Сюда же командующий флотом срочно направил один батальон из бригады морской пехоты, усиленный танками. Выяснилось, что противник ведет наступление передовыми частями, стремясь захватить Таллин. Следом двигались главные силы 217-й дивизии. В течение трех суток советские войска, морские пехотинцы, пограничники 8-го отряда и летчики Балтики сдерживали натиск противника. В результате наступление фашистских войск на этом важном направлении было приостановлено. Но угроза Таллину возрастала, обстановка продолжала ухудшаться. Одновременно с продвижением противника на Марьяма одна из фашистских колонн прорвалась по побережью из Пярну в сторону Виртсу. Это, к сожалению, было обнаружено поздно. К тому же на приморской дороге у нас не оказалось никаких частей прикрытия. Только тогда, когда фашисты вышли на побережье Моонзунда и начали обстреливать пристани на острове Муху и наши миноносцы, а также катера-морские охотники, стало известно, что захвачена пристань Виртсу. Выход разведывательных частей противника в Марьяма и к пристани Виртсу не был нами предусмотрен. Но удивляться было нечему. Войск для обороны этих направлений у нас не было, так что противник беспрепятственно мог дойти и до Таллина. Пришлось принимать экстренные меры. Военный совет флота приказал коменданту береговой обороны Балтийского района генерал-майору А. Б. Елисееву и командиру отряда легких сил контр-адмиралу В. П. Дрозду организовать высадку десанта, выбить противника из Виртсу и удерживать пристань и прилегающий к ней плацдарм. Несмотря на исключительно неблагоприятные условия, А. Б. Елисеев и В. П. Дрозд четко и быстро выполнили приказ. На рассвете 18 июля до 300 десантников под командой полковника Н. Ф. Ключникова при поддержке корабельной и береговой артиллерии, прикрываемые истребителями с Сарема, выбили фашистов из Виртсу, оттеснив их в сторону Пярну. В бою с противником особенно отличился лейтенант А. П. Смирнов, который, находясь сначала на маяке острова Вирелайд, а затем в боевых порядках десанта, корректировал огонь батареи В. Г. Букоткина, громившей гитлеровцев, рискнувших выйти на побережье. Задержка наступления фашистов под Марьяма и Виртсу обеспечила лучшие условия для создания оборонительных рубежей под Таллином.

Тем временем наступление немецко-фашистских войск на Псковско-Лужском направлении продолжалось. Враг стремился в кратчайший срок подойти непосредственно к Ленинграду. На этом направлении до 10 июля войска Северо-Западного фронта вели тяжелые оборонительные бои восточнее линии Псков — Пушкинские Горы — Опочка, по рекам Великая и Череха. 4 июля командующий Северным фронтом генерал-лейтенант М. М. Попов сообщил в Военный совет флота, что фронт получил приказание создавать глубокую оборону Ленинграда с юго-запада, в частности обо-

---

[7] Южная часть ЭССР.

ронительную полосу по реке Луга, и одновременно заново построить Красногвардейский укрепленный район. Сразу же широко развернулись оборонительные работы на Лужском рубеже, Гатчинском, Слуцком и Красносельском участках обороны. Здесь ежедневно трудились сотни тысяч жителей города Ленина и области. В помощь войскам были мобилизованы лучшие силы Ленинградской партийной организации. Часто трудящимся приходилось работать под артиллерийским обстрелом, под бомбежками, а иногда откладывать лопату и браться за винтовку. Гигантская работа проводилась исключительно высокими темпами. Не жалея сил и не считаясь со временем, ленинградцы делали все возможное, чтобы помочь войскам остановить вражеские полчища. На пути врага вырастали мощные фортификационные сооружения. В создании жесткой инженерной обороны на подступах к городу активное участие принимали военные моряки, артиллеристы и кораблестроители. Так, в июле кораблестроители инженер контр-адмирал А. А. Жуков, инженер-капитан 1-го ранга П. Г. Котов, капитан 1-го ранга П. А. Скутский предложили командованию фронтом использовать корабельные броневые плиты для создания артиллерийских и пулеметных огневых точек в Красногвардейском укрепленном районе. Проектная группа под руководством инженер-капитана 1-го ранга Н. Н. Лесникова в содружестве с инженерами и артиллеристами фронта в течение короткого срока создала несколько вариантов броневых точек под артиллерийские и пулеметные установки. В августе было изготовлено и установлено до 80 броневых точек, а к концу года их имелось уже 600. Инженеры-кораблестроители, монтажники, такелажники, рабочие судостроительных и других заводов в грозные дни войны помогли превратить город в могучую крепость, имевшую на вооружении морскую артиллерию всех калибров. В созданную тогда Лужскую оперативную группу войск фронта был передан флотский Лужский укрепленный сектор с подразделениями морской пехоты, железнодорожными батареями и частями специального назначения. Из Кронштадта сюда были направлены 79 морских орудий для установки в доты. 10 июля было образовано главное командование Северо-Западным направлением во главе с К. Е. Ворошиловым, которому сразу же был подчинен Балтийский флот.

Тяжелое положение войск 11-й армии, основные силы которой были развернуты южнее Псковского озера, заставило главное командование войсками Северо-Западного направления прислать ей в помощь флотскую авиацию. Так, 11 июля морская авиация наносила удары по дорогам восточнее и северо-восточнее Пскова, а в последующие дни — под Островом и в районе Луги. Одновременно с этим авиация флота прикрывала Ханко, Кронштадт, Таллин, острова Моонзунда. И для нас, балтийцев, Лужское направление было очень важным, так как в случае успеха противник вышел бы к побережью Финского залива на территории Ленинградской области, где в западной ее части находилось много флотских аэродромов с базировавшимися на них бомбардировщиками и штурмовиками. Поэтому мы бросили в помощь сухопутным войскам значительную часть авиации, сосредоточенную на востоке области. Авиадивизии полковников Н. К. Логинова, А. Ф. Морозова, ночные разведчики полковника Д. Ф. Бартновского в эти дни героически сражались на Лужских рубежах. 13 июля авиаразведка флота обнаружила прорыв войск противника в районе озера Самро, в направлении на Ивановское и Сабск. В течение нескольких суток, днем и ночью, авиация флота бомбила моторизованные и танковые колонны врага, обрушив на них более 6 тыс. бомб различного калибра. Однако приостановить наступление противника не удалось.

Получив отпор под Лугой, фашисты устремились на Нарву. Обстановка на этом участке накалилась. 20 июля командир одного из подразделений донес, что полк 191-й стрелковой дивизии отступает от Нарвы, бой продолжает вести лишь истребительный батальон; фашисты пытались занять наши оборонительные сооружения и с ходу форсировать в нескольких пунктах реку Нарва. Нависла угроза продвижения врага на восток по шоссе Нарва — Кингисепп. Пришлось всю авиацию флота бросить на это направление. В течение 10 дней балтийские летчики наносили мощные удары по врагу на Нарвском направлении. 22 июля из Таллина в Нарвский залив для огневой поддержки оборонявшихся войск вышел эсминец «Суровый» (командир капитан 2-го ранга В. Ф. Андреев, флагманский штурман капитан 3-го ранга Ю. П. Ковель, руководитель стрельб капитан 2-го ранга А. А. Сагоян) в сопровождении сторожевых катеров и под прикрытием истребительной авиации. Отсюда эсминец нанес ряд эффективных артиллерийских ударов по противнику: были разрушены переправы, позиции батарей, нанесен большой урон танкам и живой силе. Была сорвана попытка немецко-фашистских войск с ходу форсировать реку Нарва в районе деревни Долгая Нива. В последующие дни артиллерийскую поддержку нашим войскам оказывали канонерские лодки «Красное знамя», «Москва» и «Мгунь» под командованием капитана 2-го ранга Н. В. Антонова. Все попытки фашистов 22 и 23 июля форсировать Нарву не увенчались успехом. Бойцы 191-й дивизии, поддержанные авиацией и флотскими железнодорожными батареями №№ 11, 12, 18, остановили врага. На помощь им спешили морские пехотинцы, полки 16-й стрелковой и 4-й дивизии народного ополчения. Наши войска, задержав противника под Нарвой, не дали ему отрезать 8-ю армию от основных сил Северного фронта. План противника с ходу прорваться к Ленинграду через Нарву — Кингисепп провалился.

В боях на дальних подступах к Ленинграду отличилась железнодорожная тя-

желая батарея № 12 капитана Г. И. Барбакадзе, поэтому авиация противника усиленно охотилась за ней. Под Нарвой и на Лужском рубеже эта батарея, умело используя маскировку и маневренность, громила врага из дальнобойных орудий. Однажды фашистским самолетам удалось сбросить бомбы рядом с транспортерами. Взрывной волной орудийные площадки были сметены с полотна железной дороги. Казалось, остался единственный выход: оставить материальную часть и отступить. Но флотская смекалка и воля сделали невозможное возможным: в результате шестисуточной напряженной работы личного состава под руководством командира орудийные площадки были поставлены на рельсы, после чего батарея в полной исправности ушла на новую позицию громить врага. Таким образом, совместные действия войск фронта, кораблей, батарей, авиации и морской пехоты флота привели к ослаблению темпов наступления левого фланга войск противника и к уменьшению плотности его боевых порядков. Командование Северным фронтом выиграло время для совершенствования оборонительных рубежей на ближних подступах к Ленинграду. Одновременно усиливались удары по морским коммуникациям врага в Рижском заливе.

Важное значение в системе базирования флота принадлежало Моонзундским островам. Батареи крупного и среднего калибра, установленные на островах, надежно прикрывали вход в Рижский залив и контролировали устье Финского залива. Руководство обороной этих островов возглавляли комендант береговой обороны Балтийского района генерал-майор А. Б. Елисеев, дивизионный комиссар Г. Ф. Зайцев и начальник штаба подполковник А. И. Охтинский. А. Б. Елисеев к моменту назначения его комендантом береговой обороны Балтийского района имел уже большой теоретический и практический опыт. Старый член Коммунистической партии, в прошлом балтийский матрос, участник гражданской войны, Елисеев был зрелым, требовательным и чутким военачальником. Он до тонкостей знал организацию и материальную часть береговой артиллерии. Чуть ли не для каждой береговой батареи на всех морях Советского Союза он принимал участие в выборе места. Он обладал широкими теоретическими знаниями в вопросах использования береговой артиллерии для борьбы с морским противником. Но Елисееву раньше не приходилось командовать крупными общевойсковыми соединениями, тем более в бою, что, естественно, должно было отразиться на его командовании всей обороной Моонзунда.

Личный состав частей и подразделений островов Моонзунда, используя все возможности, усиленно готовился к будущим боям. В обращении к Главному политическому управлению Красной Армии командование береговой обороны Балтийского района писало: «Весь личный состав полон решимости сражаться за каждую пядь земли, не щадя своих сил и жизни. Можете смело заявить Центральному Комитету Коммунистической партии, что мы будем по-большевистски драться и оправдаем долг перед Родиной»[10]. Три месяца советские войска, находившиеся на островах Моонзундского архипелага, во взаимодействии с авиацией и легкими силами флота (эсминцы, торпедные катера), базировавшимися в Рижском заливе, не давали противнику возможности использовать Ригу как порт для доставки резервов и снабжения наступавших на Ленинград войск. Образцы мужества и массового героизма в этих боевых действиях проявили тысячи солдат, матросов, старшин, офицеров кораблей, береговых батарей и авиации. 6 июля отряд эскадренных миноносцев «Сердитый», «Сильный», «Энгельс» и сторожевых кораблей «Туча» и «Снег» под командованием капитана 1-го ранга Б. В. Хорошхина, направляясь на постановку мин в Ирбенский пролив, обнаружил три вражеских корабля. Несмотря на то, что наши миноносцы были нагружены минами, они атаковали корабли противника и совместно с бомбардировочной авиацией Героя Советского Союза А. И. Крохалева нанесли им серьезные повреждения. 12 июля разведка флота установила, что к Ирбену с запада следовали вражеские суда в охранении конвоя. Корабли находившегося в Моонзунде отряда под командованием контр-адмирала В. П. Дрозда вышли в Рижский залив. Первый удар по врагу нанесла бомбардировочная авиация, затем вступила в бой дальнобойная береговая батарея капитана А. И. Стебля, одного из лучших молодых артиллеристов флота. С рассвета 13 июля авиация, отряд эскадренных миноносцев и торпедные катера продолжали наносить удары по кораблям противника, пробивавшимся в Рижский залив. Отличные боевые качества в этом бою показали торпедные катера отряда старшего лейтенанта В. П. Гуманенко. В результате совместных действий было уничтожено и повреждено свыше 25 судов из состава вражеского отряда. Впервые в истории военно-морской тактики торпедным катерам самостоятельно, без всякой поддержки и наведения, в условиях хорошей видимости удалось атаковать во много раз превосходящего по силам противника и нанести ему урон. Надо было обладать особыми качествами, свойственными советским военным морякам, чтобы при явном превосходстве сил противника выдержать бой и выйти из него победителями. Противник недосчитался нескольких единиц, у нас же, кроме повреждений на катерах, потерь не было.

Значение Моонзундского архипелага возросло еще больше после того, как балтийские летчики полковника Е. Н. Преображенского в августе 1941 г. с островных аэродромов стали наносить удары по столице фашистской Германии Берлину. Впо-

[10] Ю. Чернов. Они обороняли Моонзунд. М. 1959, стр. 9.

следствии, ввиду провала плана молниеносного захвата Ленинграда и опасности иметь у себя в тылу мощный оборонительный район, фашисты выделили крупные корабельные и сухопутные силы для захвата Моонзундских островов. Мне часто приходилось бывать в Рохукюла, встречаться с командирами дивизионов кораблей С. Д. Солоухиным, Г. С. Абашвили, командирами эскадренных миноносцев, контр-адмиралом В. П. Дроздом. Нужно сказать, что, несмотря на тяжелейшие условия базирования, настроение всех командиров было бодрым. Отряд, возглавляемый В. П. Дроздом, делал свое дело. Противник, имея превосходство в силах на Балтике, не показывался в Рижском заливе. Валентин Петрович в 1936—1937 гг. состоял советником при республиканской армии Испании и отлично знал тактику использования различных родов войск в бою. Он отличался личной храбростью и был моим боевым другом и товарищем. Гитлеровское командование принимало все меры, чтобы сокрушить нашу оборону и подавить сопротивление. Крупные силы бомбардировочной авиации днем и ночью наносили по нашим кораблям одиночные и групповые удары. Особенно ожесточенной бомбардировке подвергались корабли в районе пристани Куйвасту. От прямого попадания бомбы погиб миноносец «Сердитый», подорвался на вражеских минах эсминец «Статный». И все же, несмотря на сложность обстановки, отсутствие оборудованных мест базирования, слабое истребительное прикрытие и необеспеченность тральными средствами, наши люди сражались с исключительной самоотверженностью. Всякая попытка врага проникнуть в Рижский залив встречала ожесточенный отпор.

В июле, когда обстановка на морском театре ухудшилась и появилась угроза проникновения кораблей противника в Финский залив в обход флангов минного заграждения, поставленного в устье залива, было принято решение об увеличении глубины минных заграждений по линии Гогланд — Большой Тютерс — Нарвский залив с развитием в глубину на восток до линии Бьерке — Сескар — маяк Шепелев. В августе, в связи с возникновением непосредственной опасности Ленинграду, было начато оборудование тыловой минной позиции на линии мыс Стирсудден—Нарва—Сескар—маяк Шепелев. На этих рубежах было выставлено 5 657 контактных мин и 1 480 минных защитников. Обе позиции прикрывали ближние подступы к Ленинграду с моря и обеспечивали систему базирования флота в восточной части залива. Все большее число тральщиков и катеров «МО» привлекалось для обеспечения безопасности кораблей и судов на коммуникациях Кронштадт — Таллин, Таллин — Ханко, Таллин — Моонзунд. Возникла острая необходимость в систематическом тралении основных фарватеров, контрольном тралении некоторых районов, непосредственном тральном обеспечении боевых кораблей, особенно подводных лодок. Везде нужны были тральщики, а их на флоте не хватало. Оставалось полтора десятка новых базовых тральщиков, которые могли обеспечивать лишь мизерную долю нашей потребности. Через месяц после начала войны Военный совет флота докладывал наркому Военно-Морского Флота СССР адмиралу Н. Г. Кузнецову: «Минная опасность на театре военных действий продолжает быть сегодня главной. Имеемых в наличии средств недостаточно. Ограниченный район плавания мобилизованных тральщиков из-за отсутствия запасов пресной воды, небольшая мореходность их заставляет много времени держать их в базах. Поступления тральщиков от промышленности не будет. Потребность обеспечения вывода, возвращения подводных лодок с позиций, выхода, возвращения кораблей из Моонзунда, обеспечение морской коммуникации Таллин — Ханко, Таллин — Кронштадт требуют сейчас уже значительного количества тральных сил и средств. Прошу Вашей помощи...»

С первых дней войны наш флот делал все, чтобы создать наиболее благоприятные условия для сухопутной обороны главной базы флота — Таллина. 15 июля инженер-полковник А. Н. Кузьмин, являвшийся заместителем начальника инженерного отдела флота, был мною назначен старшим инженерным начальником обороны главной базы. Одновременно он был представителем от флота в Комитете обороны ЭССР по вопросам инженерной подготовки рубежей под Таллином.

Группы офицеров инженерного отдела флота вместе с общевойсковыми офицерами производили на четырех основных направлениях (Палдиски, Пярну, Тарту, Нарва) тщательную инженерную рекогносцировку рубежей вокруг главной базы. Через два дня на Военном совете мы заслушали результаты предварительной рекогносцировки местности на подходах к Таллину. Было принято решение: создать главную оборонительную полосу по линии реки Пирита — Иру — Лагеди — Лехьмя — южная оконечность озера Юллемистэ — Пяскюла — Харку. На этой полосе решено было построить железобетонные и дерево-земляные огневые точки, надолбы, противотанковые рвы, искусственные водные преграды, минные поля, проволочные заграждения под током и окопы в полный профиль. Заместители председателя Совета Народных Комиссаров ЭССР А. Веймер, Э. Пялль, члены ЦК КПЭ Г. Абельс, Х. Арбон, В. Сасси приняли самое деятельное участие в мобилизации населения, материалов и промышленности для создания оборонительных сооружений на этой полосе. Первоочередные работы проводились одновременно в шести опорных пунктах: Иру, Лагеди, Лехьмя, озеро Юллемистэ, Пяскюла, Харку — и в промежутках между ними. Руководили оборонительными работами инженеры флота С. Н. Смолин, А. Г. Кулагин, И. М. Воронцов, Л. П. Васильев, А. И. Певзнер и М. Ф. Блинов.

С 17 июля широким фронтом развернулись работы по возведению оборонитель-

ных сооружений на подходах к Таллину. Весь личный состав дислоцированных здесь частей и учреждений флота, местное население, городской транспорт, строительные организации республики и города — все было брошено на выполнение этой задачи. Решение об обороне города резко изменило настроение среди трудового населения. Оно вызвало у него прилив патриотических чувств. Каждому хотелось вложить все свои силы и знания в то дело, которое ему поручали. Руководство всеми оборонными работами осуществлял инженерный отдел флота во главе с инженер-полковником А. Н. Кузьминым. В течение трех недель напряженной работы десятков тысяч человек была создана главная оборонительная полоса на расстоянии 9—12 км от города. Решениями ЦК партии и правительства Эстонии все учреждения и предприятия обязывались оперативно выполнять заказы на нужды обороны и выдавать все имеющиеся стройматериалы. Таллинский горком партии и городской Совет депутатов трудящихся всячески помогали созданию обороны вокруг города. По их призыву многие тысячи местных жителей работали не покладая рук. В отдельные дни на оборонные работы выходило до 25 тыс. граждан. Таллин превратился в военный лагерь. Нельзя не воздать должное героизму тысяч безвестных тружеников города, их самоотверженному труду. В те дни были оборудованы три бронепоезда, шло массовое производство минометов и мин, изыскивались возможности для производства взрывчатки и взрывателей. Вся эта помощь усиливала оборону Таллина, а впоследствии сковала действия нескольких пехотных дивизий врага, готовившихся к форсированному наступлению на Ленинград. В боях под Таллином эти дивизии понесли значительные потери в живой силе и технике.

К середине августа, еще до подхода вражеских войск, завершилось инженерное оборудование главной полосы обороны базы. Одновременно с этим интенсивно строился аэродром для истребительной авиации на полуострове Вимси; за несколько дней была оборудована взлетно-посадочная полоса на полуострове Пельясаари, откуда наши истребители накануне оставления Таллина улетели на восток. Создавались полосы и для бомбардировочной авиации в районе Палдиски. Для обеспечения вывоза заводского оборудования и других материальных ценностей морем из Таллина в Кронштадт от флота потребовалось выделение транспортных средств и сил охранения. Специальная комиссия Совнаркома Эстонии под председательством наркома коммунального хозяйства А. Радика определяла состав грузов, места погрузки и время подачи транспортов. Организация морских переходов и их обеспечение проводились штабом флота. В июле и первой половине августа все транспорты с грузами, обеспеченные тральщиками и кораблями охранения, прошли благополучно из Таллина в Кронштадт. В этот период подорвался лишь транспорт «Мария» с грузом муки, но и этот транспорт был спасен и отбуксирован к берегу. Всего было вывезено ценностей более чем на 600 млн. рублей. Штаб флота под руководством контр-адмирала Ю. А. Пантелеева разработал специальный план использования транспортов, их расстановки по гаваням и план погрузки на случай внезапного отхода. Военным советом был рассмотрен и принят план прорыва флота из Таллина в Кронштадт и боевого обеспечения перехода.

Бои на территории Эстонии тем временем продолжались. Изматывая и поражая врага, мы и сами несли тяжелые потери. Все больше становилось раненых. К 5 августа их накопилось в городе до 5 тыс., эта цифра непрерывно росла. Предметом особой заботы Военного совета флота стала эвакуация раненых из Таллина, которая требовала, помимо транспортов, большого количества обеспечивающих средств: тральщиков и кораблей охранения. До 23 июля раненых вывозили и по железной дороге. После захвата врагом станции Тапа эвакуация продолжалась только морем. В целях лучшей организации этого дела все медицинские средства флота и армии были подчинены начальнику санитарной службы флота М. Я. Кривошееву. Он многое сделал для развертывания медицинской службы флота в первые два месяца войны. Было создано одиннадцать эвакуационных госпиталей за счет сил и средств эстонских органов здравоохранения. Только за период с 12 по 25 августа на специальных транспортах, оборудованных для перевозки раненых, было отправлено в Кронштадт 5 100 чел. (266 чел. из них погибли во время морского перехода)[12]. Нужно признать, что фланкирующее положение южной части Финляндии по отношению к основной нашей коммуникации Кронштадт — Таллин, проходившей по оси Финского залива, позволяло противнику наносить из финских шхер удары по нашим транспортам, а самое главное — в короткий срок ставить ночью мины. Только сплошным «забором» из сторожевых кораблей и катеров можно было обезопасить себя от этих ударов, которые были для нас особенно чувствительными. Но для этого у нас не хватало сил. Мы испытывали острый недостаток тральщиков и самолетов (истребителей) для прикрытия судов. А если к этому добавить слабое зенитное вооружение, особенно транспортов, то следует признать, что воздушная опасность оказалась не менее острой, чем минная. Для иллюстрации обстановки приведу пример перехода в Кронштадт 12 августа транспорта «Балтика» (14 тыс. брутто-регистровых тонн), принявшего на 500 стандартных мест 2 402 человека. Командиром конвоя был назначен капитан

[12] Всего из Таллина в Кронштадт было отправлено 19 423 раненых, включая 1 362 чел., доставленных с Ханко.

1-го ранга И. Г. Святов. Эскадренным миноносцем «Стерегущий», сопровождавшим транспорт, командовал капитан 3-го ранга Е. П. Збрицкий. В голове конвоя шли три базовых тральщика, а для охраны от подводных лодок — катера «МО». Проходя меридиан мыса Юминда, подорвался на мине и затонул один базовый тральщик. Вскоре между маяками Вайндло и Родшер в параване[13] миноносца «Стерегущий» взорвалась мина. Миноносец, получив значительное повреждение, мог развить не более 10 узлов хода. На подходе к острову Гогланд взорвалась мина в параване «Балтики». Оба котельных отделения транспорта оказались затопленными, судно лишилось хода и получило крен на левый борт до 15°. 120—150 раненых выбросились за борт. Немедленно на транспорт высадились командир конвоя и аварийная команда с миноносца «Стерегущий», возглавлявшаяся старшим инженер-механиком Л. А. Киркевичем. Быстро был восстановлен порядок. Матросы «Стерегущего» помогли экипажу транспорта ликвидировать крен. Решительными мерами была предотвращена паника. Большинство выбросившихся за борт было подобрано, хотя около 40 человек все же погибло. Катера и тральщики переправили с транспорта на остров Гогланд до 600 человек. Туда же «Стерегущий» отвел на буксире «Балтику». На рассвете транспорт, вновь принявший на свой борт всех раненых, буксируемый миноносцем, отправился в Кронштадт. Шли не обычным фарватером, близко расположенным от финского берега, а через узкий пролив Хайлода, изобиловавший серьезными навигационными опасностями. При подходе к проливу корабли попали в полосу тумана и вынуждены были застопорить ход. Как раз в это время появились вражеские бомбардировщики. Не обнаружив «Стерегущего» и «Балтику», они сбросили бомбы на батарею, находившуюся на мысе Курголово. С улучшением видимости «Стерегущий», несмотря на сложнейшие навигационные условия, двигаясь меж камней и рифов, благодаря отличной штурманской службе сумел благополучно доставить транспорт в Кронштадт.

Это один из примеров успешного конвоирования. Но не всегда так сравнительно гладко завершалось дело. 19 августа под усиленной охраной боевых кораблей и авиации вышли суда, в составе которых находился и транспорт «Сибирь». На его борту было 1 300 раненых и гражданского населения. Самолеты противника начали охоту за «Сибирью», несмотря на то, что судно имело опознавательные сигналы санитарного транспорта. Во второй половине дня около маяка Родшер в «Сибирь» попала бомба. Нарушилось управление, возник большой пожар. Неимоверными усилиями охранных кораблей и тральщиков, присланных с Гогланда, удалось спасти и перевезти на остров около 900 человек, из них 690 раненых. Но пожар ликвидировать не удалось. Около полуночи 20 августа «Сибирь» затонула.

Помимо того, что флот принимал участие в сухопутной обороне Таллина, он вел активные действия на море и проводил различные мероприятия по боевому обеспечению на других операционных направлениях. Так, увеличивавшаяся воздушная и минная опасность в Финском заливе потребовала доставки на остров Сарема горючего и боеприпасов на боевых кораблях — базовых тральщиках — для минно-торпедной авиации, производившей налеты на Берлин. 21 августа из Кронштадта в Таллин вышел конвой судов тыла флота в составе тральщика, морского охотника, четырех мотоботов с боезапасом и буксира с баржей бензина для авиации на острове Сарема. Вражеские самолеты подожгли один мотобот и баржу. Гибель баржи с бензином осложнила наше положение на Сарема. Поэтому 25 августа из Кронштадта был отправлен следующий конвой в составе двух сторожевых кораблей, семи тральщиков, четырех морских охотников и буксира с баржей, тоже наполненной бензином. Конвой благополучно прибыл в Таллин. На другой день бензин был доставлен на Сарема. Днем раньше три базовых тральщика в сопровождении катеров-охотников доставили в Таллин для авиации на острове Сарема 24 тонны бомб. 21 августа из Таллина в Кронштадт вышел отряд в составе транспорта «Леени», гидрографического судна «Норд», буксира с тремя баржами под охраной четырех тральщиков, двух катерных тральщиков, трех торпедных катеров и одного морского охотника. Но «Леени» и «Норд» не дошли до места, а затонули, подорвавшись на минах. 25 августа из Таллина в Кронштадт вышел отряд в составе танкера, транспортов «Жданов», «Аэгна», «Эстерлянд», «Гидрограф» и ледокольного буксира «Октябрь» под охраной миноносца «Энгельс», шести тральщиков и морских охотников. «Жданов» имел на борту 702 раненых. При переходе от прямого попадания бомб погибли эсминец «Энгельс» и танкер. Так, ежедневно подвергаясь смертельной опасности, шли между Таллином и Кронштадтом советские боевые корабли и транспорты. Не меньшие, а порой, может быть, бо́льшие трудности приходилось преодолевать при доставке боеприпасов и горючего на полуостров Ханко. Коммуникация Кронштадт — Таллин все время была оживленной. Да, на войне, как на войне. Были потери, и немалые. Но обеспечение и прикрытие морских перевозок в данной обстановке являлись основным видом боевой деятельности флота. Она требовала высокого напряжения, особенно со стороны экипажей сторожевых кораблей, базовых тральщиков, морских охотников и летчиков морской авиации.

---

[13] Параван — специальный подводный аппарат, предназначенный для защиты корабля от якорных контактных мин.

Кроме обеспечения движения отрядов и отдельных кораблей на коммуникациях Таллин — Кронштадт, мы продолжали напряженную боевую работу в средней и восточной части Финского залива. Наши войска под усиливавшимся нажимом врага медленно отступали на восток: командование флота понимало, что Таллин придется оставить, поэтому принимало меры, исключавшие внезапность появления ударных кораблей немецко-фашистского флота в восточной части залива. Еще в июле 1941 г. специально сформированное соединение кораблей «Восточная позиция» под командованием контр-адмирала Ю. Ф. Ралля и полкового комиссара Р. В. Радуна в составе эсминца «Калинин», минного заградителя «Урал» (командир капитан 2-го ранга И. Г. Карпов), сетевых заградителей «Вятка», «Онега», нескольких тральщиков и сторожевых катеров на рубеже острова Гогланд и на линии Деманстейнских банок (отмель в восточной части Финского залива) приступило к созданию минно-артиллерийских позиций. К 29 июля эти корабли закончили постановку минных заграждений первой очереди (более 1 800 мин и минных защитников). Одновременно шло оборудование тыловой позиции, в сооружении которой принимали участие корабли соединения Ю. Ф. Ралля и Кронштадтской военно-морской базы. В начале августа корабли снова приступили к работам по усилению Гогландской позиции и к постановке мин на трех оборонительных рубежах в восточной части Финского залива.

В свою очередь, противник предпринимал настойчивые попытки сорвать возвращение наших сил из Таллина на восток. Для постановок минных заграждений, которые должны были способствовать выполнению этой задачи, он использовал все свои корабли, действовавшие в Финском заливе. К моменту нашего прорыва из Таллина наиболее плотное немецкое минное поле уже стояло между маяками Кери — Вайндло (2 200 мин и 1 000 минных защитников), прикрываемое с юга фашистской батареей на мысе Юминда. К сожалению, у нас не хватало средств для надежной обороны важнейшей коммуникации Таллин — Кронштадт. Но тем не менее нам следовало бы все же более активно охранять основные фарватеры коммуникации Кронштадт — Таллин и не давать противнику возможности создавать Юминдское минное поле (средняя часть Финского залива).

После тяжелых оборонительных боев в Прибалтике отступавшие войска 8-й армии генерал-лейтенанта Ф. С. Иванова к 10 июля вышли на рубеж Пярну—Мустла—Тарту — Эмайыги [14], готовясь к обороне на самостоятельном операционном направлении — Эстонском участке Северо-Западного фронта. Перед армией была поставлена задача: закрепиться на занимаемом рубеже и не допустить дальнейшего продвижения врага на север, к столице Советской Эстонии, а также к Нарве. Ей было приказано также вместе с флотом оборонять острова Моонзунда. Но эта последняя задача реально была невыполнимой, так как достаточными силами и средствами 8-я армия не располагала. Противник рассчитывал прорваться к Нарве, отрезать Эстонский участок фронта от Ленинградского и отсечь войска 8-й армии. Однако, несмотря на его численное превосходство, эта задача, в свою очередь, оказалась ему не под силу. Для преодоления 80 км территории ЭССР немецко-фашистским войскам потребовался почти месяц. В ходе семидневных ожесточенных боев с частями 8-й армии враг понес большие потери (по показаниям немецких пленных, в ротах 217-й дивизии, например, насчитывалось по 15—20 чел. вместо 170 перед боями). Тогда немецкое командование дополнительно перебросило сюда еще три пехотные дивизии: 254-ю, 93-ю и 291-ю, а несколько позже — 207-ю охранную дивизию из резерва командующего группой армий «Север». Сосредоточение крупных сил врага в Эстонии за счет ослабления группировки на Ленинградском направлении, где продвижение фашистов было остановлено Красной Армией, свидетельствовало о том важном значении, какое придавало вражеское командование овладению территорией Эстонии и южным побережьем Финского залива. Противник не мог оставить у себя в тылу войска 8-й армии и значительную часть Эстонии с главной базой флота Таллином, создававшим боевую устойчивость укрепленному району Моонзундского архипелага и оборонительной позиции полуостров Ханко — остров Осмуссар. Не случайно немецко-фашистское командование в дополнение к директиве № 33 от 23 июля 1941 г. поставило перед группой армий «Север» следующую задачу: «Силы противника, все еще действующие в Эстонии, должны быть уничтожены, при этом необходимо не допустить их погрузку на суда и прорыв через Нарву в направлении Ленинграда» [15].

Для снабжения немецко-фашистских войск, наступавших на Ленинград, огромное значение приобретали морские коммуникации в Рижском заливе. Наша задача состояла в том, чтобы нарушить эти коммуникации. Поэтому главнокомандующий войсками Северо-Западного направления К. Е. Ворошилов 28 июля потребовал от флота сосредоточить максимум усилий на выполнении данной задачи, разработав ее как план отдельной операции. Между тем в период с 18 по 22 июля противник в связи с прибытием его новых дивизий производил перегруппировку своих сил, пополнял потрепанные в боях части и вел усиленную разведку. 22 июля он возобновил наступление на Эстонском направлении. Главный удар наносился в стык

---

[14] Южная часть ЭССР. Генерал-лейтенант Ф. С. Иванов командовал войсками 8-й армии до 24 июля. После него командующим армией был назначен генерал-майор И. М. Любовцев.

[15] См. «Совершенно секретно!», стр. 266.

10-го и 11-го стрелковых корпусов 8-й армии. К исходу 25 июля ему удалось выйти на западный берег Чудского озера, отрезав 11-й стрелковый корпус от основных сил армии. Частью сил противник наступал на фронте 10-го стрелкового корпуса в направлении Раквере — Кунда, а из района Пярну—на Марьяма. В ожесточенных боях воины 10-го стрелкового корпуса нанесли врагу большой урон и остановили его дальнейшее продвижение. В дни тяжелых оборонительных боев командующий Северным фронтом генерал-лейтенант М. М. Попов и член Военного совета генерал Н. Н. Клементьев настойчиво просили нас ввиду тяжелого положения войск 8-й армии оказать ей помощь. Незадолго перед этим наступлением М. М. Попов в целях лучшего управления войсками разделил Лужскую оперативную группу на три самостоятельных участка: Кингисеппский, Лужский и Восточный. В состав Кингисеппского участка, возглавляемого генерал-майором В. В. Семашко, вошли и части Лужского укрепленного сектора (Краснознаменного Балтийского флота) генерал-майора Н. Ю. Денисевича. Этот участок фронта получал наибольшую поддержку авиации флота, находившейся на восточных аэродромах, так как выход противника на Кингисепп грозил захватом всей части территории Ленинградской области, расположенной вдоль побережья Финского залива.

В то время, когда Военный совет, штаб флота, политуправление, бо́льшая часть надводных и подводных кораблей находились в Таллине, по сути дела, в тылу противника, восточная часть Финского залива надежно защищалась нашими кораблями, батареями и самолетами. Это давало возможность прикрывать с моря фланги Северного фронта на территории Ленинградской области и обеспечивало поддержку их авиацией, железнодорожной артиллерией и морской пехотой. В это время, помимо морской авиации и торпедных катеров, в водах Рижского залива продолжали действовать в значительном удалении от своей главной базы эскадренные миноносцы под командованием контр-адмирала В. П. Дрозда. Военный совет флота, несмотря на тяжелую обстановку на территории Эстонии, оказывал всемерное содействие войскам Северного фронта, сражавшимся на дальних подступах к Ленинграду. Однако, находясь в Таллине, мы, естественно, не могли уделять много внимания новым формированиям и организации обороны Ленинграда с моря и суши. Поэтому народный комиссар Военно-Морского Флота Н. Г. Кузнецов, учитывая создавшееся положение, приказал начальнику управления военно-морскими учебными заведениями организовать в начале июля штаб морской обороны Ленинграда и озерного района и подчинил его себе. Штаб тотчас приступил к развертыванию Ладожской военной флотилии, строительству железнодорожных и стационарных батарей, формированию бригад морской пехоты и маршевых пополнений для армий за счет личного состава флота.

Перегруппировав свои силы, противник возобновил наступление на направлении Раквере—Кунда (80 км восточнее Таллина). Тогда же командарм 8-й армии возложил на командира 10-го стрелкового корпуса генерал-майора И. Ф. Николаева командование правым крылом войск армии на случай отрыва их от основных сил и указал рубежи, которые в этом случае должен был занять корпус. И. Ф. Николаев, оценив обстановку и возможность взаимодействия с флотом, направил в Таллин группу своих офицеров во главе с начальником артиллерии полковником Г. А. Макаровым и начальником оперативного отдела штаба майором В. М. Крыловым. Тем временем противник снова начал наступать из Пярну на север. Это вынудило нас направить из Таллина в Палдиски подразделение морской пехоты и строительный батальон, усиленные танками, с задачей во что бы то ни стало удержать Марьяма. Кроме того, Военный совет флота обратился с просьбой в штаб фронта прислать сюда подкрепление. 2 августа главное командование войсками Северо-Западного направления дало нам новую директиву: усилить взаимодействие флота и войск 8-й армии, обменяться оперативными группами офицеров штабов и в ближайшие три-четыре дня выделить не менее 50 бомбардировщиков и истребителей в помощь наземным войскам. К сожалению, эти меры уже не смогли спасти положение армии. Ее новый командующий генерал-лейтенант П. С. Пшенников[16] сообщил нам, что противник, прорвав фронт 10-го и 11-го корпусов, силами пехотной дивизии стремится выйти на линию Тапа — Раквере. В штабе войск Северо-Западного направления, вероятно, получили такое же сообщение, так как потребовали от нас принять все меры по обороне Таллина. 8-й армии было приказано разбить противника. Флоту предписывалось взаимодействовать с нею в выполнении этой задачи. Однако дела на этом участке фронта хотя и медленно, но явно ухудшались. Не лучше складывалась обстановка и на правом (Пярну—Виртсу), приморском фланге фронта в Эстонии, куда мы из своего скромного резерва послали подкрепление. Оставшиеся в нашем распоряжении батальоны единственной бригады морской пехоты заняли рубежи на восточном боевом участке обороны города Таллина, корабли приготовились для огневой поддержки. В Палдиски был развернут батальон и приведены в готовность береговые батареи. На приморском направлении наши части, оборонявшие острова Моонзунда, удерживали Виртсу. Превосходство в силах позволило гитлеровцам развить наступление на север. 5 августа была занята станция Тапа, перерезаны железная дорога и автотрасса Таллин—Ленинград. К исходу 7 августа войска противника вышли на побережье Финского залива от мыса

[16] Генерал-лейтенант П. С. Пшенников принял командование 8-й армией от генерал-майора И. М. Любовцева 6 августа 1941 года.

Юминда до Кунды. 8-я армия оказалась разделенной на две изолированные части: 10-й стрелковый корпус отходил на Таллин, 11-й — на Нарву. После выхода врага на побережье Финского залива приказом командующего флотом был сформирован штаб сухопутной обороны Таллина, командиром которого был назначен генерал-майор артиллерии Г. С. Зашихин (он же начальник ПВО флота). Ему были оперативно подчинены все части флота, стационарная береговая, корабельная и зенитная артиллерия, включенные в оборону главной базы, 1-й Таллинский рабочий полк, истребительный батальон. Тогда же Военный совет назначил военкомом в штаб сухопутной обороны опытного боевого политработника — заместителя начальника политуправления флота бригадного комиссара А. А. Матушкина. В ходе подготовки к обороне Таллина и особенно во время боев за него Матушкин все время находился на передовых позициях, вдохновляя своим личным мужеством и храбростью защитников города. Заместителями к генералу Зашихину были назначены командир 1-й бригады морской пехоты полковник Т. М. Парафило, флагманский артиллерист флота капитан 1-го ранга Н. Э. Фельдман. В связи с выходом врага на побережье Нарвского залива командир Кронштадтской военно-морской базы контр-адмирал В. И. Иванов получил строгий приказ: всеми имеющимися силами и средствами поддерживать коммуникацию Кронштадт—Таллин; лучше организовывать взаимодействие с авиацией. Теперь приходилось использовать главный фарватер по центру залива только днем, при обеспечении движения судов истребителями и тральщиками. Организацию и управление движением кораблей взял на себя штаб флота.

Командарм-8 генерал-лейтенант П. С. Пшенников, находясь со штабом за Нарвой, принял решение организовать на рассвете 9 августа встречные контрудары войсками обоих корпусов. Но он не учел, что обессиленные части 10-го корпуса только что оторвались от противника и заняли рекомендованные нами рубежи. Военный совет флота считал, что снятие трех полков 10-го корпуса для наступления на восток, навстречу 11-му корпусу, откроет дорогу к Таллину и обнажит наш правый фланг. Обсудив на Военном совете флота создавшееся положение и новое решение командующего 8-й армией, мы высказали свое отрицательное мнение по этому вопросу главкому войсками Северо-Западного направления Маршалу Советского Союза К. Е. Ворошилову. Нами был поставлен также вопрос о необходимости подчинить остатки корпуса флоту с задачей обороны Таллина. Одновременно Военный совет флота просил наркома Военно-Морского Флота СССР Н. Г. Кузнецова доложить о нашем мнении в Ставку. «Считаем своим долгом,— писали мы,— донести создавшееся положение с обстановкой под Таллином в связи с разделением противником войск 8-й армии на две части и выходом его на берег Финского залива. Части 10-го стрелкового корпуса без техники и артиллерии численностью всего около 10 тысяч заняли естественные рубежи на расстоянии от Таллина 30—35 км общим фронтом до 90 км. Задача, поставленная командующим 8-й армии командиру 10-го корпуса, его наступление на восток не дают нам уверенности, что и эти части останутся прикрывать Таллин. В течение месяца мы, штаб, авиация флота вынуждены уделять много времени сухопутным вопросам. Своих сухопутных сил КБФ имеет одно соединение морской пехоты численностью 2 500 человек плюс отдельные команды, роты, формируемые из различных частей, до 2 000 человек. Считаем, что даже при интенсивной огневой поддержке корабельной артиллерии сухопутных войск на таком широком фронте недостаточно. Возведенные полевого типа укрепления не являются серьезными препятствиями для противника при сосредоточении им сил. В районе Главной базы имеется огромное количество техники, до 80 зенитных орудий, сотни спецмашин, авиация флота до 100 самолетов, береговые укрепления флота. Для защиты Главной базы нужны соответствующие силы и средства. Поэтому считаем своим долгом в целях удержания базы для флота, поддержания коммуникаций с островами Эзель, Даго и полуостровом Ханко, вывода подводных лодок в Балтийское море и удержания за собой Финского залива, в целях сохранения тысяч ценных специалистов, техники доложить этот вопрос Верховному Главнокомандующему». Народный комиссар ВМФ ответил нам, что наше донесение будет немедленно доложено в Ставку, что о тяжелом положении защитников Таллина там известно. При этом он выразил уверенность, что защитники Таллина выдержат атаки противника. Тем временем генерал-майор И. Ф. Николаев, выполняя приказ командующего 8-й армией, сосредоточил в районе Аэгвийду 62-й, 156-й и Латышский стрелковые полки и с утра начал действовать в направлении Тапа. Однако ввиду неуспеха восточной группировки войск 8-й армии наступление было приостановлено, а войска 10-го корпуса получили приказ действовать по обстановке.

Все попытки 8-й армии восстановить положение оказались безрезультатными. Ее основные силы, отошедшие на восток, остались там, а 10-й корпус — у Таллина. Численность войск этого корпуса, по данным его штаба, на 9 августа составляла 10 898 человек. Эти измотанные, усталые от двухмесячных боев, слабые силы прикрывали лишь основные направления и узлы дорог, что вынудило генерал-майора И. Ф. Николаева и военкома И. П. Козлова немедленно обратиться к командующему фронтом с просьбой прислать в Таллин 5—10 полнокровных маршевых батальонов, оружие, автоматы и пулеметы. Но обстановка под Ленинградом сильно ухудшилась, каждая рота была на счету. Сопротивление войск 8-й армии, отошедших на Нарву, поддержанное на одном фланге кораблями Чудской военной флотилии, на другом

(со стороны Финского залива) — морской и железнодорожной артиллерией и, главное, авиацией флота, сильно возросло. В то же время эти бои привели к ослаблению всего левого фланга группы армий «Север», уменьшению общей плотности фашистских войск, действовавших на юго-западных подступах к Ленинграду. Только 18 августа войска 8-й армии отошли за реку Нарва.

Учитывая угрозу для Таллина со стороны Пярну, Военный совет флота сформировал специальный отряд морской пехоты из военных моряков-добровольцев, морских пехотинцев и пограничников под командованием полковника И. Г. Костикова. Занимая фронт по линии Казари — Рапла, этот отряд при поддержке авиации флота длительное время успешно отражал яростные атаки противника, показывая образцы массового героизма и мужества. 12 августа мы получили из штаба войск Северо-Западного направления директиву: «Поддержание морских коммуникаций Таллин — Кронштадт является центральной задачей. Максимально сократить движение транспортов, ограничить перевозки. Вывозить из Таллина только ценные грузы. Использовать моторно-парусные шхуны. Продолжать минные постановки на выходах из шхер, изыскать и оборудовать новый фарватер вне обстрела с берега». В этой директиве было очень много важных боевых задач. Но времени и сил для их выполнения не хватало, так как с каждым днем обстановка на территории Эстонии осложнялась. Все наши усилия были направлены на организацию отпора врагу при его дальнейшем наступлении на Таллин. Для оснащения бойцов, выделяемых кораблями и частями флота на усиление боевого состава корпуса, требовалось стрелковое оружие, однако его у нас не хватало. Пришлось приказать командиру Кронштадтской военно-морской базы контр-адмиралу В. И. Иванову изъять все стрелковое оружие у команд отряда строившихся тогда кораблей, южных фортов, учебного отряда и немедленно переправить все это в Таллин. Одновременно мы обязали его отправить сюда сформированную за счет частей флота бригаду морской пехоты. Эта бригада в Таллин не прибыла: в разгар боев под Ленинградом ее ввели 20 августа в бой под Котлами и закрепили там, так что свою роль она все же сыграла. С образованием сплошного фронта обороны Таллина 10-й стрелковый корпус приказом главнокомандующего войсками Северо-Западного направления был подчинен командующему флотом, а его командир генерал-майор И. Ф. Николаев 14 августа назначен заместителем командующего флотом по сухопутной обороне. Тем самым обеспечивалось централизованное руководство всей обороной главной базы флота.

Я тогда впервые познакомился с И. Ф. Николаевым. Побывав несколько раз на командном пункте его корпуса, который занимал еще дальние рубежи обороны Таллина, и приглядевшись к нему в работе, я убедился, что он был зрелым командиром, с отличным теоретическим и практическим опытом руководства войсками, выдержанный, спокойный, интеллигентный человек. Начальник штаба корпуса генерал-майор Березинский, более темпераментный по характеру, и И. Ф. Николаев прекрасно дополняли друг друга в сложные и трудные дни обороны Таллина.

(Окончание следует.)

О НЕКОТОРЫХ СТОРОНАХ ИСТОРИИ СОВЕТСКОЙ ФИНАНСОВОЙ СИСТЕМЫ

А. Г. Зверев *

В рамках одной статьи практически немыслимо очертить всю деятельность Наркомата, а потом Министерства финансов едва ли не за четверть века. Расскажу поэтому лишь о некоторых сферах его работы в период третьего пятилетнего плана, а затем Великой Отечественной войны. Сначала — о людях, которые руководили в составе Наркомата деятельностью соответствующих финансовых и банковских отраслей. Перед ними стояли сложнейшие задачи. С одной стороны, высокими темпами развивались социалистическая экономика и культура. Это порождало потребность в огромных материальных и финансовых ресурсах. С другой стороны, назревала, а потом вспыхнула вторая мировая война. Это вызывало необходимость усиленно заботиться об укреплении обороноспособности Советского Союза. Данные два фактора приковывали к себе основное внимание как ЦК ВКП(б) и правительства, так и отдельных наркоматов. Очень важно было, чтобы в столь ответственной ситуации рядом находились и работали люди, на которых можно было бы положиться. Многое зависело от заместителей наркома — М. Ф. Бодрова, В. Ф. Попова, Я. И. Голева, Ф. А. Урюпина, П. А. Малетина, Н. К. Соколова. Последний в дальнейшем был назначен первым заместителем председателя Правления Госбанка СССР. На плечи этих лиц ложилось отчасти упорядочение финансового хозяйства и приведение его в соответствие с народными нуждами и государственными требованиями после той перестройки, которая осуществилась у нас в 1927—1934 гг., особенно в связи с кредитной реформой 1930—1932 годов.

Дело в том, что ранее в СССР имела место множественность банков. В 20-е годы существовали, помимо Госбанка, банки кооперативные, Торгово-промышленный, по электрификации, по внешней торговле, Центральный и местные банки коммунального и жилищного строительства, несколько территориальных, а также общества взаимного кредита, ведавшие частниками. В то время преобладало краткосрочное кредитование. В 30-е годы исчезло косвенное кредитование предприятий путем учета вексельных бумаг и взаимное кредитование фабрик и заводов. Взамен государство кредитовало предприятия непосредственно на основе выполнения ими хозяйственного плана. Что касается долгосрочных кредитов прежнего типа, то они сохранились лишь для кооперации в городе и деревне. Госбанк четче контролировал рублем деятельность организаций и взял исключительно на себя краткосрочное кредитование сферы производства и сферы товарного обращения. Он превратился в расчетно-кассовый центр страны. А долгосрочные кредиты осуществлялись уже через специализированные отраслевые банки. Эта система в общих чертах сохранилась до 1959 года. В конце же 30-х годов она, как я уже отметил, упорядочивалась. И заместители наркома энергично и настойчиво доводили преобразования до конца, одновременно осуществляя напряженную повседневную работу, тоже требовавшую исключительного внимания.

Особого упоминания заслуживают А. П. Силаев и П. Г. Тихонов — начальники финансирования Вооруженных Сил и оборонной промышленности. Партия и правительство не жалели средств на армию, флот, военные предприятия. Каждый шаг в этом направлении обеспечивался рублем. Нужно было изыскать денежные средства и мобилизовать их, следить за режимом экономии, не бросать на ветер ни одного рубля, ни одной копейки, но зато в нужных случаях быстро и оперативно предоставлять миллионы. Финансовые работники не любят кидать деньги даром. Финансовая работа воспитывает в человеке своеобразную прижимистость, некоторую расчетливость, определенную сухость. Нередко посторонние лица так и называют нас — «финансовые сухари». Под этой профессиональной маской скрываются верность государственному долгу, чувство высокой ответственности, любовь к четкости и ясности. Без этих совершенно обязательных деловых качеств хороший финансовый работник невозможен. И именно такие качества были присущи товарищам Силаеву и Тихонову, а также тысячам других высококвалифицированных сотрудников Наркомата, успешно трудившихся над созданием прочной финансовой базы страны в предвоенное и военное время.

Весьма активную роль играли тогда республиканские наркоматы. Особенно запомнилась мне деятельность наркома финансов РСФСР А. А. Посконова, позднее выдвинутого на пост заместителя союзного наркома, а затем председателя Правления Госбанка СССР. Многих из тех лиц, с кем довелось мне работать в те годы, ныне нет

---

* А. Г. Зверев в 1938—1960 гг. являлся наркомом и министром финансов СССР.— **Ред.**

уже в живых, другие еще трудятся на государственном поприще. Но всех их объединяло общее стремление активно и целенаправленно изыскивать наилучшие пути и методы обеспечения денежными средствами народного хозяйства, а позднее — сражавшихся против фашистских захватчиков Советских Вооруженных Сил. Должен подчеркнуть, что руководство страны всегда оценивало деятельность финансовых работников по заслугам. Тысячи отличившихся сотрудников были награждены правительством и вообще поощрялись за инициативное выполнение своего нелегкого долга.

Советская финансовая система чрезвычайно демократична. Ее демократичность проявляется, в частности, в том, что она непосредственно связана не только со всеми отраслями народного хозяйства, но и с каждым предприятием, каждым учреждением, каждой организацией. Основное звено этой системы — Государственный бюджет СССР — объединяет свыше 50 тысяч сельских, поселковых, районных, городских, окружных, областных, краевых, республиканских бюджетов. В формировании нашего Госбюджета активно участвуют все органы местных Советов. Они обладают бюджетными правами и утверждают свои бюджеты. Когда союзное правительство представляет Госбюджет на рассмотрение и утверждение Верховному Совету СССР, то предварительно депутаты, входящие в бюджетные комиссии, обычно за месяц до начала сессии, изучают бюджетные статьи. На заседании комиссий приглашаются специалисты различных отраслей хозяйства и культуры. Их мнение строго учитывается. Только после этого комиссии вносят уточняющие предложения и сообщают Верховному Совету свое мнение о бюджете. А уж затем депутаты высшего законодательного органа страны принимают с поправками закон об очередном бюджете. Таким образом, над деятельностью финансовых органов осуществляется серьезный контроль.

По опыту собственной работы я знаю, что лицо, докладывающее на сессии о бюджете (министр финансов), постоянно ожидает от содокладчиков, которых выдвигают бюджетные комиссии, каких-либо «сюрпризов». То требуют пересмотреть статью расходов по какой-то отрасли, то атакуют статью доходов, то критикуют соотношение различных сумм. Нередко бывали случаи, когда Наркомат прямо критиковали за недостаточную активность в разрешении определенного вопроса и т. д. Польза от таких выступлений громадна. Я всегда ощущал огромную помощь со стороны бюджетных комиссий и в организации финансового дела и в выявлении неиспользованных резервов. Председателями этих комиссий длительное время работали столь опытные товарищи, как К. И. Николаева, И. С. Хохлов, А. М. Сафронов, Л. Р. Корниец, позднее А. М. Яснов и другие. Все они внесли свой большой вклад в развитие и упрочение нашей финансовой системы как в напряженные предвоенные, так и в суровые военные годы.

В финансовой системе я проработал в общей сложности более трети века. Однако работа эта не длилась непрерывно. В промежутках мне доводилось занимать различные партийные и административные должности. На ответственную же работу в финансовой системе я попал в середине 30-х годов. Случилось это так. В то время я был первым секретарем одного из районных комитетов ВКП(б) г. Москвы. В нашем районе находился Народный комиссариат тяжелой промышленности. На внеочередном собрании партийной организации этого наркомата, посвященном Пленуму ЦК ВКП(б), я делал доклад. После доклада был вызван в ЦК ВКП(б). Там поинтересовались моим образованием, подготовкой, прошлой работой, а затем сообщили, что, вероятно, мне придется перейти на новую работу, связанную с деятельностью финансовых органов. И вот однажды поздно вечером, когда я был дома, раздался звонок. Мне предложили немедленно приехать в Кремль, так как меня вызывает Генеральный секретарь ЦК ВКП(б) И. В. Сталин.

Раньше я видел И. В. Сталина только на портретах или, в лучшем случае, стоящим на трибуне Мавзолея на Красной площади в Москве во время праздников. Никогда не думал, что мне случится встретиться с ним лично, и очень волновался. Признаюсь, что я долго обдумывал, как мне следует вести себя в кабинете Генерального секретаря, что́ я должен говорить, как поступать в том или ином случае. Обстановку встречи я себе не представлял, только гадал о ней и поэтому так и не пришел ни к какому конкретному выводу. И вот я в Кремле. И. В. Сталин, поздоровавшись, предложил мне сесть на диван. Сам он, однако, остался стоять. Стояли и несколько других членов Политбюро, находившихся там же. Естественно, что я не счел приличным говорить с ним сидя и продолжал стоять, хотя хозяин кабинета еще несколько раз усаживал меня. Так мы и простояли в течение всей беседы.

Сначала меня спросили, в нашем ли районном комитете партии состоит на партийном учете председатель Правления Государственного банка СССР С. Л. Кругликов, ранее работавший в Народном комиссариате тяжелой промышленности. Наркомтяжпром размещался в нашем районе, Госбанк — в Коминтерновском. Поэтому я сказал, что сейчас тов. Кругликов состоит на учете в другой районной парторганизации. Я не знал, что в то время пост председателя Правления Госбанка оказался вакантным, и полагал, судя по предварительным переговорам со мной, что меня прочат в заместители к тов. Кругликову. В результате был ошарашен внезапностью предложения, когда И. В. Сталин прямо спросил меня: «Мы хотим назначить вас председателем Правления Госбанка. Как вы на это смотрите?» Я никогда раньше в банках не работал. И вдруг сразу такой пост. У меня возникло сомнение, смогу ли я справиться с этим делом. Я опасался, как бы не провалить его. Трех предыдущих председателей Правления постигла неудача в работе. Между тем они обладали в этом деле большим опытом.

И я предпочел откровенно заявить, что из меня председателя не получится, не справлюсь, могу подвести, к тому же в банковской системе я никогда не работал.

Как оказалось, И. В. Сталин предварительно ознакомился с моим послужным списком и теперь заметил: «Вы окончили Финансово-экономический институт, обладаете опытом финансовой, советской и партийной работы, все это важно и нужно для деятельности в Госбанке». Я почувствовал себя неловко: не ценю оказываемого доверия. Тем не менее твердо решил просить не назначать меня и стал приводить различные аргументы. Одним из них был тот, что я учился в институте на финансовом факультете, где готовят экономистов, знакомых с бюджетом и финансовым планированием, но не с банковским делом. И. В. Сталин в ответ начал высмеивать такое деление при подготовке специалистов и заметил: «И банковские, и финансовые работники проходят в основном одинаковые науки. Если и имеются различия, то только в деталях. На практике все это можно почерпнуть из ведомственных инструкций, да и работа научит». Более получаса я отговаривался, стыдясь, что отнимаю у государственных и партийных деятелей полезное время. Наконец моей «мольбе» вняли и спросили, кто, на мой взгляд, годится на этот пост. Я попросил разрешения подумать и сообщить несколько имен в течение трех дней, что́ и было мною сделано. Но, судя по состоявшемуся затем назначению, обошлись без этих лиц. Вероятно, вопрос был решен раньше. А в тот момент со мной любезно распрощались и только бросили напоследок реплику: «Ведь вы четырнадцать лет находились на финансовой работе?» Обдумывая эту реплику по дороге домой, я решил, что дело еще не закончилось. Действительно, вопрос о сугубо банковской работе применительно ко мне более не вставал. Но 14 сентября 1937 г. я был назначен заместителем народного комиссара, а в январе 1938 г.— народным комиссаром финансов СССР. Этот пост я занимал 22 года.

О советских финансах той поры написано, в общем, немало. Но вот что удивительно: случаи искажения истории и принижения роли финансовой системы встречаются чаще, чем обратные. Это не значит, что деятельность финансовых органов, допустим, в 1938—1945 гг., должна быть только хвалима, что в ней не имелось недостатков. Подобный подход к делу, в свою очередь, оказался бы фальшивым. Однако не следует упускать из виду главного. А главный порок упомянутых сочинений состоит в том, что их авторы порой не замечают активной организующей, формирующей, нацеливающей и подтягивающей роли советских финансов для нашего хозяйства вообще, финансов того периода в частности. Между тем финансы СССР всегда были и остаются надежным классовым, политически острым орудием в борьбе Коммунистической партии за создание нового, социалистического, а потом коммунистического общества. Я не говорю уже о том простом факте, что без рубля, так сказать, ничего не сделаешь, ибо товарно-денежные отношения пока сохраняются в нашем обществе. Партия отлично учитывала эту мощь финансов и непрестанно увеличивала капиталовложения в народное хозяйство. Если в 1928 г. они составляли 0,37 млрд. руб., то в 1940 г.— 4,3 млрд. руб., то есть почти в 12 раз больше. Не забудем, что валовая продукция промышленности возросла за то же время в 6,5 раза, а розничный товарооборот — в 15 раз, достигнув суммы в 17,5 млрд. рублей. Соответственно доходы Госбюджета, в 1928 г. равнявшиеся 0,8 млрд. руб., к 1940 г. достигли 18 млрд. при расходах в 17,4 млрд. рублей. Сюда не входят значительные затраты из бюджета на образование государственных материальных резервов, в том числе на увеличение запасов золота.

Возможно, некоторым читателям эти сухие выкладки покажутся скучными. Но воспоминания финансового работника немыслимы без цифр. Для меня же за каждой цифрой встает упорный и беззаветный труд миллионов советских граждан, их напряженная созидательная деятельность. В любой наш рубль вложены пот и труд, дерзания и помыслы слесаря и хлебороба, врача и бухгалтера, пастуха и летчика, ткача и секретаря райкома. Советские люди, чья работа, сливаясь капля по капле, возводила величественное здание социалистической державы, умеют ценить свои деньги. Они зарабатывают их честным трудом и знают, когда и на что следует их тратить. И история не может и не должна проходить мимо того, каковы были основные вехи развития советских финансов — надежной опоры социалистической экономики. Важнейшей стороной этого развития являлось нарастающее ассигнование средств на укрепление армии и флота. Удельный вес таких расходов непрерывно увеличивался.

В 1938 г. по смете Наркомата обороны ассигнования достигли 2,7 млрд. руб. (21,3% всех расходов), в 1939 г.— 4,1 млрд. (26,3% расходной части бюджета), в 1940 г.— 5,7 млрд. (32,2%). Бюджет на 1941 г. рассматривался и утверждался еще в мирное время. Тем не менее военные расходы были предусмотрены в размере 7,1 млрд. руб. (33,8%). Тревожная международная обстановка диктовала свою волю. Интересы всех народов многонационального СССР требовали учитывать, что уже шла вторая мировая война. Выступления депутатов на последней предвоенной сессии Верховного Совета СССР наглядно свидетельствовали, что каждый из выступавших мыслил по-государственному и отчетливо понимал, что́ повлечет за собой малейшее промедление в столь важном деле. На сессии не только единодушно утвердили сумму, просимую правительством, но и увеличили ее на 200 млн., доведя фактически до 7,3 млрд. рублей. Этот объем ассигнований по военным сметам на 1941 г. в значительной мере выражал военное содержание бюджета, и когда сейчас пишут, насколько СССР был тогда готов к войне, никак не следует, мне думается, забывать и того,

какие огромные средства в ходе подготовки к войне вкладывались партией и правительством в обеспечение нашей боеготовности.

По роду самой работы я участвовал, естественно, в обсуждении различных вопросов на заседаниях ЦК ВКП(б) и Совета Народных Комиссаров, не раз присутствовал на заседаниях Политбюро, неоднократно бывал и в кабинете И. В. Сталина. В этой связи меня иногда спрашивают: а как вел он себя при решении финансовых проблем? Прежде всего следует сказать, что Генеральный секретарь ЦК ВКП(б) очень интересовался финансами, хорошо разбирался в соответствующих проблемах и уделял им большое внимание. Я встречался с ним при обсуждении этих вопросов не только как наркомфин, но и как председатель Государственной штатной комиссии при Совете Народных Комиссаров СССР, а позднее — как председатель Валютного комитета. Неправильно было бы думать, что у И. В. Сталина не имелось недостатков. Он тоже допускал ошибки. Однако я склонен высоко расценивать его руководство финансовой деятельностью. Что́ было в нем здесь заметно? Во-первых, умение отделить частности от главного и уделить этому главному основное внимание. Во-вторых, неумолимая последовательность в достижении той цели, которая представлялась правильной. В-третьих, стремление не ориентироваться только на чужое мнение, а самому разобраться в вопросе, познать его специфику, проверить и перепроверить сообщаемые данные на основе сведений из разных источников. В-четвертых, широта постановки вопросов. Если же говорить об особенностях именно нашего дела, то И. В. Сталину была присуща скупость в хорошем смысле слова. Он часто экономил там, где расходы казались ему недостаточно обоснованными. Мне, как наркому финансов, наибольшие затруднения доставляли случаи, когда приходилось просить у него разрешения на дополнительную эмиссию — выпуск в обращение новой порции денежных знаков. Признаюсь, что нередко я чувствовал себя в такие минуты неважно. Замечу также, что Генеральный секретарь ЦК ВКП(б) принимал предложения о новой эмиссии очень неохотно и всегда требовал, чтобы были представлены предложения по возврату выпускаемых денег, когда эмиссия не обусловливалась экономической необходимостью.

Финансы СССР обладают богатой историей. В них, как в одной из форм экономических отношений в обществе, проявляется и отражается весь процесс развития социалистического хозяйства и Советского государства. За более чем 50-летний период существования наших финансов многократно менялась историческая обстановка, и соответственно менялись методы использования и применения финансов. Остановлюсь на периоде Великой Отечественной войны. Тогда перед финансовой системой были поставлены исключительно ответственные задачи. Требовалось мобилизовать крупные денежные средства, направив их на обеспечение нужд хозяйства, работавшего под лозунгом «Все для фронта, все для победы!». Следовало немедленно сосредоточить максимум финансовых ресурсов страны. Опыт царской России в этом отношении был печальным. Так, Крымская война середины прошлого столетия потребовала от страны расходов в 797 млн. руб., а русско-турецкая война 1877—1878 гг.— 1 075 млн. рублей. Эти расходы оказались помещичье-буржуазному хозяйству не по плечу и больно ударили по всей экономике России. Еще тяжелее отразилась на хозяйстве первая мировая война, к концу которой финансы были совершенно расстроены, а страна стояла перед экономической катастрофой, оказавшись буквально на краю пропасти. Покупательная способность рубля снизилась до уровня довоенных 6—7 копеек. Во многом это определялось зависимостью от зарубежных монополий. Почти 55% иностранных капиталовложений было размещено к концу войны в горной и металлургической промышленности. Но еще в 1914 г. удельный вес таких капиталовложений в общей сумме акционерных капиталов России составлял 47%. В черной металлургии иностранные фирмы располагали почти $^3/_4$ капиталов, в угольной промышленности — свыше $^3/_4$, в нефтяной — около $^2/_3$, в машиностроении — более чем $^1/_2$. Это одна из причин, в силу которых тогда финансы являлись крайне неустойчивыми.

Действительно, дефицит Госбюджета составлял в 1914 г. 39,1%; в 1915 г.— 74,1%; в 1916 г.— 76%; в 1917 г.— 81,7%. Правительство было вынуждено встать на путь широкой эмиссии денежных знаков и прибегнуть к инфляции как источнику дополнительных поступлений средств, выкачиваемых из трудящихся. Грабя народ, царизм пытался обеспечить финансирование затрат на империалистическую войну и получение капиталистами прибылей. На русских кредитных билетах было напечатано, что они беспрепятственно обмениваются на золото. Но уже в начале войны был издан закон о прекращении такого обмена. Подобным способом попытались предотвратить утечку золота из казны и не допустить тезаврации (накопления сокровищ населением на дому) либо утечки за границу. Меры оказались безрезультатными. Уже в первые месяцы войны золото исчезло из обращения. Соответственно изменился и характер эмиссии денежных знаков. Она не являлась более источником кредитования материальных ценностей, сильно сокращавшихся в условиях войны, а направлялась на необоснованное увеличение суммы денег, находившихся в обращении. Лишь за первые полгода войны эта сумма возросла на 180%, составив 2 950 млн. руб.; на 1 января 1916 г.— 5 617 млн. руб.; на 1 января 1917 г.— свыше 9 млрд. рублей.

Одновременно резко росли цены на товары, а рубль обесценивался. Так появилась потребность в новых займах, внутренних и внешних. Царизм получил за годы войны от союзников до 4 млрд. руб. в иностранной валюте. Всю эту сумму использо-

вали на оплату военных заказов, размещенных в других странах, и оплату процентов по займам. В результате кабальная зависимость России от зарубежных держав усилилась. Кредитные средства расходовались так, как хотелось англичанам. Англия стала не только кассиром, но и прямым указчиком при распределении русских военных заказов. Недаром В. И. Ленин подчеркивал, что русский капитал есть не что иное, как отделение всемирной «фирмы», ворочающей сотнями миллиардов рублей и носящей название «Англия и Франция»[1]. К концу 1916 г. российская экономика настолько развалилась, что на 1917 г. не удалось утвердить бюджет. Разразился наряду с экономическим кризисом кризис финансовый. Чтобы преодолеть катастрофу, большевистская партия потребовала, в частности, национализации банков, аннулирования кабальных займов, прекращения эмиссии бумажных денег, революционной перестройки налоговой системы, развития безналичных расчетов. Однако осуществить эти мероприятия сумела только Советская власть после победы социалистической революции.

Советское государство, ликвидируя капиталистическую и помещичью собственность и экспроприируя экспроприаторов, национализировало банки, аннулировало кабальные займы, прекратило выплату прибылей иностранцам, установило госконтроль над всеми видами страхования и потом перешло к государственной страховой монополии. На буржуазию наложили контрибуции, ограничили ее право распоряжения текущими счетами и вкладами. Одновременно создавались основы советского Государственного бюджета. Иностранная военная интервенция и гражданская война задержали осуществление намеченных мероприятий, и на некоторое время финансы ослабли. Но уже с 1921 г. партия и правительство берутся за укрепление финансовой системы как за одну из самых неотложных задач. Подробная программа развития и укрепления социалистических финансов была изложена XI съездом РКП(б) в 1922 году. Наши финансы, кредит и денежная система росли и крепли вместе со всем социалистическим строем. Они сыграли огромную роль в восстановлении народного хозяйства и его реконструкции, в индустриализации страны, в коллективизации сельского хозяйства, в завершении построения социализма. Им принадлежит ныне важная роль и в деле построения коммунизма. Выполнили они свою историческую миссию и в годы Великой Отечественной войны — тяжелейшего испытания, выпавшего на долю Родины.

В 1941 г. военные расходы составили 8,9 млрд. рублей. Изыскать столь большие средства, существенно превышавшие то, что было запланировано на 1941 г., оказалось нелегко. Мешали, помимо чисто военных причин (отступление, временная потеря территории с ее материальными и людскими ресурсами, эвакуация и т. д.), еще и некоторые диспропорции в развитии хозяйства, сохранившиеся с довоенного времени. В те годы металлургическая и химическая промышленность не удовлетворяла в полной мере потребностей страны. Не была завершена реконструкция железнодорожного транспорта. Отставало сельское хозяйство. А огромный размах военных действий и высокая техническая оснащенность современной армии требовали очень крупных затрат материальных и денежных средств. С 1 июля 1941 г. до 1 января 1946 г. расходы, связанные с запросами только наркоматов обороны и военно-морского флота, составили 55,1 млрд. руб., то есть около 52,2% всех расходов Госбюджета за этот период (данные приведены по курсу рубля, установленному с 1 января 1961 года).

Сюда не входят суммы, пошедшие на многое другое. Например, еще в начале войны меня вызвал председатель Государственного Комитета Обороны И. В. Сталин и в присутствии заместителя председателя СНК СССР Н. А. Вознесенского указал на необходимость изыскать средства для помощи семьям погибших на фронте воинов и инвалидам войны. Даже в тот тяжелый для страны момент партия думала об этом. В результате были назначены многочисленные пенсии и пособия, организованы специальные республиканские и местные органы по государственному обеспечению и бытовому устройству семей военнослужащих. За четыре с половиной года на оплату таких пенсий и пособий только за счет Госбюджета было направлено более 5 млрд. рублей. Когда И. В. Сталин ставил перед Наркоматом финансов задачи, вытекавшие из требований момента, он, помимо упомянутого, естественно, нацелил нас на работу и в еще нескольких новых направлениях: изыскание и отпуск средств на перестройку отраслей народного хозяйства в духе требований военного времени, эвакуацию предприятий и кадров из угрожаемых зон и обеспечение их работы в восточных районах, расширение военной промышленности и самих Вооруженных Сил.

Когда мы обсуждали, за счет чего можно выполнить все эти задачи, было решено главный упор сделать на Госбюджет. Государственный Комитет Обороны (ГКО) разрешил нам охватить сферой распределительной функции финансов не только совокупный общественный продукт и национальный доход, но и ранее созданные запасы — государственные резервы. Это помогло легче оперировать материальными и финансовыми ресурсами, устанавливая пропорции, удовлетворявшие потребности фронта. Вместе с тем от нас требовали сохранить прочность государственной денежной системы, чтобы не повторилось явлений первой мировой войны; сохранить твердые цены на нормируемые для населения товары по карточкам; оставить на прежнем уровне оптовые цены для промышленности. Вот тут-то и сказались преимущества социалистического планового хозяйства. Это решило успех дела. Наша победа закономерно явилась в первую очередь победой социалистического общественного строя.

[1] См. В. И. Ленин. ПСС. Т. 31, стр. 21.

Обсуждая вопрос, как конкретно перестроить финансы в военных целях, мы решили в основном ориентироваться на изменение соотношений в распределении национального дохода по фондам накопления, потребления и военных расходов. Пришлось уменьшить затраты на расширенное воспроизводство и частично сократить долю национального дохода, шедшую на личное потребление (за исключением нужд армии и флота). Иначе стали строиться в материальной сфере отношения государства с предприятиями, хозяйственными организациями, кооперацией и населением. Уменьшились, например, затраты на социально-культурные мероприятия. Увеличились поступления в бюджет от населения в форме налогов, а также добровольных взносов в виде займов. Во втором полугодии 1941 г. расходы на финансирование народного хозяйства пришлось сократить на 2,2 млрд. рублей. После того как мы начали изгонять захватчиков, часть расходов, разумеется, понадобилось использовать для восстановления разрушенных врагом районов. Особую роль сыграло здесь партийно-правительственное постановление от августа 1943 г. «О неотложных мерах по восстановлению хозяйства в районах, освобожденных от немецкой оккупации». Политбюро ЦК ВКП(б) требовало от Наркомата финансов обеспечить ресурсами восстановительные работы так, чтобы значительную их часть удалось провести еще во время войны. Дело в том, что руководство закономерно беспокоилось, как бы нам не выйти из войны слишком ослабленными. Это могло иметь тяжелые последствия в международном плане. Чтобы избежать этого, следовало строить прямо вслед за изгнанием фашистских оккупантов. Срочно восстанавливали угольную промышленность Донбасса, металлургию, энергетические мощности. Всего в годы войны народ, ведомый партией, сумел восстановить в районах, подвергшихся временной оккупации, около 30% разрушенных основных фондов. Затраты на эти цели достигли 3,2 млрд. руб. еще в 1942 г., а в 1945 г.— 7,4 млрд. рублей. Всего же за четыре с половиной года ушло на финансирование народного хозяйства 21,6 млрд. руб., то есть свыше 20% ресурсов государственного бюджета.

Крупные суммы были израсходованы на сеть учреждений трудовых резервов, просвещения, науки, здравоохранения, социального обеспечения. Своевременный отпуск средств позволил в период войны ремесленным училищам и школам фабрично-заводского обучения выпустить и передать народному хозяйству около 500 тыс. квалифицированных рабочих, вузам и техникумам — около 300 тыс. специалистов с высшим и более 275 тыс.— со средним специальным образованием. На 1941 г. расходы на социально-культурные мероприятия были утверждены в размере 4,8 млрд. рублей. Когда началась война, эти расходы вынужденно были снижены на 1,7 млрд. рублей. Однако в 1944 г. эти расходы выросли до 5,1 млрд., а в 1945 г.— до 6,3 млрд. рублей. В целом расходная часть Госбюджета за четыре с половиной военных года выразилась в сумме 110 млрд. руб., то есть вдвое больше объема бюджета за первую и вторую пятилетки, вместе взятые. А ведь государственные доходы резко уменьшились. Я не упоминаю уже об ущербе, причиненном стране врагом. И тем не менее наши финансы выстояли и выполнили стоявшие перед ними задачи. Тут сказались и проведенная Коммунистической партией большая организаторская работа, и возможности, открываемые социалистической системой хозяйства, и самоотверженный труд советских людей. Благодаря их усилиям общая себестоимость продукции государственных предприятий снизилась за 1942—1944 гг. в сравнимых ценах на 5 млрд. руб. (17,2%). В результате были снижены более чем вдвое отпускные цены на вооружение, боеприпасы и т. п.

Была введена также «коммерческая» торговля с повышенными ценами на товары не первой необходимости. Но и тогда цены на товары, отпускаемые по карточкам, остались неизменными. А с введением «коммерческой» торговли рабочие и служащие получили возможность маневрировать частью зарплаты, остающейся после оплаты нормированного пайка; колхозники — использовать свои денежные доходы; государство — воздействовать на уровень рыночных цен. Затем коммерческие цены постепенно снижались. Колхозный рынок вынужден был реагировать на это, и к концу 1945 г. такие цены на важнейшие продукты упали в три раза. Государство же за 1944—1945 гг. получило 1,6 млрд. руб. дополнительных доходов. Еще одним источником пополнения военного бюджета явилась мобилизация так называемых свободных финансовых ресурсов промышленности, торговли и банков долгосрочных вложений. Это дало свыше 2 млрд. рублей. В целом за 4 с половиной военных года поступления от государственных предприятий по двум основным каналам (отчисления от прибылей и налог с оборота) составили 47,3 млрд. руб., то есть около 45% всех доходов Госбюджета. Прибавим сюда остальные доходы (подоходный налог с кооперации в городе и деревне, поступления из сберегательных касс и органов государственного страхования, средства социального страхования, таможенные доходы, доходы местных бюджетов СССР и местных Советов), и мы получим общий доход от социалистического хозяйства, который за годы войны составил 70% всех государственных доходов.

Много хлопот, энергии, расчетов и прикидок потребовало от Наркомата финансов установление новых правил взимания налогов. В июле 1941 г. утвердили временную надбавку к подоходному налогу с рабочих и служащих и к сельскохозяйственному налогу. В январе 1942 г. эту надбавку заменили специальным военным налогом. Поступления от него за 1942—1945 гг. составили 7,2 млрд. рублей. В ноябре 1941 г. был введен налог на холостяков, одиноких и малосемейных граждан, давший до конца 1945 г. 0,8 млрд. рублей. Наконец, в годы войны действовала система поправок к прежним налогам и сборам. Всего за 4 с половиной года налоговые поступления от на-

селения составили 13,3 млрд. руб., то есть 13% доходов Госбюджета. Однако в период войны существовали и другие источники доходов. Очень большой вклад в финансы дали государственные займы. За тот же срок их было реализовано среди трудящихся на сумму в 9 млрд. руб., то есть почти вдвое больше, чем за весь довоенный период. Советские трудящиеся, герои и патриоты, активно участвовали своими личными средствами в военных расходах. По их инициативе были образованы Фонд обороны и Фонд Красной Армии. Лишь до конца 1943 г. в эти фонды поступило 1,2 млрд. руб. добровольных пожертвований, не считая натуральных взносов в виде продуктов, вещей, драгоценностей и т. д. На всю страну прогремели имена граждан, сделавших особенно крупные взносы. Так, колхозник Ф. Головатый в 1942 г. пожертвовал 10 тыс. руб. (напоминаю еще раз, что здесь исчисление ведется по курсу рубля после 1.1.1961 г.), а через два года—еще 10 тыс. рублей. Колхозник П. Ботин сдал в Фонд обороны 12 тыс. руб., Сулей Амир Кара-оглы (Азербайджан) — 35 тыс. руб., Кулам Баймагамбетов (Казахстан) — 32,5 тыс. рублей.

Сотрудники нашего Наркомата рассказывали мне, что их домашние спрашивали, откуда мог, скажем, Ферапонт Головатый взять такую большую сумму денег. Действительно, подавляющая часть советских трудящихся подобными средствами не располагала. Но имелись отдельные случаи, когда тот или иной гражданин обладал крупными суммами. Их происхождение, как это было установлено, носило трудовой характер. В других случаях некоторые граждане копили деньги «на старость» чуть ли не всю жизнь. Но советская система социального обеспечения убедила их, что они спокойно проживут и без накоплений, а трудности, испытывавшиеся страной в тяжелую годину войны, усилили в них чувство патриотизма. Это и побудило их, уже не могущих по причине преклонного возраста или болезни взять в руки винтовку, хоть таким путем отдать Родине все, что только возможно. Несомненно, такие люди испытывали высокий духовный подъем, и государство было благодарно им за щедрую и искреннюю помощь. Справедливость требует отметить, что миллионы других граждан, располагавших скромными средствами, тоже ничего не жалели и сдавали в Фонд обороны хотя и меньшие по объему суммы, однако, вероятно, более заметные в их повседневном бюджете. Чтобы читатели могли оценить, насколько существенной была общая сумма поступлений по налогам и добровольным взносам в период войны, приведу итоговую цифру: 27 млрд. руб., то есть более 26,4% доходов Госбюджета.

Еще одной формой участия населения в военных расходах страны были денежно-вещевые лотереи. В 1941—1944 гг. провели четыре такие лотереи, давшие 1,2 млрд. рублей. Отпусками в то время не пользовались. Причитающуюся взамен денежную компенсацию граждане перечисляли в специальные вклады, которые составили 1,1 млрд. рублей. Все это имело исключительное значение и с точки зрения денежного баланса Госбанка СССР. Дело в том, что возврат денежной наличности в банк происходит в основном через товарооборот в системе торговли. Так, до и после войны выручка от продажи товаров равнялась примерно 100—108% к сумме заработной платы. А во время войны выручка упала до 55%. Следовательно, прирост денежных средств в кассах Госбанка обеспечивался в значительной мере путем налоговых платежей и добровольных взносов населения. Наконец, мой рассказ был бы неполон, если бы я не упомянул о строжайшей экономии в использовании денег. Например, мероприятия, которые имели второстепенное значение или без которых можно было обойтись в период войны, вообще снимались с финансирования.

Наркомату финансов тоже понадобилось в то время во многом перестроить свою работу. Он разрабатывал проекты мероприятий по изысканию денежных средств для обеспечения целей фронта и тыла, готовил соответствующие предложения, а когда ЦК ВКП(б) и СНК СССР принимали необходимые решения, тотчас брался за выполнение этих решений. Заместители наркома, начальники управлений и отделов и даже рядовые сотрудники работали днем и ночью, с энтузиазмом отдаваясь делу, помогая обеспечить фронт и тыл необходимыми ресурсами. Так же самоотверженно трудились работники финансовой системы во всей стране. Это содействовало тому, чтобы бюджет СССР и государственный кредит являлись мощными рычагами мобилизации и перераспределения денежных средств. Сложности пришлось преодолеть необычайные, но ЦК ВКП(б) и правительство постоянно помогали нам. Особенно много хлопот доставил выпуск денег в обращение (в первые годы войны) в размерах, превышающих потребности товарооборота. В результате к концу 1947 г. (после чего была проведена денежная реформа) количество денег, находившихся в обращении, весьма значительно превышало довоенное. Правда, накануне войны денег, бывших в обращении, явно не хватало. После моих неоднократных докладов И. В. Сталин распорядился изучить возникшую проблему с тем, чтобы разрешить ее во второй половине 1941 года. Имелось в виду серьезно увеличить денежные доходы населения либо снизить цены на продукты и товары народного потребления. Но война помешала осуществить это.

Каков же итог деятельности советских финансовых органов в военное время? Если ответить кратко, то придется сказать, что все потребности страны были обеспечены необходимыми средствами, а Госбюджет СССР с 1944 г. имел заметное превышение доходов над расходами. Не следует думать, что на этих страницах освещены все проблемы той поры. Я остановился преимущественно на одном вопросе — состав бюджета предвоенного и военного времени. В принципе же темы для рассказа здесь неисчерпаемы.

ГЕРОИЧЕСКИЕ СТРАНИЦЫ БОЕВОГО ПРОШЛОГО НАРОДОВ НАШЕЙ СТРАНЫ

ОСВОБОДИТЕЛЬНАЯ БОРЬБА РУСИ ПРОТИВ МОНГОЛО-ТАТАРСКОГО ИГА

В. В. Каргалов

О завоевательных походах монголо-татарских ханов, о тяжелой и кровопролитной борьбе народов нашей Родины, истощившей силы захватчиков, рассказывается в этом очерке. Два с половиной столетия продолжалась борьба Руси с золотоордынским игом. Русь знавала и тяжелые поражения, и яркие вспышки народных восстаний против угнетателей, и славные победы на ратном поле. Эти страницы героической истории вошли составной частью в прошлое и многих других народов Восточной Европы. Так, волжские болгары, тоже ставшие жертвой Батыева нашествия, яростно сопротивлялись завоевателям. XIII—XV столетия, о которых повествуется ниже,— это не только, как известно, важнейший этап в становлении новых политических формирований на территории Восточной Европы, но в то же время одна из самых колоритных эпох в истории героических веков освободительной борьбы народов Руси и соседних земель.

1. «Пришла неслыханная рать...»

«Пришла неслыханная рать... Их же никто хорошо не знает, кто они и откуда пришли, и какой язык их, и какого они племени, и какая вера их»,[1]— так записал в 1223 г. русский летописец о появлении у границ Руси нового опасного врага — монголо-татар. Русский летописец не ведал, что гораздо раньше далеко на востоке произошли события, которые позже тяжело отразились на судьбах многих народов и стран. Из бескрайних степей, раскинувшихся на просторах Центральной Азии, прибыли в 1206 г. на курултай (съезд) к берегам реки Онон монгольские князья («нойоны») с отрядами дружинников («нукеров»). Они провозгласили великим ханом, то есть верховным правителем монголов, Темучина. Будучи вождем одного из монгольских племен, он сумел в междоусобных распрях победить своих соперников, приняв новое имя — Чингис-хан. Его род был объявлен старшим из «всех поколений, живущих в войлочных кибитках». Многочисленные кочевые племена, обитавшие в монгольских степях и постоянно враждовавшие между собой, были объединены в рамках единого Монгольского государства. Скотоводческая знать захватывала пастбища, скот, закабаляла рядовых кочевников. В Монголии разлагался родоплеменной строй и складывались феодальные отношения. Образование Монгольского государства было прогрессивным явлением: закончились кровопролитные междоусобные войны, создавались предпосылки для экономического и культурного развития страны, для возникновения монгольской народности. Однако кочевая феодальная знать жаждала захватнических войн, завоеваний и ограбления соседних народов. Причины такой неудержимой агрессивности монгольских феодалов коренились в особенностях хозяйства страны. Эксплуатация собственных подданных не могла удовлетворить их жажду к обогащению: кочевое скотоводство — основное занятие монгольского народа — было сравнительно малопродуктивным. Любое расширение производства на этой базе требовало новых и новых земель под пастбища, а приобрести их можно было только путем завоевательных войн. Быстрого и легкого обогащения монгольские феодалы могли достичь лишь ограбив другие страны, накопившие за свою многовековую историю бо́льшие богатства и создавшие трудом своих народов более высокую по тому времени материальную и духовную культуру. Завоевательным походам благоприятствовала и историческая обстановка, сложившаяся в первой половине XIII столетия в ряде стран. И Китай, и Средняя Азия, и Иран, и Русь переживали период феодальной раздробленности и поэтому не всегда могли объединить свои военные силы для отпора завоевателям. Как правило, успех больших кочевнических вторжений и раньше обеспечивался не столько их собственной мощью, сколько относительной слабостью противников. Так было

[1] «Полное собрание русских летописей» (ПСРЛ). Т. I. М. 1962, стб. 503, 509.

с гуннами и аварами, не имевшими против себя объединенных сил народов, на которые они нападали. Так произошло и с монголами [2].

Монгольские ханы в своих притязаниях опирались на многочисленное и хорошо вооруженное, сплоченное благодаря еще не исчезнувшим родовым связям войско, воспринявшее многовековой опыт кочевых племен и военные знания покоренных народов. Подробно описал организацию монгольского войска, его вооружение и тактику современник монголо-татарских завоеваний итальянец Плано Карпини, который по поручению римского папы Иннокентия IV в середине 40-х годов XIII в. ездил в ставку великого хана. Вот что сообщал Плано Карпини о монгольском войске: «О разделении войск. О разделении войск скажем таким образом: Чингис-хан приказал, чтобы во главе десяти человек был поставлен один (и он по-нашему называется десятником), а во главе десяти десятников был поставлен один, который называется сотником, а во главе десяти сотников поставлен один, который называется тысячником, а во главе десяти тысячников был поставлен один, и это число называется у них тьма. Во главе же всего войска ставят двух вождей или трех, но так, что они имеют подчинение одному. Когда же войска находятся на войне, то если из десяти человек бежит один, или двое, или трое, или даже больше, то все они умерщвляются, а если бегут все десять, а не бегут другие сто, то все умерщвляются; и, говоря кратко, если они не отступают сообща, то все бегущие умерщвляются; точно так же, если один или двое, или больше смело вступают в бой, а десять других не следуют, то их также умерщвляют, а если из десяти попадает в плен один или больше, другие же товарищи не освобождают их, то они также умерщвляются. Об оружии. Оружие же все по меньшей мере должны иметь такое: два или три лука, или по меньшей мере один хороший, и три больших колчана, полных стрелами, один топор и веревки, чтобы тянуть орудия. Богатые же имеют мечи, острые в конце, режущие с одной стороны и несколько кривые (то есть сабли.— *В. К.*); у них есть также вооруженная лошадь, прикрытия для голеней, шлемы и латы. Некоторые имеют латы, а также прикрытия для лошадей из кожи, сделанные следующим образом: они берут ремни от быка или другого животного шириною в руку, заливают их смолою вместе по три или по четыре и связывают ремешками или веревочками; на верхнем ремне они помещают веревочки на конце, а на нижнем — в середине, и так поступают до конца; отсюда, когда нижние ремни наклоняются, верхние встают, и таким образом удваиваются или утраиваются на теле... Шлем же сверху железный или медный, а то, что прикрывает кругом шею и горло,— из кожи. У некоторых же все то, что мы выше назвали, составлено из железа... Они делают это как для вооружения коней, так и людей. И они заставляют это так блестеть, что человек может видеть в них свое лицо. У некоторых из них есть копья, и на шейке железа копья они имеют крюк, которым, если могут, стаскивают человека с седла. Длина их стрел составляет два фута, одну ладонь и два пальца. Железные наконечники стрел весьма остры и режут с обеих сторон наподобие обоюдоострого меча; и они всегда носят при колчане напильники для изощрения стрел. Щит у них сделан из ивовых или других прутьев, но мы не думаем, чтобы они носили его иначе, как в лагере и для охраны императора и князей, да и то только ночью.

О хитростях при столкновении. Когда они желают пойти на войну, они отправляют вперед передовых застрельщиков, у которых нет с собой ничего, кроме войлоков, лошадей и оружия. Они ничего не грабят, не жгут домов, не убивают зверей, и только ранят и умерщвляют людей, а если не могут иного, обращают их в бегство; все же они гораздо охотнее убивают, чем обращают в бегство. За ними следует войско, которое, наоборот, забирает все, что находит; также и людей, если их могут найти, забирают в плен или убивают. Тем не менее, все же стоящие во главе войска посылают после этого глашатаев, которые должны находить людей и укрепления, и они очень искусны в розысках. Когда же они добираются до рек, то переправляются через них, даже если они и велики, следующим образом: более знатные имеют круглую и гладкую кожу, на поверхности которой они делают кругом частые ручки, в которые вставляются веревки и завязывают так, что образуется в общем некий круглый мешок, который наполняют платьями и иным имуществом, и очень крепко связывают; после этого в середине кладут седла и другие более жесткие предметы; люди также садятся в середине. И этот корабль, таким образом приготовленный, они привязывают к хвосту лошади и заставляют плыть вперед, наравне с лошадью, человека, который управлял бы лошадью. Или иногда берут два весла, ими гребут по воде и таким образом переправляются через реку, лошадей же гонят в воду, и один человек плывет рядом с лошадью, которой управляет, все же другие лошади следуют за той и таким образом переправляются через воды и большие реки. Другие же, более бедные, имеют кошель из кожи, крепко сшитый; всякий обязан иметь его. В этот кошель, или в этот мешок, они кладут платье и все свое имущество, крепко связывают этот мешок вверху, вешают на хвост коня и переправляются, как сказано выше.

Надо знать, что всякий раз, когда они завидят врагов, они идут на них, и каждый бросает в своих противников три или четыре стрелы; и если они видят, что не

---

[2] Подробнее см.: И. М. Майский. Чингис-хан. «Вопросы истории», 1962, № 5; Н. Я. Мерперт, В. Т. Пашуто, Л. В. Черепнин. Чингис-хан и его наследие. «История СССР», 1962, № 5.

могут их победить, то отступают вспять к своим; и это они делают ради обмана, чтобы враги преследовали их до тех мест, где они устроили засаду; и если их враги преследуют до вышеупомянутой засады, они окружают их и таким образом ранят и убивают. Точно так же, если они видят, что против них имеется большое войско, они иногда отходят от него на один или два дня пути и тайно нападают на другую часть земли и разграбляют ее; при этом они убивают людей и разрушают и опустошают землю. А если они видят, что не могут сделать и этого, то отступают назад на десять или на двенадцать или на двадцать дней пути. Иногда также они пребывают в безопасном месте, пока войско их врагов не разделится, и тогда они приходят украдкой и опустошают всю землю. Ибо в войнах они весьма хитры, так как сражались с другими народами уже сорок лет и даже более. Когда же они желают приступить к сражению, то располагают все войска так, как они должны сражаться. Вожди или начальники войска не вступают в бой, но стоят вдали против войска врагов и имеют рядом с собой на конях юношей, а также женщин и лошадей. Иногда они делают изображения людей и помещают их на лошадях, это они делают для того, чтобы заставить думать о большом количестве воюющих. Перед лицом врагов они посылают отряд пленных из других народов, которые находятся между ними; может быть, с ними идут и какие-нибудь татары. Другие отряды более храбрых людей они посылают далеко справа и слева, чтобы их не видели противники, и таким образом окружают противников и замыкают их в середину; таким путем они начинают сражаться со всех сторон. И, хотя их иногда мало, противники их, которые окружены, воображают, что их много. А в особенности это бывает тогда, когда они видят тех, которые находятся при вожде или начальнике войска, отроков, женщин, лошадей и изображения людей, как сказано выше, которых они считают за воителей, и вследствие этого приходят в страх и замешательство. А если случайно противники удачно сражаются, то татары устраивают им дорогу для бегства, и как только те начнут бежать и отделяться друг от друга, они их преследуют и тогда, во время бегства, убивают больше, чем могут умертвить на войне. Однако надо знать, что если можно обойтись иначе, они неохотно вступают в бой, но ранят и убивают людей и лошадей стрелами, а когда люди и лошади ослаблены стрелами, тогда они вступают с ними в бой.

О б о с а д е у к р е п л е н и й. Укрепления они завоевывают следующим образом. Если встретится такая крепость, они окружают ее; мало того, иногда они так ограждают ее, что никто не может войти или выйти; при этом они весьма храбро сражаются орудиями и стрелами и ни на один день или ночь не прекращают сражения, так что находящиеся на укреплениях не имеют отдыха; сами же татары отдыхают, так как они разделяют войска, и одно сменяет в бою другое, так что они не очень утомляются. И если они не могут овладеть укреплением таким способом, то бросают на него греческий огонь (речь идет о нефтяном составе в смеси с песком.— *В. К.*); мало того, они обычно берут иногда жир людей, которых убивают, и выливают его в растопленном виде на дома; и везде, где огонь попадает на этот жир, он горит, так сказать, неугасимо. А если они не одолевают таким способом, и этот город или крепость имеет реку, то они преграждают ее или делают другое русло и, если можно, потопляют это укрепление. Если же этого сделать нельзя, то они делают подкоп под укрепление и под землею входят в него с оружием. А когда они уже вошли, то одна часть бросает огонь, чтобы сжечь его, а другая часть борется с людьми того укрепления. Если же и так они не могут победить его, то ставят против него свой лагерь или укрепление, чтобы не видеть тягости от вражеских копий, и стоят против него долгое время, если войско, которое с ними борется, случайно не получит подмоги и не удалит их силой.

О в е р о л о м с т в е т а т а р и о ж е с т о к о с т и п р о т и в п л е н н ы х. Но когда они уже стоят против укрепления, то ласково говорят с его жителями и много обещают им с той целью, чтобы те предались в их руки; а если те сдадутся им, то говорят: «Выйдите, чтобы сосчитать вас согласно нашему обычаю». А когда те выйдут к ним, то татары спрашивают, кто из них ремесленники, и их оставляют, а других, исключая тех, кого захотят иметь рабами, убивают топором; и если, как сказано, они щадят кого-нибудь иных, то людей благородных и почтенных не щадят никогда, и если случайно, в силу какого-нибудь обстоятельства, они сохраняют каких-нибудь знатных лиц, то те не могут более выйти из плена ни мольбами, ни за выкуп. Во время же войн они убивают всех, кого берут в плен, разве только пожелают сохранить кого-нибудь, чтобы иметь их в качестве рабов. Назначенных на убиение они разделяют между сотниками, чтобы они умерщвляли их обоюдоострою секирою»[3]. По свидетельствам современников, даже крупные отряды монгольского войска, с обозами и осадными машинами, могли в случае необходимости делать за сутки 80-километровые переходы. Такие отряды Ф. Энгельс называл «подвижной, легкой конницей Востока»[4].

Вторжению монголо-татарских полчищ обычно предшествовала тщательная разведка и дипломатическая подготовка, направленные на изоляцию противника от союзников и на раздувание внутренних усобиц. Монгольские ханы старались любыми средствами привлечь на свою сторону недовольных, чтобы разъединить силы противника. В составе монгольского войска имелись специальные лица — «юртджи», которые занимались военной разведкой. В их обязанности входило: определять зимние и лет-

[3] Плано Карпини. История монгалов. М. 1957, стр. 49—54.
[4] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 14, стр. 27.

ние кочевья для войска, выбирать в походах места стоянок, собирать сведения о путях движения войск, состоянии дорог, запасах продовольствия и воды. Вести о противнике поступали от монгольских посольств, направлявшихся в соседние страны под предлогом переговоров о торговле или союзе, а также от купцов, посещавших с торговыми караванами интересовавшие завоевателей земли. Известно, например, что в Средней Азии и в Закавказье монгольские ханы пытались привлечь на свою службу богатых купцов, которые вели торговлю с другими странами. В завоевательных походах монгольское войско использовало также технические достижения других стран и пускало в ход разнообразную осадную технику: тараны для разрушения стен, метательные машины, штурмовые лестницы. Массовое применение осадных орудий помогало одерживать победы при осаде хорошо укрепленных городов. Так, при осаде Нишабура в Средней Азии монгольское войско пустило в дело 3 тыс. баллист, 300 катапульт[5], 700 машин для метания горшков с горящей нефтью, 4 тыс. штурмовых лестниц. К стенам города подвезли и при помощи метательных машин обрушили на осажденных 2 500 возов камней. Но основная сила монголо-татарских завоевателей была все-таки в коннице, которая буквально втаптывала в землю все встречавшееся на пути. Бесчисленные табуны монгольских коней, крепких, привычных и к длительным переходам, и к зною, и к лютому холоду, не только перемещали монгольских воинов во время походов, но и помогали им в битвах, разрывая зубами и круша крепкими копытами коней и воинов противника. Монгольская лошадь неприхотлива. Даже зимой, из-под снега, она добывала себе пропитание и, не требуя почти никакого ухода, сама кормила своих хозяев молоком, конской кровью, мясом.

Завоевательные походы были для монголов как бы привычным делом: походная жизнь мало отличалась от их обычных передвижений по бескрайним степям. Суровые условия жизни кочевника-скотовода, кровавые войны и грабительские набеги определили своеобразный душевный мир кочевника. Жестокость, вероломство, свирепость в битве, железная дисциплина, цементировавшаяся еще родовой сплоченностью, постоянная готовность к походу и сражению — все эти черты монгольского воина были следствием его образа жизни. Монголо-татарские завоеватели, считавшие только войну необходимым и почетным делом и презиравшие созидательный труд и самих людей труда, были уверены в превосходстве воина-кочевника над тружеником-землепашцем. Жажда добычи вела ханов в тысячекилометровые походы, через пустыни и лесные чащи. Жажда обогащения гнала рядовых воинов на ощетинившиеся копьями и мечами укрепленные города, заставляла рисковать жизнью в кровопролитных битвах. Беспрестанные завоевательные войны в конечном счете губительно сказались на судьбе самого монгольского народа. Они в итоге стали главной причиной длительного политического, экономического и культурного упадка Монголии. Сотни тысяч монгольских воинов, оказавшихся в Китае и в Индии, в Иране и на Волге, в половецких степях и в Крыму, теряли связь с родиной, растворялись в массе покоренных народов, утрачивали даже родной язык. Многие из этих воинов погибли в трудных походах и кровопролитных сражениях. Огромные богатства, накопленные ценой крови, быстро растрачивались паразитической феодальной верхушкой и не использовались для благосостояния народных масс и развития хозяйства. В результате Монголия на несколько веков отстала в развитии даже от стран, ставших жертвами монголо-татарских опустошительных погромов. Монголо-татарское нашествие принесло человечеству, в том числе жителям земли Русской, неисчислимые жертвы, разрушения, гибель материальных и культурных ценностей. Европа пришла в трепет, когда монголо-татарская лавина сотен тысяч всадников пересекла Волгу и грозила растоптать под копытами коней европейскую цивилизацию. Героическое сопротивление русского народа и других народов нашей страны остановило это нашествие. Истекавшая кровью Русь в подлинном смысле слова спасла Европу.

2. Все ближе к Руси

Завоевательные походы монгольских ханов, продолжавшиеся с небольшими перерывами больше столетия, начались сразу же после образования Монгольского государства. В 1207 г. монголы приступили к завоеванию племен, обитавших к северу от реки Селенги и в верховьях Енисея. В результате этих походов ханы захватили районы, богатые железоделательными промыслами, что имело большое значение для вооружения войска. В том же году Чингис-хан завоевал тангутское государство Си-Ся в Центральной Азии, сделав его правителя своим данником, а тангутской конницей пополнив ряды монгольского войска. В 1209 г. монголо-татары вторглись в страну уйгуров (Восточный Туркестан) и подчинили ее себе. Под власть Чингиса попали многие народы Южной и Центральной Сибири: киргизы, буряты, ойроты и другие. Ими пополнялось монгольское войско. В 1211 г. Чингис предпринял широкое наступление на Китай и на третий год войны овладел Пекином. Следующий удар был направлен

[5] Баллиста — метательная машина, действовавшая силой упругости скрученных волокон (сухожилий, волос). Она метала тяжелые стрелы, бревна и камни на расстояние 400—1 000 метров. Катапульта — метательная машина, основанная на принципе противовеса.

на государства Средней Азии, куда Чингис отрядил 200-тысячное войско. Отряды хорезм-шаха Мухаммеда, не принимая генерального сражения, рассредоточились по укрепленным городам, и монголо-татары разбивали их по частям. В Самарканде, имевшем большой гарнизон и запасы продовольствия, против монголо-татар выступило только пешее городское ополчение, городская же знать предпочла сдаться на милость врага. Местные властители сдали без боя и Бухару, где находился 20-тысячный гарнизон и многочисленное ремесленное население, взявшееся за оружие в момент опасности. Без боя завоеватели захватили и сильную крепость Мерв. Упорное сопротивление монголо-татарам оказали народные массы Средней Азии. Несмотря на предательство правящей феодальной верхушки, крестьяне и горожане храбро сражались с коварным врагом. Много сложено сказаний о Тимур-Малике, который с отрядами храбрецов, неожиданно нападая на монголо-татар, неоднократно наголову разбивал их полки и уходил от преследования, чтобы снова неожиданно обрушиться на врагов. Народы Средней Азии много раз поднимались против завоевателей, но их восстания жестоко подавлялись монгольскими ханами. За три года войны (1219—1221) здесь погибли сотни тысяч людей, в огне пожаров сгорели города и кишлаки, были разрушены сложные ирригационные системы, уничтожены многие выдающиеся памятники архитектуры и искусства. Из городов Средней Азии завоеватели массами уводили в свои степи искусных ремесленников. Цветущая страна превратилась в пустыню, покрытую пеплом бесчисленных пожаров.

Покорив Среднюю Азию, монголо-татары вплотную придвинулись к границам Восточной Европы, которую они также хотели прибрать к своим рукам. Завоевательные планы монгольских феодалов были поистине безграничны. Они замышляли «разорить или обратить в рабство всю землю». Своему старшему сыну, Джучи, Чингис, как свидетельствует персидский историк Рашид-ад-Дин, повелел «отправиться с войском завоевать все области Севера, то есть (земли) Ибир-Сибир, Булар, Дешт-и-Кипчак, Башкирд, Рус и Черкес до хазарского Дербента, и подчинить их своей власти»[6]. Однако при жизни Чингиса эта широкая завоевательная программа не была осуществлена. Основные военные силы монгольских ханов вели войну в Китае, Центральной и Средней Азии.

В Восточную Европу в 1222 г. был предпринят разведывательный поход тридцатитысячного войска, возглавленного Джебэ и Субудаем. Это войско двинулось через Северный Иран в Азербайджан, «совершая по прежнему обыкновению избиение и грабеж во всяком месте, которое попадалось на пути». Затем наступила очередь Грузии, народ которой оказал сопротивление завоевателям: грузины, «снарядив войско, приготовились к бою». Военная хитрость помогла монголам одержать победу. «Когда они сошлись друг с другом, Джебэ с 5 000 человек скрылся в засаде, а Субудай с войском выступил вперед. При первом натиске монголы показали тыл, а грузины пустились в погоню. Тогда Джебэ вышел из засады, монголы окружили их и в один миг убили 30 000 грузин». Однако грузинский народ продолжал борьбу, укрепившись в горных районах. Монгольское войско, не вступая в тяжелую и сулившую мало успехов войну в Грузии, пошло дальше на север, к Дербенту. Так как беспрепятственный проход через Дербент был невозможен, то дербентскому Ширван-шаху монголы послали такой текст: «Пришли несколько человек, чтобы нам заключить мирный договор». Шах выделил для этой миссии десять старейшин. Одного монголо-татары убили, а другим сказали: «Если вы укажете дорогу через это ущелье, то мы пощадим вам жизнь, если же нет, то вас также убьем». Те из страха за свою жизнь указали путь захватчикам. Аланские племена, занимавшие земли Северного Кавказа, призвали к себе на помощь половцев и «сообща сразились с войском монголов; никто из них не остался победителем». Предстояла новая битва. Тогда монголы предложили половцам: «Мы и вы — один народ и из одного племени, аланы же нам чужие. Мы заключим с вами договор, что не будем нападать друг на друга, и дадим вам столько золота и платья, сколько душа ваша пожелает, (только) предоставьте их нам». Действительно, монголы «прислали много добра», и половцы ушли обратно, а «монголы одержали победу над аланами, совершив все, что было в их силах по части убийства и грабежа». Однако половцы не успели воспользоваться монгольским золотом, полученным за предательство. Когда они, «полагаясь на мирный договор, спокойно разошлись по своим областям, монголы внезапно нагрянули на них, убивая всякого, кого находили, и отобрали вдвое больше того, что́ перед тем дали»[7]. В 1222 г. монгольское войско Джебэ и Субудая появилось в причерноморских степях, вблизи границ Руси. Когда монголы пришли на землю Половецкую, рассказывается в русской летописи, «половцы не могли противиться им»; одни бежали к Дону и в Крым, другие — в Русскую землю. Половецкий хан Котян, тесть галицкого князя Мстислава, «прищел с поклоном с князьями половецкими в Галич к князю Мстиславу, к зятю (своему), и ко всем князьям русским, и дары принес многие — кони, верблюды и девки, и одарил князей русских, а сказал так: «Нашу землю отняли сегодня, а вашу завтра возьмут, оборони́те нас, если не поможете нам, мы ныне иссечены будем, а вы завтра иссечены будете!» Далее летописец

[6] В. Г. Тизенгаузен. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. II. Извлечения из персидских сочинений. М.-Л. 1941, стр. 48 (далее — Тизенгаузен, II).

[7] Там же, стр. 31 сл.

поучительно замечает: «Много те половцы зла сотворили Русской земле, того ради всемилостивый бог хотел погубить сыновей безбожных измаиловых половцев, чтобы отомстить за кровь христианскую». Но теперь было не время вспоминать о старых обидах: монголы угрожали и русским и половцам. Князья решили выступить на помощь половцам. Мотивы этого решения яснее всего выразил Мстислав в речи к князьям: «Если мы, братья, им не поможем, то половцы передадутся татарам, и их сила будет больше!»

И вот в Киеве собрались на совет «старейшины в Русской земле» — Мстислав Романович Киевский, Мстислав Мстиславович Галицкий, Мстислав Святославич Черниговский и Козельский и другие князья; не приехал сюда лишь владимиро-суздальский князь Юрий Всеволодович. На совете было решено выступить с войском в половецкие степи. На Днепре, у Олешья, собрались в мае 1223 г. русские дружины: «Из Киева князь Мстислав со своею силою, а из Галича князь Мстислав со всею силою, Владимир Рюрикович с черниговцами и все князья русские и все князья черниговские, а из Смоленска 400 воинов». К русскому войску присоединились отряды половцев. Были в войске также дружины из Курска, Трубчевска, Путивля и других городов. Такой большой рати давно не собиралось на Русской земле. Казалось бы, междоусобные распри забыты, и все «единым сердцем» выступают против опасного врага. Однако на деле так не было: отдельные феодальные дружины не представляли собой единого войска, они соединялись только механически, вступали в бой по частям и подчинялись лишь своим собственным князьям. Это, несмотря на значительную численность собранного войска, и предопределило в конечном счете поражение.

Первым перешел на левый берег Днепра князь Мстислав Галицкий с тысячей воинов, неожиданно напал на «сторожи татарские» и обратил их в бегство. Татары пытались спасти «воеводу своего Семеябека», спрятали его в яму и замаскировали ветками, надеясь, что русские воины, увлеченные преследованием, не найдут его. Но русские нашли воеводу и сумели получить от него необходимые сведения о противнике. Тогда «перешли все люди и князья все и Мстислав Черниговский реку Днепр и пошли на конях в поле Половецкое, и встретили татары полки русские, и стрельцы русские победили их и гнали далеко в поле, и взяли стада их». Началось преследование, продолжавшееся восемь дней. Однако русские полки растянулись по степи, потеряли связь друг с другом. Поэтому, когда 31 мая на реке Калке их неожиданно встретил сомкнутый строй монгольской конницы, дружины князей вступали в бой поодиночке и терпели поражение. Князь Мстислав Мстиславович Галицкий, по прозвищу «Удалой», разбил передовой отряд монголов и вместе с половцами и русскими дружинами некоторых князей ударил по главным силам противника, не поставив в известность великого князя киевского Мстислава Романовича, с которым был в ссоре. В кровопролитной битве половецкие отряды не выдержали и начали отступать, приведя в расстройство русское войско («потоптали, убегая, станы князей русских»). Тогда огромная монгольская конница перешла в наступление. «И смешались все полки русские, и была сеча злая и лютая». Князь же Мстислав Киевский стоял со своим многочисленным полком на холме над рекой Калкой, защищенный кольцом деревянных укреплений, и фактически не участвовал в битве. Монголо-татары смяли русские полки и преследовали их до Днепра. Три дня затем войско киевского князя отбивало приступы монголо-татар, окруживших холм со всех сторон. Наконец, поддавшись уговорам татар сдаться и поверив их обещаниям сохранить жизнь за выкуп, Мстислав Романович и двое бывших с ним князей прекратили сопротивление. Страшен был их конец. Татары «укрепление взяли и людей посекли, а князей задавили, положив под доски, а сами наверх сели обедать». Потери русского войска в битве на реке Калке оказались очень тяжелыми. Шесть русских князей были убиты, а из рядовых воинов только один из десяти вернулся домой. Опустошив земли по левому берегу Днепра, монгольское войско ушло на восток [8]. Поражение на Калке оставило глубокий след в памяти народа. «И был вопль и печаль по всем городам и волостям»,— сообщал летописец. Именно с этой битвой связана народная былина о гибели богатырей, до того победоносно стоявших на «заставах богатырских», у рубежей земли Русской.

Рашид-ад-Дин так описал битву на реке Калке: русские и половцы «приготовились и собрали большое войско. Видя их превосходство, монголы отступили. Кипчаки (половцы) и русские, сообразив, что они отступают со страху, двадцать дней гнались за ними. Вдруг войско монголов опять повернуло назад, ударило на них и, прежде чем они успели соединиться, перебило часть их. Бились целую неделю, наконец, кипчаки и русские обратились в бегство. Монголы шли по пятам за ними и разрушали их города до того, что обезлюдили большую часть их земель». Затем Субудай и Джебэ направились на завоевание волжских болгар, но потерпели от них серьезное поражение. Арабский историк Ибн-аль-Асир писал, что когда болгары услышали о приближении монголо-татар, то «они в нескольких местах устроили им засады, выступили против них, встретились с ними и, заманив до тех пор, пока они зашли за место засад, напали на них с тыла, так что они остались в середине. Поял их меч со всех сторон, перебито их множество и уцелели из них только немногие. Говорят, что их было до 4 000 человек. Отправились они оттуда в Саксин, возвращаясь к своему царю Чингис-

[8] ПСРЛ. Т. I, стб. 503—509.

хану, и освободилась от них земля кипчаков; кто из них спасся, тот вернулся в свою землю» [9].

Поход Субудая и Джебэ показал монгольским ханам достаточную сложность завоевания народов Восточной Европы. Прошло несколько лет, прежде чем монголо-татары снова появились на русских рубежах. После смерти Чингиса (1227 г.) новым великим ханом стал Угедей, который «заставил смолкнуть всех претендентов, а затем во все пограничные места и окраины своих владений назначил войска́ для охраны границ и областей». Другим сыновьям Чингис-хана были выделены особые улусы. По сообщению Рашид-ад-Дина, Угедей в начале 1230 г. «отправил Кукдая и Субудая с 30 тысячами всадников в сторону Кипчак, Саксин и Булгар», то есть в прикаспийские степи [10], где они близ реки Яика (Урала) разбили болгарские сторожевые отряды [11] и приступили к постепенному захвату башкирских земель. Этим ограничилось их продвижение в Восточную Европу на данном этапе.

3. «Докуда дойдут копыта монгольских коней...»

Вопрос о монголо-татарском наступлении на запад обсуждался на курултае монгольских феодалов в 1229 году. Угедей направил в помощь отряду Субудая войска западного улуса Монгольской империи — улуса Джучи. Эти войска возглавил хан Бату (русские летописцы называли его Батыем), второй сын Джучи, любимый внук Чингиса. По словам Рашид-ад-Дина, Батый «был в большом почете и очень могущественен, вместо Джучи-хана стал велать улусом и войском и прожил очень долго». Намеченный курултаем поход на запад не был еще общемонгольским и, как показали дальнейшие события, не принес завоевателям заметных успехов. В степях Прикаспия «вспыхнуло пламя войны между татарами и кипчаками», которая продолжалась несколько лет. Башкирский народ тоже не желал покоряться. Волжская Болгария успешно оборонялась, воздвигнув на южной границе мощные укрепленные линии. Исследования советского археолога А. П. Смирнова выявили целую систему оборонительных рубежей — валов, прикрывавших болгарские земли со стороны степей. На этих укрепленных линиях болгарские рати задержали наступление монгольского войска, не дав пробиться к своим богатым городам. В 1232 г. монголо-татары «зимовали, не дойдя до великого города Болгарского» (Булгар) [12]. Крайней точкой продвижения монголо-татарских войск улуса Джучи после нескольких лет войны были низовья Волги: отдельные отряды завоевателей изредка появлялись недалеко от земель аланов. И снова вопрос о походе на запад обсуждался на курултае. В 1235 г., когда великий хан Угедей «во второй раз устроил большой курултай и назначил совещание относительно уничтожения и истребления остальных непокорных (народов)... состоялось решение завладеть странами Булгар, Асов и Руси, которые находились по соседству становища Бату, не были еще покорены и гордились своей многочисленностью. Поэтому в помощь и подкрепление Бату он назначил царевичей: Менгу-хана и брата его Бучека, из своих сыновей Гуюк-хана и Кадагана и других царевичей; Кулькана, Бури, Байдара, братьев Бату — Хорду и Тангута и несколько других царевичей» [13], а из знатных эмиров был причислен к войску Субудай-багатур, рассказывает персидский историк Джувейни, находившийся на службе у монгольских ханов.

Новый поход был общемонгольским: в нем участвовало 14 «царевичей» — монгольских ханов, потомков Чингиса. Численность монголо-татарского войска, выступившего под знаменами хана Батыя, достигала не менее 150 тыс. воинов. Это была огромная по тем временам армия. «Царевичи для устройства своих войск и ратей отправились каждый в свое становище и местопребывание,— отмечал Джувейни,— а весной (1236 г.) выступили из своих местопребываний и поспешили опередить друг друга». Все лето двигавшиеся из разных улусов орды провели в пути, а осенью «в пределах Булгарии царевичи соединились. От множества войск земля стонала и гудела, а от многочисленности и шума полчищ столбенели дикие звери и хищные животные...». Нашествие на Восточную Европу началось. Первый удар монголо-татарского войска был направлен на Волжскую Болгарию. Поздней осенью 1236 г. укрепления на границе Болгарии были прорваны, бесчисленные орды завоевателей, уничтожая все на своем пути, обрушились на болгарские земли. Монголо-татары «силой и штурмом взяли город Булгар, который известен был в мире недоступностью местности и большой населенностью. Для примера подобным им, жителей его (частью) убили, а (частью) пленили» [14]. Картины страшного опустошения Волжской Болгарии и гибели людей рисовали русские летописцы: «Той же осенью (1236 г.) пришли из Восточных стран в Болгарскую землю татары, и взяли славный великий город Болгарский, и избили оружием от

---

[9] В. Г. Тизенгаузен. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I. Извлечения из сочинений арабских. СПБ. 1884, стр. 28 (далее — Тизенгаузен, I).

[10] Тизенгаузен, II, стр. 34.

[11] ПСРЛ. Т. I, стб. 453.

[12] Там же, стб. 459.

[13] Тизенгаузен, II, стр. 22.

[14] Там же.

старца до юного и до младенца, сосущего молоко, и взяли товара множество, а город их пожгли огнем, и всю землю их пленили»[15]. Разрушены были многие болгарские города — Булгар, Булар, Кернек, Сувар и другие, подверглись массовому опустошению и сельские местности. В бассейне рек Бездны и Актая археологами обнаружены многочисленные поселения (13 городищ и 60 селищ), погибшие во время монголо-татарского погрома. «Один из четырех свирепых псов Чингис-хана», Субудай, не щадил никого. Весной 1237 г. возглавляемое им войско двинулось в прикаспийские степи, где продолжало войну с половцами. Завоеватели перешли Волгу и широким фронтом мелких отрядов, небезызвестной монгольской «облавой», прочесали степи (тактика «облавы» заключалась в том, что какая-либо территория замыкалась кольцом монгольских отрядов, которые, двигаясь широким фронтом к центру, уничтожали все живое, попавшее в «облаву»). Левый фланг «облавы» следовал вдоль берега Каспийского моря и далее по степям Северного Кавказа к низовьям Дона, правый двигался севернее, по половецким степям. Здесь воевали отряды Гуюк-хана, Монкэ-хана и Менгу-хана. Война с половцами продолжалась все лето.

В то же время другое многочисленное монгольское войско ханов Батыя, Орды, Берке, Бури, Кулькана завоевывало земли на правобережье Средней Волги. Здесь жили племена буртасов, аржанов и мокши. Народы Юго-Восточной Европы — болгары, половцы, аланы, мелкие племена Поволжья — внесли свой вклад в ее оборону, отразив первый натиск монголо-татарских завоевателей. И даже тогда, когда, по словам Джувейни, «все, что уцелело от меча, преклонило голову перед начертаниями высшего повеления» монгольских ханов, борьба продолжалась. Завоеванные народы восставали. Так, нескольким кипчакским удальцам во главе с Бачманом удалось спастись; к этим смельчакам присоединились и другие. Мало-помалу сопротивление этого отряда, утверждал Джувейни, «усиливалось, смута и беспорядки умножались. Где бы войска (монгольские) ни искали следов (его), нигде не находили его, потому что он уходил в другое место и оставался невредимым. Так как убежищем ему большей частью служили берега Итиля (Волги), он укрывался и прятался в лесах их... Менгу-каан велел изготовить 200 судов и на каждое судно посадил сотню вполне вооруженных монголов. Он и брат его Бучек пошли облавой по обеим сторонам реки». В конце концов им удалось схватить Бачмана, которого Менгу-хан приказал разрубить на две части[16]. В действиях Бачмана и его удальцов можно увидеть достаточно сильное и массовое народное движение против завоевателей. Чтобы справиться с ним, монголам пришлось не только построить флот, но и выставить значительное число вооруженных воинов; в походе против Бачмана участвовали два высокородных хана, сыновья самого Чингиса — Менгу и Бучек. Выступление против завоевателей произошло и в Волжской Болгарии. Как сообщил Рашид-ад-Дин, во время монголо-татарского нашествия на эту страну в 1236 г. «тамошние вожди Баян и Джику» (видимо, правители отдельных областей) «изъявили покорность, были щедро одарены и вернулись обратно, но потом опять возмутились»[17]. Сюда вторично был послан Субудай для их усмирения. Героическое сопротивление народов Нижнего и Среднего Поволжья задержало завоевателей. Только глубокой осенью 1237 г. монголо-татарские ханы смогли сосредоточить свои полчища у границ Северо-Восточной Руси.

О тревожной обстановке в Восточной Европе накануне монголо-татарского нашествия, о первых походах завоевателей и о борьбе местных народов против них много интересных сведений сообщил венгерский монах Юлиан, который в 1235—1236 гг. и в 1237—1238 гг. совершил путешествия в Восточную Европу. Официальной целью его путешествий были поиски «венгров-язычников», проживавших в Приуралье, для проповеди среди них христианства. Но, вероятнее всего, это была глубокая разведка, предпринятая для сбора сведений о монголо-татарах и о положении дел в Восточной Европе с благословения папы римского, не на шутку обеспокоенного монголо-татарским продвижением. Юлиан побывал в землях аланов, в Нижнем Поволжье, в Приуралье (на реке Белой), во Владимиро-Суздальской и Южной Руси. Алания, недавно пережившая монгольское нашествие, свидетельствовал Юлиан, снова находилась в тревожном ожидании, ибо монголы были на Волге. Волжская Болгария, по его словам,— «великое и могущественное царство с богатыми городами». Произвела впечатление на монаха также Мордовия — «страна язычников»[18]. Сведения, собранные Юлианом у «крайних пределов Руси» о монголо-татарах, довольно ценны. Он сообщал, что монгольский хан, «считая себя сильнее всех на свете, стал выступать против царств, намереваясь подчинить себе весь мир». Юлиан писал о том, как вели себя завоеватели на захваченных землях: «Во всех завоеванных царствах они без промедления убивают князей и вельмож, которые внушают опасения, что когда-нибудь могут оказать какое-либо сопротивление. Годных для битвы воинов и поселян они, вооружив, посылают впереди себя. Других же поселян, менее способных к бою, оставляют для обработки земли, а жен, дочерей и родственниц тех людей, которых погнали в бой и кого убили, делят между оставленными для обработки земли, назначая каждому

[15] ПСРЛ. Т. I, стб. 460.
[16] Тизенгаузен, II, стр. 23—24.
[17] Там же, стр. 44.
[18] С. А. Аннинский. Известия венгерских миссионеров XIII века о татарах и Восточной Европе. «Исторический архив». Т. 3. 1940, стр. 77—82.

по двенадцати и более, и обязывают тех людей впредь именоваться татарами. Воинам же, которых гонят в бой, если даже они хорошо сражаются и побеждают, благодарность невелика: если погибают в бою, о них нет никакой заботы, но если в бою отступают, то безжалостно умерщвляются татарами. Поэтому, сражаясь, они предпочитают умереть в бою, чем под мечами татар, и сражаются храбрее, чтобы дольше не жить и умереть скорее...

Далее говорят, что женщины их воинственны, как они сами: пускают стрелы, ездят на конях и верхом, как мужчины; они будто бы отважнее мужчин в боевой схватке, так как иной раз, когда мужчины обращаются вспять, женщины ни за что не бегут, а идут на крайнюю опасность... На укрепленные замки они не нападают, а сначала опустошают страну и грабят народ и, собрав народ той страны, гонят на битву осаждать его же замок». Говоря о численности монголо-татарского войска, Юлиан утверждает, что «его можно разделить на 40 частей, причем не найдется мощи на земле, какая была бы в состоянии противостоять одной их части. Далее говорят, что в войске у них с собою 240 тысяч рабов не их закона и 135 тысяч отборнейших воинов их закона в строю»[19]. Сведения Юлиана дополняют рассказы русских летописцев о сосредоточении войск хана Батыя у границ Руси: «Ныне же, находясь на границах Руси, мы близко узнали действительную правду о том, что (монголо-татарское) войско, идущее в страны запада... остановилось против реки Дона, близ замка Воронеж, также княжества русских. Они, как передавали нам сами русские, венгры и болгары, бежавшие перед ними, ждут того, чтобы земля, реки и болота с наступлением ближайшей зимы замерзли, после чего всему множеству татар легко будет разграбить всю Русь, всю страну русских».

Чрезвычайно интересные сведения сообщал Юлиан о дипломатической подготовке монголо-татарскими ханами нашествия на запад: «Князь суздальский передал словесно через меня королю венгерскому, что татары днем и ночью совещаются, как бы прийти и захватить королевство венгров-христиан. Ибо у них, как говорят, есть намерение идти на завоевание Рима и дальнейшего. Поэтому монгольский хан отправил послов к королю венгерскому. Проезжая через землю Суздальскую, они были захвачены князем суздальским, а письмо, посланное королю венгерскому, он у них взял. Самих послов даже я видел со спутниками, мне данными. Вышеуказанное письмо, данное мне князем суздальским, я привез королю венгерскому. Письмо же писано языческими буквами на татарском языке. Поэтому король нашел многих, кто мог прочитать его, но понимающих не нашел никого. Мы же, проезжая через Куманию (половецкие степи), нашли некоего язычника, который нам его перевел. Этот перевод таков: «Я — хан, посол царя небесного, которому он дал власть над землей возвышать покоряющихся мне и подавлять противящихся, дивлюсь тебе, король венгерский: хотя я в тридцатый раз отправил к тебе послов, почему ты ни одного из них не отсылаешь ко мне обратно, да и своих ни послов, ни писем мне не шлешь. Знаю, что ты король богатый и могущественный, и много под тобою воинов, и один ты правишь великим королевством. От того-то тебе трудно по доброй воле мне покориться. А это было бы лучше и полезнее для тебя, если бы ты мне покорился добровольно. Узнал я сверх того, что рабов моих куманов[20] ты держишь под своим покровительством; посему приказываю тебе впредь не держать их у себя, чтобы из-за них я не стал против тебя. Куманам ведь легче бежать, чем тебе, так как они, кочуя без домов в шатрах, может быть, и в состоянии убежать; ты же, живя в домах, имеешь замки и города: как же тебе избежать руки моей?»

При слухах о приближении грозных монголо-татарских завоевателей Западную Европу охватила паника. «Франция и все другие земли были напуганы известиями о татарах. Много бежало людей из Венгрии и областей Алеманнии. Из-за боязни татар много осталось во Франции нераспроданных товаров»[21]. Английские рыбаки побоялись выйти в море на лов сельди. Но пока в Западной Европе гадали, откуда пришли эти полчища кочевников, кто они и до какого предела намерены дойти в своем опустошительном нашествии, Русь уже встретила их первый, самый страшный удар. Как это неоднократно бывало и раньше, Русь грудью заслонила путь кочевникам в страны Западной Европы.

4. Перед ударом

«О светло светлая и прекрасно украшенная земля Русская и многими красотами преисполненная: озерами многими, реками и источниками, месточестными горами, кру-

[19] Впрочем, и другие современники-европейцы приводили самые фантастические данные о численности монголо-татарского войска. Так, в сочинении «О деяниях царей венгерских» Симона утверждается, что монголы имели «500 000 вооруженных», а в анонимном продолжении «История царства Французского» говорится со слов Понс д'Обена, магистра ордена тамплиеров во Франции, что монгольское войско «занимает 18 миль в длину и 12 в ширину» («История Татарии в документах и материалах». М. 1937, стр. 46—48).

[20] Имеются в виду половцы, часть которых после появления монголо-татар в причерноморских степях откочевала в Венгрию и была принята венгерским королем Белой IV.

[21] «История Татарии в документах и материалах», стр. 46.

тыми холмами, высокими дубравами, чистыми полями, дивными зверями различными, птицами бесчисленными, городами великими, селами дивными, садами обильными, домами церковными и князьями грозными, боярами честными, вельможами многими. Всем ты наполнена, земля Русская... Отсюда до венгров и до поляков, и до чехов, от чехов до ятвягов и от ятвягов (литовское племя) до литвы, от немцев до корел, от корел до Устюга, где были тоймичи язычники, и за дышущее море (Ледовитый океан), от моря до болгар (камских), от болгар до буртас, от буртас до черемис, от черемис до мордвы,— то все покорено было христианскому языку, языческие страны, великому князю Всеволоду, отцу его Юрью, князю Киевскому, деду его Владимиру Мономаху, которым половцы детей своих пугали в колыбели. А литва из болота на свет не вылезала, а венгры укрепляли каменные города железными воротами, чтобы на них великий Владимир не наехал, а немцы радовались, будучи далече за синим морем...»,— с гордостью писал неизвестный автор «Слова о погибели Русской земли» о Руси накануне монголо-татарского нашествия.

Но неспокойно было на Руси. Приключилась «в эти дни болезнь христианам» [22]. Этой «болезнью», беспокоившей автора «Слова о погибели Русской земли», была феодальная раздробленность. Могучее древнерусское государство — Киевская Русь, в течение нескольких столетий отражавшая наступление кочевых орд, окончательно распалась в 30-х годах XII в. на отдельные феодальные княжества. По образному выражению акад. Б. А. Рыбакова, «для молодого русского феодализма IX—XI вв. единая Киевская Русь была как бы нянькой, воспитавшей и охранившей от всяких бед и напастей целую семью русских княжеств. Они пережили и двухвековой натиск печенегов, и вторжение варяжских отрядов, и неурядицу княжеских распрей, и несколько войн с половецкими ханами и к XII в. выросли настолько, что смогли начать самостоятельную жизнь» [23]. Но феодальная раздробленность не стала периодом лишь упадка страны и каким-то абсолютным шагом назад в историческом развитии Руси. Напротив, она явилась закономерным этапом в истории феодальной формации, обеспечила дальнейшее политическое, экономическое и культурное развитие русских земель. Утверждение в местных феодальных центрах своих княжеских династий, приведшее к прекращению бесконечных перемещений князей с их дружинами из города в город, из княжества в княжество, было положительным явлением. Ведь даже простые «отъезды» князей, не говоря уже о феодальных войнах, создавали в стране обстановку общей неустойчивости, нарушали нормальную жизнь, вызывали обострение классовых противоречий. В период феодальной раздробленности князья, прочно осевшие в «отчинах», старались регулировать поборы, чтобы оставить наследникам свои владения в приличном состоянии. Успешнее развивалось и боярское хозяйство, избавленное от разорительных «наездов» представителей великокняжеской администрации — тиунов, данщиков и вирников. Внутри больших земель-княжений во второй половине XII — начале XIII в. уже наблюдалась тенденция к усилению княжеской власти, постепенная политическая консолидация, подготавливавшая объединение страны на новой, более прочной основе. Эту тенденцию нелегко проследить в неразберихе княжеских междоусобных войн, боярских заговоров и кровавых столкновений князей с собственным боярством (из которых первые далеко не всегда выходили победителями!), периодических «отпочкований» мелких и мельчайших «уделов», в которых сидела строптивая «меньшая братия» владимирских, черниговских, смоленских, полоцких, галицко-волынских князей,— но условия, способствовавшие политическому объединению страны, уже складывались. Постепенно создавались крупные экономические области (примерно соответствовавшие по своей территории отдельным землям-княжениям), нарушалась замкнутость натурального хозяйства и устанавливались экономические связи города с деревней, усиливались социальные элементы, поддерживавшие великокняжескую власть (служилые феодалы и торгово-ремесленная верхушка городов).

Успешно развивалось сельское хозяйство, составлявшее основу экономики феодальной Руси. Повсеместное распространение получало пашенное земледелие, вытеснявшее подсечное даже в отдаленных северо-восточных районах. Осваивались новые земли в Поволжье и на Русском Севере. С введением трехполья и удобрения почвы навозом повысилась урожайность. В сельском хозяйстве стало массовым применение железных орудий, которые в большом количестве производили городские ремесленники: по археологическим материалам известно более 40 видов железного сельскохозяйственного инвентаря того времени. С применением более совершенных орудий наблюдается рост производительности труда в земледелии. Этому способствовало и распространение натуральной ренты, которая давала крестьянскому хозяйству бо́льшую самостоятельность и повышала заинтересованность крестьян в результатах своего труда. Период экономического подъема переживали города. В XIII в. их насчитывалось около 300. Археологические раскопки древнерусских городов свидетельствуют о высоком искусстве русских ремесленников, о наличии многочисленных ремесленных специальностей (их было около 60), о масштабах ремесленного производства. Изделия русских ремесленников — кузнецов, оружейников, ювелиров — славились далеко за пределами Руси и вывозились в страны Центральной и Западной Европы. В городах появлялись кор-

[22] «Хрестоматия по истории СССР с древнейших времен до конца XV века». М. 1960, стр. 431—432.

[23] Б. А. Рыбаков. Первые века русской истории. М. 1964, стр. 148.

поративные организации купцов и ремесленников, характерные для средневековья. Они выступали за свои сословные права, отстаивали городские «вольности» от притязаний феодалов. Могучие в экономическом и политическом отношении крупнейшие города Древней Руси (Новгород, Полоцк, Смоленск и некоторые иные) уже стояли на пути превращения в свободные «города-коммуны», сыгравшие такую большую роль в истории западноевропейского средневековья. Развивалась и древнерусская культура. Кроме Киева, возникли новые культурные центры в различных областях страны, которые тоже внесли свой вклад в общую сокровищницу древнерусской культуры. Во Владимире, Галиче, Чернигове, Новгороде и многих других городах Руси развивалась культура, отличавшаяся местными особенностями и своеобразием. В условиях феодальной раздробленности древнерусская цивилизация в основе оставалась единой: культура различных феодальных княжеств выросла из богатейшего наследия Киевской Руси, была объединена общностью исторических судеб и социально-экономической структуры русских княжеств, единством материальной основы феодального общества. Широко развернулось каменное строительство: местные князья, обособившись от Киева, старались украсить свои столицы роскошными постройками. Многие шедевры древнерусской архитектуры, до наших дней вызывающие восхищение, созданы в то время: строгие церкви Великого Новгорода, белокаменные соборы Владимиро-Суздальского княжества, украшенные искусной резьбой, роскошные дворцы Галицко-Волынской земли... Распространялась грамотность. Можно без преувеличения сказать, что для городского населения Древней Руси грамотный человек не был редкостью. О том свидетельствуют найденные археологами многочисленные знаменитые берестяные грамоты, а также надписи на ремесленных изделиях и «граффити» (резные надписи) на стенах храмов. Автор «Слова о погибели Русской земли» имел все основания писать: «Всем ты наполнена, земля Русская!»

Тем не менее феодальная раздробленность несла в себе и отрицательные черты. Что касается ее связи с будущим поражением Руси от монголо-татар, то трагедия Руси заключалась в том, что прогрессивные процессы, проходившие во второй половине XII — первой половине XIII в., еще не завершились ко времени монголо-татарского нашествия. Перед лицом внешнего врага решающую роль сыграла военная слабость страны: полчища Батыя встретило не объединенное русское войско, а дружины и ополчения отдельных городов и княжеств. Такова своеобразная логика истории: решающее военное преимущество монголо-татарам дала как раз их отсталость по сравнению с Русью. Монгольское раннефеодальное государство еще не дошло до этапа феодальной раздробленности. В этом, между прочим, состояла в конечном счете историческая обреченность монголо-татарских завоеваний, ибо к тому времени, когда Золотая Орда — государство завоевателей — переходила к уделам и мелким улусам, на Руси уже складывалось вокруг Москвы централизованное государство, которое потом сбросило чужеземное иго.

Русский народ и другие народы оказали героическое сопротивление завоевателям. Ремесленники производили для русского войска много разнообразного и совершенного по тому времени оружия. Как и в годы войны с печенегами, основным оружием русского дружинника XIII столетия был прямой обоюдоострый меч. Но форма его несколько изменилась: меч стал короче, легче, удобнее в бою, а заостренный конец давал возможность не только рубить, но и колоть врага. Известна на Руси и изогнутая сабля, однако широкого распространения в русском войске она не получила. В летописях сабля как орудие русского воина упоминается с IX в. и до начала XIII в. только три раза, а меч — более 50 раз. Саблями были в основном вооружены отряды вспомогательной конницы из кочевников, служивших русским князьям,— торков, берендеев, печенегов. Как и в предыдущие столетия, важнейшим оружием русского дружинника оставалось копье с железным наконечником на длинном прочном древке. Удар конницы, вооруженной такими копьями и на полном скаку врезавшейся во вражеский строй, был сокрушительным. Русские воины использовали в бою и метательные копья — короткие и легкие «сулицы», которые бросали во врагов непосредственно перед рукопашной схваткой. У многих воинов были также луки: бой обычно начинался с перестрелки. По словам летописцев, воины «пускали множество стрел, так что и неба не было видно»: стрелы «шли, как дождь». Защитное вооружение русского витязя состояло из высокого, плавно вытянутого кверху шлема и кольчужного доспеха — «брони». Применение тяжелых доспехов — «броней» — было массовым. Даже такой, далеко не перворазрядный князь, как Юрий Владимирович Белозерский, мог выставить «тысячу бронников», то есть дружинников, одетых в кольчуги. Защитное вооружение дополнялось овальными или миндалевидными щитами с металлическими бляхами. Щиты были обычно красного цвета, «червленными».

Русские дружинники являлись профессиональными воинами, опытными и умелыми, привычными к нелегкой, полной опасности военной жизни, всегда готовыми к походам и битвам, превосходно вооруженными. Однако русские дружины были немногочисленными. Они состояли из нескольких сот или в редких случаях тысяч воинов. Уже прошло то время, когда великие князья киевские могли выводить в поход на Византию или собирать для обороны степной границы войско в десятки тысяч воинов. Для периода феодальной раздробленности было характерно уменьшение численности войска. Так, судя по летописям, для XI в. известны 2 случая, когда собиралось войско более 10 тыс. человек, от 1 до 10 тыс. — тоже 2 случая, менее 1 тыс. человек — 3 случая.

Для XII в. более 10 тыс. человек—4 случая, от 1 до 10 тыс. человек — 5 случаев, менее 1 тыс. человек — 12 случаев. Для XIII в. более 10 тыс. человек — один случай, от 1 до 10 тыс. — 6 случаев, менее 1 тыс. человек — 7 случаев [24]. Таким образом, примерно в 20 процентах войн войско Древней Руси превышало 10 тыс. человек. Походы, для которых собирались объединенные рати численностью в 40—50 тыс. воинов из многих княжеств, были редкостью и удавались лишь в особо благоприятных условиях. Собрать объединенное войско перед нашествием Батыя русские князья не смогли. При оценке военных сил Руси следует помнить, что даже княжеские дружины, отличавшиеся превосходными боевыми качествами, в силу феодального характера во́йска были мало пригодны к действию большими массами, под единым командованием и по единому плану. Князь считался главой во́йска своего княжества. Но отдельные полки, состоявшие обычно из боярских и других местных дружин, знали в первую очередь своего предводителя и не всегда считались с распоряжениями князя. Действовал обычный для средневековья принцип: «Вассал моего вассала — не мой вассал!» Еще бо́льшие трудности встречало руководство объединенным войском нескольких княжеств, не говоря уже о том, что такое войско было чрезвычайно сложно собрать из-за междоусобных распрей. Даже во время совместных походов между князьями нередко возникали разногласия, полная несогласованность действий, нежелание прийти на помощь соседу, попавшему в трудное положение, и все это несмотря на обычные перед походами клятвы быть «сердцем едиными». В результате феодальный характер во́йска даже в случае концентрации значительных сил мешал одержать возможную победу. Так было, например, в битве на реке Калке, когда русские дружины не смогли добиться успеха, хотя и имели численное превосходство над противником.

При недостаточной численности княжеских и боярских дружин только привлечение еще и народного ополчения могло остановить продвижение крупных сил внешнего врага. Но если княжеские дружины по вооружению и боевой выучке превосходили монгольскую конницу, то об основной, наиболее многочисленной части русского войска, городских и сельских ополчениях, этого сказать нельзя. Прежде всего ополченцы уступали кочевникам в качестве вооружения. Самым распространенным оружием смердов-ополченцев были простые хозяйственные топоры, рогатины, реже копья. Случалось, смерды выходили на битву с кольями и палками — «киями». Мечи и доспехи у ополченцев встречались чрезвычайно редко. Спешно набранное из крестьян и горожан ополчение, безусловно, уступало воинам-кочевникам, для которых война была привычным бытом, и в умении владеть оружием.

Феодальная раздробленность наложила определенный отпечаток и на характер оборонительных мероприятий Руси. В условиях единого древнерусского государства основные усилия были направлены на организацию обороны южной степной границы в масштабах всей страны. По единому плану строились вдоль пограничных рек укрепленные линии, состоявшие из мощных валов и рвов; возводились цепи пограничных крепостей с сильными гарнизонами, созванными с различных земель Руси. В случае опасности к степной границе в стратегически выгодном пункте собирались рати многих городов, чтобы нанести удар кочевникам. Вся эта веками складывавшаяся система обороны страны ко времени нашествия монголо-татар оказалась нарушенной: общегосударственные мероприятия по обороне южной границы были уже не под силу отдельным князьям. В условиях «войны всех против всех», свойственной феодальной раздробленности, на смену единой системе обороны страны пришла оборона каждого княжества в отдельности, причем задачи отпора внешнему врагу были далеко не главными. Соответственно строились и укрепления в княжествах. Это наглядно видно, скажем, в Рязанском княжестве, которое в силу своего пограничного положения на южной окраине, казалось, должно бы было уделить основное внимание обороне со стороны Половецкой земли. Между тем со стороны степей Рязанское княжество прикрывали только укрепления Пронска и выдвинутого далеко на юг Воронежа. А вот с севера, со стороны Владимиро-Суздальского княжества, рязанские земли имели целую цепь сильных крепостей. Выход из Москвы-реки в Оку прикрывала Коломна, несколько выше по Оке стояла рязанская крепость Ростиславль, ниже по течению Оки — Борисов-Глебов, Переяславль-Рязанский, Ожск. Западнее, на реке Осетре, был воздвигнут Зарайск; восточнее и северо-восточнее Рязани — Ижеславец, Исады.

Укрепления русских городов были в основном предназначены для противодействия соседу во время феодальных войн, которые обычно велись небольшими княжескими дружинами. Городские укрепления состояли из небольшого по площади «детинца», места жительства князя, его бояр и дружинников, и обширного посада, опоясанного линией земляных валов с деревянными стенами и башнями. При сооружении крепостей широко использовались высокие, обрывистые берега рек, склоны холмов, овраги, болота. Феодальному характеру войн соответствовала тактика осады и обороны городов. Если неожиданным налетом город взять не удавалось и внутри него не оказывалось сторонников, которые могли открыть городские ворота, то начиналась осада, рассчитанная чаще всего на измор осажденных. Нападавшие старались отрезать город от внешнего мира, «отнять воду», предупредить возможность «вылазок» защитников города. В русском войске не было осадных машин, с помощью которых можно было разру-

[24] В. Вилинбахов. Источники требуют критического подхода. «Военно-исторический журнал», 1961, № 4, стр. 119.

шить валы и стены, преодолеть укрепления. Поэтому, если в городе было достаточно воды и продовольствия, осада часто оказывалась безуспешной. Иногда удавалось поджечь деревянные стены или вызвать пожар внутри города. Это делалось руками лазутчиков или тайных сторонников среди осажденных. Ко времени монголо-татарского нашествия русские города еще не имели опыта борьбы с активной осадой. Не было у них и специальных систем укреплений, способных противостоять штурмам с массовым применением таранов и метательных машин. Использование большого количества осадных машин —«пороков», неизвестных русским воинам, дало еще одно преимущество монголо-татарским завоевателям. К тому же большинство древнерусских городов имело сравнительно немногочисленное население. По подсчетам акад. М. Н. Тихомирова, только наиболее крупные из них (Новгород, Чернигов, Владимир-на-Клязьме, Владимир-Волынский, Галич, Киев) насчитывали по 20—30 тыс. жителей и могли в случае серьезной опасности выставить по 3—5 тыс. воинов. Ростов, Суздаль, Рязань, Переяславль-Русский были еще меньше, а численность населения других русских городов редко превышала 1 000 человек [25]. Если вспомнить, как монголы ранее успешно штурмовали крупные азиатские города, обнесенные каменными стенами, имевшие множество метательных машин и насчитывавшие десятки и сотни тысяч жителей, то можно представить, сколь тяжелой оказалась героическая борьба русских городов против полчищ Батыя [26].

Опасность была грозной. Монголо-татарские полчища приближались. Но на Руси даже накануне нашествия не делалось каких-либо попыток объединить военные силы для отпора врагу. Русских феодалов Калка мало чему научила, они немногое сделали для организации обороны, хотя знали о готовившемся вторжении. Сведения о первом после Калки появлении монгольской конницы на рубежах Юго-Восточной Европы дошли до Руси из Волжской Болгарии. Знали на Руси и о военных действиях у болгарских границ в 1232 г., когда монголо-татары зимовали в прикаспийских степях, не пробившись к болгарским городам. В 1236 г. русские летописцы сообщили о разгроме монголо-татарами Волжской Болгарии. Владимирский великий князь Юрий Всеволодович хорошо знал о готовившемся нашествии: именно в его владения направился основной поток беженцев из разгромленного монголами Поволжья. Болгары массами приходили тогда во Владимиро-Суздальскую землю и просили убежища. Владимирский князь «вельми рад сему был и повелел их развести по городам около Волги и в другие». О завоевательных планах монголо-татарских ханов Юрию Всеволодовичу было известно также от татарских послов, неоднократно проезжавших через русские земли на запад. Знали на Руси и о месте сосредоточения монголо-татарских орд для похода на Северо-Восточную Русь: о том, где собирались войска Батыя осенью 1237 г., венгерскому монаху Юлиану «передавали словесно сами русские». Даже если допустить, что наступление монголо-татар именно зимой явилось определенной тактической неожиданностью для русских князей, привыкших к осенним набегам половцев, то о стратегической внезапности не могло быть и речи. После разгрома Волжской Болгарии и появления в русских землях болгарских беженцев многие лица советовали великому князю владимирскому Юрию Всеволодовичу «городы крепить и со всеми князи согласиться к сопротивлению, ежели оные нечестивые татары придут на землю его, но он, надеяся на силу свою, яко и прежде, оное презрил» [27]. Каждое русское княжество встретилось с несметными полчищами хана Батыя один на один. В этой обстановке можно только восхищаться и гордиться народными массами, сумевшими оказать завоевателям героическое сопротивление и сорвавшими далеко шедшие завоевательные планы монголов. Велик был подвиг народа, свершившего это, и неисчислимы жертвы, понесенные русскими людьми в битвах за родную землю.

---

[25] М. Н. Тихомиров. Древнерусские города. М. 1956, стр. 139—140.

[26] Подробнее о вооружении, тактике, стратегии русского войска и укреплениях русских городов см.: «История культуры Древней Руси». Т. I. М.-Л. 1948, стр. 397—470.

[27] В. Н. Татищев. История Российская. Т. 3. М.-Л. 1964, стр. 230.

(Продолжение следует.)

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА В СССР

В Отделении истории АН СССР

НОВОЕ ПОПОЛНЕНИЕ ОТДЕЛЕНИЯ ИСТОРИИ АН СССР

Академия наук СССР пополнилась новым отрядом ученых, внесших своими исследованиями большой вклад в развитие советской науки. На общем собрании Академии наук СССР 26 ноября 1968 г. в состав Академии было избрано 40 академиков и 80 членов-корреспондентов. Столь значительное увеличение состава Академии наук является ярким свидетельством усиления роли науки в нашем социалистическом обществе.

По Отделению истории в состав Академии наук было избрано 2 действительных члена и 3 члена-корреспондента.

В действительные члены Академии наук СССР по специальности «Всеобщая история» избран Бободжан Гафурович Гафуров. Б. Г. Гафуров — директор Института народов Азии АН СССР, р. в 1908 г., таджик, член КПСС с 1932 г., член-корреспондент АН СССР, действительный член АН Таджикской ССР, доктор исторических наук, заслуженный деятель науки Таджикской ССР. Б. Г. Гафуров — специалист в области востоковедения, автор более 100 научных работ, посвященных истории, идеологии и истории культуры народов Среднего Востока и Центральной Азии и проблемам национально-освободительной борьбы народов Востока. Ему принадлежат труды «История таджикского народа» (вышло в свет четыре издания), «Об исмаилизме», «О причинах возвышения и падения Саманидов», «Некоторые вопросы национальной политики КПСС», «В. И. Ленин — великий друг народов Востока», «Октябрьская революция и национально-освободительное движение» и другие. Б. Г. Гафуров длительное время возглавляет Институт народов Азии АН СССР. Свидетельством признания научных заслуг Б. Г. Гафурова за рубежом явилось избрание его членом Польского общества ориенталистов, членом Индийского совета по культурным отношениям и заместителем председателя правления Фонда афро-азиатской солидарности. Он осуществляет большую общественную работу, являясь заместителем председателя Советского комитета солидарности со странами Азии и Африки. Б. Г. Гафуров — участник многих международных конференций.

В действительные члены Академии наук СССР (Сибирское отделение) по специальности «История» избран Алексей Павлович Окладников. А. П. Окладников — директор Института истории, филологии и философии Сибирского отделения АН СССР, р. в 1908 г., русский, член КПСС с 1946 г., доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент АН СССР, лауреат Государственной премии, заслуженный деятель науки РСФСР и ЯАССР. А. П. Окладников — специалист в области археологии и древнейшей истории Сибири, Дальнего Востока, Средней и Центральной Азии, автор более 400 научных работ, в том числе 12 монографий. Им были обнаружены и исследованы многочисленные памятники эпохи палеолита, неолита и бронзового века, сделаны важные открытия в истории многих народов, населяющих указанные территории, в том числе в древнейшей истории Монголии и среднеазиатских республик Советского Союза. Научная и общественная деятельность А. П. Окладникова была отмечена присвоением ему почетного звания лауреата Государственной премии, заслуженного деятеля науки РСФСР и ЯАССР и правительственными наградами.

В члены-корреспонденты АН СССР по специальности «История СССР» избран Павел Андреевич Жилин. П. А. Жилин — начальник Института военной истории МО СССР (г. Москва), р. в 1913 г., русский, член КПСС с 1942 г., профессор, доктор исторических наук, лауреат Государственной премии. П. А. Жилин является известным советским ученым, внесшим большой вклад в разработку проблем отечественной, главным образом военной, истории. Его перу принадлежит около 90 научных работ, в том числе 15 книг и брошюр, в которых разрабатывается важная и актуальная проблема исторической науки — борьба нашего народа с агрессорами. Широкую известность получили его исследования по Отечественной войне 1812 г. и Великой Отечественной войне 1941—1945 годов. Среди его трудов — монографии «Контрнаступление русской армии в 1812 году» (удостоена Государственной премии), «Как фашистская Германия готовила войну против Советского Союза», «КПСС в авангарде борьбы с фашизмом в годы второй мировой войны», «КПСС — организатор победы в Великой Отечественной войне» и другие. В настоящее время П. А. Жилин подготовил и сдал в печать большой труд «Гибель наполеоновской армии». Ряд его работ издан в Болгарии, ГДР, Польше, Чехословакии, КНР, Франции и Англии. Наряду с научно-исследовательской деятельностью П. А. Жилин ведет большую организационную работу, активно участвует в общественной и научной жизни. Он возглавляет недавно созданный Институт военной истории, много лет работал в Академии общественных наук при ЦК КПСС.

В члены-корреспонденты АН СССР по специальности «История КПСС» избран Курман-Гали Каракеевич Каракеев. К.-Г. К. Каракеев — президент АН Киргизской ССР, р. в 1913 г., киргиз, член КПСС с 1938 г., кандидат исторических наук, академик АН Киргизской ССР. К.-Г. К. Каракеев является специалистом по истории Киргизии. Им опубликовано более 60 научных работ, в том числе статьи «Развитие науки в Советском Киргизстане», «Расцвет культуры Советского Киргизстана», «Киргизстан в братской семье народов СССР» и другие. В этих работах К.-Г. К. Каракеев воссоздает путь становления и развития науки в Киргизии на общем фоне расцвета науки в СССР. К.-Г. К. Каракеев участвует в написании и редактировании таких обобщающих трудов, как «История Киргизской ССР», «Очерки истории Коммунистической партии Киргизии», а также «Победа Советской власти в Средней Азии и Казахстане», «Торжество идей пролетарского интернационализма и дружбы народов в Советском Киргизстане», и о других. Он является членом главной редакции многотомной «Истории СССР», участвовал в переводе «Истории КПСС» и учебника «Политическая экономия» на киргизский язык.

В члены-корреспонденты АН СССР по специальности «Всеобщая история» избран Сергей Леонидович Тихвинский. С. Л. Тихвинский заведует отделом МИД СССР, р. в 1918 г., русский, член КПСС с 1941 г., профессор, доктор исторических наук. Он является специалистом в области востоковедения, автор более 60 научных работ. Основное направление его научной деятельности — новая и новейшая история Китая. В его работе «Сунь Ят-сен. Внешнеполитические воззрения и практика» исследуется проблема формирования китайской буржуазии и ее идеологии, в данном случае идеологии ее революционно-демократического крыла. С. Л. Тихвинским написана также монография «Движение за реформы в Китае в конце XIX века и Кан Ю-вэй». В настоящее время под руководством С. Л. Тихвинского и при его непосредственном участии ведется работа по написанию крупного обобщающего коллективного труда «Новая история Китая». С. Л. Тихвинский осуществлял большую редакторскую работу, участвуя в издании многотомной «Всемирной истории», «Дипломатического словаря», дипломатических документов МИД СССР.

Обзоры

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ КРЕСТЬЯНСКОЙ КРАСНОЙ ГВАРДИИ

Основной вооруженной силой деревенской бедноты в Великой Октябрьской социалистической революции была крестьянская Красная гвардия. Она создавалась в селах и деревнях страны в период триумфального шествия Советской власти по инициативе большевистских партийных организаций и Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, возглавляемых большевиками. Сельские и деревенские красногвардейцы были опорой местных органов Советской власти в деле защиты и упрочения завоеваний Октября. На них опирались волостные Советы и земельные комитеты при проведении в жизнь декретов Советской власти и установлении революционного порядка. Поэтому не случаен интерес, который вызывает история организации и деятельности крестьянской Красной гвардии. Следует отметить, однако, что этот вопрос до настоящего времени обстоятельно не разработан. Исследование его связано с большими трудностями. Источниковедческая база по истории крестьянской Красной гвардии довольно узка, документальных материалов сохранилось мало. И все же, по нашему мнению, можно попытаться подвести некоторые итоги изучения истории крестьянской Красной гвардии, а также проанализировать источники, имеющиеся в распоряжении исследователей по данной проблеме, на материалах губерний Центрального промышленного района.

Советские исследователи неоднократно обращались к истории Красной гвардии Петрограда, Москвы, Центрального промышленного района, Украины, Белоруссии, Урала и других районов страны, ее роли в Октябрьской революции [1]. В подавляющем большинстве трудов речь идет о рабочих красногвардейских отрядах, но некоторые авторы уделяют внимание истории организации крестьянской Красной гвардии (Г. Рычкова, К. Ф. Малыхина, Н. А. Голубев, А. Хохлов и др.) [2]. В работе Г. Рычковой показано, что на Урале начиная с января 1918 г. наряду с рабочей Красной гвардией создавались и отряды крестьянской Красной гвардии, которые были опорой уездных и волостных Советов в борьбе с кулацкими выступлениями. В последующие четверть века история крестьянской Красной гвардии не была в поле зрения исследователей. Только в последнее десятилетие эта проблема вновь стала интересовать историков. Значительное внимание истории крестьянских красногвардейских отрядов Сибири и их роли в победе власти Советов на местах уделила К. Ф. Малыхина. Н. А. Голубев в статье, посвященной Красной гвардии трех губерний текстильного края (Владимирской, Костромской и Ярославской), наряду с организацией рабочей

---

[1] С. Венцов, С. Белицкий. Красная гвардия. М. 1924; В. Малаховский. Из истории Красной гвардии. М. 1925; его же. Исторический смысл и значение рабочей Красной гвардии. «Старый большевик», 1933, № 4(7); Н. И. Подвойский. Красная гвардия в Октябрьские дни. М.-Л. 1927; Я. Я. Пече. Из истории борьбы Красной гвардии в Октябре. «Пролетарская революция», 1926, № 11; А. Сивцов. Киевская Красная гвардия в борьбе за власть Советов. Харьков. 1927; М. Лурье. Петроградская Красная гвардия (февраль 1917—1918 г.). Л. 1938; В. Ф. Морозов. Московские большевики в борьбе за создание Вооруженных Сил Советской республики в 1917—1918 гг. М. 1950; Е. Ф. Ерыкалов. Красная гвардия в борьбе за власть Советов. М. 1957; П. Н. Чирков. Борьба большевистских организаций Центрального промышленного района за создание Красной гвардии. Февраль — ноябрь 1917 г. «Коммунистическая партия в борьбе за победу Октября». Сборник статей. М. 1958; Т. А. Логунова. Московская Красная гвардия в 1917 году. М. 1960; В. И. Старцев. Очерки по истории Петроградской Красной гвардии и рабочей милиции. М.-Л. 1965; Г. А. Цыпкин. Красная гвардия в борьбе за власть Советов. М. 1967, и др.

[2] См. Г. Рычкова. Красная гвардия на Урале. Свердловск. 1933; К. Ф. Малыхина. Красная гвардия Сибири в борьбе за власть Советов (1917 — май 1918 г.). Автореферат канд. дис. Томск. 1963; Н. А. Голубев. Рост и укрепление Красной гвардии Владимирской, Костромской и Ярославской губерний в конце 1917 — начале 1918 г. «Из истории рабочего класса СССР». Иваново. 1964; А. Хохлов. Красная гвардия Белоруссии в борьбе за власть Советов (март 1917 — март 1918 г.). Минск. 1965, и др.

Красной гвардии рассматривал вопрос о создании и деятельности крестьянских отрядов красногвардейцев. По подсчетам автора, в городской и сельской местности этих губерний к весне 1918 г. насчитывалось около 7 500 красногвардейцев[3]. Это была первая попытка показать, как создавалась крестьянская Красная гвардия в текстильном крае. А. Хохлов в монографии также исследует процесс организации и деятельности не только рабочей, но и крестьянской Красной гвардии, приводит данные о численности ее волостных и уездных отрядов, отмечает большую роль солдат в организации крестьянской Красной гвардии в губерниях Белоруссии. По подсчетам автора, рабочая и крестьянская Красная гвардия Белоруссии в начале 1918 г. насчитывала около 20 тыс. бойцов и была равна по численности красногвардейским отрядам губерний Центрального промышленного района[4]. Эти данные свидетельствуют о том, что Красная гвардия Белоруссии в период триумфального шествия Советской власти представляла внушительную силу, на которую большевистская партия опиралась в борьбе за власть Советов.

В 1966 г. попытка исследовать историю организации Красной гвардии в сельской местности Центрального промышленного района была предпринята автором данного обзора[5]. На основании документальных материалов удалось установить, что примерно 180 из 256 красногвардейских отрядов, созданных в губерниях этого района в период с ноября 1917 по февраль 1918 г., были крестьянскими (волостными, сельскими и деревенскими).

История крестьянской Красной гвардии в селах Левобережной Украины рассматривается в статье П. Ф. Решодько[6]. Автор пишет, что отдельные боевые дружины в селах этого района были созданы еще в дни корниловского мятежа, однако повсеместная организация крестьянских отрядов Красной гвардии началась здесь, так же, как и в Центральном промышленном районе, с ноября 1917 года. В исследовании отмечается большая роль крестьянской Красной гвардии в установлении и укреплении Советской власти на Левобережной Украине. К такому же выводу на материалах всей страны пришел и В. П. Верхось[7].

Краткие сведения о существовании и деятельности отдельных отрядов крестьянской Красной гвардии в волостях, селах и деревнях страны имеются и в общих работах, посвященных истории Октябрьской революции, а также в ряде монографий и статей, рассматривающих вопросы установления власти Советов на местах[8].

Наибольшее внимание этому уделено в монографиях П. Н. Соболева[9]. На материалах Воронежской губернии автор сделал вывод, что крестьянская Красная гвардия была основной вооруженной опорой деревенской бедноты в борьбе за власть Советов.

Вопрос о роли крестьянской Красной гвардии в осуществлении Декрета о земле, к сожалению, не нашел должного освещения в работах, посвященных аграрным преобразованиям в деревне. Только в статье Е. А. Луцкого отмечается, что Советы

---

[3] См. Н. А. Голубев. Указ. соч., стр. 61.

[4] См. А. Хохлов. Указ. соч., стр. 120—122, 146, 172—173, 178 и др.

[5] Р. Г. Цыпкина. Красная гвардия сельской местности Центрального промышленного района. «Борьба за победу и укрепление Советской власти. 1917—1918». М. 1966, стр. 96—150.

[6] П. Ф. Решодько. Червона гвардія в селах Лівобережной Україны (листопад 1917 — січень 1918 рр). «Український історичній журнал», 1966, № 11.

[7] В. П. Верхось. Партия большевиков и крестьянская Красная гвардия. «Вопросы истории КПСС», 1967, № 7, стр. 50—57.

[8] См. А. Котеленец. Во главе революционного крестьянства. М. 1957; Н. И. Резвый, П. И. Козлов. Борьба за власть Советов в Ярославской губернии. Ярославль. 1957; «Установление Советской власти на местах». Сборник статей. М. 1958; Х. А. Ерицян. Советы крестьянских депутатов в Октябрьской социалистической революции. М. 1960; «История Великой Октябрьской социалистической революции». М. 1967; Е. Н. Городецкий. Рождение Советского государства. 1917—1918 гг. М. 1965; П. Н. Першин. Аграрная революция в России. М. 1966; Г. А. Трукан. Октябрь в Центральной России. М. 1967; В. Ф. Морозов. Борьба большевистской партии за установление Советской власти в губерниях Центральной России (октябрь 1917 — март 1918 г.). Саратов — Пенза. 1967.

[9] См. П. Н. Соболев. Подготовка социалистической революции и установление Советской власти в Воронежской губернии. Воронеж. 1955; его же. Беднейшее крестьянство — союзник пролетариата в Октябрьской революции. М. 1958.

прибегали к помощи красногвардейцев для охраны помещичьих имений, подвергавшихся разгрому со стороны кулаков [10]. Таким образом, можно сказать, что ведется изучение процесса организации и деятельности крестьянских отрядов Красной гвардии в отдельных районах страны, но масштабы и итоги этой работы явно недостаточны.

В то же время документальные источники свидетельствуют, что крестьянские красногвардейские отряды имелись во многих районах страны и сыграли значительную роль в упрочении власти Советов на местах. Эффективность дальнейшего исследования истории крестьянской Красной гвардии зависит в первую очередь от расширения круга источников, которые могут быть при этом использованы. При разработке истории крестьянской Красной гвардии в губерниях Центрального промышленного района можно выделить несколько групп источников и материалов по этой теме. Основным источником являются сборники документов, в которые вошли архивные материалы, а также газетные сообщения 1917—1918 гг., собраны протоколы, постановления, инструкции и уставы большевистских организаций, Советов, земельных комитетов и других органов власти, относящиеся к организации Красной гвардии в деревне. Материалы по данной проблеме имеются также в хрониках событий Великой Октябрьской социалистической революции. Эти документы свидетельствуют о том, что Центральный Комитет и Московское областное бюро РСДРП(б), а также Московский областной Совет рабочих, солдатских депутатов вскоре после установления Советской власти в крупных промышленных центрах развернули активную работу по организации крестьянской Красной гвардии. В ноябре 1917 г. Московское областное бюро большевиков приняло инструкцию, которая была одобрена ЦК РСДРП(б) и затем разослана по всей стране. В ней рекомендовалось местным партийным организациям для быстрейшего установления Советской власти на местах создавать в деревне Красную гвардию и вооружать ее [11]. О том, какое большое внимание уделял ЦК партии большевиков организации и вооружению красногвардейских отрядов на местах, показывает переписка Секретариата ЦК РСДРП(б) с местными партийными организациями. В письмах ЦК давал рекомендации по созданию Красной гвардии, а также оказывал непосредственную помощь в обеспечении красногвардейских отрядов оружием [12].

В сборниках документов, изданных областными издательствами, содержатся в основном материалы местных, а также центральных архивов, выдержки из периодической печати за 1917—1918 годы. Они раскрывают роль большевистских партийных организаций и Советов в формировании Красной гвардии в селах и деревнях Центрального промышленного района, в победе и упрочении завоеваний Октября. Эти документы говорят о том, что создание здесь крестьянской Красной гвардии началось сразу же после III Московской областной конференции большевиков и III Московского областного съезда Советов (первая половина декабря 1917 г.), признавших необходимость срочной повсеместной организации красногвардейских отрядов для борьбы с контрреволюцией. Большую помощь местным органам в установлении Советской власти, в образовании вооруженных отрядов в селах и деревнях оказывали прибывшие в уезды представители промышленных центров [13]. Так, исполкомом Московского областного Совета рабочих, солдатских депутатов был послан в Льговский уезд, Курской губернии, инструктор областного Совета В. Мезенцев «для организации сети Красной гвардии, причем немедленно, после организации Кр[асной] гвардии в Льговском у., тов. Мезенцев должен следовать в другие уезды Курск[ой] губ. с той же целью — органи-

---

[10] См. Е. А. Луцкий. К истории конфискации помещичьих земель в 1917—1918 гг. «Известия» АН СССР. Серия истории и философии. 1948. Т. V, № 6, стр. 514.

[11] См. «Упрочение Советской власти в Москве и Московской губернии». М. 1958, стр. 19.

[12] «Переписка Секретариата ЦК РСДРП(б) с местными партийными организациями (ноябрь 1917 г.— февраль 1918 г.)». Сборник документов. Т. II. М. 1957, стр. 76, 82—83, 94—95, 97, 131, 173—174, 217 и др.

[13] «Установление и упрочение Советской власти в Смоленской губернии в 1917—1918 гг». Сборник документов. Смоленск. 1957, стр. 181—185; «Борьба за установление и упрочение Советской власти в Курской губернии». Сборник документов и материалов. Курск. 1957, стр. 150—151, 159; «Борьба рабочих и крестьян под руководством большевистской партии за установление и упрочение Советской власти в Тамбовской губернии (1917—1918 годы)». Сборник документов. Тамбов. 1957, стр. 124—125, и др.

зации Красной гвардии»[14]. По другим документам, опубликованным в том же сборнике, можно проследить, что В. Мезенцев успешно выполнил порученную ему работу[15].

При активном участии представителей промышленных центров в декабре 1917 — феврале 1918 г. во многих губерниях состоялись конференции большевиков и съезды Советов. Постановления губернских и уездных партийных и советских органов об установлении Советской власти содержат рекомендации волостным партийным организациям, Советам и земельным комитетам немедленно организовать Красную гвардию на местах. Такие решения были приняты III Нижегородской губернской конференцией РСДРП(б), Ковровским уездным комитетом РСДРП(б) (Владимирская губ.), Хлевенским уездным совещанием РСДРП(б) (Воронежская губ.), Щигровским уездным комитетом РСДРП(б) (Курская губ.), а также I Воронежским губернским съездом крестьян, I Калужским и II Рязанским учредительными губернскими съездами Советов, Тамбовским временным исполнительным комитетом Совета, объединенным Тверским губернским Советом и др. В это же время организовать крестьянскую Красную гвардию в селах и деревнях решили многие уездные Советы Калужской, Орловской, Смоленской, Тамбовской, Московской, Владимирской, Курской, Костромской и других губерний[16].

В одном из сборников опубликована выдержка из газеты «Известия ЦИК Советов» от 24 февраля 1918 г., в которой рассказывалось, что Красная гвардия в волостях и деревнях Великоархангельской волости, Бобровского уезда, Воронежской губернии, организуется из бедняков по инициативе прибывших домой солдат. «Красная гвардия раскинута по всей губернии,— говорится далее в сообщении,— для осведомленности устраивают съезды по 1 чел. из волости, такое вооруженное крестьянство представляет большую силу»[17]. В ряде постановлений губернских и уездных Советов были определены цели крестьянской Красной гвардии, права и обязанности красногвардейцев, устанавливалась численность волостных и сельских отрядов. Некоторые уездные Советы даже приняли уставы волостной Красной гвардии.

Крестьянская Красная гвардия в губерниях Центрального промышленного района создавалась для защиты завоеваний Октября. Перед нею ставилась задача — вести борьбу с контрреволюционными выступлениями, устанавливать революционный порядок на местах, помогать местным органам власти в проведении декретов Советского правительства. В случае контрреволюционных выступлений сельские и волостные отряды Красной гвардии должны были объединиться для совместных действий. Находились они в распоряжении волостных Советов, только в ряде мест их передавали в ведение земельных комитетов. Средства на содержание красногвардейцев местные органы Советской власти нередко должны были изыскивать сами, и в основном Красная гвардия содержалась за счет обложения имущих классов. Так, из инструкции I Воронежского губернского съезда крестьянских депутатов по организации Советской

---

[14] «Борьба за установление и упрочение Советской власти в Курской губернии», стр. 159.

[15] См. там же, стр. 150—151.

[16] См. «Борьба за Октябрьскую революцию во Владимирской губернии (1917—1918 гг.)». Владимир. 1957, стр. 135—136; «Борьба за Советскую власть в Воронежской губернии. 1917—1918 гг.». Сборник документов. Воронеж. 1957, стр. 277, 280—282, 445; «Борьба за установление и упрочение Советской власти в Курской губернии», стр. 156; «Борьба за установление и укрепление Советской власти в Рязанской губернии (1917—1920 гг.)». Рязань. 1957, стр. 174; «Борьба трудящихся Орловской губернии за установление Советской власти в 1917—1918 гг.». Сборник документов. Орел. 1957, стр. 139—140, 150; «Борьба рабочих и крестьян под руководством большевистской партии за установление и упрочение Советской власти в Тамбовской губернии (1917—1918 годы)», стр. 75, 269; «Победа Октябрьской социалистической революции в Нижегородской губернии». Сборник документов. Горький. 1957, стр. 450. «Подготовка и проведение Великой Октябрьской социалистической революции в Тверской губернии». Сборник документов и материалов. Калинин. 1960, стр. 326. «Установление Советской власти в Костроме и Костромской губернии». Сборник документов (март 1917 — сентябрь 1918 г.). Калинин. 1957, стр. 355; «Установление Советской власти в Калужской губернии». Документы и материалы, март 1917 — июль 1918 г. Калуга. 1957, и др.

[17] «Борьба за Советскую власть в Воронежской губернии. 1917—1918 гг.», стр. 240.

власти (декабрь 1917 г.) явствует, что красногвардейские отряды в губернии создавались не только для защиты революции, но и для поддержания порядка в деревне [18]. Резолюцией II Рязанского Учредительного съезда Советов (февраль 1918 г.) предписывалось «волостным и уездным Советам принять особенно энергичные меры к охране культурных имений и рассадников, организовать для этого отряды Красной гвардии» [19]. На I Ливенском уездном съезде крестьян Орловской губернии (январь 1918 г.) делегаты съезда высказывались в том духе, что только Красная гвардия является надежной защитой революции. Присутствовавшие на съезде 700 представителей от сельских обществ единогласно решили организовать в каждой волости отряды Красной гвардии, количеством не более 10 чел., в деревнях — по 2 или 3 чел., а в селах — по 5 чел., которые в случае контрреволюционного «восстания или беспорядка должны работать совместно. Вопрос о содержании этих отрядов Красной гвардии предоставить каждому обществу выяснить и решить на местах» [20].

Характерен устав Красной гвардии, выработанный специальной комиссией и принятый 31 декабря 1917 г. Жиздринским уездным Советом Калужской губернии. В нем говорилось, что Красная гвардия создается для закрепления всей государственной власти за рабочими и беднейшим крестьянством, защиты их прав от посягательств со стороны контрреволюционеров, для охраны народного хозяйства от расхищения и разгрома, порчи, уничтожения лесов, полей, опытных имений и проч., а также для защиты государственных общественных учреждений, частных жилищ и отдельных граждан от погромов, самосудов и т. п. [21]. Совет решил формировать отряды Красной гвардии не только при каждом Совете рабочих депутатов, но и в каждом селении при местных органах Советской власти. Этот устав определил права и обязанности красногвардейцев, их комитетов и штаба Красной гвардии, структуру отрядов. Красногвардейцы должны были «охранять честь и достоинство своей организации в целом и не допускать поступков с чьей бы то ни было стороны, позорящих Красную гвардию» [22]. По первому призыву Совета Красная гвардия должна была встать на защиту прав и интересов народных масс как своего района, так и соседних волостей, если в том будет необходимость. В некоторых сборниках содержатся также сведения, правда, крайне ограниченные, о том, как выполнялись волостными красногвардейцами обязанности, возложенные на них губернскими и уездными Советами.

Помещенное в сборнике, изданном в Тамбове, воззвание за подписью петроградского рабочего-большевика, председателя Военно-революционного комитета, активного организатора красногвардейских отрядов в Елатомском уезде, Тамбовской губернии, А. Н. Янина говорит о том, что красногвардейцы ряда волостей этого уезда были основной вооруженной силой в борьбе за власть Советов, в борьбе с контрреволюцией [23]. В корреспонденции из местной газеты «Правда» от 8 января 1918 г., опубликованной в сборнике документов, рассказывается об участии крестьянской Красной гвардии, прибывшей из ряда волостей Жиздринского уезда, Калужской губернии, в ликвидации саботажа в уездном городе [24].

Весьма ценным источником по истории крестьянской Красной гвардии являются документы, хранящиеся в фондах центральных государственных и партийных архивов. Их известно немного, но они позволяют полнее и глубже осветить процесс организации и деятельности крестьянской Красной гвардии, ее роль в упрочении власти Советов на местах, установить численность красногвардейцев в волостях и уездах, их вооружение. Материалы, освещающие историю крестьянской Красной гвардии, имеются в фондах НКВД и ВЦИК (ЦГАОР СССР), в фонде Коллегии земледелия (ЦГАНХ СССР), Коллегии по формированию Рабоче-Крестьянской Красной Армии (ЦГАСА),

[18] Там же, стр. 282.

[19] «Борьба за установление и укрепление Советской власти в Рязанской губернии (1917—1920 гг.)», стр. 174.

[20] «Борьба трудящихся Орловской губернии за установление Советской власти в 1917—1918 гг.», стр. 150.

[21] См. «Советы в Октябре», стр. 284.

[22] Там же, стр. 286.

[23] «Борьба рабочих и крестьян под руководством большевистской партии за установление и упрочение Советской власти в Тамбовской губернии (1917—1918 годы)», стр. 124—125.

[24] «Установление Советской власти в Калужской губернии», стр. 251.

в фонде Комиссий по делам бывших красногвардейцев и красных партизан (ГАОРСС Московской области) и других. Среди них — информационные листки отдела местного управления НКВД, опросные листки и анкеты, заполненные представителями волостных, уездных и губернских Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов; анкеты бывших красногвардейцев; протоколы заседаний местных Советов; сообщения, присланные с мест в начале 1918 г. в НКВД, ВЦИК и Коллегию по формированию Рабоче-Крестьянской Красной Армии. В ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС хранятся анкеты делегатов III Московской областной конференции большевиков, заполненные 7—10 декабря 1917 года. Данные анкет показывают, что в губерниях Центрального промышленного района в начале декабря 1917 г. Красная гвардия имелась только в крупных промышленных городах и фабричных селах, крестьянская Красная гвардия в это время пока еще отсутствовала [25]. Это подтверждается также опросными листами делегатов III Московского областного съезда Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов (декабрь 1917 г.) [26].

По документам ЦГАОР СССР временем организации отрядов Красной гвардии в селах и деревнях Центрального промышленного района является период с декабря 1917 г. по февраль 1918 года. Так, петроградский рабочий агитатор Д. И. Федотов в начале января 1918 г. сообщал во ВЦИК из Спасского уезда, Рязанской губернии, что «кулаки организуют отряды для защиты Учредительного собрания. Но мы тоже не спим: организуем Красную гвардию в каждом селе и деревне» [27].

Из материалов ЦГАОР СССР наибольший интерес представляют опросные листы, заполненные волостными Советами крестьянских депутатов и присланные в НКВД весной 1918 года. Данные этих листов позволяют установить численность волостных отрядов Красной гвардии и их вооружение. По сведениям волостных Советов крестьянских депутатов Калужской, Костромской, Курской, Московской, Смоленской, Тамбовской и Ярославской губерний, в отрядах имелось до 20 красногвардейцев, вооруженных винтовками, револьверами и шашками [28]. Оружия на местах часто не хватало, лишь у отдельных волостных Советов имелся некоторый резерв оружия, который позволил бы в нужный момент увеличить численность красногвардейцев. В отряде Фащевского волостного Совета Липецкого уезда, Тамбовской губернии, было только 2 красногвардейца, винтовок же — 22, кроме того, еще 3 револьвера, в Романовской волости того же уезда на 5 красногвардейцев приходилось 12 винтовок, 3 револьвера и 6 шашек [29]. Опросные листы волостных Советов крестьянских депутатов, присланные в Коллегию земледелия (ЦГАНХ СССР), показывают, что в волостях Рязанской, Тверской и Смоленской губерний в распоряжении волостных Советов было до 20 красногвардейцев, а в некоторых волостях и значительно больше [30]. Отряды при Советах крестьянских депутатов Ефимьяновской и Чижовской волостей, Тверской губернии, насчитывали по 30 красногвардейцев, а отряд Страшевского волостного Совета Старицкого уезда той же губернии состоял даже из 60 человек [31]. К сожалению, не все волостные Советы в своих опросных листах сообщали о численности красногвардейских отрядов. Многие Советы Рязанской и Тверской губерний известили только о самом факте организации Красной гвардии [32].

На основании этого источника нет возможности подсчитать общее количество волостных отрядов и их численность, особенно если учесть, что часть ответов была прислана в июне 1918 г., когда отряды Красной гвардии уже расформировывались.

---

[25] См. «Борьба за победу и укрепление Советской власти. 1917—1918», стр. 117.
[26] См. «Исторический архив», 1960, № 5.
[27] ЦГАОР СССР, ф. 393, оп. 2, д. 76, лл. 135—136.
[28] Там же, оп. 3, ед. хр. 24, лл. 24 об., 66 об., 133 об., 151 об., 157 об., 159 об., 165 об., 167 об., 182—183 об., 184—185 об., 200—201 об., 210—211 об.; ед. хр. 25, лл. 26—27 об., 65—66 об., 69—70 об., 73—74 об., 80—81 об., 90 об., 93, 75—76 об., 154—155 об. и др.
[29] Там же, д. 25, лл. 99 об., 105 об., 112 об., 739 и др.
[30] ЦГАНХ СССР ф. 478, оп. 1, ед. хр. 328, лл. 13—13 об., 14, 50—50 об., 51, 156—156 об., 157, 159 об., 160, 193—193 об., 203 об.; ед. хр. 329, лл. 82—82 об., 83, 40—40 об., 89—89 об., 90, 101, 106—106 об., 180—181 и др.
[31] Там же, ед. хр. 332, лл. 292 об., 313.
[32] Там же ед. хр. 328, лл. 1—1 об., 9—9 об., 22—22 об., 24, 48—48 об., 108—108 об., 142—142 об., ед. хр. 329, л. 60, 168 об.; ед. хр. 332, лл. 24, 72, 82, 242 об. и др.

Однако только на основании опросных листов волостных Советов, присланных в Коллегию земледелия в апреле 1918 г., все же удалось установить, что в Рязанской губернии в это время имелось более 30 волостных отрядов Красной гвардии, в Тверской — свыше 25, а в трех уездах Смоленской — более 10 [33]. Ответ на вопрос анкеты «Кто устанавливал революционный порядок на местах?» позволяет сделать вывод, что волостные и уездные отряды Красной гвардии Смоленской, Рязанской и Тверской губерний принимали в этом активное участие.

О численности красногвардейцев в некоторых уездах Центрального промышленного района в марте — апреле 1918 г. можно также почерпнуть сведения из информационных листов и телеграмм, присылавшихся с мест в Коллегию по формированию Рабоче-Крестьянской Красной Армии и имеющихся ныне в ЦГАСА [34]. Из них мы узнаем, что в марте 1918 г. в распоряжении Ряжского уездного Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов Рязанской губернии имелось 500 красногвардейцев, Шацкого, Тамбовской губернии,— 300, Коломенского, Московской губернии, Ливенского, Орловской губернии, Ефремовского, Тульской губернии,— по 150, Павловского, Воронежской губернии,— 100, Дмитровского, Московской губернии, Весьегонского, Тверской губернии,— по 80. От 20 до 70 красногвардейцев насчитывалось при Богородском и Наро-фоминском уездных Советах, Московской губернии, Лысковецком, Нижегородской губернии, Суздальском и Гороховецком, Владимирской губернии, Кимрском, Корчевском, Старицком, Тверской губернии, Юрьевецком, Костромской губернии. Таким образом, в распоряжении только 19 уездных Советов из 157, имевшихся в Центральном промышленном районе, в середине марта 1918 г. находилось более 2 500 красногвардейцев.

В архивах можно найти и другие сведения о крестьянской Красной гвардии. Так, в фонде ВЦИК хранятся анкеты губернских и уездных Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов весны 1918 г., из которых следует, что в губерниях Центрального промышленного района Красная гвардия была в ведении Советов. Анкеты из фондов комиссий по делам бывших красногвардейцев и красных партизан подтверждают вывод о том, что активными организаторами и начальниками волостной и уездной Красной гвардии были рабочие-агитаторы и демобилизованные солдаты. Инициаторами создания Красной гвардии в Алексинском уезде, Тульской губернии, Мценском уезде, Орловской губернии, Ксизовской волости, Задонском уезде, Воронежской губернии, Елатомском уезде, Тамбовской губернии, Волоколамском уезде, Московской губернии, были, например, демобилизованные солдаты-большевики П. Ф. Кручинин, И. С. Юрасов, М. Г. Сычев, С. И. Деревцов, петроградский рабочий-большевик А. Н. Янин, московский рабочий-железнодорожник А. Н. Смирнов и многие другие [35]. Анкеты бывших красногвардейцев свидетельствуют об активном участии сельской Красной гвардии Центрального промышленного района в подавлении контрреволюционных мятежей на местах, о той помощи, которую она оказывала местным органам в осуществлении декретов Советской власти. Многочисленные документы и воспоминания, приложенные к анкетам, дают возможность шире осветить деятельность волостных и сельских отрядов Красной гвардии [36]. Из архивных документов можно узнать и о дальнейшей судьбе отрядов Красной гвардии. С середины апреля 1918 г. Красная гвардия в ряде губернских и уездных городов Центрального промышленного района была упразднена, а красногвардейцы перешли в Красную Армию [37].

Широко освещена история крестьянской Красной гвардии в таком источнике, как периодическая печать конца 1917 — начала 1918 года. Использование материалов центральных и местных газет того времени позволяет более полно осветить роль большевистской партии в организации красногвардейских отрядов в деревне, показать активное участие демобилизованных солдат в создании основной вооруженной силы деревенской бедноты в борьбе за власть Советов.

---

[33] Там же, дд. 328, 329, 331, 332.
[34] ЦГАСА, ф. 2, оп. 1, дд. 2, 4, 5, 7, 9, 24, 43, 58, 66.
[35] ГАОРСС МО, ф. 2188; оп. 1, д. 707; д. 1854; ф. 2191, оп. 1, д. 568; д. 2121; д. 1671; ф. 2195, оп. 1033 и др.
[36] ГАОРСС МО, фф. 2165, 2184—2194, 547, 548, 570, 589, 650, 737, 759, 804.
[37] ЦГАСА, ф. 2, оп. 1, д. 7, л. 6; д. 43, л. 25.

Статьи, опубликованные в большевистских газетах накануне Октября, свидетельствуют о том, какое большое значение в это время придавала Коммунистическая партия организации не только рабочей, но и крестьянской Красной гвардии. Орган московских большевиков газета «Социал-демократ» 12 октября 1917 г. писала: «Красная гвардия нужна рабочим для борьбы вместе с солдатами, вместе с беднейшим крестьянством против контрреволюции капиталистов и помещиков для того, чтобы наряду с революционными полками быть опорой требований передачи земли народу, заключения всеобщего демократического мира, контроля над фабриками и заводами». В тот же день газета «Деревенская беднота», издававшаяся специально для крестьян Военной организацией при ЦК РСДРП(б), в статье «Чего хочет деревенская беднота?» в своем первом номере отмечала, что «для защиты страны надобно всеобщее вооружение народа, чтобы всякий гражданин и всякая гражданка могли в каждую минуту встать на защиту родной страны».

Через печать большевики разъясняли крестьянам роль Красной гвардии в осуществлении такого важного дела, как взятие помещичьей земли. Один из руководителей Военной организации при ЦК РСДРП(б), В. И. Невский, в статье «Как устроиться с землей», опубликованной накануне Октября в газете «Деревенская беднота», писал: «Землю надо брать и постановлять, что распоряжаться ею будет Совет крестьянских депутатов или крестьянский революционный комитет, выбранный всем миром». И далее: «Крестьяне должны для охраны имущества и безопасности всех граждан создать крестьянскую Красную гвардию» [38].

Анализ сообщений газет того времени показывает, что и после захвата власти в основных промышленных центрах страны большевистская партия считала создание из крестьянской бедноты вооруженной силы в деревне одним из основных условий успешного завершения социалистической революции. Для этой цели партия использовала направлявшихся на места рабочих-агитаторов и демобилизованных солдат. 13 декабря 1917 г. в газете «Солдатская правда» была помещена памятка-инструкция демобилизованным солдатам под названием «Как организовать деревню». Она советовала возвращавшимся с фронта солдатам срочно организовать в селах и деревнях крестьянскую Красную гвардию, предлагала в штабах рабочей Красной гвардии ознакомиться с принципами ее формирования и деятельности, взять для руководства устав Красной гвардии, который поможет «создать в родном селе и своей волости крестьянскую Красную гвардию». Опубликованные в газетах письма и сообщения с мест свидетельствуют о том, что в конце 1917 — начале 1918 г. отряды крестьянской Красной гвардии были организованы при активном участии и демобилизованных солдат и рабочих агитаторов во многих селах и деревнях Московской, Рязанской, Воронежской, Курской, Орловской и других губерний [39].

В «Известиях Советов рабочих солдатских и крестьянских депутатов гор. Москвы и Московской области» 28 января 1918 г. был опубликован устав, принятый на I Московской областной конференции Красной гвардии. Этот устав определил цели, задачи и структуры красногвардейских отрядов всего Центрального промышленного района. Основной задачей красногвардейцев была защита завоеваний революции и поддержание революционного порядка на местах, а также охрана народного имущества.

В центральных и местных газетах можно найти сообщения, которые свидетельствуют о том, что волостные, сельские и деревенские отряды Красной гвардии явились опорой местных органов Советской власти в деле упрочения завоеваний Октября. С помощью этих отрядов крестьяне производили конфискацию помещичьих имений, инвентаря, устанавливали охрану имущества. Красногвардейцы были главной силой в ликвидации контрреволюционных мятежей, в проведении реквизиций излишков хлеба у ку-

---

[38] «Деревенская беднота», 25.X.1917.

[39] См. «Правда», 18.I.1918; «Деревенская беднота», 22.XII.1917; «Известия Московского Совета рабочих и солдатских депутатов», 23.XII.1917; «Известия Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов гор. Москвы и Московской области», 6.I.1918; «Социал-демократ», 26.XI.1917, 26.I.1918; «Известия ЦИК Советов», 11.I.1918; «Воронежская правда», 14.XII.1917; «Искра» (Рязань), 6.I.1918; «Курская жизнь», 13.I.1918 и др.

лаков [40]. Много ценных сведений о деятельности крестьянской Красной гвардии содержится в журнале «Вестник народного комиссариата внутренних дел», который издавался с конца 1917 года.

Особым, ценным источником при изучении истории крестьянской Красной гвардии являются воспоминания активных участников Октябрьской революции, начальников и организаторов красногвардейских отрядов в селах и деревнях Центрального промышленного района. В них приводятся факты, которые позволяют более полно охарактеризовать создание и практическую деятельность сельских отрядов Красной гвардии [41].

Так, бывший член исполкома Ярославского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов А. П. Работнов подчеркивал, что их опорой в борьбе за Советскую власть явилась Красная гвардия, отрядами которой руководили большевики, что и обеспечило переход власти в руки Советов. Подобные сведения об активном участии красногвардейцев в установлении и упрочении Советской власти имеются и в других мемуарах. Однако необходимо отметить, что к воспоминаниям нужно относиться с учетом своеобразия этого источника. В частности, события, изложенные в воспоминаниях бывшего члена Военного бюро при МК РСДРП(б) солдата 55-го пехотного полка И. Н. Чиненова об участии никольских красногвардейцев в мае 1917 г. в борьбе за землю, видимо, происходили несколько позже, чем он указывает [42].

Рассмотренные источники позволяют сделать вывод, что в губерниях Центрального промышленного района крестьянская Красная гвардия создавалась в период триумфального шествия Советской власти по инициативе большевистских партийных организаций и Советов, руководимых большевиками. Организаторами и начальниками крестьянской Красной гвардии были в основном демобилизованные солдаты и рабочие-агитаторы. Из 320 отрядов, созданных в этом районе в период с ноября 1917 по февраль 1918 г., более 240 отрядов Красной гвардии было организовано в селах и деревнях из деревенской бедноты. Численность волостных отрядов Красной гвардии была разнообразна. В них входило до 60 красногвардейцев. По далеко не полным данным, свыше 90 уездных Советов из 157 имели в своем распоряжении красногвардейцев. Однако подсчитать численность красногвардейцев пока удалось только в 26 уездах. В марте — апреле 1918 г. здесь имелось более 7 тыс. красногвардейцев.

Немногочисленные, но яркие факты, извлеченные из различных источников, свидетельствуют о том, что крестьянская Красная гвардия Центрального промышленного района сыграла значительную роль в установлении Советской власти и упрочении завоеваний Великого Октября на местах.

Р. Г. Цыпкина

---

[40] См. «Деревенская беднота», 22, 30.XII.1917.; «Известия ЦИК Советов», 11.I.1918; «Правда», 9.III.1918; «Известия Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов гор. Москвы и Московской области», 12.I, 24.III, 3.IV, 30.V.1918; «Правда» (Жиздра), 8.I.1918; «Известия Муромского Совета рабочих и крестьянских депутатов», 16.VII.1918; «Известия Тамбовского губернского Совета», 25.IV.1918; «Беднота», 9.IV.1918, и др.

[41] Г. Д. Костомаров. Боевые годы. «За власть Советов». Сборник воспоминаний. Орел. 1957; Т. И. Горяинов. Волостной Совет в селе Верхняя Гнилушка. «За власть Советов». Сборник воспоминаний. Воронеж. 1957, стр. 109; Ф. Д. Николаев. О тех, кто боролся за установление Советской власти. «Воспоминания участников борьбы за власть Советов в Смоленской губернии». Смоленск. 1957, стр. 110—111; А. П. Работнов. В тесной связи с массами. «Воспоминания ветеранов Октября». Ярославль. 1967.

[42] См. И. Чиненов. Пережитое. «Рассказывают участники Великого Октября». М. 1957, стр. 201—203.

СОВЕТСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ УЧАСТИЯ МОРЯКОВ В ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Революционная борьба моряков в 1917 г. была составной частью революционного движения в войсках России. Исследованию его посвящен ряд работ[1]. Но, к сожалению, в них движение во флоте специально не рассматривается, флотские материалы привлекаются в ограниченном количестве и лишь в качестве отдельных иллюстраций, без должного анализа флотской специфики. Литература о роли и участии флота и моряков в Великой Октябрьской социалистической революции также довольно широка и многообразна. Однако до сих пор нет обстоятельной ее характеристики, а многочисленные историографические обзоры литературы по истории Великого Октября в лучшем случае ограничиваются лаконичным упоминанием отдельных работ по интересующей нас теме. Даже в исследованиях, целиком посвященных участию моряков в Октябрьской революции, как правило, отсутствуют историографические разделы[2]. В середине 20-х годов В. Селивановым была предпринята попытка рассмотреть вышедшую к тому времени литературу об участии флота в революционных событиях 1917 года[3]. Но его статьи, естественно, охватывают лишь ту сравнительно немногочисленную и своеобразную литературу, которая вышла в свет к тому времени.

Историография участия флота и моряков в подготовке и проведении Октябрьской революции развивалась как составная часть всей историографии периода революции, пройдя через те же этапы, что и вся обширная литература по истории Великого Октября[4]. Вместе с тем она обладает и некоторыми особенностями, обусловленными спецификой темы, состоянием источников и другими обстоятельствами.

Первые работы по этой теме появились почти сразу после победы Октябрьской революции. Они были небольшие, носили популярный характер и посвящались Балтийскому флоту[5]. После окончания гражданской войны количество этих работ быстро растет. Основная их часть публикуется на страницах специальных журналов. Их авторами являются главным образом активные большевистские работники флота в 1917 г.: П. Е. Дыбенко, И. П. Флеровский, В. Н. Залежский, В. А. Антонов-Овсеенко, Б. А. Бреслав, И. Н. Колбин, А. П. Платонов и др.[6]. В это же время появляются

---

[1] Р. Эйдеман, В. Меликов. Армия в 1917 году. М.-Л. 1927; С. Е. Рабинович. Борьба за армию в 1917 году. М.-Л. 1930; И. Г. Кизрин. Распад старой армии. Воронеж. 1931; А. Буйский. Военная подготовка Октября. М. 1927; П. Голуб. Партия, армия и революция. М. 1967, и др.

[2] Лишь в работе В. В. Петраша «Моряки Балтийского флота в борьбе за победу Октября» (М.-Л. 1966) несколько страниц уделены обзору предшествующей литературы.

[3] См. статьи В. Селиванова в журнале «Красный флот»: «Революционный флот в литературном отражении» (№ 7 за 1925 г.), «Военно-морская пресса за 10 лет» (№ 20 за 1927 г.).

[4] В ней, как правило, в той или иной степени также затрагивается участие моряков в революции, но мы ее не рассматриваем, так как она в этой области пользуется результатами специальных исследований и их материалами, хотя иногда и содержит оригинальные данные и факты.

[5] Д'ОР, О. Л. Красный часовой Кронштадт. М. 1920; П. Е. Дыбенко. В недрах царского флота. Птгр. 1919, и др.

[6] И. П. Флеровский. Кронштадт в Октябрьской революции. «Пролетарская революция», 1922, № 10; его же. О делегации, прибывшей на «Амуре». Там же, № 12; его же. Июльский политический урок. Там же, №№ 11 и 12; В. Н. Залежский. Гельсингфорс весной и летом 1917 г. Там же, 1923, № 5; В. А. Антонов-Овсеенко. Балтфлот в дни керенщины и Красного Октября. Там же, 1922, № 10 А. Платонов. Октябрьские дни на Черном море. «Красный флот», 1923, № 10; его же. Черноморский флот в революционном движении. Там же, 1924; № 10; его же. Черноморцы в борьбе за Советы. Там же, 1927, № 20; Б. А. Бреслав. 15 лет тому назад. «Каторга и ссылка», 1922, № 11—12; Ю. Гавен. Октябрь в Крыму. «Революция в Крыму», Симферополь, 1922, № 1; А. Ф. Ильин-Женевский. Гельсингфорс весною 1917 г. «Красная летопись», 1925, № 2; В. Жуков. Черноморский флот в революции 1917 г. «Пролетарская революция», 1927, № 8—9; И. Колбин. Балтфлот на путях к Октябрю. «Красный флот», 1927, № 20; его же. Инструктивный доклад. «Красная летопись». 1926, № 6; его же. Кронштадт от Февраля до корниловских дней. Там же, 1927, № 2; И. М. Гордиенко. В Кронштадте в 1917 г. Там же, 1926, № 1; Н. А. Ховрин. В 1917 году во флоте. Там же, № 5; М. И. Иванов. Две телеграммы. Там же, 1926, № 6, и др.

сборники статей и воспоминаний об участии моряков в Октябрьской революции, среди авторов которых также преобладают руководители большевистской работы на флоте, но наряду с ними выступают и многие другие участники революционной борьбы моряков[7]. Одновременно начинают издаваться и отдельные брошюры и книги, преимущественно вышедшие из-под пера тех же авторов и в значительной части повторяющие их же ранее опубликованные статьи и воспоминания[8].

Отличительным признаком этой литературы был ее преимущественно мемуарный характер со всеми присущими этому жанру достоинствами и недостатками. Авторы сообщали множество сведений и фактов, в том числе и таких, которые не нашли достаточно полного отражения в других источниках. Например, в работах П. Е. Дыбенко и В. А. Антонова-Овсеенко содержится много свидетельств о внимании В. И. Ленина к революционной борьбе моряков, к использованию революционных возможностей флота, оценке им ряда событий на флоте и т. п. Хотя эти и другие авторы не были специалистами-историками, не владели методикой исторического исследования да и не ставили перед собой задачу создавать исследовательские труды, их работы представляют большой интерес для изучения деятельности большевиков на флоте, материалы о которой в источниках иного рода крайне скудны. Авторы сумели передать колорит эпохи, характерные детали обстановки на флоте. Указанные выше статьи и книги создавались вскоре после событий, в них описанных и еще хорошо сохранившихся в памяти авторов, что выгодно отличает их от многих аналогичных работ, появившихся позднее. Если к этому добавить, что большинство авторов не ограничивались личными воспоминаниями, а в той или иной мере использовали и документы, подчас не сохранившиеся в архивах, то станет ясной прежде всего источниковедческая ценность этой литературы. Вместе с тем в ней рассматривались и решались некоторые принципиальные вопросы, содержались характеристики ряда событий, явлений и фактов, не потерявшие своей актуальности и до наших дней. К числу таких сюжетов можно отнести характеристику «кронштадтского инцидента», описание деятельности Центробалта, освещение тактики Колчака и Севастопольского Совета, изложение тактической линии кронштадтских большевиков и многое другое. С другой стороны, поле зрения авторов ограничено кругом событий, участниками и свидетелями которых они были, их работы построены на узкой документальной базе, в них нет должного внимания к трудам В. И. Ленина и основополагающим партийным решениям.

В эти же годы появились первые публикации документов и материалов о революционной борьбе моряков[9]. Среди них значительный интерес представляют протоколы I Всероссийского съезда военного флота[10], отражающие ряд важнейших моментов жизни флота и настроений моряков сразу после победы Октябрьской револю-

---

[7] «Пять лет Красного флота». Птгр. 1922; «1917—1922 гг. в Кронштадте». Кронштадт. 1922; «Под вымпелом Октября». Птгр. 1923; «На вахте революции». Л. 1924; «Ленин и Красный флот». Л. 1924; «Октябрьский шквал». Л. 1927, и др.

[8] П. Е. Дыбенко. Мятежники. М. 1923; его же. Из недр царского флота к Великому Октябрю. М. 1928; его же. Октябрь на Балтике. Ташкент. 1934; В. Н. Залежский. Борьба за Балтийский флот. М.-Л. 1925; И. Н. Колбин. 1917 год в Кронштадте. М. 1930; его же. Кронштадт в 1917 г. М.-Л. 1932; его же. Балтийский флот в 1917 году. Л. 1933; А. Ф. Ильин-Женевский. От Февраля к захвату власти. Л. 1927; А. П. Платонов. Черноморский флот в революции 1917 г. и адмирал Колчак. Л. 1925; его же. Февраль и Октябрь в Черноморском флоте. Симферополь. 1932; В. А. Антонов-Овсеенко. В семнадцатом году. М. 1933; В. К. Жуков. Черноморский флот в революции 1917—1918 гг. М. 1932; Ф. Сорокин. Гвардейский экипаж в февральские дни. М. 1932, и др.

[9] См. документальные публикации: «Июльские дни в Петрограде». «Красный архив», 1927, тт. 4 и 5; «Балтфлот в июльские дни». Там же, 1931, т. 3; «Дневники И. И. Ренгартена». Там же, 1926, т. 6 и 1929, тт. 1 и 4; «Флот после Октябрьских побед». Там же, 1932, т. 4; «Кронштадтские моряки в июльском выступлении 1917 г.». «Красная летопись», 1932, № 3; «Страничка из жизни Балтийского флота после Октябрьской революции». «Красный балтиец», 1921, № 4; «Документы боевых дней». «Морской сборник», 1932, № 11; «Черноморцы в Октябрьской революции». Там же, 1933, № 11; «Что происходило на море 24—26 октября 1917 г.». «Красный флот», 1926, № 2; «Протоколы Кронштадтского Совета, на котором обсуждалась резолюция о власти». «Пролетарская революция», 1926, № 12, и др.

[10] «Красный архив», 1932, т. 4.

ции, дневники видного офицера штаба Балтийского флота И. И. Ренгартена, характеризующие позиции флотского офицерства. В 1932 г. был издан первый сборник документов, правда, охватывавший в основном период гражданской войны, но содержавший ряд материалов, освещавших участие флота в Октябрьской революции [11].

Специальные исследования об участии моряков в подготовке и проведении Октябрьской революции стали появляться также в 20-е годы [12]. Наиболее серьезным исследователем этого вопроса был в то время А. К. Дрезен, подготовивший ряд интересных публикаций и написавший серию статей [13]. Многие материалы и выводы, содержащиеся в этих работах, не потеряли своего научного значения и сегодня, хотя они и посвящены лишь отдельным вопросам темы и касаются почти исключительно Балтийского флота. В работах 20-х годов впервые начали исследоваться такие существенные моменты, как демократические организации флота, роль флотской большевистской печати, участие моряков в важнейших событиях 1917 года. Тогда же в связи с усилением внимания Коммунистической партии и Советского правительства к восстановлению и развитию Красного флота началось издание массовой популярной литературы по истории флота, предназначавшейся для широкого читателя, и в первую очередь молодежи [14]. В ней подчас также встречались ценные наблюдения и выводы.

Таким образом, можно констатировать, что к середине 30-х годов уже была создана довольно широкая литература об участии моряков в подготовке и проведении Октябрьской революции. Ее отличительной чертой было преобладание мемуаров и публикаций и появление первых исследовательских работ.

В предвоенные и военные годы в изучение вопроса об участии моряков в Октябрьской революции включились новые кадры историков, опубликовавших несколько статей по этой теме [15]. В то же время значительно возросло количество популярной литературы, пропагандировавшей боевые и революционные традиции Советского флота, рассказывавшей об отдельных моряках — героях революции [16]. В ней содержались некоторые сведения и детали, полезные и для исследователей.

Заметный подъем в изучении участия флота в Октябрьской революции начался после окончания Великой Отечественной войны. Уже в 1946 г. вышла обстоятельная монография П. З. Сивкова об участии балтийских моряков в революции [17]. Ее автор собрал и обобщил обширный материал, значительная часть которого была им впервые введена в научный оборот, и на его основе создал цельную и в основном верную картину борьбы балтийцев за победу социалистической революции. Несмотря на ряд имевшихся в ней недостатков (отсутствие внимания к некоторым существен-

---

[11] «Балтийский флот в Октябрьской революции и гражданской войне». М.-Л. 1932.

[12] С. Виноградов. Балтийцы в революционном движении. «На вахте революции». Л. 1924; В. Грязнов. Целедфлот. «1917—1920. Октябрьская революция на Севере». Архангельск. 1927; М. Петров. Балтийский флот в Октябре 1917 г. «Пять лет Красного флота». Птгр. 1922; А. Ф. Ильин-Женевский. Большевистские газеты Кронштадта и Гельсингфорса в 1917 г. «Красная летопись», 1927, № 3; В. Селиванов. Первый Всероссийский съезд военного флота. «Морской сборник», 1925, № 7; В. П. Автухов. Июльские дни. Там же, 1924, № 6; его же. Корниловщина. Там же, № 8, и др.

[13] А. К. Дрезен. Октябрь и флот. «Красный флот», 1926, № 10—11; его же. Балтийский флот от июля к Октябрю 1917 г. «Красная летопись», 1929, № 5; его же. Центральные матросские и офицерские организации Балтийского флота в 1917 г. Там же, № 3; его же. Борьба за советизацию Балтийского флота. Там же, № 6; его же. Флот в октябре — декабре 1917 г. «Красный флот», 1927, № 20; его же. Армия и флот в Февральской революции. «Красная летопись», 1932, № 1—2, и др.

[14] См., например, В. Зоф. Из истории флота прошлого и настоящего. Птгр. 1922; «Краткий очерк по истории Каспийского военного флота». Баку. 1928, и др.

[15] А. С. Пухов. Флот в борьбе за социалистическую революцию. «Морской сборник», 1939, № 21—22; П. Сивков. Балтийские моряки в период подготовки и проведения Октябрьской социалистической революции. «Исторический журнал», 1944, кн. 10—11, и др.

[16] «Флот в боях за Родину». М.-Л. 1938; «Военные моряки на фронтах гражданской войны». М.-Л. 1939; А. В. Полупанов. Бронепоезд «Свобода или смерть № 4». Л. 1939; Илья Амурский. Матрос Анатолий Железняков. М.-Л. 1939; Н. Ходза. Семен Рошаль. М.-Л. 1940, и др.

[17] П. Сивков. Моряки Балтийского флота в борьбе за власть Советов в 1917 году. М. 1946.

ным вопросам, таким, как действие контрреволюционных и соглашательских сил на флоте, роль моряков в развитии революции по стране, демократизация флота и др.; безликость изложения; отдельные фактические неточности и т. п.), она положила начало серьезному обобщающему исследованию революционной борьбы моряков в 1917 г., указала другим исследователям определенный круг источников и затронула ряд весьма важных вопросов. Не случайно все последующие авторы в той или иной степени используют ее материалы.

В 1946—1956 гг. появилось еще несколько монографий по теме нашего обзора [18]. Небольшая книга А. В. Богданова, во многом, правда, повторяющая предшествующие работы, построенная на сравнительно узком круге источников (преимущественно прессе), содержащая ряд фактических ошибок и неточностей, примечательна повышенным вниманием к деятельности большевиков на Балтийском флоте, первой робкой попыткой анализа социального состава балтийских матросов и некоторыми другими достоинствами. Работа В. В. Тарасова посвящена главным образом периоду гражданской войны, но ее начальные страницы освещают положение в Мурманском отряде флотилии Северного Ледовитого океана в период Октябрьской революции. В журналах и сборниках в это десятилетие появляется большое количество статей по различным сюжетам интересующей нас проблемы [19]. Важным обстоятельством, способствовавшим углублению исследования, было начало диссертационной разработки ее некоторых аспектов [20]. Продолжает быстро расти и количество научно-популярных очерков о моряках — активных участниках Октябрьской революции, содержащих некоторые интересные сведения и детали [21].

---

[18] А. В. Богданов. Моряки-балтийцы в 1917 г. М. 1955; В. В. Тарасов. Борьба с интервентами на Мурмане в 1918—1920 гг. Л. 1948; С. С. Хесин. Военные моряки в борьбе за власть Советов. М. 1953.

[19] И. Г. Чижов. Кронштадтский гарнизон в период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции. «Морской сборник», 1951, № 11; В. К. Медведев. Кронштадт в июльские дни 1917 г. «Исторические записки», 1953, т. 42; С. Ф. Найда. Балтийский флот в Октябрьском вооруженном восстании. «Советское военно-морское искусство». М. 1951; его же. Участие моряков в свержении самодержавия в России в 1917 г. «Морской сборник», 1947, № 2; его же. Моряки Балтийского флота в борьбе за победу Великой Октябрьской социалистической революции. Там же, № 10; П. И. Попов. Участие моряков Черноморского флота в Великой Октябрьской социалистической революции. Там же; С. С. Хесин. Борьба большевистской партии за создание аппарата управления Советского флота. Там же, 1950, № 2; его же. Участие моряков в разгроме антисоветских мятежей. Там же, 1951, № 2; В. И. Ачкасов. Революционный Балтийский флот в сражении за острова Моонзундского архипелага. Там же, 1950, № 11; А. П. Лебедев. Деятельность моряков Балтийского флота в период борьбы за упрочение Советской власти. Там же, 1952, № 1; А. С. Пухов. Подготовка декрета о создании Советского Военно-Морского Флота в 1918 г. Там же, 1954, № 7; А. П. Шелюбский. Военно-морской революционный комитет 1917 года. «Вопросы истории», 1948, № 10; М. А. Петров. Участие моряков Балтийского флота в подготовке и проведении Октябрьской социалистической революции в Эстонии. «Коммунист Эстонии», 1955, № 10, и др.

[20] См. кандидатские диссертации: П. И. Попов. Большевистская организация Черноморского флота в борьбе за власть Советов на флоте. 1917 — начало 1918 г.; А. А. Цецорин. Большевики Черноморского флота в период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции; Д. Д. Лаппо. Моряки Амурской флотилии в борьбе против интервентов и белогвардейцев на Советском Дальнем Востоке (1918—1922 гг.); А. П. Лебедев. Борьба большевиков за демократизацию и создание Красного Балтийского флота (1917—1918); И. Г. Чижов. Матросские и солдатские массы Кронштадта в борьбе за власть Советов (февраль—октябрь 1917 г.); М. А. Петров. Участие Балтийского флота в борьбе за Советскую власть в Эстонии; А. Сумин. Коммунисты Балтийского флота в период подготовки Октябрьской социалистической революции и проведения вооруженного восстания в Петрограде; А. В. Богданов. Борьба коммунистов Балтийского флота за матросские массы в период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции; С. С. Хесин. Участие моряков в борьбе за упрочение Советской власти в период до Брестского мира.

[21] Г. Г. Берников. Анатолий Железняков. М. 1952; Ф. А. Корелин. Матрос Хохряков. М. 1952; П. С. Мягков. Василий Громов. М. 1952; И. Г. Чижов. Николай Пожаров. М. 1955; Е. И. Кельнер. Матрос-большевик Тимофей Ульянцев. М. 1952; Т. И. Кулигина. Бакинские комиссары В. Ф. Полухин и Э. А. Берг. М. 1952; Н. А. Ходза. Большевистский комиссар Семен Рошаль. М. 1952, и др.

Все эти книги, брошюры, статьи, диссертации заметно отличают послевоенную литературу от предшествующей, аналогичной ей по тематике. Прежде всего значительно увеличивается круг изучаемых вопросов. Внимание исследователей начинают привлекать Моонзундское сражение, создание Советского флота, участие моряков в борьбе за упрочение Советской власти и разгроме первых антисоветских мятежей, деятельность Военно-морского революционного комитета и многое другое. Одновременно в свет выходят обобщающие труды, в которых дана широкая картина некоторых сторон революционной борьбы моряков. Несколько расширяется и география исследований. Хотя в тематике работ по-прежнему доминирует Балтийский флот, начинают появляться книги и брошюры, освещающие роль других флотов и флотилий.

Очень важной чертой, характеризующей историографию этих лет, является возрастание интереса к исследованию роли и деятельности большевистской партии на флоте. Этой ответственной теме посвящены не только специальные работы — она занимает все большее место и при изучении других вопросов истории флота в 1917 году. Усиление внимания к историко-партийному аспекту темы — наиболее существенное достижение послевоенной историографии. Нельзя не заметить вместе с тем, что хотя она и представляла значительный шаг вперед, но обладала, однако, и определенными недостатками. Многие статьи и даже диссертации часто повторяли друг друга и были основаны на одних и тех же материалах. Ряд статей и брошюр не имел должной научной глубины и обстоятельности. Они страдали безликостью изложения, приукрашиванием хода событий и облегченностью их описания. Была еще узка их источниковедческая база. Мало ставилось и решалось новых вопросов. Резко сократилась и публикаторская работа.

С середины 50-х годов начался новый этап в развитии исследований по данной теме. Работы, созданные в эти годы, опирались как на достижения предшествующих трудов, так и на широкие возможности, открывшиеся перед исследователями в использовании документальных материалов. Новые монографии и статьи обладают рядом признаков, выгодно отличающих их от упомянутых ранее и заметно повышающих их научную значимость. Отметим прежде всего, что было опубликовано большое количество работ об участии моряков в событиях 1917 г., что свидетельствует о неослабевающем интересе к этой теме общественности и ее сохраняющемся научном и практическом значении. Среди этого потока работ встречаются и такие, которые в основном лишь повторяют уже известные науке материалы, хотя и содержат отдельные новые факты и детали [22]. Появились многочисленные очерки о моряках — героях революции, выходившие как в центре, так и на местах [23].

Одновременно историография обогатилась и большим количеством специальных научных исследований, имеющих существенное значение для углубленного изучения участия флота в Октябрьской революции. Расширился круг историков, занимающихся этой проблемой. Она не только стала привлекать внимание сравнительно небольшого числа специалистов в области истории флота, но и является предметом исследования в различных общеисторических научно-исследовательских учреждениях, на кафедрах истории СССР и истории КПСС вузов, где по этой тематике пишутся статьи и монографии, готовятся диссертации, проводятся дискуссии и обсуждения. Все это благотворно сказалось на состоянии исследования интересующего нас вопроса. Оно стало

---

[22] См., например, Н. В. Большаков. Военно-Морской Флот в Октябрьском вооруженном восстании. «Морской сборник», 1957, № 10; В. Н. Гинев. Кронштадтский инцидент в мае 1917 года. «Вопросы истории», 1967, № 5; А. И. Ефремов. Моряки Петрограда в февральские дни 1917 года. «Морской сборник», 1967, № 2; В. Е. Полещук и др. Боевые и революционные традиции моряков Краснознаменной Каспийской флотилии. Баку. 1960, и др.

[23] Р. С. Ланин. Иван Сладков. М. 1959; Н. Кондратьев. Карл Зедин. М. 1956; В. Архипенко. Николай Ховрин. М. 1958; В. П. Безверхий. Андриан Зосимов. М. 1957; Г. Г. Чернух и Е. П. Перовский. Старшина с «Грома». М. 1957; Е. Юнга. Путь матроса. М. 1958; М. Столяренко. Герои не умирают. Смоленск. 1960; В. Поликарпов. Бурям навстречу. Симферополь. 1961; В. А. Нелаев. Павел Дыбенко. М. 1966; М. Рублев, О. Егоров. Сергей Павлов — герой Октября и гражданской войны. Чебоксары. 1963; С. А. Захаров. П. Д. Хохряков. Свердловск. 1959; Г. И. Семин. Герой гражданской войны Иван Назукин. Пермь. 1962; П. И. Рощевский. П. Д. Хохряков. Тюмень. 1960; М. А. Столяренко. Матрос с «Зари свободы». М. 1965; А. Ф. Назаров. Николай Маркин. М. 1964, и др.

проводиться в значительно более тесной связи с общегражданской историей, а сама проблема рассматривается как важная составная часть истории Великого Октября. Процессы и события, происходившие на флоте, изучаются не изолированно, а как проявление закономерностей и тенденций, присущих всему ходу подготовки и проведения Октябрьской революции, хотя и протекавших в специфических условиях флота. Началось изучение вопросов, ранее находившихся вне поля зрения историков, что расширило тематику исследований, а некоторые сюжеты, уже отраженные в литературе, получили новую трактовку, вызвали научные споры, в результате которых возрос уровень исследовательской работы. Историография последнего времени характеризуется также значительным расширением ее источниковедческой базы, введением в научный оборот новых материалов, раздвинувших масштабы исследований, углубивших их тематику и позволивших по-новому осветить ряд вопросов. Сошлемся на несколько примеров.

Почти во всех работах в той или иной степени всегда отмечалось значение социального состава матросов для развития революционного движения на флоте. Но это делалось декларативно, без глубокого анализа конкретных данных. Лишь недавно стали появляться статьи, в которых этот важный вопрос подвергается серьезному научному рассмотрению, опирающемуся на более или менее точные документальные материалы [24]. Хотя эти статьи также еще не исчерпывают проблемы, примечателен сам факт возросшего интереса к ней исследователей.

Историография пополнилась некоторыми работами, исследующими революционные события на флотилиях [25]. Однако и в последние годы доминируют работы, посвященные Балтийскому [26] и Черноморскому [27] флотам. Их научный уровень в большинстве случаев гораздо выше предшествующих работ. Для примера укажем работы В. В. Петраша, построенные на кропотливом изучении разнообразных источников, дающие верную картину событий на Балтийском флоте, вносящие в нее много новых и важных штрихов. Книга Н. Г. Гречанюка и П. И. Попова освещает весь период подготовки и проведения Октябрьской революции на Черноморском флоте и делает зна-

---

[24] См. Д. А. Гаркавенко. Классовый состав матросов русского флота в эпоху империализма. «Труды ВМФ», 1962, № 18; его же. Социальный состав матросов русского флота в эпоху империализма. «История СССР», 1968, № 5; В. В. Петраш. Состав Балтийского флота и участие военных моряков в Октябрьском вооруженном восстании. «Ленин и Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде». М. 1964; С. С. Хесин. Личный состав русского флота в 1917 году. «Военно-исторический журнал», 1965, № 11; его же. Русский флот накануне Октября (положение, состав, численность). «Исторические записки», т. 81, 1968.

[25] И. С. Шангин. Моряки в боях за Советский Север (1917—1920). М. 1959; В. В. Тарасов. Борьба с интервентами на севере России (1918—1920 гг.). М. 1958; М. А. Столяренко. Моряки в огне революции. Л. 1960; его же. Флотилия Северного Ледовитого океана (1915 — февраль 1918 г.). Канд. дисс.

[26] М. Х. Киуру. Боевой резерв революционного Петрограда в 1917 г. Петрозаводск. 1965; его же. Большевистские организации Балтийского флота и финляндских гарнизонов в борьбе за массы на основе решений Апрельской конференции РСДРП(б) (апрель — июнь 1917 г.). «Вопросы истории КПСС». М. 1959; А. С. Пухов. Кронштадт — крепость большевизма в 1917 г. «Сборник докладов военно-исторической секции». Л. 1960; № 3; его же. К вопросу о военном обеспечении моряками Балтики победы Великой Октябрьской социалистической революции. Там же. 1957, № 1; его же. Моонзундское сражение. Л. 1957; В. Ф. Шишкин. Кронштадтский инцидент в мае 1917 г. «Ученые записки» ЛПИ имени Герцена. 1958, т. 152; В. В. Петраш. Моряки-балтийцы в Октябрьские дни. «Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде». М.-Л. 1957; его же. Моряки Балтийского флота в борьбе за победу Октября. М.-Л. 1966; А. Л. Мишурис. Большевистские газеты революционной Балтики. «Из истории партийной и советской печати». Вып. 2. М. 1957, и др.; а также кандидатские диссертации и М. Х. Киуру, О. М. Лободы, В. В. Петраша, В. А. Нелаева, Г. И. Соломатина, В. В. Васильева и др.

[27] Н. Гречанюк, П. Попов. Моряки Черноморского флота в борьбе за власть Советов. Симферополь. 1957; Г. И. Семин. Коммунистическая партия в борьбе за большевизацию Черноморского флота в 1917 году. «Борьба большевиков за власть Советов в Крыму». Симферополь. 1957; М. Любчиков, П. Болгари. Моряки-черноморцы в борьбе за власть Советов на юге страны (1917—1920 гг.). Там же; А. Я. Багерман. Роль моряков Черноморского флота в установлении Советской власти в Одессе. «Труды» Одесского института инженеров морского флота. Вып. 14. 1957; С. А. Вольский. Черноморские моряки в период подготовки к установлению Советской власти в Одессе. Там же.

чительный шаг вперед по сравнению с упомянутыми ранее работами А. П. Платонова и В. К. Жукова. Эту книгу хорошо дополняют статьи Г. Семина, М. Любчикова и П. Болгари, вводящие в оборот некоторые новые источники и материалы. В указанных трудах дается и анализ событий в различных флотских базах, крупных событий в жизни флота в 1917 г.; все они отличаются пристальным вниманием к деятельности большевистской партии среди моряков.

Исследователи начинают обращаться к новым для историографии моментам. Предпринимаются попытки специального рассмотрения истории и деятельности флотских революционно-демократических организаций, существовавших в 1917 году [28]. Среди них следует выделить книгу Н. Ф. Измайлова и А. С. Пухова, содержащую сравнительно полное описание деятельности Центробалта. Она построена на обширной источниковедческой базе, но ей присущи и некоторые фактические ошибки и неточности, в частности известное приукрашивание Центробалта, особенно в послеоктябрьский период. Немалый интерес для изучения истории низовых революционно-демократических организаций представляют статьи А. М. Блинова. К сожалению, исследование истории флотских демократических организаций пока ограничивается Балтийским флотом и не касается иных, не менее важных, чем матросские комитеты, организаций, прежде всего Советов военно-морских баз.

Историография обогатилась и работами, в которых рассматривается ряд других новых вопросов [29]. Повысилось внимание к исследованию процесса завершения демократизации старого флота и создания нового, советского [30]. Этот важный вопрос наиболее обстоятельно разработан в работах З. В. Гребельского, основанных на многих впервые им использованных материалах и по-новому излагающих ряд принципиальных положений. Появилось также несколько популярных брошюр, посвященных истории отдельных революционных кораблей и отрядов флота [31].

Значительно возросла публикаторская работа по рассматриваемой теме. Были переизданы наиболее интересные воспоминания, опубликованные еще в 20-е годы и ставшие библиографической редкостью [32]. Как правило, эти переиздания снабжены вступительными статьями и комментариями, отражающими современный уровень науки, что, конечно, увеличивает их научную ценность. Одновременно впервые были изданы и воспоминания ряда участников революционной борьбы на флоте [33]. Серьез-

---

[28] Н. Ф. Измайлов и А. С. Пухов. Центробалт. М. 1963. (В 1967 г. она была переиздана в Калининграде, и ее объем был увеличен). С. С. Хесин и Д. А. Чугаев. Вступительная статья к сборнику документов «Протоколы и постановления Центрального комитета Балтийского флота». М.-Л. 1963; С. С. Хесин. Центробалт. «Военно-исторический журнал», 1967, № 4; А. М. Блинов. Первые революционные органы власти в Кронштадте в 1917 году. «Военные моряки в борьбе за победу Октябрьской революции». М. 1958; его же. Матросские комитеты Балтийского флота в Октябрьском вооруженном восстании. «Ленин и Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде»; его же. Матросские комитеты Балтийского флота в 1917 году. «Военно-исторический журнал», 1967, № 11.

[29] В. В. Петраш. Выборы в Учредительное собрание по Балтийскому избирательному округу. «Город Ленина в дни Октября и Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.». М.-Л. 1964; С. С. Хесин. Революционные связи петроградского пролетариата с балтийскими моряками в 1917 г. «От Октября к развернутому строительству коммунизма», и др.

[30] З. В. Гребельский. Деятельность Коммунистической партии и Советского правительства по организации Советского Военно-Морского Флота. «Труды» Военно-политической академии имени В. И. Ленина. 1958, № 19; его же. Деятельность Коммунистической партии и Советского правительства по созданию Советского Военно-Морского Флота. Канд. дисс.; С. С. Хесин. Матросы революции. М. 1958; Р. Н. Мордвинов. К вопросу формирования Советского Военно-Морского Флота. «Военно-исторический журнал», 1959, № 12; его же. Курсом «Авроры». М. 1962.

[31] Е. Юнга. Бессмертный корабль. М. 1957; В. Коновалов. Подвиг «Алмаза». Одесса. 1963; Ю. К. Кириенко. Красная флотилия. М. 1965, и др.

[32] И. П. Флеровский. Большевистский Кронштадт в 1917 году. Л. 1957; П. Е. Дыбенко. Из недр царского флота к Великому Октябрю. М. 1958; его же. Революционные балтийцы. М. 1959; В. А. Антонов-Овсеенко. В революции. М. 1957, и др.

[33] «Военные моряки в борьбе за победу Октябрьской революции». М. 1958, стр. 243—571; М. Г. Рошаль. На путях революции. М. 1957; Н. Ф. Измайлов. Балтийский флот в Октябрьские дни. М. 1957; И. И. Вахрамеев. Во имя революции. М. 1957; П. Д. Мальков. Записки коменданта Московского Кремля. М. 1959;

ное значение имеет выход нескольких специальных документальных сборников, целиком или в большей своей части посвященных участию моряков в событиях 1917 года [34]. К этому нужно прибавить многочисленные документы о революционной борьбе моряков, включенные в различные публикации, изданные в центре и на местах. Все эти сборники в основном тщательно подготовлены в соответствии с научными требованиями, снабжены обширным и добротным вспомогательным аппаратом и не только представляют хорошую документальную базу, но имеют и самостоятельное научное значение.

Подведем некоторые итоги. В советской литературе участие моряков в Великой Октябрьской социалистической революции получило довольно широкое освещение. Работы по этой теме многочисленны и разнообразны. Охватывая ее различные стороны и аспекты, они составляют важную часть исследования истории Великого Октября.

Однако литературе по этой проблематике, несмотря на ее многие и несомненные достоинства и достижения, свойствен ряд пробелов и недостатков, наиболее существенные из которых мы и попытаемся кратко отметить. Основным из них, на наш взгляд, является отсутствие сводных, обобщающих трудов по истории революционной борьбы на флоте в целом. Правда, в 1958 г. была предпринята попытка создания такого труда [35], но, к сожалению, он фактически просто объединил в одном переплете несколько связанных между собой лишь хронологически статей, посвященных отдельным флотам и флотилиям, и мало чем обогатил историографию. Между тем потребность в таком труде давно назрела и стала особенно остро ощущаться в последнее время, когда советская историография Октябрьской революции наряду с углубляющимся изучением различных вопросов этой гигантской проблемы все решительнее переходит на путь крупных обобщающих исследований, подводящих итог многолетним плодотворным трудам советских историков.

В литературе доминируют работы, посвященные Балтийскому и в меньшей степени Черноморскому флотам, которые в 1917 г. были не только крупнейшими флотами России, но и сыграли в революции наиболее значительную роль по сравнению с другими флотскими соединениями. Однако проблема вовлечения в революцию моряков как важного отряда вооруженных сил в целом остается в основном неразработанной. Имеющиеся работы, будучи локальными, не раскрывают общей политики по отношению к флоту боровшихся в революции сил, не изучают ее принципиального направления и методов осуществления как составной части общей борьбы за вооруженные силы, борьбы, протекавшей в специфических условиях флота.

Вне пределов внимания исследователей остались и многие конкретные вопросы истории флота в 1917 г., такие, как деятельность ЦК большевистской партии применительно ко всему флоту, политика буржуазии в отношении флота, находившая свое выражение в соответствующих мероприятиях Временного правительства, военно-морского командования и других правительственных органов. Не подвергалась серьезному изучению деятельность общефлотского демократического органа — Центрофлота, являвшегося одним из важных орудий проведения соглашательской политики на флоте. Отсутствуют работы, показывающие роль моряков в мобилизации революционных сил по стране, хотя эта роль и была довольно значительной, а флот являлся одним из важных резервуаров, откуда большевистская партия черпала многочисленные кадры революционного актива, формировавшего политическую армию социалистической революции. К недостаткам литературы надо отнести слабый показ динамики борьбы за флотские массы, игнорирование деятельности небольшевистских сил на флоте: реакционного офицерства [36], соглашательских партий. В итоге борьба большевиков за

Н. А. Ховрин. Балтийцы идут на штурм. М. 1966; С. Н. Баранов. Ветер с Балтики. М. 1967; А. С. Неволин. Авроровцы. М. 1967. Кроме того, многочисленные воспоминания были опубликованы в сборниках, журналах и газетах как в центре, так и на местах.

[34] «Балтийские моряки в подготовке и проведении Великой Октябрьской социалистической революции». М.-Л. 1957; «Протоколы и постановления Центрального комитета Балтийского флота». М. 1963; «Моряки в борьбе за власть Советов на Украине». Киев. 1963; «Балтийские моряки в борьбе за власть Советов (ноябрь 1917—декабрь 1918 г.)». Л. 1968.

[35] «Военные моряки в борьбе за победу Октябрьской революции».

[36] Одно из немногих исключений составляет упоминавшаяся монография В. В. Петраша, в которой значительное внимание уделено офицерству Балтийского флота.

массы выглядит несколько упрощенной. Большевистская тактика сплочения революционных сил на флоте под руководством большевиков также осталась неисследованной.

В литературе предметом исследования являлся, как правило, флот в узком смысле, то есть как чисто военный организм, включающий только кадры морского ведомства. Указанное ограничение привело к тому, что из круга исследований выпали многие социально-политические аспекты и слабо отражена, например, деятельность Советов военно-морских баз, ее влияние на флот, отношение моряков к ряду острых вопросов развития революции (рабочий, аграрный, национальный и др.), взаимосвязь моряков с рабочими, солдатами и крестьянами. Недостаточно четко раскрывается борьба моряков как представителей определенных социальных слоев, а не как некоей самодовлеющей силы. А ведь именно этим руководствовалась большевистская партия, вырабатывая свою тактику вовлечения моряков в революционную борьбу.

Следует также отметить и еще одну особенность историографии данного вопроса. До недавнего времени ее источниковедческая база была ограничена почти исключительно материалами Центрального государственного архива Военно-Морского Флота (ЦГАВМФ), где, безусловно, сосредоточены наиболее многочисленные и важные документы о революционной борьбе моряков. Но некоторые аспекты этой темы отражены в материалах архива недостаточно. К их числу можно отнести столь существенные вопросы, как деятельность большевиков на флоте, тактика Временного правительства, революционная работа моряков по стране и др. Их глубокое изучение невозможно без привлечения материалов других архивохранилищ и иных источников. К тому же локальность тематики исследований обусловила и то, что даже в ЦГАВМФ ряд фондов (Морское высшее командование, Центрофлот и др.) использовался исследователями неполно. Лишь за последнее время постепенно стала расширяться источниковедческая база исследований за счет привлечения материалов других архивов, различных публикаций, прессы разных направлений и т. п., что сразу же значительно повысило их научный уровень.

Несмотря на указанные пробелы и недостатки, советская историческая наука, бесспорно, имеет весьма серьезные успехи в исследовании роли и места моряков в Великой Октябрьской социалистической революции, которые, по оценке В. И. Ленина, показали себя «как передовой борец за раскрепощение трудящихся классов»[37]. Обширная историография этого вопроса вполне позволяет сделать новый значительный шаг вперед в изучении участия флота в Октябрьской революции и внести тем самым весомый вклад в исследование истории Великого Октября.

С. С. Хесин

[37] В. И. Ленин. ПСС. Т. 35, стр. 112.

Рецензии

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Вышла в свет книга академика П. Н. Поспелова «Проблемы истории»[1]. В нее вошли важнейшие статьи и речи видного советского ученого и партийного деятеля, посвященные вопросам истории КПСС, проблемам марксистско-ленинской теории и практической работы партии по претворению ленинских заветов в жизнь. В книге освещается широкий круг вопросов: второй съезд РСДРП, декабрьское вооруженное восстание 1905 года в Москве, создание международного товарищества рабочих — I Интернационала — и его историческое значение,

[1] П. Н. ПОСПЕЛОВ. *Проблемы истории (статьи и речи)*. М. 1968. Изд-во «Наука». 208 стр. Тираж 6000. Цена 87 к.

ленинские оценки американского империализма, итоги и уроки Великой Отечественной войны Советского Союза против немецко-фашистских захватчиков и другие. Большое место в книге отведено ленинскому учению о строительстве социализма и коммунизма в СССР, показу того, как Коммунистическая партия, неуклонно руководствуясь марксизмом-ленинизмом и творчески развивая его в новых исторических условиях, ведет советский народ от победы к победе, к торжеству коммунизма.

Характерной особенностью статей и речей П. Н. Поспелова, включенных в книгу, является не только доказательность, убедительная научная аргументация выдвигаемых положений, но и страстная публицистичность, актуальность освещаемых проблем истории. Какую бы тему автор ни затрагивал, он стремится увязать ее с современностью, показать то или иное историческое событие в свете его значения для нынешнего этапа борьбы нашей партии за построение коммунизма, для коммунистического и рабочего движения, для разоблачения буржуазной идеологии, антикоммунистов всех мастей, в их числе и фальсификаторов истории. В статье «Историческое значение второго съезда РСДРП» сжато и ярко рассказывается о возникновении на этом съезде партии нового типа — партии большевиков, о роли В. И. Ленина и старой «Искры» в ее создании. Автор показывает, почему в современных условиях враги коммунизма направляют свои ядовитые стрелы в первую очередь против ленинской партии, стремятся любыми средствами повернуть колесо истории вспять, отсрочить неизбежную гибель капитализма. Они понимают силу и ведущую роль Коммунистической партии Советского Союза в строительстве коммунизма в СССР, в мировом революционном процессе, видят в ней главное препятствие на пути к достижению своих реакционных целей. Поэтому антикоммунисты клевещут на нашу партию, извращают ее историю, пытаются опорочить ее современную деятельность. В этом черном деле им помогают нынешние китайские руководители.

В ряде материалов книги, в частности в статье «Международное товарищество рабочих и торжество его идей», автор освещает проблему возникновения и развития международного коммунистического и рабочего движения, раскрывает сущность интернационализма, показывает вред и опасность клеветнических нападок китайских раскольников на Советский Союз. «Тот, кто сегодня клевещет на Советский Союз, чернит его, зачеркивает все, что сделано и делается первой в мире страной социализма для развития, поддержки, пробуждения революции во всех странах,— пишет П. Н. Поспелов,— тот не может быть интернационалистом» (стр. 85).

Научный интерес представляет помещенный в книге материал «Ленин об американской интервенции против Советской республики в 1918—1920 гг.»[2]. В нем автор излагает ленинские оценки американского империализма, раскрывающие агрессивную сущность политики правящих кругов Соединенных Штатов, показывает, что именно американские империалисты явились инициаторами иностранной интервенции в 1918—1920 гг. против молодой Республики Советов и продолжают выступать в роли жандарма, душителя свободы и прогресса во всем мире. В своем знаменитом «Письме к американским рабочим» В. И. Ленин отмечал, что в итоге первой мировой войны американские империалисты нажились больше всех, награбили сотни миллиардов долларов, и «на каждом долларе следы крови — из того моря крови, которую пролили 10 миллионов убитых и 20 миллионов искалеченных»[3]. Ленинские оценки американского империализма, изложенные в рецензируемой книге, имеют актуальное значение и в наши дни. Они вскрывают корни агрессивной политики американского империализма, обнажают его стремление к мировому господству, помогают лучше уяснить причины преступной войны, которую ведут США против свободолюбивого вьетнамского народа, глубже понять необходимость сплочения всех миролюбивых сил для борьбы против заокеанских душителей свободы и прогресса.

В апреле 1965 г., накануне 20-летия победы антигитлеровской коалиции, в Москве состоялась научная конференция, на которой с докладом «Исторические итоги и уроки Великой Отечественной войны» выступил П. Н. Поспелов. В этом докладе, вошедшем в рецензируемую книгу, дан глубокий анализ политического характера второй мировой войны и показаны ее масштабы (стр. 94). В докладе подробно освещается всемирно-историческое значение победы свободолюбивых народов над фашистской Гер-

---

[2] Из выступления П. Н. Поспелова в Большом театре СССР 21 января 1951 г., посвященного 27-й годовщине со дня смерти В. И. Ленина.

[3] В. И. Ленин. ПСС. Т. 37, стр. 50.

манией и ее союзниками, показывается решающая роль Советского Союза в разгроме государств фашистского блока, говорится об источниках силы и могущества СССР. На протяжении всей Великой Отечественной войны советско-германский фронт был главным во второй мировой войне. Здесь вплоть до первых месяцев 1944 г. действовало от 153 до 201 немецко-фашистской дивизии, что составляло 55—72% их общего числа. В это же время английским и американским войскам в Северной Африке и в Италии противостояли от 0,9 до 6,1% немецких дивизий. В ходе войны Красная Армия разгромила основные силы гитлеровской Германии. На советско-германском фронте было уничтожено, взято в плен и расформировано 507 дивизий немецко-фашистских войск и разгромлено не менее 100 дивизий стран—сателлитов Германии, а союзниками СССР по коалиции уничтожено и взято в плен в Северной Африке, Италии и Западной Европе 176 вражеских дивизий (стр. 103). Таковы лишь отдельные взятые из книги факты, которые разоблачают попытки современных буржуазных фальсификаторов истории принизить роль Советского Союза в разгроме гитлеровской Германии. Автор отдал должное той помощи, которую США и Англия оказали нашей стране по ленд-лизу, однако подчеркнул и конкретными цифрами доказал, что в целом эти поставки не оказали и не могли оказать существенного влияния на ход войны.

Автор четко сформулировал и научно обосновал основные уроки, вытекающие из минувшей войны. Главный урок, говорится в книге, заключается в непобедимости нового общественного строя — социализма. В смертельной схватке двух противоположных социально-экономических систем — капиталистической в лице германского фашизма и социалистической в лице Советского Союза — победу одержала новая общественная формация. В этом, как отмечается в книге, историки-марксисты видят разгадку того факта, что Советский Союз и его армия, несмотря на неудачи в первый период войны, сумели оправиться от тяжелых ударов, нанести по врагу сокрушительные ответные удары и окончательно разгромить фашистскую Германию.

Политически актуальными, злободневными, созвучными сегодняшнему времени, когда в стране широко развернулась подготовка к 100-летию со дня рождения В. И. Ленина, являются помещенные в книге материалы «В. И. Ленин и задачи строительства коммунизма в СССР» и «Ленинизм и строительство коммунизма в СССР». Все, кто изучает историю нашей партии, нашего социалистического Отечества, найдут здесь ответы на многие вопросы, связанные с деятельностью В. И. Ленина — создателя Коммунистической партии, вдохновителя и организатора победы Великого Октября, организатора и руководителя первого в мире государства рабочих и крестьян, гениального творца плана построения социализма и коммунизма в СССР. Величайшая историческая заслуга В. И. Ленина и созданной им партии большевиков, подчеркивает автор, состоит в том, что они открыли человечеству не только теоретически, но и на практике путь к социализму и коммунизму. В. И. Ленин разработал конкретный план построения социализма и коммунизма в нашей стране, составными частями которого явились индустриализация, коллективизация сельского хозяйства и культурная революция. Под его непосредственным руководством был разработан знаменитый план ГОЭЛРО — план электрификации России, первый перспективный план развития народного хозяйства Советской республики. В. И. Ленин назвал этот план второй программой партии.

Автор книги уделил большое внимание тому, как Коммунистическая партия, советский народ претворяют в жизнь великие предначертания В. И. Ленина. На конкретных примерах и фактах в книге показывается успешное решение всех тех задач, которые изложены в ленинском плане построения социализма и коммунизма в нашей стране. Под руководством Коммунистической партии советский народ, построив социализм, ныне создает материально-техническую базу коммунизма. В книге подчеркивается, что наша партия, руководствуясь ленинским учением о социалистическом хозяйствовании, после октябрьского Пленума ЦК 1964 года последовательно определяет и выполняет важнейшие задачи, требующие первостепенного решения. Живым воплощением ленинских принципов социалистического хозяйствования является проводимая в нашей стране хозяйственная реформа, направленная на совершенствование планирования и усиление экономического стимулирования производства.

Научная ценность книги П. Н. Поспелова заключается еще и в том, что в ней дается методология освещения некоторых спорных проблем истории. В частности, автор пишет,

что «при освещении послевоенного периода в нашей печати не всегда четко устанавливалась преемственная связь с теми процессами, что проходили в довоенные годы. «Иногда в связи с критикой культа личности огульно охаивалась та огромная работа, что была проделана всей партией, советским народом в создании материально-технической базы социализма, повышении материального и культурного уровня трудящихся и в подготовке к обороне страны» (стр. 189).

П. Н. Поспелов справедливо считает, что при исследовании истории строительства социализма и постепенного перехода к коммунизму необходимо учитывать постепенность этого процесса, диалектическую взаимосвязь перерастания социализма в коммунизм. Проблемы перехода к строительству коммунизма, исходя из конкретных условий развития советского общества на современном этапе, отмечается в книге, партия разработала на XX, XXI съездах КПСС, на XXII съезде КПСС, принявшем новую Программу, на XXIII съезде КПСС и на Пленумах ЦК. Определяя задачи создания нового общества, наша партия неуклонно руководствуется ленинским учением о построении социализма и коммунизма в СССР.

Вышедшая в свет книга П. Н. Поспелова «Проблемы истории», несомненно, вызовет интерес не только у тех, кто изучает историю КПСС и нашей страны, но и у широкого круга читателей.

Член-корреспондент АН СССР
Д. М. Кукин

А. С. КАН. Внешняя политика скандинавских стран в годы второй мировой войны. М. Изд-во «Наука». 1967. 456 стр. Тираж 2 100. Цена 2 руб. 20 коп.

В наши дни научные исследования по истории международных отношений периода второй мировой войны имеют исключительно важное значение для обобщения опыта практической дипломатической деятельности государств. К такого рода исследованиям относится монография доктора исторических наук старшего научного сотрудника Института всеобщей истории АН СССР А. С. Кана «Внешняя политика скандинавских стран в годы второй мировой войны». В монографии рассматривается дипломатическая деятельность и военная политика правительств скандинавских стран, политика Советского Союза по отношению к скандинавским странам — политика уважения независимости и нейтралитета Швеции, Норвегии и Дании, политика помощи датчанам и норвежцам в освобождении от фашистского ига, а шведам — в сохранении нейтралитета. В монографии раскрываются также и другие проблемы, например, советско-финские отношения и скандинавские страны.

Важное место стран Северной Европы в истории второй мировой войны предопределило особый интерес к ним со стороны советских историков. Внимание исследователей привлекли к себе, в частности, такие вопросы, как дипломатия западных держав в период советско-финской войны, военная кампания 1940 г. в Норвегии, движение Сопротивления в Дании и Норвегии, роль СССР в защите шведского нейтралитета, выход Финляндии из войны в 1944 году. Однако подавляющая часть печатных работ советских исследователей на эти темы ограничивалась журнальными статьями и главами в коллективных трудах. Кроме того, длительное время круг доступных первоисточников был очень ограничен.

Обобщающих научных трудов по внешней политике всех трех скандинавских государств, взятых в комплексе за весь военный период, не было еще ни в советской, ни в зарубежной историографии. Рецензируемая книга А. С. Кана — первый за послевоенные годы труд по внешней политике скандинавских стран во второй мировой войне, содержащий марксистско-ленинский анализ. Книга содержит, помимо введения, восемь глав: Скандинавия в предвоенные годы; Скандинавия и «странная война»; крушение нейтралитета и оккупация Норвегии и Дании; от поражения Франции до нападения Германии на СССР; Скандинавия и новая расстановка сил после 22 июня 1941 г.; под знаком ко-

ренного перелома в ходе войны; от прекращения немецкого воинского транзита через Швецию до поражения Финляндии; Скандинавия и разгром фашистского рейха,— а также заключение, библиографию и указатель имен. Автор с большой научной добросовестностью провел исследовательскую работу, изучив труды классиков марксизма-ленинизма о скандинавских странах, политике их господствующих классов и их правительств, неопубликованные документы Архива внешней политики СССР и Историко-дипломатического архива, многочисленные труды зарубежных и отечественных историков, публикации периодической и непериодической печати. Кроме того, он имел личные беседы с рядом участников и свидетелей событий того периода.

Особый интерес представляет в книге всестороннее освещение концепции нейтралитета. Скандинавский нейтралитет времен второй мировой войны, пишет автор, предстал перед нами как весьма широкая, емкая по содержанию, подверженная значительным изменениям во времени и в пространстве внешнеполитическая позиция. Главным фактором, обусловившим сохранение или несохранение этой позиции, то есть успех или неуспех политики нейтралитета, были военно-политические расчеты и действия не самих скандинавских правительств, а великих воюющих держав. Что касается европейских нейтралов, то их отход от строгого нейтралитета осуществлялся в самых разных направлениях: в пользу всего капиталистического лагеря в начале войны (помощь милитаристам Финляндии против СССР), в пользу фашистской Германии в середине войны и, наконец, в пользу антигитлеровской коалиции — в конце войны.

В монографии раскрывается трагическая картина крушения политики нейтралитета Норвегии и Дании в апреле 1940 года. Оккупация гитлеровской Германией этих стран 9 апреля привела к определенным переменам во внешней политике нейтральной Швеции (в тот же день Германия официально потребовала от Швеции соблюдения «строжайшего нейтралитета»). Общеизвестно, что мир и независимость Швеции были сохранены в этот роковой для скандинавских народов период в большой степени благодаря твердой позиции, занятой Советским Союзом. Советская нота германскому правительству от 13 апреля 1940 г. о заинтересованности Советского правительства в сохранении шведского нейтралитета спасла Швецию от гитлеровской оккупации, что помогло укрепить позиции шведского нейтралитета в 1940 году.

Основываясь на документальных данных, автор утверждает, что день нападения гитлеровской Германии на Советский Союз был заранее известен в Стокгольме благодаря расшифровке шведской разведкой германских телеграмм и что там ожидали предъявления Швеции новых немецких требований в пользу рейха. Такие требования были предъявлены утром 22 июня 1941 г., когда осуществилось разбойничье нападение гитлеровской Германии на Советский Союз. Фактически речь шла о том, чтобы Швеция отказалась от политики нейтралитета и заняла по отношению к державам «оси» позицию невоюющей державы в советско-германской войне. Главным и самым срочным был вопрос о транзите из Осло в Финляндию через Швецию немецкой дивизии. Шведское правительство с благословения риксдага уступило этому требованию Гитлера. Шведское решение было сообщено советским представителям одновременно с согласием удовлетворить просьбу Советского правительства представлять его интересы в странах «оси». Вскоре шведское правительство создало специальный «отдел Б» при министерстве иностранных дел, которому поручалось вести все дела, связанные с защитой интересов СССР в странах «оси». Этот отдел на протяжении всей войны в тесном контакте с миссией СССР в Стокгольме проводил работу по обеспечению эвакуации персонала советских дипломатических представительств из Финляндии, Дании, Германии, охрану имущества этих представительств, а также обеспечение условий размещения и содержания в стране интернированных советских военнослужащих и моряков, советских беженцев и военнопленных в лагерях Бюринге и Багго и возвращения их на Родину в конце войны.

Шведские реакционные круги и «пятая колонна» в сговоре с гитлеровскими властями организовывали провокации против советских представительств и их сотрудников в Стокгольме. В шведской тайной полиции по соглашению с гестапо действовала тайная фашистская организация, возглавляемая Шохольмом. Указанные реакционные круги и полиция осуществляли сильное давление на шведское правительство и шведские учреждения. Почтовое ведомство, например, конфисковало бюллетень советской миссии с изложением официальной но-

ты Советского правительства о фашистских зверствах на оккупированной части советской территории, шведская тайная полиция неоднократно арестовывала и избивала сотрудников советских представительств.

По инициативе дипломатических представителей советской миссии шведскому правительству неоднократно предъявлялись документально обоснованные ноты, в которых говорилось о грубом нарушении Швецией нейтралитета в пользу гитлеровской Германии, делались совместные с союзниками по антигитлеровской коалиции представления, касающиеся обязательств Швеции как нейтральной страны, заявлялись решительные протесты против всякого рода провокаций.

Можно вполне согласиться с выводами автора о том, что специфическими обстоятельствами, способствовавшими удержанию Швеции вне войны и оккупации были: 1) стратегическое положение страны; 2) значительные вооруженные силы и обширная территория; 3) заинтересованность единственно возможного агрессора — Германии в бесперебойной работе шведской промышленности и рудников, обслуживавших нужды Германии и Финляндии; 4) дипломатический демарш СССР (нота от 13 апреля 1940 г.) в защиту шведского нейтралитета и мощные удары Советской Армии по гитлеровской военной машине. Также справедливы выводы автора о том, что в итоге второй мировой войны во внешней политике всех трех скандинавских стран произошли следующие изменения: была осознана необходимость серьезного укрепления национальной обороны; были отвергнуты изоляционизм и пассивность, взят курс на активное участие в Организации Объединенных Наций; произошел поворот к более или менее решительному улучшению отношений с СССР; ориентация правящих кругов скандинавских стран на Англию усилилась и дополнилась ориентацией на США.

Несмотря на то, что само понятие нейтралитета, подчеркивается в монографии, было скомпрометировано провалом предвоенной политики, традиция скандинавского нейтралитета не умерла, а в модифицированном виде сохранилась и после второй мировой войны. Самая крупная из скандинавских стран — Швеция — и сегодня проводит политику неучастия в блоках великих держав, политику нейтралитета, и тем самым вносит определенный положительный вклад в дело разрядки международной напряженности. Верна политике активного нейтралитета и другая северная страна — Финляндия, заключившая 6 апреля 1948 г. с СССР Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи. Что касается Дании, Норвегии и Исландии, то они были вовлечены в империалистический блок НАТО при особых обстоятельствах: провокационно раздутых слухах о «советской угрозе», антикоммунистической истерии и сильной финансово-экономической зависимости от США и Англии.

Отметив несомненные достоинства монографии А. С. Кана, хотелось бы остановиться на некоторых спорных моментах в работе. Нельзя, по нашему мнению, полностью принять точку зрения автора в оценке значения и роли скандинавской политики нейтралитета для исхода борьбы народов с империалистической агрессией и фашизмом. Автор пишет, что проведенное исследование вполне подтверждает отрицательную оценку политики скандинавских нейтралов накануне войны (стр. 430). Швеция сохранила свою независимость главным образом благодаря внешним факторам, включая дипломатическую поддержку СССР. Однако далее автор утверждает, что пособничество Швеции державам «оси» в критический период Отечественной войны Советского Союза, в 1941—1942 гг., с одной стороны, и сохранение независимости и буржуазно-демократических порядков, представительство советских интересов в странах фашистского блока, помощь Объединенным Нациям, в особенности оккупированным соседним скандинавским странам на позднем этапе войны,— с другой, исключает суммарную и однозначную (будь то положительную или отрицательную) оценку шведской внешней политики за весь период войны. Несомненно то, что в основе скандинавской, и в особенности шведской внешней политики, в том числе и политики нейтралитета, как в довоенное время, так и в период войны лежала антисоветская, антикоммунистическая позиция правящих кругов буржуазии и правой социал-демократии. Поэтому политика нейтралитета, проводимая этими кругами и социал-демократией, была в то время прислужнической, пособнической как по отношению к германскому, так и по отношению к англо-американскому империализму.

И все же, несмотря на непоследовательность и определенные в силу ряда обстоятельств отступления Швеции от политики нейтралитета, самый факт ее неучастия в

войне на стороне гитлеровской Германии и сохранение в ходе всей войны нейтралитета, стремление оградить суверенитет и национальную независимость, поддержание активных дипломатических связей с Советским Союзом и странами антигитлеровской коалиции следует оценивать как положительное явление, как определенный вклад в дело победы над гитлеровской Германией. Анализ советско-шведских отношений в годы второй мировой войны дает все основания сделать вывод о том, что в главном для Швеции вопросе — недопущении войны на Балтике, сохранении мира и независимости — интересы Швеции и Советского Союза совпадали. В ходе войны Советское правительство неоднократно заявляло о своей заинтересованности в сохранении нейтралитета Швеции, о своем намерении и дальше поддерживать шведское правительство в проведении им политики нейтралитета.

Нет необходимости, разумеется, объяснять, что советская дипломатия использовала империалистические противоречия, извлекая определенную пользу из скандинавской политики нейтралитета в интересах мира и социализма.

Книга А. С. Кана «Внешняя политика скандинавских стран в годы второй мировой войны» убедительно раскрывает сложную механику военной, экономической, политической и дипломатической борьбы империалистических сил в этом районе мира, твердую и последовательную ленинскую миролюбивую внешнюю политику Советского государства, приемы и методы ее дипломатии. В этом именно заключается ценность и полезность данной книги, которая представит несомненный интерес не только для специалистов-международников, но и для любого рядового читателя.

М. С. Ветров

НОВЫЕ КНИГИ

История СССР

Алексеева Г. Д. *Октябрьская революция и историческая наука в России.* 1917—1923 гг. М. «Наука». 1968. 300 стр. 4 300 экз. 98 коп.

Ананьин И. А. *Корабли нашей юности.* Л. Лениздат. 1968. 304 стр. 30 000 экз. 59 коп. Воспоминания о Советском Военно-Морском Флоте. 1931—1943 гг.

Балагуров Я. А. *Фабрично-заводские рабочие дореволюционной Карелии.* 1861—1917. Петрозаводск. 1968. 215 стр. 1 500 экз. 97 коп.

Безносиков Я. Н. *Культурная революция в Коми АССР.* М. «Наука». 1968. 294 стр. 3 900 экз. 1 руб. 32 коп.

Бескровный Л. Г. *Отечественная война 1812 года.* М. «Московский рабочий». 1968. 78 стр. 100 000 экз. 11 коп.

Великая Октябрьская социалистическая революция. Маленькая энциклопедия. Под ред. Г. Н. Голикова, М. И. Кузнецова, Л. С. Шаумяна. М. «Советская энциклопедия». 1968. **480** стр. 100 000 экз. 1 руб. 37 коп.

Великий Октябрь в судьбах молдавского народа. Кишинев. 1968. 258 стр. 5 000 экз. 1 руб. 15 коп.

В поединке с абвером. Документальный очерк о чекистах Ленинградского фронта. 1941—1945. Авт.: А. А. Богданов и др. Предисловие Д. П. Носырева. М. Воениздат. 1968. 301 стр. 100 000 экз. 65 коп.

Ветров И. *В лесах под Новомосковском.* Записки партизана. Днепропетровск. 1968. 296 стр. 30 000 экз. 82 коп.

Всегда в борьбе. Воспоминания ветеранов московского комсомола. Сост. Е. Н. Логинова. М. «Московский рабочий». 1968. 336 стр. 30 000 экз. 94 коп.

Герои подполья. О подпольной борьбе советских патриотов в тылу немецко-фашистских захватчиков в годы Великой Отечественной войны. Вып. II. Коллектив авторов. М. Политиздат. 1968. 559 стр. 200 000 экз. 1 руб. 35 коп.

Герои Советского Союза — казахстанцы. Сост.: П. С. Белан, Н. П. Калита. Алма-Ата. 1968. 25 600 экз. Т. I—476 стр. 96 коп; Т. II—440 стр. 90 коп.

Гринблат М. Я. *Белорусы.* Очерки происхождения и этнографии. Минск. 1968. 288 стр. 3 250 экз. 82 коп.

Гречко А. А. *Битва за Кавказ.* Изд. 2-е, доп. М. Воениздат. 1968. 494 стр. 50 000 экз. 1 руб. 82 коп.

Джанаев А. К. *Забастовка рабочих Садона 1897 года.* Из истории рабочего движения в Северной Осетии. Орджоникидзе. 1968. 94 стр. 1 000 экз. 13 коп.

Дорогами подвига. По местам битвы под Москвой. Сост. С. Трушин. М. «Московский рабочий». 1968. 224 стр. 40 000 экз. 25 коп.

Из истории социалистического и коммунистического строительства в Молдавской ССР. Сборник статей. Кишинев. 1968. 451 стр. 1 500 экз. 85 коп.

История ВЛКСМ. Живая летопись. В 3-х тетрадях. Тетрадь 1945—1968 гг. Сост.

П. Серебрянников. Авт. текста С. Лесневский, П. Серебрянников. М. «Молодая гвардия». 1968. 312 стр. 100 000 экз. 1 руб. 51 коп.

История Грузии. Коллектив авторов. Т. 3. Ред.: М. В. Натмеладзе, Н. И. Стуруа. Тбилиси. 1968. 418 стр. 7 000 экз. 1 руб. 86 коп.

История комсомола Прикамья. Под общ. ред. М. Я. Кокшаровой. Пермь. 1968. 406 стр. 15 000 экз. 90 коп.

История Советского государства и права. В 3-х книгах. Отв. ред. А. П. Косицын. Кн. 2. Советское государство и право в период строительства социализма. 1921—1935 гг. М. «Наука». 1968. 622 стр. 11 500 экз. 2 руб. 77 коп.

Кавказский этнографический сборник. Очерки этнографии горной Ингушетии. Тбилиси. 1968. 269 стр. 2 000 экз. 1 руб. 76 коп.

Краткая история советского рабочего класса. 1917—1967. Коллектив авторов. Под ред. Ю. С. Борисова и др. М. Политиздат. 1968. 430 стр. 43 000 экз. 97 коп.

Культура и быт народов Северного Кавказа. 1917—1967 гг. Под ред. В. К. Гарданова. М. «Наука». 1968. 348 стр. 6 200 экз. 1 руб. 65 коп.

Кумыков Т. Х. *Хан-Гирей.* Жизнь и деятельность. Нальчик. 1968. 132 стр. 1 000 экз. 56 коп.

Лекции по истории КПСС. Вып. I. Изд. 2-е. Под общ. ред. Ф. Д. Кретова. М. «Мысль». 1968. 670 стр. 150 000 экз. 1 руб. 2 коп.

Менабде Л. В. *Очаги древнегрузинской культуры.* Тбилиси. 1968. 58 стр. 1 000 экз. 28 коп.

Месхиа Ш. А. *История Грузии.* Тбилиси. 1968. 47 стр. 7 000 экз. 50 коп.

Накашидзе Н. Т. *Грузино-русские политические отношения в первой половине XVII века.* Тбилиси. 1968. 289 стр. 2 000 экз. 1 руб. 33 коп.

Никитин А. Л. *Голубые дороги веков.* М. «Мысль». 1968. 191 стр. 60 000 экз. 29 коп. Дневник о работе археологической экспедиции вблизи Переславля-Залесского.

Никольников Г. Л. *Выдающаяся победа ленинской стратегии и тактики.* Брестский мир: от заключения до разрыва. М. «Мысль». 1968. 374 стр. 13 000 экз. 1 руб. 36 коп.

Обичкин Г. Д., Панкратова М. Я. *Письма Владимира Ильича Ленина.* М. Политиздат. 1968. 360 стр. 100 000 экз. 56 коп.

Оганесян К. *Эребуни.* К 2750-летию основания Еревана. Ереван. 1968. 61 стр. 5 000 экз. 60 коп.

Окладников А. П. *Лики древнего Амура. Петроглифы Сакачи—Аляна.* Новосибирск. 1968. 238 стр. 30 000 экз. 37 коп.

Октябрь и Япония. Отв. ред. И. Латышев, В. Попов, П. Топеха. М. «Наука». 1968. 88 стр. 2 400 экз. 28 коп.

Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. Сборник статей. Вып. 4. Отв. ред. Р. С. Липец. М. «Наука». 1968. 235 стр. 1 600 экз. 1 руб. 43 коп.

Памяти 26 бакинских комиссаров. Документы и материалы. Отв. ред. Х. Г. Везиров. Баку. 1968. 203 стр. 5 000 экз. 57 коп.

Саламов Б. С. *Обычаи и традиции горцев.* Орджоникидзе. 1968. 137 стр. 2 000 экз. 21 коп.

Связи революционеров России и Польши XIX—начала XX в. Сборник статей. Под ред. В. А. Дьякова, И. С. Миллера, Л. А. Обушенковой. М. «Наука». 1968. 420 стр. 1 400 экз. 1 руб. 87 коп.

Сибирь в период строительства социализма и перехода к коммунизму. Вып. 7. Отв. ред. Г. А. Докучаев. Новосибирск. 1968. 203 стр. 2 600 экз. 1 руб. 32 коп.

Темкин Я. Г. *Ленин и международная социал-демократия.* 1914—1917. Отв. ред. М. В. Искров. М. «Наука». 1968. 623 стр. 6 600 экз. 2 руб. 56 коп.

Хижняк И. Л. *Годы боевые.* Кн. 2. Краснодар. 1968. 240 стр. 15 000 экз. 62 коп. Ветеран трех войн, старый большевик рассказывает о Великой Отечественной войне.

Янгузов З., Юдкевич Л. *Сквозь огненное кольцо.* Казань. 1968. 182 стр. 16 000 экз. 24 коп. О боевых действиях Южно-Уральской партизанской армии против белогвардейских и белочешских частей.

Всеобщая история

Андреев М. В. *Католицизм и проблемы современного рабочего и национально-освободительного движения.* М. «Мысль». 1968. 343 стр. 2 500 экз. 1 руб. 32 коп.

Арутюнов С. А., Светлов Г. Е. Старые и новые боги Японии. М. «Наука». 1968. 200 стр. 18 000 экз. 67 коп. История и современное состояние японских религий.

Бартольд В. В. *Сочинения.* В 9-ти т. Т. 5. Работа по истории и филологии тюркских и монгольских народов. Отв. ред. А. Н. Кононов. Предисловие С. Кляшторного. М. «Наука». 1968. 757 стр. 4 700 экз. 3 руб. 52 коп.

Ближний и Средний Восток. История, культура, источниковедение. М. «Наука». 1968. 190 стр. 3 000 экз. 77 коп.

Восстание ихэтуаней 1898—1901. Документы и материалы. Отв. ред. В. Н. Никифоров. М. «Наука». 1968. 276 стр. 1 400 экз. 1 руб. 24 коп.

Григорьев Г. П. *Начало верхнего палеолита и происхождение Homo sapiens.* Отв. ред. Е. А. Векилова. Л. «Наука». Ленинградское отд-ние. 1968. 199 стр. 1 500 экз. 1 руб. 30 коп.

Гусева Н. Р. *Джайнизм.* Отв. ред. С. А. Токарев. М. «Наука». 1968. 125 стр. 6 400 экз. 42 коп.

Искандаров Б. И. *Гиндукуш во второй половине XIX в.* Отв. ред. Ю. В. Ганковский. М. «Наука». 1968. 93 стр. 1 500 экз. 30 коп.

Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки. Вып. 2. Отв. ред. Г. В. Ефимов. Л. Изд-во Ленинградского ун-та. 1968. 160 стр. 1 924 экз. 68 коп.

Матвеев К. П. (Бар-Маттай), Мар-Юханна И. И. *Ассирийский вопрос во время и после первой мировой войны.* 1914—1933 гг. М. «Наука». 1968. 144 стр. 4 500 экз. 49 коп.

Оганесян Н. О. *Образование независимой Сирийской республики.* 1939—1946. М. «Наука». 1968. 116 стр. 2 700 экз. 19 коп.

Первая мировая война. 1914—1918. Сборник статей. Отв. ред. А. Л. Сидоров. М. Наука». 1968. 375 стр. 6 100 экз. 1 руб. 71 коп.

Перепелкин Ю. Я. *Тайна Золотого гроба.* М. «Наука». 1968. 173 стр. 30 000 экз. 45 коп. История Аменхотпа IV и его жены царицы Нефр-эт («Нефертити»).

Проэктор Д. М. *Агрессия и катастрофа.* Высшее военное руководство фашистской Германии во второй мировой войне. 1939—1945. М. «Наука». 1968. 636 стр. 25 000 экз. 2 руб. 80 коп.

Рабочий класс в борьбе против империализма, за революционное обновление мира. М. «Наука». 1968. 312 стр. 10 200 экз. 1 руб. 22 коп.

Страны и народы Востока. Под общ. ред. Ю. А. Ольдерогге. Вып. 6. Страны и народы бассейна Тихого океана. Отв. ред. Б. А. Вальская, Ю. В. Маретин. М. «Наука». 1968. 264 стр. 1 800 экз. 1 руб. 59 коп.

Филатов Г. С. *Восточный поход Муссолини.* М. «Международные отношения». 1968., 183 стр. 20 000 экз. 61 коп.

Экономическое развитие и классовая борьба в средние века и в античности. Сборник статей. Саратов. 1968. 162 стр. 1 200 экз. 60 коп.

Книги, переведенные с иностранных языков

Каршаи Э. *От логова в Берхтенсгадене до бункера в Берлине.* Сокр. перевод с венгерского. М. «Международные отношения». 1968. 256 стр. 20 000 экз. 89 коп.

Коммунистическая партия Германии. 1945—1965. Краткий исторический очерк, документы, хроника событий. Предисловие М. Реймана. Переводы. М. «Прогресс». 1968. 303 стр. 1 руб. 28 коп.

Против идеологии современного антикоммунизма. Перевод с немецкого. М. «Прогресс». 1968. 415 стр. 1 руб. 53 коп.

СТАТЬИ В СОВЕТСКИХ ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЯХ

«Вопросы истории КПСС» № 11, 1968. М. А. Бондаренко. Партийные организации и хозяйственная реформа; М. И. Друш. Ленинские принципы внешней политики СССР и пролетарский интернационализм; Н. С. Мутовкин. Борьба В. И. Ленина за единство рядов партии в период подготовки и проведения Октябрьского вооруженного восстания; Х. С. Маат. Рабочие, солдаты и матросы голосуют за Ленина; Б. А. Томан. Партийная организация латышских стрелков в 1918 г.; Г. У. Черненко. Партийные организации и укрепление групп бедноты (1926—1929 гг.); Г. Б. Черняк. Антикоммунизм и ультралевый оппортунизм об историческом опыте Октября; В. Коларов о Г. Димитрове на Лейпцигском процессе; П. С. Чеемных. Советский рабочий класс — ведущая сила строительства коммунизма в СССР; Ю. П. Малиновский. К переезду ЦК РКП(б) и Советского правительства из Петрограда в Москву (март 1918 г.); М. И. Клюев. С. Г. Шаумян (К 90-летию со дня рождения); В. Ю. Самедов. Важный источник для изучения идеологии группы Бруснева; И. С. Розенталь. Об освещении некоторых событий Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде; М. М. Вассер, Н. Д. Шахновская. Справочный том к Полному собранию сочинений В. И. Ленина.

«Вопросы истории КПСС» № 12, 1968. Г. А. Пилотович. Боевой авангард народа (К 50-летию образования Компартии Белоруссии); Макс Рейман. 50 лет КПГ — 50 лет борьбы против империализма и милитаризма, за мир, демократию и социализм; Генрих Вашш. Верность народу — верность пролетарскому интернационализму; Норберт Коломейчик. В борьбе за интересы трудящихся Польши; Я. С. Цырульников. В. И. Ленин и рабочая газета «Вперед» (1906—1908 гг.); Б. П. Екати. К истории партии «Кермен»; П. А. Алексанов. XIII съезд РКП(б) и руководство партии крестьянами; «К итогам обсуждения проблем новой экономической политики»; И. И. Грошев. Ленинская национальная политика КПСС и ее роль в построении социализма и коммунизма; И. А. Бах, В. Э. Кунина. Столетие Всеобщего рабочего союза в Тимишоаре (Трансильвания); В. И. Новиков. По следам ленинского автографа.

«История СССР» № 6, 1968. Р. М. Илюхина. Навстречу Московскому международному конгрессу исторических наук; Ю. А. Приходько. Восстановление промышленности в освобожденных от немецко-фашистской оккупации районах СССР (1942—1945 гг.); А. П. Окладников. Тунгусо-маньчжурская проблема и археология; А. А. Зимин. Ипатьевская летопись и «Слово о полку Игореве»; А. Г. Кузьмин. Ипатьевская летопись и «Слово о полку Игореве» (по поводу статьи А. А. Зимина); Д. К. Шелестов. Об изучении историографии гражданской войны в СССР; Н. Н. Лысенко. Как создавались «Записки» декабриста И. И. Горбачевского; Л. Г. Филатов. О некоторых особенностях коллективизации сельского хозяйства в Мордовии; С. С. Кон-

кин. Декабристы Веденяпины; М. С. Альтман. Русские революционные деятели XIX века — прототипы литературных героев; Е. И. Спиваковский. Великий Октябрь и Румыния (Вопросы истории советско-румынских революционных связей в современной литературе); С. Штриг-ниц. Историческая литература ГДР к 50-летию Октября.

«Новая и новейшая история» № 6, 1968. К новым успехам советской исторической науки; В. Ульбрихт. 50 лет со дня основания Коммунистической партии Германии; П. Н. Федосеев. Марксизм и социальные проблемы XX в.; Е. В. Ананова. Вооруженная интервенция США в Доминиканской республике; В. В. Вольский, Л. С. Носова. Государственный капитализм в Бразилии: история и проблемы; Н. Н. Яковлев. Д. Эйзенхауэр, политический портрет; Л. М. Шнеерсон. Отклики во Франции на результаты германской войны 1866 г.; А. Г. Судейкин. Лейбористские лидеры и империя (1917—1928 гг.); Ф. Д. Волков. Неудавшийся прыжок Рудольфа Гесса; Н. В. Корнеева. Военное проникновение ФРГ в Африку (1960—1967 гг.); А. В. Бутлицкий. Операция «Вайсдорн»; «К 50-летию Ноябрьской революции 1918 г. в Германии» (В. Ульбрихт о Ноябрьской революции).

«Советская археология» № 4, 1968. А. Я. Брюсов. Проблема происхождения культур каменного века в северной части европейской территории СССР; Ф. А. Махмудов, Р. М. Мунгаев, И. Г. Нариманов. О древнейшей металлургии Кавказа; М. И. Артамонов. Происхождение скифского искусства; А. П. Окладников. Из предыстории искусства амурских народов (петроглифы народов Кия, Уссури); П. Н. Третьяков. Зарубинецкая культура и поднепровские славяне; Л. Р. Кызласов. Низами о древнехакасском государстве; А. В. Циркин. О культурных связях мордвы с вятичами в VIII—XII вв.; М. А. Ильин. О единстве домонгольского русского зодчества; Н. М. Булатов. Классификация кашинной поливной керамики золотоордынских городов; И. Э. Клейненберг. Новгородский вощаной берковец XV в.; К. К. Шилик, Б. Г. Федоров. Геоакустическое исследование подводной Ольвии; Л. С. Клейн. О типичных приемах современной критики марксизма в археологии; К 70-летию М. И. Артамонова; К 60-летию А. П. Окладникова; В. Д. Викторова. Сосновый остров — стоянка эпохи неолита и бронзы Среднего Зауралья; Г. А. Федоров-Давыдов, А. В. Циркин. Поселение эпохи бронзы и раннего железа в Мордовии; Н. П. Сорокина. Фигурный стеклянный сосуд из Кеп; Г. А. Тирацян. Золотая пектораль из Армавира; Р. Б. Ахмеров. Скала Тамга-Таош в Башкирии; А. В. Рындина. Итальянская камея XIII в. с изображением богоматери Одигитрии из Новгорода; Г. И. Вздорнов. Фреска Спасо-Преображенского собора в Переяславле-Залесском; В. А. Малеванный. Химическое изучение археологических пигментов; «Памяти Б. С. Жукова»; «Памяти В. И. Смирнова»; Ю. А. Моганов, С. А. Федосеева. Палеолитическая стоянка Ихине в Якутии; С. В. Ошибкина. Костяные рукоятки из позднекаргопольских стоянок; М. Д. Хлобыстина. Еще об одном минусинском ноже; И. А. Лунегов. Сасанидское блюдо из Прикамья; С. П. Бурлацкая, Т. Б. Нечаева. Датирование образцов черняховской культуры археомагнитным методом; А. И. Росадович, Н. А. Щеткина, Т. Н. Дамаскина. Исследование металлических изделий из раскопок на Среднем Урале.

«Советское славяноведение» № 6. 1968. Я. Б. Шмераль. К 50-летию Чехословацкой республики; Ю. А. Писарев. К истории создания югославского национального государства в 1918 году; И. И. Костюшко. Традиции революционной борьбы КПП и объединение польского рабочего движения; А. М. Карпачев. Феодальные юридики в королевских городах Белоруссии XVII—XVIII веков (к вопросу о формах землевладения в городах Речи Посполитой).

«Военно-исторический журнал» № 11, 1968. М. Ангарский. В. И. Ленин о первой всемирно-исторической победе советского народа в Гражданской войне; В. Поликарпов. За ленинской строкой; И. Грудинин. Основные принципы диалектической логики и военная история; Ф. Свердлов. Невельская наступательная операция; В. Кравцов. Крах немецко-фашистского плана «Барбаросса»; М. Захаров. Выдающийся советский военачальник; Н. Удалов. В излучине Дона; К. Крайнюков. Из опыта партийно-политической работы в битве за Днепр и при освобождении Киева; Л. Петровский. Освобождение Абхазии; Т. Кузьмина. Войска Центра России на путях к Октябрю.

«Военно-исторический журнал» № 12, 1968. А. Ненароков. В. И. Ленин и создание Восточного фронта (1918 год); А. Барабанщиков, Н. Феденко. К вопросу о развитии советской военной психологии; Д. Афанасьев, Б. Баданин. Инженерное обеспечение Сталинградской оборонительной операции; В. Кравцов. Крах немецко-фашистского плана «Барбаросса»; С. Лотоцкий. Академии имени М. В. Фрунзе — 50 лет; Д. Мальков. Бои на флангах дивизии; В. Алексеев. К вопросу об итальянской политике «нон беллиджеранца»; Н. Подвойский. Строительство Красной Армии; П. Батов. На гомельском направлении; Б. Владимиров. 140-я отдельная стрелковая бригада в Любанской операции.

«Украинский исторический журнал» № 11, 1968 (на укр. яз.). В. С. Петренко, Л. А. Шевченко. Вклад художественной интеллигенции города в развитие духовной культуры украинского села (1959—1968 гг.); И. М. Сахарчук. Борьба КПЗУ против буржуазного национализма (1929—1933 гг.); Н. Н. Лещенко. Клас-

совая борьба в украинском селе в 1900—1901 гг.; И. М. Бондаренко. К. Маркс и Ф. Энгельс о союзниках пролетариата; Н. В. Белик. Работа партийных организаций Украины в подготовке рабочих кадров для металлургической промышленности (1959—1965 гг.); Я. В. Пидпригорщук. Источники и формы пополнения кадров рабочего класса УССР в годы пятой пятилетки; Г. Т. Федоров. Деятельность партийных организаций Украины по укреплению оборонно-массовой работы среди трудящихся республики; С. М. Злупко. К вопросу о связях Буковины с Надднепрянской Украиной и Галицией (вторая половина XIX — начало XX ст.); А. А. Лысенко. М. Драгоманов об историческом прогрессе; С. В. Щурат. О связях Т. Падуры с декабристами.

«Исторические записки» Института истории АН СССР Т. 81. 1968. П. Н. Абрамов. К истории первого этапа Октябрьской революции в деревне (октябрь 1917—май 1918 г.); Н. К. Фигуровская. Банкротство «аграрной реформы» буржуазного Временного правительства; С. С. Хесин. Русский флот накануне Октября (положение, численность, состав); С. В. Тютюкин. Ленинский лозунг поражения «своего» правительства в империалистической войне; Р. Ш. Ганелин. Царизм, буржуазия и американский капитал перед Февральской революцией 1917 г.; Б. В. Ананьич. Внешние займы царизма и думский вопрос в 1906—1907 гг.; М. С. Симонова. Аграрная политика самодержавия в 1905 г.; А. С. Нифонтов. Статистика урожаев в России XIX в. (по материалам губернаторских отчетов); Ю. В. Арутюнян. К проблеме освоения культуры; А. Я. Грунт. Из истории Московского Военно-революционного комитета (формирование ВРК); С. М. Троицкий. Памяти А. А. Новосельского (1891—1967) и список его трудов; Ю. Е. Новиков, С. И. Потолов. Памяти М. П. Вяткина (1895—1967) и список его трудов.

«Вестник Московского университета» № 6, 1968. Серия XII. История. И. М. Волков. Укрепление материально-технической базы сельского хозяйства в первые послевоенные годы (1946—1950); Ю. М. Саприкин. Восстание Джека Кэда и социально-политические взгляды английского крестьянства; А. Г. Кузьмин. Хронология Начальной летописи; Н. Л. Подвигина. Классовая борьба в Новгороде в конце XII — начале XIII в.; Д. Е. Фурман. Борьба императора Юлиана с коррупцией государственного аппарата; К 70-летию со дня рождения В. И. Авдиева.

«Вестник Ленинградского университета» № 20. Вып. 4. 1968. Серия история, язык, литература. С. А. Могилевский. Борьба К. Маркса против мелкобуржуазной революционности и анархизма; П. А. Подболотов. Борьба В. И. Ленина против идеологии меньшевиков и эсеров в первые годы нэпа; В. К. Фураев. Распространение марксистско-ленинского мировоззрения в США в современных условиях; П. И. Шварц. Из истории деятельности комсомола по интернациональному воспитанию советской молодежи в период создания фундамента социализма (1926—1932 гг.); В. В. Привалов, М. Н. Кузьмин. Образование комсомола Франции и начало его революционной деятельности; Р. Н. Паршуков. Рост политической активности ленинградских рабочих в годы первой пятилетки; Г. А. Кавтарадзе. Жалобы крестьян первой половины XIX века как источник для изучения их социальных требований; Л. А. Березный, Г. В. Ефимов. Некоторые вопросы периодизации новейшей истории Китая.

Материалы и исследования по археологии СССР, АН СССР № 152. 1968. И. И. Ляпушкин. Славяне Восточной Европы накануне образования древнерусского государства (VIII — первая половина IX в.). Историко-археологические очерки.

«Ученые записки» Пермского государственного университета им. А. М. Горького. № 153. Вып. 6. Ч. I. 1968. Вопросы истории международного рабочего движения. Рабочее движение в Англии и доминионах. Г. М. Алпатова. Политические стачки 1952 года и борьба внутри лейбористской партии; Г. И. Моисеева. Историография английского рабочего движения в годы второй мировой войны; И. Н. Ундасынов. Интеграционные планы монополий и борьба течений в профсоюзах и лейбористской партии Великобритании (1961—1962 гг.); А. Г. Чавтаев. Участие Австралии во второй мировой войне и позиция австралийской лейбористской партии (сентябрь 1939 — июнь 1941 гг.).

«Ученые записки» Уральского государственного университета им. А. М. Горького, №·74. Серия историческая. Вып. 5. 1968. Балканы и Ближний Восток накануне и в начале второй мировой войны. П. К. Тарасов. Франко-турецкие отношения накануне второй мировой войны 1936—1939 гг. (краткий обзор источников); В. И. Шихов. Итало-германское соперничество в странах Дунайского бассейна летом 1938 года; С. И. Рябоконь. Позиция болгарского монархо-фашистского правительства в период Мюнхенского сговора; И. Н. Чемпалов. Присоединение Болгарии к Тройственному пакту и позиция великих держав; А. Г. Чавтаев. Роль критской операции в военно-политических планах Англии и Германии весной и летом 1941 г.; В. Н. Грак. Империалистические противоречия на Ближнем Востоке после капитуляции Франции (июнь—сентябрь 1940 г.).

«Ученые записки» Иркутского государственного педагогического института иностранных языков. Кафедра истории КПСС и политической экономии. Вып. 3. 1968. И. С. Степичев. Историография проблемы социалистического преобразования сельского хозяйства; К. Л. Дорошенко. Родовые советы Восточной Сибири в 1922—1926 годах; С. С. Симкин. Помощь рабочего класса в колхозном и советском строительстве в районах Восточной Сибири (1929—1930 гг.); А. Носов. Из истории борьбы Коммунистической пар-

тии Советского Союза против троцкизма; Л. П. Назаров. Организаторская работа — основа успехов подъема сельского хозяйства; Н. А. Муравьева. Накопление и потребление в колхозах (по материалам колхозов Иркутской области)».

«Ученые записки» Курского государственного педагогического института, Т. 47. Ч. II. 1968. Вопросы истории и краеведения. И. Я. Климов. Курская губерния во второй половине XIX века; Л. А. Медведская. Некоторые странички из истории Курского края второй половины XIX в.; О. П. Запорожская. «Хождение в народ» и революционная пропаганда среди крестьян Курской губернии в 70-х гг. XIX в. И. Я. Климов. Зарождение Курской большевистской организации; Ю. Л. Райский. Курские большевики в годы первой русской революции; Л. В. Якимова. Из истории Курской губернии в период между двумя революциями (1907—1917 годы).

«Ученые записки» Оренбургского государственного педагогического института им. В. П. Чкалова. Вып. 26. 1968. Общественные науки. В. И. Ананьев. Политико-воспитательная и культурно-просветительная работа групп коммунистов-иностранцев среди интернационалистов; В. И. Ананьев. Вклад иностранных коммунистических групп в восстановление народного хозяйства Советской республики; М. С. Акопян. Доктрина «сдерживания» и ее антисоветская направленность; Н. И. Вдовина. Оренбургская партийная организация в годы гражданской войны; Р. И. Давыдова. Забастовка металлистов 1963 года в ФРГ; Г. А. Мощенко. К вопросу о работе сельских Советов Оренбургского округа с беднотой; И. М. Почтарев. Вопросы научной организации труда в коллективах коммунистического труда; В. А. Хлыстов. Курс на создание никелевой промышленности — составная часть социалистической индустриализации страны; Г. Ф. Шабанов. Деятельность партийных организаций Южного Урала по подготовке механизаторских кадров для сельского хозяйства (1959—1965 гг.); В. С. Шереметьев. Опыт партийного руководства специализацией и концентрацией в животноводстве (на материалах Оренбургской, Саратовской и Челябинской областей); Б. Ф. Шишков. Т. А. Щетинина. Деятельность партийных организаций Южного Урала по дальнейшему развитию и совершенствованию радио, кино и телевидения (1946—1965 годы); Л. А. Яковлева. О некоторых доктринах и исходных принципах внешней политики лейбористского правительства Великобритании.

Сборник трудов Ульяновского политехнического института. Т. VI. Вып. I. 1968. Кафедра общественных наук. Х. В. Коников. Коммунистическая партия — организатор солдатских масс в борьбе за победу Великого Октября; Н. И. Хренов. Из истории борьбы Коммунистической партии за интеллигенцию в Октябрьской революции; В. И. Белозерцев. Ленинские принципы критики философского ревизионизма; И. П. Чикляуков. Строительство коммунизма и формирование марксистско-ленинского мировоззрения в национальном вопросе; Н. С. Бажайкин. Победа социализма в СССР и массовый отход трудящихся от религии; С. А. Гиматов. О месте и роли революционных и трудовых традиций рабочего класса в воспитании советской молодежи; Г. С. Кичигин. Некоторые особенности управления в сфере производства.

Сборник научных трудов Челябинского политехнического института № 58, 1968. Из истории Уральских партийных организаций. С. И. Голубев. Большевики Урала в борьбе за солдатские массы в 1917 г.; Ф. Г. Заикина. О работе большевиков среди сочувствующих партии в первый год Советской власти; Ф. Я. Дробот. Из опыта руководства партийных организаций идейно-политическим воспитанием рабочего класса в начале первой пятилетки; В. А. Хламкин. Комсомол на строительстве Челябинского тракторного завода; М. Н. Евланова. Из опыта работы партии по подготовке рабочих кадров в годы Великой Отечественной войны; З. В. Семочкина. Коммунисты Южного Урала во главе всенародной помощи фронту в годы Великой Отечественной войны; Е. К. Трофимова. Роль партийных организаций Урала в укреплении материально-технической базы училищ профтехобразования; П. Н. Вольфсон. Партийные организации Челябинской области во главе технического творчества трудящихся в годы семилетки; С. В. Тулинский. Из опыта работы партийных организаций по укреплению связи науки с производством.

Хроникальные заметки

Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС и правление Всесоюзного общества «Знание» провели в конце октября 1968 г. научную конференцию «В. И. Ленин и его великое идейное наследие». С докладом «В. И. Ленин — великий теоретик коммунизма» выступил директор Института марксизма-ленинизма акад. П. Н. Федосеев. Доклад «Новые документы в Полном собрании сочинений В. И. Ленина и их значение для изучения ленинского идейного наследия» сделал Г. Д. Обичкин.

Ленинскому методу научного творчества посвятил свой доклад Г. Н. Голиков. Собравшиеся прослушали также доклад А. И. Соболева «В. И. Ленин и актуальные вопросы международного коммунистического движения».

◆ В Смольном 30 ноября 1968 г. состоялись Ленинские чтения «Ленин и питерские рабочие». О революционных выступлениях питерских рабочих, их борьбе с царизмом и связи с В. И. Лениным говорилось в докладе В. А. Ежова. С воспоминаниями выступили член КПСС с 1917 г. И. А. Андрианов и участник революций 1905 и 1917 гг. В. Д. Васильев. Ленинградским рабочим — создателям первых энергетических машин по ленинскому плану электрификации посвятил свое выступление первый конструктор турбогенераторов для Волховской ГЭС чл.-корр. АН СССР А. Е. Алексеев. Рабочий завода имени Козицкого А. И. Виноградов рассказал о сегодняшнем трудовом Ленинграде, вставшем на вахту в честь 100-летия со дня рождения В. И. Ленина.

◆ С 28 октября по 1 ноября 1968 г. в Ленинграде проходила сессия по историографии Октябрьской революции, организованная Научным советом АН СССР по комплексной проблеме «История Великой Октябрьской социалистической революции» совместно с Институтом истории СССР, Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, Министерством высшего и среднего специального образования СССР. В работе сессии приняло участие более 200 специалистов, представлявших крупнейшие гуманитарные институты Академии наук, профессора, преподаватели и аспиранты вузов страны, сотрудники архивов и музеев. С докладом об основных итогах разработки истории Октября за последние десять лет и перспективах деятельности Научного совета выступил его председатель акад. И. И. Минц. Он отметил, что за десятилетие вышло более 600 коллективных трудов, сборников статей, а также публикаций документов и хроник по истории Великого Октября. Доклад «Освещение роли В. И. Ленина в Октябрьской революции в литературе последнего десятилетия» сделал Е. Н. Городецкий. Тема доклада начальника Главного архивного управления при Совете Министров СССР Г. А. Белова — роль государственных архивов в создании источниковедческой базы для изучения истории Великой Октябрьской социалистической революции. Чл.-корр. АН УССР Н. И. Супруненко, акад. АН ЛатвССР А. А. Дризул и акад. АН ЭССР В. А. Маамяги, Х. Ш. Иноятов, Н. И. Стуруа, А. Л. Фрайман, Д. И. Антонюк познакомили участников сессии с основными проблемами истории Октября в трудах историков Украины, Прибалтики, Закавказья, Средней Азии и Казахстана, Молдавии и Ленинграда. На сессии работали три секции: «Общие проблемы Октябрьской революции» (руководитель — Е. Н. Городецкий), «Победа Октябрьской революции на местах» (руководитель — Х. Ш. Иноятов), «Историография гражданской войны в СССР» (руководитель — Н. И. Супруненко). На секциях были заслушаны доклады: Л. С. Гапоненко — «Освещение истории рабочего класса и рабочего движения в 1917 г. в новой советской литературе», В. М. Селунской — «Новейшая советская историография о роли рабочего класса в победе социалистической революции в деревне», М. А. Рубача — «Основные проблемы аграрной революции 1917 г. в литературе последнего десятилетия», Е. А. Луцкого — «Аграрное законодательство в советской литературе последних лет», Д. А. Чугаева — «Советская литература по национально-государственному строительству в период Октябрьской революции и гражданской войны», В. И. Старцева — «Новейшая литература о политических партиях в 1917 г.», А. Е. Иоффе и А. В. Игнатьева — «Литература по вопросам внешней политики Временного правительства и международной обстановки Октябрьской революции», А. И. Разгона и З. Л. Серебряковой — «Историография Советов в Октябрьской революции», В. А. Куманева и А. П. Ненарокова — «Проблемы начального этапа культурной революции в советской историографии», Ю. И. Кораблева — «Ленин и вопросы вооруженной защиты революции». В прениях выступило более 20 человек. На заключительном заседании сессия приняла рекомендации, направленные на дальнейшую всестороннюю разработку проблемы. Материалы сессии и ее решения будут опубликованы.

◆ 21—22 ноября 1968 г. в столице Эстонии проходила республиканская научная конференция, посвященная 50-летию Эстляндской трудовой коммуны. Ее организаторами были Институт истории партии при ЦК КП Эстонии, Отделение общественных наук Академии наук ЭССР, Таллинский политехнический институт, Тартуский государственный университет, общество «Знание». В работе конференции приняли участие историки, юристы, литературоведы, партийные и советские работники, представители общественности, ветераны компартии Эстонии, ученые из Москвы и Венгрии. Заседание открыл секретарь ЦК КП Эстонии Л. Ленцман. Заместитель директора Института истории партии при ЦК КП Эстонии Р. Маяк осветил в докладе деятельность Временного революционного комитета Эстляндии в ноябре 1918 г. и провозглашение Эстонии Советской Социалистической республикой. Важные проблемы истории Эстляндской трудовой коммуны рассмотрели акад. АН ЭССР И. Саат, П. Вихалем (Тартуский университет), А. Либман (Институт истории партии при ЦК КП Эстонии), Ю. Тайгро (Таллинский политехнический институт), А. Пясс (Таллинский политехнический институт), А. Саарнийт (Институт истории партии при ЦК КП Эстонии), Э. Лауль (Институт истории АН ЭССР), Т. Нурк (Тартуский государственный художественный музей), Э. Сыгель (Институт языка и литературы АН ЭССР). Борьбу трудящихся на территории буржуазной Эстонии в 1918—1919 гг. ос-

ветил в докладе Э. Маттизен (Таллинский политехнический институт). История возникновения первой суверенной Эстонской Советской Республики была дополнена в интернациональном аспекте докладами заместителя директора Института истории Венгерской социалистической рабочей партии А. Жилака и заведующего сектором Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС М. Куличенко.

◆ В январе с. г. в Хотине (Черновицкая область) состоялась научная сессия, посвященная 50-летию Хотинского восстания против румыно-боярской оккупации. Сессию организовали Черновицкий областной комитет партии, Институт истории Академии наук Украинской ССР и Черновицкий государственный университет. Со вступительным словом к присутствующим обратился первый секретарь Черновицкого областного комитета партии А. С. Григоренко. Были заслушаны доклады А. В. Лихолата — «Хотинское восстание — героическая страница борьбы трудящихся Северной Буковины за власть Советов», И. И. Компанийца — «Борьба трудящихся Северной Буковины за воссоединение с Советской Украиной», Л. И. Васюка — «Коммунисты Буковины во главе борьбы трудящихся против социального и национального угнетения (1918—1940 годы)», И. И. Слинько — «Хотинское подполье в годы Великой Отечественной войны». Председатель Исполкома Черновицкого областного Совета депутатов трудящихся И. В. Мусиенко сделал доклад «Социалистические преобразования в Черновицкой области за годы Советской власти». На сессии выступили с воспоминаниями участники Хотинского восстания. В Хотинском историко-революционном музее к 50-летию восстания приурочена специальная экспозиция.

◆ Ученый совет Института истории АН АзССР свое заседание 30 октября 1968 г. посвятил 100-летию со дня рождения выдающегося революционера-демократа, руководителя национально-демократического движения в Иранском Азербайджане Саттархана. Вступительным словом заседание открыл директор института А. Гулиев. Были заслушаны доклады: «О жизни и революционной деятельности Саттархана» — А. Рахмани, «Историческое значение иранской революции 1905—1911 гг.» — З. Абдуллаева. О вкладе Саттархана в историю национально-демократического движения в Иранском Азербайджане рассказали А. Мирахмедов, Т. Мусеви, С. Онуллахи, И. Джафарпур.

◆ 16 октября 1968 г. состоялось общее собрание АН АрмССР, посвященное 2 750-летию Еревана. Его открыл вступительным словом президент Академии наук АрмССР акад. В. Амбарцумян. Действительный член АН АрмССР Б. Пиотровский в докладе «Урартские крепости (Эребуни, Тейшебаини) на территории Еревана» проанализировал богатые археологические материалы, относящиеся к истории Еревана, которые начиная с прошлого века обнаружили и изучили крупнейшие кавказоведы, урартоведы, арменоведы, специалисты других областей науки М. Никольский, Н. Марр, Е. Шахазиз, Г. Капанцян, М. Туманян, К. Оганесян и другие. С докладом «Эребуни — Ереван на международных торговых путях» выступил акад. АН АрмССР С. Еремян. Доклад «Ереван — столица Советской Армении» сделал А. Симонян.

◆ Исполнилось 30 лет Государственной публичной исторической библиотеке РСФСР. Созданная 20 декабря 1938 г. по инициативе ЦК ВКП(б) и СНК РСФСР, ГПИБ за годы своего развития стала одной из ведущих библиотек в области общественных наук, важнейшим звеном в системе идеологических учреждений страны. Фонды ГПИБ, представляя большую научную и культурную ценность, насчитывают более 2,5 млн. томов на 180 языках народов СССР и зарубежных стран. Ежегодно в библиотеку поступает более 45 тыс. книг, 25 тыс. номеров журналов, 100 тыс. номеров газет. Библиотека получает обязательный (контрольный) экземпляр всей выходящей в СССР литературы по ее профилю, ведет международный книгообмен с 210 зарубежными организациями. В фонде Исторической библиотеки почти с исчерпывающей полнотой представлена советская литература по марксизму-ленинизму, истории КПСС и Советского государства, истории, специальным и вспомогательным историческим дисциплинам — археологии, этнографии, нумизматике, геральдике, архивному делу и др. Собрана и литература по смежным с гражданской историей наукам: истории экономики и экономических учений, государства и права, истории литературы и искусства, истории военного дела, педагогики и др. Широко комплектуются публикации по вопросам коммунистического строительства, внутренней и внешней политике КПСС и Советского государства, проблемам мирового развития. Библиотека располагает ценным фондом дореволюционной исторической литературы и богатым собранием зарубежной литературы по истории СССР (россика). ГПИБ пользуются свыше 20 тыс. читателей. Их обслуживание осуществляется дифференцированно в специализированных читальных залах. Библиотекой создана цельная система научной и рекомендательной библиографии, рассчитанной на использование всеми категориями историков-специалистов, лицами, изучающими историю или занимающимися самообразованием. Обширный справочно-библиографический аппарат библиотеки раскрывает ее фонды по отраслевому принципу на основе методологии советской исторической науки. За последнее время получили распространение формы текущей научной информации для специалистов-историков: списки новой литературы к 100-летию со дня рождения В. И. Ленина, по всеобщей истории, славянской и восточной тематике, по странам Латинской Америки, россике и советике, социологии и т. д. Традицией в работе ГПИБ являются «Исторические чтения» по актуальным проблемам исторической науки. ГПИБ — всесоюзный центр по выполнению исторических

справок и всесоюзный отраслевой центр в общегосударственной системе межбиблиотечного обслуживания. Она является также научно-методическим центром для библиотек РСФСР, ведет научную работу в области теории и методики пропаганды исторической литературы, изучает, обобщает и внедряет в практику библиотек передовой опыт работы с этой литературой. Всей своей деятельностью библиотека всемерно содействует развитию советской исторической науки и исторического образования, формированию марксистско-ленинского мировоззрения трудящихся.

◆ С 19 ноября 1968 г. в течение месяца в рабочем поселке Шушенском, Красноярского края, работала комплексная экспедиция научных работников Научно-исследовательского института культуры, Государственного музея этнографии народов СССР, Центрального музея революции СССР, Государственного исторического, Красноярского краевого краеведческого и Минусинского межрайонного краеведческого музеев. Экспедиция собирала историко-бытовой и историко-революционный материал для создания экспозиции будущего Шушенского мемориального музея-заповедника «Сибирская ссылка В. И. Ленина». Наряду с реставрационными работами и внесением некоторых уточнений в интерьеры двух домов, в которых жил В. И. Ленин, предстоит воссоздать внешний и внутренний облик старых усадеб конца XIX в., находящихся в пределах мемориальной зоны. Здесь должны быть восстановлены две усадьбы богатых торгующих крестьян, три двора крестьян-середняков, один-два дома крестьян-бедняков, дом ссыльного переселенца (в одном из них жил товарищ В. И. Ленина по ссылке И. Л. Проминский), дом-квартира ссыльного рабочего революционера О. А. Энгберга. В заповедной зоне окажутся также здание волостного правления с острогом, винная лавка (кабак). Все это явится яркой иллюстрацией к основным выводам В. И. Ленина, касающимся изменений в социально-экономическом строе русского крестьянства, сформулированным как раз в период сибирской ссылки в работе «Развитие капитализма в России». Материалы для музея собирались в Шушенском и в деревнях Шушенского и Ермаковского районов. Экспедиции удалось получить (как правило, в дар) от местных жителей множество различных вещей, бытовавших в Минусинском уезде (в него входила тогда Шушенская волость) в конце XIX — начале XX века. Особый интерес представила старинная мебель, зеркала, стенные часы, иконы. Сопоставление ряда рассказов людей старшего поколения позволяет уже теперь представить внешний и внутренний вид острога, винной лавки, дома и лавки торгующего крестьянина Урбана, дома ссыльного поляка Кайревича (в котором жил Проминский). Обработку собранных материалов возглавляют директор Дома-музея В. И. Ленина (отметившего свое 30-летие в ноябре 1968 г.) Н. Д. Городецкий и главный хранитель Мемориального музея-заповедника А. А. Горлевский. Кроме историко-бытового материала, экспедиция вела розыски в архивах Минусинска и Красноярска. Обнаружены подлинные документы, позволяющие уточнить ряд существенных деталей, касающихся социально-экономической структуры, сословного и национального состава бывшего села Шушенского. Разработка историко-революционной тематики потребует значительных усилий большой группы научных работников. Экспозиция включит материалы и о ссыльных декабристах, Буташевиче-Петрашевском и др. Интересно, что декабристы А. Ф. Фролов и П. И. Фаленберг — строители дома крестьянки Петровой, в котором В. И. Ленин прожил значительную часть срока сибирской ссылки.

◆ В Новороссийском филиале Краснодарского государственного архива, в фонде Черноморского окружного отдела народного образования, обнаружен документ от 22 апреля 1920 г. следующего содержания: «Москва, товарищу Ленину. В знаменательный день 50-летия Вашей жизни съезд деятелей по народному образованию в Новороссийске, одухотворенный творческим размахом Совета Народных Комиссаров в области государственного строительства и дела народного образования, в частности, приветствует в Вашем лице лучшего вождя российского пролетариата... и желает Вам надолго сохранить силы для дальнейшей плодотворной деятельности». В числе организаторов и руководителей съезда были заведующий подотделом внешкольного образования Черноморского окружного ревкома, впоследствии известный советский писатель Ф. В. Гладков; заведующий подотделом искусств, впоследствии видный режиссер и театральный деятель В. Э. Мейерхольд; заведующий отделом народного образования Черноморского окружного ревкома Д. Макрояни.

◆ Бюро Центрального комитета компартии Эстонии приняло решение об издании «Очерков истории ЛКСМ Эстонии» (в двух томах). Утвержден авторский коллектив под руководством директора Института истории партии при ЦК КПЭ А. Панксеева. В составе этого коллектива — научные работники Тартуского университета, Педагогического института имени Э. Вильде, Института истории партии при ЦК КПЭ и Института истории АН ЭССР. В состав редакционной коллегии вошли деятели революционного движения, ветераны эстонского комсомола, нынешние руководители ЛКСМ Эстонии.

◆ «Ноябрьская революция в Германии» — книга Я. С. Драбкина, выпущенная издательством «Наука» (М. 1968). Она посвящена событиям, развернувшимся в этой стране 50 лет назад. Опираясь на архивные документы, мемуарные и другие литературные источники, автор анализирует расстановку классовых сил, показывает накал боев между революцией и контрреволюцией. В книге описано движение кильских матросов, выступления солдат, матросов и рабочих Любека, Гамбурга, Бремена, Ростока, Ганновера, Берлина, создание

рабочих и солдатских Советов во Франкфурте-на-Майне, в Хемнице, Галле. Автор рассматривает причины, в силу которых рабочий класс Германии не смог довести революцию до победного конца. Уроки Ноябрьской революции 1918 г. в Германии весьма поучительны. Являясь крупнейшим из революционных движений в Европе, развернувшимся под влиянием Октября, революция оказала глубокое воздействие на последующее развитие страны, привела к созданию Коммунистической партии Германии, помогла Советской России отстоять свои завоевания, способствовала революционному подъему в Европе.

◆ «Путешествия наших земляков. Из истории страноведения Белоруссии» — такое название носит книга, изданная в Минске в 1968 году. Автор ее, В. Грицкевич, поставил перед собой цель — исследовать деятельность выдающихся ученых-путешественников — выходцев из Белоруссии начиная от XVI в. и до наших дней. Книга состоит из одиннадцати очерков, посвященных описанию путешествий Николая Радзивилла (Сиротки), С. Русецкой, А. Сапеги, Ю. Немцевича, И. Домейко, К. Ельского, Б. Дыбовского, Я. Черского, Н. Судзиловского, А. Вилькицкого и О. Шмидта. Они совершали путешествия в страны Ближнего и Среднего Востока, Северной и Южной Америки, изучали Сибирь и Дальний Восток, Арктику и другие страны, оставив богатое научное и литературное наследие, которое позволяет расширить представление о странах, где они побывали, их природе, населении, быте, нравах и обычаях в прошлом. Наибольшее внимание уделено путешествиям XVI—XVIII вв. (Сиротка, Русецкая, Сапега, Немцевич). Книга хорошо оформлена. Иллюстрации подобраны из современных путешествиям изданий.

◆ «Азия далекая и таинственная» — эту книгу написал старший научный сотрудник отдела гуманитарных исследований Сибирского отделения АН СССР В. Е. Ларичев, участник археологических экспедиций в бескрайние просторы Гоби — в Монгольскую Народную Республику. Основываясь на богатом фактическом материале, В. Е. Ларичев рассматривает Центральную Азию как возможную «прародину» древних культур. В книге дана оценка так называемых «чонкеров» — грубых массивных орудий, изготовленных из крупной гальки; автор объясняет, почему такого рода орудия в этих районах (Гоби, Восточная Сибирь) встречаются совместно со сравнительно молодыми предметами. Много внимания он уделяет связям гобийских культур с культурами народов других районов Азии, в частности Прибайкалья, Забайкалья и Дальнего Востока.

◆ В связи с 40-летием археологической деятельности Государственного музея изобразительных искусств имени А. С. Пушкина выпущен археологический сборник (1968). Значительная часть его посвящена раскопкам, проведенным музеем в Эребуни. В сборник вошли три статьи по отдельным проблемам культуры и искусства Эребуни (их авторы — К. Л. Оганесян, Н. С. Трухтанова, С. И. Ходжаш, А. А. Земская). Кроме раскопок в Ереване, музей вел раскопки на побережье Черного моря, в древнем Митридате и в Фанагории. Истории раскопок этих объектов и публикации добытых там материалов посвящены остальные статьи сборника. Книга иллюстрирована большим количеством таблиц и фотографий.

◆ К 2500-летнему юбилею одного из древнейших городов мира — Самарканда узбекские ученые подготовили к печати двухтомный труд «История Самарканда» (книга выйдет в свет на русском языке). В этой фундаментальной работе нашли отражение новейшие достижения советской исторической науки по изучению богатейшей истории города. Авторский коллектив двухтомника насчитывает 60 человек, среди них — крупнейшие ученые республики. В первом томе, состоящем из восьми глав, освещается история Самарканда с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. Второй том охватывает период с 1917 по 1968 год. Здесь подробно рассказывается о самаркандцах — борцах за торжество социалистической революции, об участниках гражданской и Великой Отечественной войн и послевоенного строительства. Книга знакомит с современным Самаркандом, с жизнью и трудом его передовых людей. Двухтомник снабжен подробным библиографическим указателем дореволюционной и советской литературы по истории Самарканда. Предусмотрено большое количество иллюстраций.

◆ В Бресте найдены документы подпольного Брестского окружного комитета Коммунистической партии Западной Белоруссии. Они относятся к марту 1930 года. Это — резолюции Коммунистической партии Польши по основным вопросам ее деятельности, тезисы доклада к празднованию годовщины Парижской коммуны, воззвание Брестского окружного комитета Коммунистической партии Западной Белоруссии к трудящимся Брестского округа с призывом защищать Советский Союз от посягательств империалистов и резолюция окружкома по итогам первомайской кампании в Брестском округе (имеется в виду, по-видимому, первомайская кампания 1929 г.). В резолюции приводится число состоявшихся первомайских массовок. Так, в Кобринском районе было проведено 17 массовок, в которых участвовало 360 человек, в Домачевском районе — четыре массовки, охватившие 320 человек, в Чернавчицах — четыре массовки, в которых участвовало 60 человек. Интересна информация о борьбе политзаключенных в тюрьмах Белостока, Вильно и Пинска.

◆ Экспедиция сотрудников Музея революции Литовской ССР побывала в Утенском и Аникшчяйском районах, где собрала письма, снимки, документы, рассказывающие об историко-революционном прошлом этих мест. Среди них — воззвания Центрального Комитета Коммунистической партии Литвы и Белоруссии к рабочим и малоземельным крестьянам Литвы, материалы,

содержащие сведения о годах буржуазного правления в Литве. Фонды музея пополнились документами о периоде Великой Отечественной войны, в том числе материалами, рассказывающими о партизанском отряде «Аудра», действовавшем в Утенском районе, о партизанах А. Забулянисе и Р. Лашене. Получены интересные данные о 16-й Литовской дивизии. 1 300 новых экспонатов — таков итог деятельности экспедиции.

◆ Телеграфные бланки с донесениями, сводки, описания военных действий, приказы по войскам — все эти документы, датированные октябрем и ноябрем 1914 г., обнаружены в Таллине и переданы в Архивное управление при Совете Министров Эстонской республики. На многих документах имеется собственноручная подпись генерала А. А. Брусилова. Материалы относятся ко времени, когда Брусилов был командующим 8-й армией. Дальнейшим их изучением займется Центральный государственный военно-исторический архив в Москве.

◆ Киргизский ученый В. М. Плоских обнаружил в Омском и Семипалатинском областных архивах документы видного грузинского путешественника Рафаила Данибегашвили. Они содержат описания путешествия по Средней Азии, Западному Китаю, Тибету и Индии в 1815—1820 годах. Исследуя записки, киргизский ученый приходит к выводу, что Данибегашвили открыл кратчайший торговый путь из Семипалатинска в Индию, куда в начале XIX в. стали отправляться торговые караваны. Новые архивные материалы помогут полнее осветить тогдашние отношения России с Индией, а также с другими странами Востока.

◆ Участниками археологических экспедиций Института истории АН БССР выявлены поселения, существование которых было известно до сих пор только по сообщениям древних летописей. В пяти километрах от теперешнего города Борисова найдено древнее городище площадью около 1 гектара. Возле него находилось селище домонгольского времени. Предполагается, что Борисов был основан здесь, а затем перенесен на нынешнее место. Интересные результаты получены при обследовании предполагаемого места поселения древнего Берестья — нынешнего Бреста. Под развалинами оборонительных сооружений выявлен участок сохранившегося культурного слоя. В шурфах обнаружены материалы, относящиеся к XI—XVI векам.

◆ В фондах бывшего Мукачевского епископства библиотечными работниками Ужгородского университета обнаружена редкая книга — «Лексикон триязычный». Это один из первых русских словарей (славянского, латинского и греческого языков), изданных в Москве в 1704 году. Его составитель — Федор Орлов. «Лексикон» открывается двумя вступительными статьями, обращенными к «любезному читателю» и «читателю благоразумному». Автор рассматривает словарь «яко орудие к художеству». Пометки на титульном листе свидетельствуют, что словарь во второй половине XVIII в. находился уже в Закарпатье. Уникальное издание хранится сейчас в отделе рукописных и старопечатных книг университетской библиотеки.

◆ До сих пор место рождения известного русского флотоводца, ученого, океанографа и полярного исследователя вице-адмирала Степана Осиповича Макарова связывалось с домом № 8 по Малой Морской улице в г. Николаеве. Ныне местными краеведами документально установлено, что дом по Малой Морской был приобретен отцом Макарова лишь в конце 1870-х годов. Будущий флотоводец родился и провел десять лет своей жизни в другом доме — № 4 по Католической улице, принадлежавшем его матери. Ныне это дом № 6 по улице Мархлевского. В январе с. г. исполнилось 120 лет со дня рождения С. О. Макарова, а в марте наступит 65 лет со дня его трагической гибели в начале русско-японской войны. Краеведы г. Николаева ведут дальнейшие научные поиски, связанные с изучением жизни и деятельности видного флотоводца.

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА ЗА РУБЕЖОМ

По страницам зарубежных журналов

СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛОВ, ВЫХОДЯЩИХ В СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАНАХ

«Известия на научния архив».
Кн. IV. София. 1968.

А. Манов. Великая Октябрьская социалистическая революция, развитие советского государственного и партийного архивного дела и использование его опыта в Болгарии; Д. Минцев. К вопросу об архивном законодательстве в Болгарии; Д. Константинова. Профиль и организация документальных материалов в архиве Болгарской академии наук. Документы: П. Миятев. Движение банатских болгар за расселение в Болгарии в конце XIX века; Хр. Йонков Три письма Ивана Соколова; Н. Жечев. Два документа об учебном деле в Южной Бессарабии в конце 60—70-х годах XIX века; Б. Ст. Ангелов. Неизвестное письмо д-ра Константина Робева к В. Григоровичу; Кл. Иванова. Рукописный амулет типа «Абагар» Ф. Станиславова; Б. Цветкова. Французские путевые заметки о болгарских и балканских землях XVII века; Цв. Антонова и А. Леви. Обзор архивного фонда Ст. Младенова; Д. Велева. Обзор архивного фонда Б. Пенева; Б. Димитрова. Опись документальных материалов личного фонда Т. Пеева; Л. Костадинова. Опись документальных материалов личного фонда Г. Кацарова (1874—1958); Б. Левшин. Архив Академии наук СССР.

«Történelmi Szemle». Budapest. 1968, № 1—2.

Ж. П. Пах. Международная идеологическая борьба и наше отношение к буржуазным социальным наукам; Л. Н. Гумилев. Преемники хазар; А. Барта. Историческая география и история (Замечания к статье Л. Н. Гумилева); Б. Шарлов. Карой Чемеги и австро-венгерское соглашение; К. Туроци. Попытки правительства Имреди летом 1938 г. создать реакционное национальное единство; К. Виг. Выступления Э. Байчи-Жилински за венгеро-южнославянскую дружбу и сотрудничество. К созданию новой «Истории Венгрии»: введение; А. Барта. Проблемы истории Венгрии до 1526 г.; Л. Маккаи. История позднего феодализма в университетском учебнике истории Венгрии и «Кратком курсе истории Венгрии». В. Зиманц. Проблемы 1610—1630 годов; Б. Ф. Поршнев. Некоторые вопросы взаимосвязи национальной истории со всемирной историей.

«Egyetemes történeti tanulmányok».
Debrecen. 1968, II.

Л. Меньхарт. К оценке союза трех императоров; К. Ириньи. Политико-идеологическое сближение прогерманского и христианско-социального движения в Австрии в начальный период первой мировой войны; Ф. Фельнер. К вопросу о Парижской мирной конференции; Д. Токади. Влияние революционных преобразований после первой мировой войны на германскую историографию; Г. Надь. СССР и страны Латинской Америки. (Из истории установления дипломатических и экономических отношений.)

«Zeitschrift für Geschichtswissenschaft».
Berlin. 1968, № 11.

Р. Столярова. К истории создания обращения «К I конгрессу Коммунистического Интернационала» в январе 1919 г.; В. Руге. Новые документы о солдатском совете при Верховном главнокомандовании: Э. Винклер. Берлинское движение старост в 1916 г.; Д. Уеберфельд. Обман трудящихся масс газетой «Vorwärts» по вопросу о мире накануне Ноябрьской революции; З. Бюнгер. Первая реакция правящих кругов Великобритании на Великую Октябрьскую социалистическую революцию. Публикация: Эсэсовское «наследие предков» и «собрание еврейских черепов» в бывшем «рейхсуниверситете Штрассбург».

«Kwartalnik historyczny».
Warszawa. 1968, № 4.

М. Маловист. Европа, Магриб и Западный Судан в XV веке. Международные причины европейской экспансии в Африке; Э. Ростворовски. Вольтер и Польша; Я. Пахоньски. Польская эмиграция в Венеции в 1794—1797 годах; Л. Баумгартен. Первые польские социалистические кружки и национальный вопрос; Л. Зыбликевич. Панамский канал и внешняя политика США. Дискуссии:

З. Станкевич, Е. Сковронек, Р. Бендер. Рождение современной польской нации; И. Кобердова. Архивисты — историки; М. Горн. К вопросу об экономическом кризисе в городах Речи Посполитой в XVI—XVII веках.

«Z pola walki». Warszawa. 1968, № 3.

М. Малиновски. К вопросу о роспуске КПП; К. Май. Деятельность польских групп Французской коммунистической партии во время гитлеровской оккупации. Дискуссии: Ф. Тых (вступительное слово), Х. Зелиньски (доклад) и другие. 1918 год. Возникновение независимого государства и рабочий класс в Польше. А. Тыменецка. Ендржей Морачевски (биографический очерк). Документы и воспоминания: Политическая корреспонденция Юлиана Мархлевского. Ч. I. 1893—1908 годы; Б. Геберт. Польские левые эмигранты в США в годы второй мировой войны.

«Analele Institutului de studii istorice şi social-politice de pe lîngă C. C. al P. C. R.». Bucureşti. 1968, № 5.

Л. Баняй, Г. И. Бодя. Антигабсбургская борьба народа Трансильвании; Ф. Тэнэсеску. Рабочее движение Румынии и проблемы национального объединения (1900—1916); Н. Копою, И. Бабич. Проявления интернационализма пролетариатом Румынии; Л. Пэтрэшкану. Проблемы экономики Румынии накануне второй мировой войны; К. Корбу. Углубление социального конфликта на селе в период 1878—1888 годов; В. Роман. «Неокапиталистические» теории и современная действительность; А. Гавриле. Социалистическая нация — высший этап в жизни наций; И. Флоря. О соотношении истории и социологии; О. Клэтич. К вопросу об экономической функции капиталистического государства.

ЗАМЕТКИ О СТАТЬЯХ

Мюнхенское соглашение и боннские реваншисты

«Zeitschrift für Geschichtswissenschaft». Berlin. 1968, № 8, S. 981—998.

Из четырех стран, подписавших 29 сентября 1938 г. Мюнхенское соглашение, три (Англия, Франция и Италия) еще в годы войны отказались от него и заявили, что считают соглашение недействительным с самого начала. Правительство ГДР неоднократно заявляло о недействительности Мюнхенского соглашения. Позиция ГДР зафиксирована в подписанной в Праге в 1950 г. «Совместной декларации Временного правительства Германской Демократической Республики и правительства Чехословацкой Республики», в которой подчеркивалось взаимное отсутствие территориальных и иных притязаний двух стран, а также в заключенном в марте 1967 г. договоре о дружбе между ГДР и ЧССР. В договоре обе стороны констатировали, что «Мюнхенское соглашение... являлось составной частью преступного заговора нацистской Германии против мира и представляло собой грубое нарушение действовавших уже тогда элементарных норм международного права и что поэтому данное соглашение было недействительным с самого начала со всеми вытекающими отсюда последствиями». Единственной страной, не отмежевавшейся от этого соглашения, остается Федеративная Республика Германии. Ее позиция в этом вопросе освещается в статье историка ГДР Людмилы Томас «Отношение западногерманского правительства к ЧССР и к Мюнхенскому соглашению».

В статье раскрывается политика ФРГ по отношению к Чехословакии на широком фоне «восточной политики» Бонна, которая эволюционировала от политики «отбрасывания коммунизма» в период «холодной войны» до современных утонченных методов «размягчения» социалистического лагеря. Особое место в формировании западногерманской политики в отношении Чехословакии принадлежит так называемому «судетонемецкому землячеству», которое в декабре 1967 г. отметило 20-летие своего существования. В течение всего этого периода оно не переставало выдвигать лозунг «права на родину», прикрывая им захватнические планы западногерманских реваншистов в отношении бывших судетских областей.

Л. Томас отмечает известное разделение труда, сложившееся в Западной Германии: в то время как официальные круги делают лишь осторожные заявления, не желая обнародовать свою позицию, «судетонемецкое

землячество» открыто обсуждает свои реваншистские требования. В статье на конкретных примерах показано, что между первыми и вторыми фактически существует полное единодушие, а нюансы в высказываниях отдельных деятелей отражают лишь тактические различия. Для позиции «судетонемецкого землячества» характерна принятая на его слете в марте 1964 г. точка зрения, что Мюнхенское соглашение 1938 г. учитывало «право судетских немцев на самоопределение».

Л. Томас показывает, что в последние годы западногерманские реваншисты пытаются расширить свою систему псевдоаргументации, подкрепляя «юридические» доводы в поддержку своих захватнических планов ссылками на исторические факты в соответствующей интерпретации. Среди них концепции об ошибочности образования самого Чехословацкого государства в 1918 г. в результате распада Австро-Венгрии. Поэтому над ним якобы висело историческое «проклятие», превратившее его к 1938 г. в «больного человека» в Европе, что не могло не привести к Мюнхенскому соглашению. Подобные теории развивались в трудах В. Якша, Г. Шютца, Э. Хёльце, Г. Роде и многих других. Последним звеном в этой цепи является утверждение, что судетский вопрос все еще остается «открытым международно-правовым вопросом», который требует «справедливого и окончательного разрешения». Единственным же приемлемым решением западногерманские реваншисты считают передачу им судетских областей, как это было некогда сделано в соответствии с Мюнхенским соглашением. Таким образом, заключает автор, позиция ФРГ по отношению к Мюнхенскому соглашению остается без изменений. Она является составной частью ее реваншистской «восточной политики».

В. К. Волков

Из истории симарронского движения на Кубе

«Revista de la Biblioteca Nacional Jose Marti». La Habana. № 1. Enero-Marzo. 1967, pp. 5—44.

Кубинским историкам и этнографам принадлежит целый ряд капитальных исследований, посвященных прошлому и настоящему негритянского населения страны. Некоторые из этих исследований, прежде всего работы Фернандо Ортиса, по праву считаются классическими. Однако отдельные аспекты негритянской проблемы оставались пока не освещенными в науке. К их числу относится проблема симарронов. История этих беглых рабов, укрывавшихся от преследования в труднодоступных горно-лесистых и болотистых районах, привлекла внимание историков и этнографов лишь в самое последнее время, а вооруженная борьба симарронов впервые стала предметом исследования только в рецензируемой статье Хосе Лусиано Франко. Причем почти весь фигурирующий здесь материал был извлечен автором из неопубликованных документов, хранящихся в Национальном архиве Кубы, и впервые введен им в научный оборот.

Внимание автора привлекли не все симароны, но лишь те из них, которые создавали в горах укрепленные поселки — «паленкес» или «ранчереас». По данным Х. Л. Франко, вооруженная борьба беглых рабов развернулась уже в первые десятилетия колонизации Кубы. В 30-е годы XVI в. она вызывала серьезное беспокойство испанских властей, а в 1574 г. было принято пространное постановление, регламентирующее меры борьбы с восставшими (в 1640 г. оно было подтверждено). На протяжении XVI—XVIII вв. симаронам из паленкес неоднократно удавалось устанавливать контакты и проводить совместные операции с голландскими, французскими и британскими пиратами, активно действовавшими тогда в Карибском море. К концу этого периода (1796—1815 гг.) число только захваченных испанцами симарронов составило 15 971 человек.

Х. Л. Франко прослеживает историю симарронов по каждой провинции. Он подробно описывает безуспешные попытки властей подавить повстанческое движение, несмотря на то, что для этой цели они привлекали не только регулярные войска, но и местное испанское и метисное население (отряды так называемых «ранчеадорес»). Следует упомянуть, что охота за беглыми рабами была на Кубе организована весьма тщательно. Колонизаторы вывели для этого особую породу собак и создали специальную группу проводников, размещенную в районе Бесукаль. В 1796 г. часть этих проводников с собаками была даже завербована для борьбы с восставшими марунами (местное название симарронов) на Ямайке.

Наибольшего размаха достигло симарронское движение в провинции Орьенте. Именно здесь в 1815 г. возник самый круп-

ный повстанческий поселок — Большое Паленке Эль Фрихоль, в котором проживало более трехсот человек и которым руководил гаванский негр по имени Себастьян. Здесь, как сообщается в одном из документов того времени, были «правильно расположенные дома, прессы для сахарного тростника, сахарные, табачные и банановые плантации и все виды зерновых — кукуруза, фасоль, рис и т. п...» Симарроны вели активную контрабандную торговлю с Ямайкой и Гаити, поддерживали связи с итальянскими и английскими контрабандистами. Колонизаторам с трудом удалось разбить повстанцев, но многие из них, ускользнув от преследования, скрылись в лесных зарослях.

Чрезвычайно важны приведенные автором факты о связях движения симарронов с борьбой всего кубинского народа против колониального ига. Так, в одном из донесений о повстанцах восточной части острова (1819 г.) отмечались их «торговые связи с белыми преступниками, также укрывающимися в... пещерах». Когда в 1825 г. вспыхнувшее против испанцев восстание потерпело поражение, часть его участников бежала к симарронам, предоставившим им убежище и защиту. В 1868 г. началась десятилетняя война Кубы за независимость. Симарроны приняли в ней самое активное участие. Их опыт широко применялся восставшими. В паленкес размещались военные базы, госпитали и склады. Симарроны помогли организовать тайные связи с заграницей для получения оружия, боеприпасов и т. п. Таким образом, движение симарронов явилось составной частью освободительной борьбы кубинцев против испанского гнета.

А. Д. Дридзо

Рабство, негры и их борьба

«Political Affairs». New York. February, 1967, pp. 36—43.

На страницах теоретического органа Коммунистической партии США помещена статья видного общественного деятеля, историка-марксиста Герберта Аптекера. Она посвящена роли негритянского народа в истории Соединенных Штатов. О негритянском народе представители разных направлений буржуазной историографии создали немало фальсификаций. В обстановке обостряющейся борьбы народных масс против реакционной политики монополий, которую проводит правительство США, в буржуазной историографии все более частыми становятся попытки принизить роль негритянского народа в историческом развитии страны.

Автор критикует одного из видных буржуазных историков-экономистов, профессора Ю. Дженовезе, который в освещении истории негритянского народа США следует по стопам профессора У. Б. Филлипса (1877—1934 гг.). Последний — автор работ «Американское рабство негров» (1918 г.), «Жизнь и труд на старом Юге» (1929 г.) — оправдывал рабство негров, проповедовал идеи белого шовинизма. В своем основном труде «Политическая экономия рабства», который вышел в свет в Нью-Йорке в 1965 г. и в следующем году в Лондоне, Дженовезе, обойдя работы прогрессивных историков — Дюбуа, Вудсона, Фостера и других,— идеализирует социально-экономическое положение негров периода рабства. Система рабства восхваляется Дженовезе, так как, по его мнению, в рамках этой системы «белые и черные жили в согласии, хотя между ними был и антагонизм»; для негров «рабство представляло краеугольный камень их пути в жизнь, они разделяли почет и достоинство, связанные с власть имущими» [1].

Дженовезе, как и Филлипс, стремится всячески приуменьшить «дух недовольства» американских негров. Г. Аптекер решительно опровергает подобные несостоятельные утверждения историков-расистов, фальсифицирующих историческое развитие негритянского народа США. Негры в США подвергались и подвергаются жестокой эксплуатации и угнетению, и именно поэтому «радикализм» внутренне присущ негритянскому народу и ни в коем случае не является «чужеродным», что необоснованно пытался доказывать Дженовезе.

Автор показывает, что негры-рабы оказывали решительное сопротивление «режиму рабства», что их сопротивление проявлялось в самых разнообразных формах, в том числе в форме вооруженной борьбы. Дженовезе обвиняет Г. Аптекера в преувеличении числа имевших место в период рабства восстаний негров. Полемизируя с Дженовезе, Г. Аптекер подчеркивает, что, называя цифру 250, он имел в виду лишь восстания и заговоры, в каждом из которых принимали участие рабы двух и более плантаций, и что при этом учтены лишь те восстания и заговоры, которые были засвиде-

[1] E. D. Genovese. The Political Economy of Slavery. L. 1966, p. 270.

тельствованы двумя и более современниками-очевидцами. В действительности борьба негров была еще шире. В статье перечисляются периоды наиболее интенсивных вспышек восстаний и заговоров: 1720—1740 гг., 1790—1802 гг., 1820—1831 гг.—и особенно выделяется десятилетие, предшествовавшее гражданской войне 1861—1865 годов. Говоря о роли негров в гражданской войне, Г. Аптекер указывает, что они составляли около 12% армии и 25% флота Севера, оказывали неоценимую поддержку правительству А. Линкольна, что именно объединенные силы народных масс негров и белых сокрушили рабство в США. Г. Аптекер выражает уверенность в том, что эти же силы разрушат всю систему дискриминации и сегрегации в современной Америке. История США свидетельствует о непреклонной решимости негритянского народа в достижении своей цели — «преобразования расистской нации в нацию, в которой они были бы равноправными».

Статья Г. Аптекера дает яркое представление о той борьбе, которая ведется в американской историографии по важнейшим проблемам истории США и современного социально-экономического и политического положения в стране.

Б. М. Косарев

Новые документы о разрыве М. А. Бакунина с С. Г. Нечаевым

«Cahiers du monde russe et soviétique». Paris. 1966, № 2, 4; 1967, № 1, 3.

В нескольких номерах французского левобуржуазного журнала «Тетради по русскому и советскому миру» за 1966—1967 гг. из фонда А. И. Герцена (фонд 109, отдел «Славика» Парижской национальной библиотеки) группой историков (правнучка М. А. Бакунина Татьяна Бакунина, Жак Катто и Марк Конфино) опубликован ряд документов (на русском языке с параллельным переводом на французский) об отношениях М. А. Бакунина с С. Г. Нечаевым и другими представителями русской революционной эмиграции (Г. А. Лопатиным, Натальей Герцен, Н. П. Огаревым и другими сподвижниками К. Маркса и А. И. Герцена). Документы эти представляют собой подлинники или копии писем М. А. Бакунина, Г. А. Лопатина, С. Г. Нечаева, Н. А. Герцен за 1870 год. Ранее они не были известны исследователям и сохранились благодаря главному хранителю бумаг и душеприказчику отца — Наталье Герцен (Тате).

Публикация этих документов уже вызвала резонанс и в СССР [1] и за рубежом, ибо ни в одно из советских или иностранных изданий писем Бакунина эти документы не вошли. Их важность определяется тем, что эти письма совершенно по-новому представляют отношения Бакунина и Нечаева незадолго до исключения видного русского анархиста из I Интернационала, проливают свет на отношения Бакунина и Нечаева с послегерценовской группой «Колокола». Наибольший интерес представляют: 1) письмо Лопатина Бакунину от 26 мая 1870 г. (1967, № 3); 2) письмо Бакунина Нечаеву от 2 июня (1966, № 4) и 3) «Соборное послание» Бакунина от 20 июня 1870 г. Н. П. Огареву, Н. А. Герцен и другим (1967, № 1).

Что же нового сообщают эти документы? Известно, что до сих пор советские и зарубежные исследователи считали Бакунина близким единомышленником Нечаева, одним из вдохновителей печально знаменитой «нечаевщины» [2]. Это сыграло не последнюю роль при исключении Бакунина из I Интернационала [3]. Письма Бакунина и Лопатина заставляют внести в это категорическое утверждение существенные коррективы. Не снимая основного вопроса о раскольнической деятельности Бакунина в международном рабочем движении того времени, они показывают смятение и внутреннюю борьбу патриарха русского анархизма, видевшего тщетность собственных усилий навязать международному и русскому революционному движению свою программу. Одновременно письма свидетельствуют, что за Бакунина как видного русского революционера шла острая борьба по крайней мере трех политических группировок русской революционной эмиграции: Нечаева с его «Народной расправой», близкой к К. Марксу группы Г. А. Лопатина и Н. Ф. Даниельсона и группы «Колокола» во главе с Огаревым.

---

[1] См. «Вопросы истории», 1968, № 2; «История СССР», 1968, № 4.

[2] См., в частности, Ю. М. Рапопорт. Из истории связей русских революционеров с основоположниками научного социализма (К. Маркс и Г. Лопатин). М. 1960; F. Venturi. The Roots of Revolution. A History of the Populist and Socialist Movements in XIX-en Russia. N. Y. 1960.

[3] См. «Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями». Л. 1947, стр. 66. Письмо К. Маркса Н. Ф. Даниельсону от 15 августа 1872 года.

Разрыв Бакунина с Нечаевым явился прямым следствием кризиса в русском народническом движении, вызванного последствиями «нечаевщины». Ранее существовавший триумвират Бакунин — Огарев — Нечаев, где первые два благодаря своим именам обеспечивали «практику» последнего, как бы освящали его «дело», развалился. Формальным предлогом обострения ранее существовавших разногласий Бакунина с руководством I Интернационала послужил его отказ продолжить работу над переводом «Капитала» К. Маркса. Отказ был оформлен в виде письма Н. Н. Любавину — посреднику между русским издательством и Бакуниным, написанного 17 февраля 1870 г. Нечаевым от имени Бакунина без ведома последнего. Содержание письма выходило за рамки частного вопроса о переводе «Капитала»: фактически Нечаев во всеуслышание заявлял, что Бакунин порывает с I Интернационалом. Для выяснения подлинной обстановки из Парижа в Швейцарию отправился видный русский революционер-практик, противник «нечаевщины» и будущий переводчик «Капитала» Г. А. Лопатин. Через Наталью Герцен, С. Серебренникова и других ему, очевидно, удалось установить наличие разногласий между Бакуниным и Нечаевым. Попытка раскрыть глаза Бакунину на подлинный характер «нечаевщины» при личной встрече из-за присутствия Нечаева при разговоре не удалась. Тогда Лопатин 26 мая пишет Бакунину из Парижа резкое и страстное письмо: пункт за пунктом он вскрывает всю несостоятельность авантюры Нечаева, его обман, провал «нечаевщины» в России, откуда Лопатин только что вернулся. Авторитетное свидетельство Лопатина явилось для Бакунина громом среди ясного неба: 2 июня он пишет Нечаеву пространное письмо, объявляя о полном разрыве с его «делом». Одновременно Бакунин обращается к Н. П. Огареву, Н. Герцен и другим членам группы «Колокола» с призывом отмежеваться от авантюристической деятельности Нечаева, ибо «первый акт его тайно-общественной и революционной деятельности кончился страшным и позорным для него фиаско». Бакунин упрекает себя и Огарева в оторванности от революционной практики в России, в незнании обстановки на местах, в слепом доверии Нечаеву. Но Бакунин непоследователен: стремясь спасти свое реноме, в «Соборном послании» от 20 июня 1870 г. он пытается найти в личности Нечаева положительные черты, называет его единственным способным революционером-практиком, предлагает группе «Колокола» спасти Нечаева для «революционного дела».

Колебания Бакунина вызвали резкую отповедь Н. Герцен. В письме к Бакунину она решительно отказывается «спасать Нечаева от Нечаева» и требует публичного оглашения их разрыва. Боязнь полной изоляции побуждает Бакунина искать личного контакта с группой «Колокола»: он встречается с С. Серебренниковым. Последнему, очевидно, удается сообщить дополнительные факты о неприглядной деятельности Нечаева и в России и в эмиграции. Во всяком случае, в письме к Н. Герцен 2 августа Бакунин пишет, что в отношении Нечаева он был «круглый дурак». Возможно, что здесь решающую роль сыграл категорический отказ Нечаева «спасать свою душу», высказанный в конце июля в письме Бакунину и Огареву. В конечном итоге Нечаеву удалось расколоть группу «Колокола», изолировать Бакунина и осуществить вместе с Огаревым новое издание «Колокола».

Судя по письмам Бакунина и Лопатина, никто из них не хотел делать конфликт триумвирата достоянием гласности, и Бакунину, по-видимому, удалось убедить Н. Герцен сохранить этот инцидент в тайне. Во всяком случае, переписка по этому вопросу оставалась в ее личном архиве и только после ее смерти попала в Парижскую национальную библиотеку.

В. Г. Сироткин

О достоверности мемуаров Жоффруа Виллардуэна

«History», February, 1968. Vol. LIII, № 177, pp. 24—34.

Об «Истории завоевания Константинополя» Жоффруа Виллардуэна (1150—1213 гг.), одного из предводителей и первых историков Четвертого крестового похода (1199—1204 гг.), за последние сто с лишним лет высказано немало противоречивых суждений. Основным в небывалой по продолжительности и страстности научной дискуссии стал вопрос о достоверности виллардуэновской версии этого похода. Одни историки (Н. де Вайи, Ж. Бедье, Э. Фараль, Ж. Лоньон, Ш. Диль, Л. Брейе и другие) считали рассказ Виллардуэна в основном или полностью достоверным, а самого мемуариста — искренним и правдивым повествователем.

Другие (Л. Мас-Латри, Л. Штрайт, К. Гопф, А. Дебидур, А. Пофилэ, А. Грегуар, В. Николаев, Б. Примов), напротив, склонялись к тому, что мемуары Виллардуэна — панегирик в честь крестового похода, что Виллардуэн сознательно либо невольно исказил или подретушировал картину.

Статья английского историка Колина Морриса представляет собой очередную попытку пересмотреть критическое отношение к Виллардуэну. Моррис учитывает позитивные результаты критической работы своих предшественников. Он обращает внимание на встречающиеся у Виллардуэна намеренные умолчания, на его стремление сгладить острые углы там, где правдивый рассказ мог бы набросить тень на крестоносцев, приводит примеры прямого искажения фактов мемуаристом (старание дискредитировать противников похода на христианский г. Задар, таких, как Симон де Монфор и др.), ссылается на противоречащую данным документов оценку позиции Иннокентия III при подписании франко-венецианского договора 1201 г., на безмерное восхваление дожа Дандоло и пр. Более того, Моррис сам дополняет уже выявленные ранее факты этого рода. Проанализировав сообщения маршала Шампанского об условиях упомянутого договора с Венецией и о пребывании царей на острове св. Николая (Лидо) летом 1202 г., автор, контролирующий сведения мемуариста посредством сопоставления содержащихся у него данных и этих последних — с материалами известной своей добротностью хроники «Константинопольское опустошение» анонимного автора и другими показаниями очевидцев, заключает, что в обоих случаях Виллардуэн обелял венецианцев. «Было бы чересчур смелым,—осторожно констатирует Моррис,— предполагать тут добросовестное заблуждение». Тем не менее он отвергает мысль, будто Виллардуэн был «ловким и искусным пропагандистом, за которого его иногда принимают». Моррис подчеркивает прямоту и наивное простодушие мемуариста, слепо верящего в божественное провидение и вместе с тем точного и логичного в описании событий, участником которых он сам являлся.

Старания примирить непримиримое (правдивость и «недостаток искренности») имели место и раньше. Оригинальным в статье является самое объяснение автором уязвимых мест сочинения Виллардуэна. По мнению исследователя, причины недомолвок, умолчаний, хронологической сбивчивости и неопределенности коренятся отчасти в методе, который был положен в основу «Истории завоевания Константинополя»: Виллардуэн диктовал свои записки по памяти, и трудно вообразить, чтобы она была столь великолепна, что спустя пять лет могла удержать все детали событий. Итак, в искажениях виновата слабая память Виллардуэна! Для того, чтобы доказать это, Моррис безо всяких оснований отклоняет гипотезу ряда авторитетных исследователей, согласно которой Виллардуэн с самого начала похода вел дневник, послуживший затем для него «путеводителем». Он отмечает также «темные места» в хронологии мемуаров, где называются лишь даты, совпадающие с церковным календарем, что якобы говорит о приблизительности виллардуэновских датировок. Сомнительность этого довода подтверждается тем, что ведь и «доподлинные» хронисты нередко датировали события церковными праздниками.

Но важнейшая, с точки зрения Морриса, причина изъянов виллардуэновской «Истории» в том, что на нее наложили отпечаток традиции рыцарского эпоса. Виллардуэн — прежде всего рыцарь, ветеран крестовых походов, его интерес сосредоточен на батальной истории, на подвигах соратников; к остальному мемуарист просто равнодушен, включая церковные дела, нравственную сторону деяний крестоносцев и т. д. И хотя он рисует реальную действительность, он все же писатель эпического склада: отсюда у него и пропуски и неточности.

Установление связи мемуаров Виллардуэна с рыцарским эпосом само по себе углубляет понимание памятника, и доводы, выдвинутые Моррисом в этом отношении, представляются убедительными. Однако, спасая престиж Виллардуэна, его английский интерпретатор сильно преувеличивает степень воздействия на мемуариста эпических традиций. Он словно забывает, что Виллардуэн, по его собственному выражению, писал историю, в которую «не вставил ни единого ложного слова о том, что знал, будучи человеком, присутствовавшим на всех советах»[1]. Ссылки на эпические традиции призваны ретроспективно снискать «прощение» Виллардуэну за допущенные им тенденциозные искажения истории захвата крестоносцами византийской столицы.

М. А. Заборов

---

[1] Villehardouin. La Conquete de Constantinople. T. I. P. 1938, p. 122 (ed. E. Faral).

Был ли в древности известен Гольфстрим?

«*Classical Philology*». Chicago. 1967. LXII, № 1, pp. 25—32.

Представления о Гольфстриме как о теплом течении в северной части Атлантического океана, берущем начало в Мексиканском заливе и устремляющемся к берегам Исландии и Скандинавии, возникло лишь в новое время[1]. Это не исключает, разумеется, той возможности, что практическое знакомство мореходов древности, плававших в районе Эстримнидских (Касситеридских) островов и Альбиона, с этим явлением природы могло сделаться достоянием тогдашней географической науки. Приписываемые массалиоту Питею — автору IV в. до н. э.— знания об этом районе древней ойкумены включают в себя сведения о высоких приливах у южных берегов Англии и о коротких летних ночах к северу от нее. Все эти позитивные знания должны были быть значительно умножены и углублены в эпоху завоеваний Юлия Цезаря и более поздней римской оккупации Британии.

Однако во всей древней литературе лишь одно место в диалоге «Октавий» (32, 4sq) христианского апологета Минуция Феликса — латинского автора рубежа II—III вв., позволяет предположить знакомство римской географической науки с Гольфстримом: «...бог заботится не только обо всей вселенной вкупе, но и об отдельных ее частях. В Британии мало солнца, но его заменяет тепло окружающих ее морских вод». Этот текст позволил некоторым его комментаторам утверждать, что в нем имеется в виду не что иное, как именно Гольфстрим[2]. Так как цитированное место «Октавия» не содержит прямого указания на существование морского течения у берегов Британии (если только на это именно не указывают слова circumfluentis maris, что означает буквально: обтекаемой морем), английский ученый Г. В. Кларк в рецензируемой статье «Древние знания о Гольфстриме» приходит к заключению, что из этого текста все же трудно извлечь что-либо определенное относительно морских течений у берегов Англии. Гораздо более убедительно звучит, по его мнению, указание на температуру морской воды — ее теплоту, влияющую на климат Британии и восполняющую недостаток солнечного тепла.

Знакомство римлян с этим природным феноменом убеждает в том, что если в древности и не имели понятия о морском течении, получившем в новое время наименование «Гольфстрим», то остается все же мало сомнений относительно известности наличия теплых морских вод у берегов Англии и климатического эффекта этого явления. Однако Г. В. Кларк пытается показать, что в древности морская вода вообще почиталась средой по преимуществу теплой и сохраняющей в себе тепло. Например, по мнению Диона Кассия (L, 34, 4), небольшие порции воды, прибавленной к огню, увеличивают силу пламени. Плиний Старший (NH, II. 103) отмечает, что зимой морская вода теплее окружающего ее воздуха. Один из важных источников диалога Минуция Феликса—трактат Цицерона «О природе богов» (II, 10, 26) объясняет теплоту морской воды движением, в котором она непрерывно пребывает. Кларк допускает, что именно у Цицерона Минуций Феликс нашел основание для использования в своем сочинении Британии в качестве примера того, как в природе уравновешиваются недостатки и преимущества противоположных по своему характеру климатических факторов, примера, несомненно, еще достаточно экзотического по тем временам.

Если Цицерон или Плиний могли навести Минуция Феликса на мысль о божественном происхождении теплоты морских вод, то о наличии соответствующих явлений именно у берегов Британии он мог узнать лишь из сочинения какого-либо греческого или латинского автора, осведомленность которого о британской природе равнялась осведомленности Питея или же Тацита. По нашему мнению, есть все основания предполагать, что в руках Минуция Феликса было сочинение, содержавшее в числе географических подробностей указание и на то, что теплые и текучие воды омывающего Британию океана делают ее климат теплее, нежели недостаточно обогревающее ее солнце.

Л. А. Ельницкий

[1] H. Strommel. The Gulf Stream. Los Angeles. 1958.

[2] R. Abresman. The Faters of the Church, Vol. X. N. Y. 1950, p. 351, n. 1.

РЕЦЕНЗИИ НА СОВЕТСКИЕ ИЗДАНИЯ *

Алексеенко Е. А. Кеты. Ист.-этногр. очерки. Л. 1967. 262 стр. Рец.: Hnen S.— «Virittäja». Helsinki. 1968, № 3, s. 322.

Аникеев Н. П. О материалистических традициях в индийской философии. (Древность и раннее средневековье). М. 1965. 260 стр. Рец.: Filipský J.— «Filosof. časopis». Praha. 1968, № 4, s. 613—615.

Бурджалов Э. Н. Вторая русская революция. Восстание в Петрограде. М. 1967. 407 стр. Рец.: Reiman M. 1917 — problémy historické interpretace. «Revue dějin socialismu». Praha. 1968, № 1, s. 134—140.

Волков В. К. Операция «Тевтонский меч». М. 1966. 173 стр. Рец.: Strugar V.— «Jugoslovenski ist. časopis». Beograd. 1968, № 1—2, s. 143—145.

Гвердцители Р. Мцхета. Тбилиси. 1962. 53 стр. Рец.: Ciocan-Ivănescu R. — «Studia et acta orient.». Bucureşti 1967, vol. 5—6, p. 455—456.

Громаков Б. С. История буржуазного государства и права в период общего кризиса капитализма. (США, Великобритания, Франция, довоенная Германия, Италия, ФРГ и Япония). Учеб. пособие. М. 1967. 186 стр. Рец.: Reich N.— «Osteuropa Recht». Stuttgart, 1968, Hf. 3, S. 200—203.

Дмитриева Л. В., Мугинов А. М. и Муратов С. М. Описание тюркских рукописей Института народов Азии. I. История. М. 1965. 258 стр. Рец.: Maxim M.— «Studia et acta orient.». Bucureşti. 1967, vol. 5—6, p. 444—448.

«Документы внешней политики СССР». Т. 10—12. М. 1965—1967. Рец.: Vinaver V. — «Jugoslovenski ist. časopis». Beograd. 1968, № 1—2, s. 141—142.

Ерусалимский А. С. Германский империализм — история и современность. М. 1964. Пер. на нем. яз.: В. 1968. Рец.: Bachmann P.— «Einheit». B. 1968, № 2, S. 262—265. То же. Пер. на итал. яз.: Roma. 1967. Рец.: — «Rassegna sovietica». Roma. 1968, № 2, p. 93—94.

Ерыкалов Е. Ф. Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде. Л. 1966. 487 стр. Рец.: Reiman M. 1917 — problémy historické interpretace. «Revue dějin socialismu». Praha. 1968, № 1, s. 134—140.

Кандель Б. Л. История зарубежных стран. Библиография рус. библиографий, опубл. с 1857 по 1965 г. М. 1966. 255 стр. Рец.: — «Deutsche Literaturzeitung». B. 1968, Hf. 6, Sp. 569.

Клыкова С. М. Критика буржуазной и реформистской философии и социологии эпохи империализма. Сов. лит-ра на рус. яз., опубл. в 1956—1965 гг. М. 1967, 156 стр. Рец.: Blakeley T. J. — «Studies in Soviet Thought». Dordrecht. 1968, № 2—3, p. 201.

Коваль С. Ф. За правду и волю. К столетию восстания полит. ссыльных в Сибири в 1866 г. Иркутск. 1966. 192 стр. Рец.: Jędrzejewicz J. — «Przegląd humanistyczny». Warszawa. 1968, № 5, s. 131—143.

Марахов Г. Польское восстание 1863 г. на Правобережной Украине. Киев. 1967. 258 стр. Рец.: Jędrzejewicz J.— «Przegląd humanistyczny». Warszawa. 1968, № 5, s. 131—143.

«Марксистская и буржуазная социология сегодня». М. 1964. 480 стр. Рец.: Metzing J. — «Revue française de sociologie». P. 1968, № 1, p. 103—106.

«Международный ежегодник. Политика и экономика» М. 1967. 320 стр. Рец.: — «Rassegna sovietica». Roma. 1968, № 2. p. 96.

Меликишвили Г. А. Урартские клинообразные надписи. М. 1960. 504 стр. Рец.: Bănăţeanu V. — «Studia et acta orient.». Bucureşti. 1967, vol. 5—6, p. 421—424.

Миллер В. О. Создание советской государственности в Латвии. Рига. 1967. 528 стр. Рец.: Янев Я. Г. — «Правна мисъл». София. 1968, № 4, с. 83—86.

Минц И. И. История Великого Октября. В 3 т. Т. 1. Свержение самодержавия. М. 1967. 930 стр. Рец.: Lewandowski J. — «Z pola walki». Warszawa. 1968, № 2, s. 194—197.

«Наука против религии». В 3 кн. Общество и религия. М. 1967. 507 стр. Рец.: Blakeley T. J. — «Studies in Soviet Thought». Dordrecht. 1968, № 2—3, p. 200.

Очак И. Д. Югославянские интернационалисты в борьбе за победу Советской власти в России (1917—1921 гг.). М. 1966. 338 стр. Рец.: Ljubljanović S.— «Zbornik hist. inst. Slavonije». Slavonski-Brod. 1967, № 5, s. 347—350.

Печеви И. Сведения Ибрахима Печеви о Грузии и Кавказе. Турец. текст с груз. пер. издал, введ. и примеч. снабдил С. С. Джикия. Тбилиси. 1964. 139 стр. На груз. и турец. яз. Рец.: Guboglu M.— «Studia et acta orient.». Bucureşti. 1967, vol. 5—6 p., 443—444.

«Під прапором жовтня. Вплив Великої Жовтневої соціалістичної революції на піднесення революційного руху в Західній Україні (1917—1920 рр.)». Документи і матеріали. Львів. 1966. 491 стр. Рец.: Iwański G. — «Z pola walki». Warszawa. 1968, № 2, s. 205—207.

Прокофьев В. Северная Европа и мир. М. 1966. 208 стр. Рец.: Vukadinović R. — «Polit. misao». Zagreb. 1968, № 2, s. 330—332.

«Социология в СССР». Т. 1—2. М. 1966. 2 т. Рец.: Ciurea I.— «Studia Universitatis Bades-Bolyai». Ser. philosophia. Cluj. 1968, an. 13, p. 140—143.

«Финал. 3 сент. 1945. Ист.-мемуарный очерк о разгроме империалистической Японии в 1945 году». М. 1966. Пер. на польск. яз. Warszawa. 1968. Рец.: Laprus M. — «Nowe książki». Warszawa. 1968, № 19, s. 1280—1281.

«Хроника Быховца». Предисл., коммент. и пер. Н. Н. Улащика. М. 1966. 152 стр. Рец.:

---

* Перечень рецензий составлен сотрудниками группы «советика» Отдела науки Фундаментальной библиотеки общественных наук АН СССР по журналам, поступившим в ФБОН в течение ноября 1968 года.

Ochmański J. — In: «Studia źródloznawcze» 12. Warszawa-Poznań. 1967, s. 155—163. Bezymenski L. The Death of Adolf Hitler. L. 1968. Рец. 1. Haffner S. Post mortem. «New Statesman». L. 1968, № 1960, p. 431—432; 2. How Hitler died. «Newsweek». N. Y. 1968, № 7, p. 25—26; 3. Szamuely T. Hitler is dead: official. «Spectator». L. 1968, № 7319, p. 469; 4. — «Time». N. Y. 1968, № 6, p. 23.

Хроникальные заметки

◆ В Йене (ГДР) состоялась в декабре 1968 г. двухдневная конференция на тему «Преемственность и перемены в буржуазных партиях под влиянием борьбы между социализмом и империализмом». Конференцию открыл ректор университета им. Ф. Шиллера проф. Ф. Больк. Развернулось продолжение начатой в октябре 1968 г. на IV конгрессе историков ГДР в Лейпциге научной дискуссии о диалектике классовой борьбы в прошлом и настоящем. Были подвергнуты анализу вопросы стратегии и тактики партий крупной немецкой буржуазии. В работе конференции приняло участие более 250 историков из ГДР, СССР, Венгрии и Польши.

◆ 50-летие Ноябрьской революции в Германии было отмечено в ГДР проведением ряда мероприятий, в том числе следующих: 2 ноября в Берлине состоялся двухдневный научно-политический коллоквиум, организованный Советом Мира ГДР и посвященный актуальным проблемам Ноябрьской революции. После доклада проф. Г. Камнитцера развернулся оживленный обмен мнениями, состоялись заседания секций. В работе коллоквиума приняли участие ученые и общественные деятели СССР, Болгарии, Венгрии и Польши, а также представители прогрессивной общественности из ФРГ и Голландии. По инициативе Союза свободной немецкой молодежи была организована встреча молодежи ГДР и ФРГ, на которой также обсуждалось историческое значение Ноябрьской революции. 3 ноября в Ростоке был проведен форум на тему: «Уроки Ноябрьской революции 1918 г. в Германии и борьба рабочего класса ФРГ в наши дни». В его работе приняло участие свыше 200 человек, в том числе посланцы западногерманских прогрессивных кругов. Перед собравшимися выступили член правления Свободных профсоюзов ГДР А. Детер и участник революционных боев 1918 г. в Гамбурге Ф. Деттман. Подчеркивалась настоятельная необходимость единства всех демократических сил ФРГ, чтобы помешать реакционным действиям монополистической буржуазии. В конце работы форума было принято заявление, в котором говорилось: «Мы будем бороться за то, чтобы весь рабочий класс и все прогрессивные силы Западной Германии на основе уроков Ноябрьской революции сплотились воедино для борьбы против власти банковского и монополистического капитала, за демократические преобразования общественных отношений в Федеративной республике». Во Франкфурте-на-Одере состоялась в ноябре теоретическая конференция. С докладом «Актуальные уроки Ноябрьской революции» выступил проф. А. Норден, отметивший, что эта революция еще раз поставила на повестку дня основной политический вопрос рабочего движения — вопрос о власти. Остановившись на предательской роли правых социал-демократов в 1918—1919 гг., докладчик провел параллели с идентичной линией современной СДПГ в ФРГ. Заключительное слово сделал член Политбюро ЦК СЕПГ Э. Мюккенбергер. В работе конференции приняли участие: делегация от частей Советской Армии, дислоцированных в ГДР, польская делегация и ветераны рабочего движения. 9 ноября состоялось торжественное заседание в Берлине. С докладом выступил секретарь ЦК СЕПГ Э. Хонеккер. К 50-летию события было приурочено в Музее немецкой истории открытие специального раздела, содержащего многие, впервые представшие перед посетителями материалы.

◆ «За новую Венгрию» — так называется третья по счету публикация, принадлежащая перу Михая Каройи (Károlyi M. Az új Magyarországért. Budapest. MK. 1968. 557 old.). В 1964 г. вышел из печати двухтомник написанных в 1930—1946 гг. избранных произведений этого политического деятеля, антифашиста, главы правительства Венгерской республики в конце 1918 — начале 1919 года. В 1965 г. были переизданы его воспоминания «Против всего мира», т. 1, а следующий их том включен в данный сборник, куда вошли также статьи, речи и частично не опубликованные письма. Начальные материалы относятся к 1908—1918 гг., когда автор был лидером оппозиции и Партии независимости; дальнейшие — к периоду буржуазно-демократической революции 1918 г. в Венгрии.

◆ Монография Тибора Хайду «Буржуазно-демократическая революция 1918 г. в Венгрии» (Hajdu T. Az 1918-as Magyarországi polgári demokratikus forradalom. Budapest. KK. 1968. 472 old.) — это первое крупное исследование в современной венгерской историографии, посвященное специально указанной теме. Оно основано на

советских, венгерских, румынских и австрийских архивных материалах и имеющейся литературе и охватывает следующие вопросы: обстановка в стране перед революцией, ход революции, отношение народных масс к республике, внешняя политика, национальный вопрос, деятельность Компартии Венгрии, крах буржуазной демократии, ее экономическая линия, переход к социалистической революции 1919 года.

◆ Научный сотрудник Института общественных наук при ЦК СЕПГ Эрна Геккель написала книгу «Культура и экспансия. О боннской культурполитике в развивающихся странах» (E. Heckel. «Kultur und Expansion. Zur Bonner Kulturpolitik in den Entwicklungsländern. Berlin. «Dietz». 1968. 208 S.). В первой главе («Возникновение концепции внешней культурполитики западногерманского империализма после 1945 г.») автор освещает такие вопросы, как значение этой политики в целом для попыток реабилитации реваншизма и для новой экспансии милитаризма ФРГ, дальнейшая разработка подобных же планов в 1956—1967 гг., демагогическая пропаганда в ФРГ вокруг лозунга о самоопределении, корыстное использование трибуны и прессы ЮНЕСКО, культурполитика как орудие проникновения в слаборазвитые страны. Гл. 2 («Культурполитика как постоянная составная часть внешней политики ФРГ») посвящена следующим проблемам: культурполитика на службе у крупных монополий, «коллективный неоколониализм» империалистов как свидетельство их внутренних противоречий, Ближний и Средний Восток как главное место культурполитического внедрения Бонна. В гл. 3 («Этапы создания и развития культурполитических учреждений и организация западногерманским империализмом экспансии в сфере культуры») Э. Геккель рассказывает о важнейших частных организациях в ФРГ до 1956 г., слиянии их с буржуазно-государственными в 1956—1961 гг. и о создании так называемых центров по перспективам культурного развития после 1961 года.

◆ О все растущем интересе среди американских читателей к трудам В. И. Ленина свидетельствует намерение издательства «International Publishers» (США) выпустить сборник таких трудов к апрелю 1969 года. В этот сборник будут включены работы, касающиеся жизни, истории, экономики и политики США. В конце 1968 г. в этом же издательстве вышел в свет трехтомник избранных сочинений В. И. Ленина.

◆ Один из помощников английского министра снабжения, члена Военного кабинета в годы второй мировой войны лорда Бивербрука, Джордж Малькольм Томсон, выпустил книгу «Вотум недоверия», представляющую собой материалы, заимствованные из специальной литературы, вперемежку с воспоминаниями автора о десятимесячном периоде 1941—1942 гг.: от нападения Японии на вооруженные силы США при Пёрл-Харборе до битвы под Эль-Аламейном в Египте между итало-германскими фашистскими соединениями и британскими войсками Монтгомери (G. M. Thomson. Vote of Censure. London. «Secker and Warburg». 1968. 253 p.). Автор, неоднократно имевший контакт с Черчиллем, характеризует его внутриполитическое положение как английского премьера и доказывает, что, невзирая на первоначальные военные поражения англичан, Черчилль сидел в кресле премьера довольно прочно. Работа содержит данные о взаимосвязи внешней и внутренней политики Англии того времени. Главная идея книги — попытка показать, что «политика — это искусство делать необходимое возможным».

◆ Доцент Анджей Новицкий (ПНР) обнаружил в фондах Вроцлавской библиотеки латинский оригинал сочинения «Демогоргон, или Древо жизни», автором которого считался ранее Раймунд Луллий. Первоначально А. Новицкий высказал предположение, что это произведение принадлежит перу Джордано Бруно, ибо сюжет «Демогоргона» весьма близок взглядам Бруно. Тем не менее ученый продолжил разыскания. Результат их оказался довольно неожиданным. Выяснилось, что автором этого произведения был итальянский алхимик XVI в. Джованни Браческо, один из предшественников Бруно. Вот почему «Демогоргон» и сочинения последнего столь близки. Сравнительный анализ «Демогоргона» и философских диалогов Бруно дает возможность сказать, что произведение Браческо оказало сильное влияние на формирование взглядов Бруно. Этот труд представляет большой интерес для специалистов по истории общественной мысли вообще, западноевропейского Возрождения в частности. Текст рукописи относится к 1572 году. Ее польский перевод вместе с латинским оригиналом будет выпущен в свет издательством «Ossolineum». Особое внимание привлекают те места рукописи, в которых повествуется о старце, ищущем пути удлинения человеческой жизни и рассуждающем о философском и общественном значении такого акта.

ФАКТЫ, СОБЫТИЯ, ЛЮДИ

ИСТОРИЯ ОДНОГО СУДЕБНОГО ПРОЦЕССА

Среди многочисленных памятников Ленинграда есть такие, которые мы чтим как наглядное свидетельство знаменательных историко-революционных событий: легендарный крейсер «Аврора», Смольный институт, Зимний дворец. Определенное место занимает среди них и особняк Кшесинской, к которому в ночь на 4 апреля 1917 г.[1] прибыл на броневике с площади перед Финляндским вокзалом В. И. Ленин. Тогда в особняке помещались ЦК и ПК РСДРП(б). С балкона этого дома Владимир Ильич неоднократно выступал перед рабочими, солдатами и матросами. Отсюда звучал провозглашенный им еще на вокзальной площади лозунг: «Да здравствует социалистическая революция!». К этому красивому зданию на Петроградской стороне, выстроенному в начале нашего века в стиле «модерн», весной 1917 г. протянулись прочные нити связей от заводов и воинских частей. Многие события революционного 1917 года связаны с дворцом Кшесинской, но мало кто знает, какие страсти разгорелись в то время вокруг этого дома в иной связи. Речь идет о попытке бывшей собственницы здания затеять против большевиков судебное дело.

...Особняк был подарен Николаем II балерине императорских театров М. Кшесинской. Когда грянула Февральская революция, фаворитка «его императорского величества», ненавидимая народом, в испуге покинула свой дворец. В начале марта здесь разместились мастерские запасного броневого дивизиона. Несколько позднее сюда по договоренности с большевистской ячейкой мастерских переехали вышедшие из подполья Центральный и Петроградский Комитеты РСДРП(б), а вместе с ними — Военная организация при ЦК партии, редакция газеты «Солдатская Правда», экспедиция и солдатский клуб «Правды» и другие революционные организации. Таким образом, бывший особняк Кшесинской стал большевистским штабом. Между тем Кшесинская начала требовать возврата недвижимого имущества. В марте 1917 г. она идет на прием к Керенскому, который в то время был министром юстиции, и заручается справкой, что Временное правительство никаких претензий к ней не имеет, а имущество ее не подлежит конфискации. С такой «индульгенцией» Кшесинская явилась в особняк и потребовала, чтобы большевистские организации освободили ее бывшие апартаменты. «Желая знать положение моего владения,— писала она в заявлении на имя прокурора Петроградской судебной палаты,— я 18 марта поехала в свой дом и убедилась, что в доме моем расположились две организации: в первом этаже броневая автомобильная часть дивизиона, а во втором этаже — Петроградский комитет социалистов-большевиков. Подчеркивая вполне корректное и вежливое ко мне отношение представителей обеих этих организаций, которые объявили занятие моего дома крайней необходимостью, вызванной событиями, я из беседы с ними убедилась, что воинская часть считает необходимым не очищать моего дома по соображениям «государственным и стратегическим», а Петроградский комитет считает себя гостем воинской части» [2].

Кшесинская настаивала, чтобы прокурор принял меры к освобождению особняка. Но прокурор оказался в этом деле бессильным. Тогда в буржуазных и меньшевистско-эсеровских газетах была развернута кампания против большевиков. Их обвиняли в попрании прав собственности, в беззаконии, нарекли «анархо-кшесинцами». Однако и эта кампания не принесла результатов. Большевистская газета «Солдатская Правда» разоблачила клевету и дала решительный отпор подпевалам буржуазии. «...Ведь всем в Петербурге известно,— отмечала газета,— что революционный народ реквизировал все царские дворцы и особняк царской любовницы Кшесинской и отдал эти помещения под лазареты и другие полезные учреждения, причем дом Кшесинской был предоставлен Петроградскому Комитету Российской СД Рабочей партии, Военной организации, Солдатскому клубу, Центральному бюро профессиональных союзов, Центральному Комитету Российской СД Рабочей партии, Социал-Демократической фракции депутатов Совета Рабочих и Солдатских Депутатов большевиков, Библиотечной комиссии, которая снабжает местный гарнизон и фронт литературой и газетами. С выходом «Солдатской Правды» в бывшем доме Кшесинской помещается также и редакция, контора и экспедиция этой газеты. Неужели буржуазно-помещичьи профессора вместе с г. Плехановым не понимают всей глупости своей клеветнической

---

[1] Здесь и далее даты даются по старому стилю.

[2] Ленинградский государственный исторический архив (ЛГИА), ф. 1695, оп. 1, д. 249 в, л. 1.

ругани по адресу тов. Ленина и всех нас «анархо-кшесинцев»? Нет, они понимают, но сознательно лгут»[3].

12 апреля на заседании исполнительной комиссии ЦК РСДРП(б) специально обсуждался вопрос о помещении для ЦК в связи с поддержкой Временным правительством претензий Кшесинской на упомянутое здание. Постановили не уступать дворец царской фаворитке и принять меры к тому, чтобы дом остался в распоряжении большевистских организаций[4]. Однако Кшесинская продолжала настаивать на своем требовании. Ее адвокат Хесин возбудил в суде гражданский иск о выселении большевиков, обвинив их в «покушении на частную собственность». Буржуазные газеты использовали все это для новой атаки на ленинскую партию. Учитывая сложную обстановку и возможность различных провокаций, руководители петроградских большевиков приняли решение подыскать новое помещение для ЦК, ПК РСДРП(б) и других революционных организаций. Но это оказалось весьма нелегким делом. 3 мая на заседании Петроградского комитета вновь рассматривался вопрос о дворце Кшесинской. Решили: «Поручить тов. Козловскому[5] переговорить с поверенным Кшесинской Хесиным о прекращении иска при условии предоставления нам срока на освобождение дворца, достаточного для приискания подходящего помещения. Если соглашения не последует, то идти на суд и там развернуть всю картину и просить дать срок достаточный»[6]. Соглашение не состоялось, и рассмотрение иска Кшесинской было назначено на 5 мая 1917 г. в мировом суде. Защищать интересы большевиков в суде явился М. Ю. Козловский. Позднее П. И. Стучка[7], вспоминая об этом эпизоде, писал: «Защита была просто демонстрацией и агитацией перед рабочими, переполнившими зал заседания суда. Мы решили вести защиту не по своду законов, а по Марксу»[8].

Интерес к судебному процессу был огромен. Многие буржуазные газеты дали о нем подробнейший отчет. «Биржевые ведомости» в вечернем выпуске 5 мая сообщали: «Сегодня в камере у мирового судьи 58 участка на Б. Зелениной ул. слушается сенсационное дело балерины М. Ф. Кшесинской, предъявившей иск о выселении к одной военной и четырем гражданским революционным организациям, самовольно занявшим ее дворец на Кронверкском просп., который в последнее время является чуть ли не главным штабом ленинцев... Заседание открылось около 12 часов дня. В коридоре возле и около судебного зала находится несколько вооруженных милиционеров. Порядок полнейший». Газета «Речь» на другой день писала: «С раннего утра в день слушания дела к камере мирового судьи стало стекаться много публики. Это было предусмотрено накануне и отдано было распоряжение о постановке у дверей камеры усиленного наряда милиции». В качестве ответчиков фигурировали: «Петроградский комитет социал-демократической рабочей партии большевиков, Центральный комитет той же партии, Центральное бюро профессиональных союзов, Клуб военных организаций, кандидат прав В. И. Ульянов (литературный псевдоним Ленин) и другие». Уже в начале заседания выяснилось, что В. И. Ленину иск предъявлен необоснованно, так как в доме Кшесинской он не проживал. Затем в ходе заседания между сторонами развернулась острая дискуссия о праве собственности и праве владения, а также о действенности законов свергнутого самодержавия. Поверенный Кшесинской Хесин сослался на то, что Февральская революция не отменила право частной собственности, что царские законы остались незыблемыми. С этих позиций он пытался обвинить большевиков в захвате частного владения. М. Ю. Козловский в ответ опроверг все доводы Хесина и разоблачил измышления буржуазных газет о «незаконности действий» большевистской партии. «О каком это «законном порядке» позволительно говорить в тот момент, когда на улице идет революция со свистом пуль и артиллерийской канонадой? — спрашивал Козловский, обращаясь не только к судье, но и к публике.—...Старый законный порядок относится к прошедшей общественной эпохе и уже не вернется никогда, поскольку не могут вернуться старые экономические отношения. Под этим углом зрения не может быть и разговора во время революции о «законном порядке», поскольку сама революция, с точки зрения закона, является наибольшим беззаконием. И не удивительно ли говорить теперь о «законном порядке» в свете старых, омертвевших кодексов?!»[9]. М. Ю. Козловский убедительно показал, что занятие особняка Кшесинской революционными организациями в дни Февральского восстания было правомерным именно с точки зрения народной революции, что нельзя превращать старые законы в основу нового общественного развития. Его блестящее

---

[3] «Солдатская Правда», 4.V.1917.

[4] «Большевики Петрограда». Л. 1957, стр. 118.

[5] М. Ю. Козловский (1876—1927 гг.) — деятель польского, литовского и русского революционного движения. Член партии с 1900 года. В описываемое время — член Исполкома Петросовета. После Октябрьской революции занимал ряд ответственных постов в Советской республике, в том числе пост председателя Малого Совнаркома РСФСР.

[6] «Революционное движение в России после свержения самодержавия. Документы и материалы». М. 1957, стр. 155—156.

[7] П. И. Стучка (1865—1932 гг.) — старый большевик, активный участник Великой Октябрьской социалистической революции, видный юрист, теоретик и практик советского государственного строительства.

[8] «Правда», 6.III.1927.

[9] «Трибуна», 17.VI.1917.

выступление произвело сильное впечатление на присутствовавших. Позднее почти все буржуазные газеты поместили подробное изложение его речи и тем самым невольно содействовали пропаганде марксистских взглядов на вопросы права. Но мировой судья Чистосердов недолго раздумывал над решением. Как писал репортер газеты «Речь», минут через десять после окончания разбирательства судья возвратился в зал заседания и, ссылаясь на царское законодательство, вынес решение: в течение двадцати дней выселить из особняка Кшесинской революционные организации.

В связи с процессом появились две статьи юристов-большевиков: П. И. Стучки в газете «Правда» и М. Ю. Козловского в органе Петроградской группы СДКПиЛ газете «Трибуна». В обеих статьях резко критиковалась и разоблачалась юстиция Временного правительства, требовавшая соблюдения старых, царских законов. П. И. Стучка, ссылаясь на речь Карла Маркса, произнесенную им в феврале 1849 г. перед судом присяжных в Кёльне, писал о том, что общество должно стоять не на почве старой законности, а на почве революции [10]. М. Ю. Козловский, развивая свои мысли, изложенные в речи на суде, отмечал: «...Буржуазное Временное правительство привязало новые общественные отношения к ненавистному «законному порядку» царизма, который отвергла революция. Эта тоска по «законному порядку», это желание замаскировать революцию и придание легальных путей силам, которые призвали к жизни это самое Временное правительство, этот умышленный и систематический обман имеют единственную основную цель: возвращение буржуазии уступок, которые получил благодаря революции народ, сохранение своего господства над народом. Эта цель — насквозь контрреволюционная». Закончил М. Ю. Козловский следующими словами: «Победивший народ полностью разрушит старую государственно-правовую организацию угнетения рабочего класса. Он создаст новый порядок, отвечающий интересам широких народных масс,— новый правовой порядок» [11].

Когда в Петрограде стало известно о решении суда выселить из особняка Кшесинской большевистские организации, в воинских частях поднялась буря протестов. «Правда» сообщала, что 7 мая команда линейного корабля «Заря свободы» в количестве 600 чел. приняла резолюцию, в которой наряду с требованиями о передаче власти в руки Советов, а земли — в руки крестьянских комитетов значилось также требование сохранить особняк Кшесинской за большевистской партией [12]. Буржуазия же, чтобы поддержать решение суда, организовала ряд провокаций. Газета «Вечернее время» поместила провокационное объявление об устройстве 7 мая в 12 час. дня во дворце Кшесинской женского собрания. В назначенное время в помещении клуба собрались представительницы буржуазного общества, среди которых была родственница Кшесинской. Около 300 собравшихся громко и долго шумели. В связи с этим общее собрание военного клуба выразило решительный протест и обратилось к Исполнительному комитету Совета рабочих и солдатских депутатов с требованием принять меры против подобного безобразия [13]. Исполком Петроградского Совета, где большинство в то время принадлежало меньшевикам и эсерам, молчаливо поддержал притязания царской фаворитки. После этого контрреволюционеры устроили новую провокацию. 12 мая в 5 час. утра в помещение редакции «Солдатской Правды» проникли два офицера и некий штатский. Они облили бензином лежавшие на полу кипы газет, приготовленные к отправке на фронт, подожгли их и бежали на автомобиле. Пожар был погашен, но сгорело около 40 тыс. экземпляров газеты; пострадало и само помещение [14]. В тот же день ЦК РСДРП(б) направил письмо, подписанное секретарем ЦК Е. Д. Стасовой, комиссару третьего участка Петроградской стороны и потребовал составить протокол о поджоге здания [15]. В связи с поджогом было возбуждено уголовное дело. Тем не менее буржуазные следственные власти не приняли никаких решительных мер к розыску поджигателей. Позднее определением Петроградского окружного суда от 20 сентября дело было прекращено «за необнаружением виновных» [16]. Воспользовавшись последней провокацией, Кшесинская еще 13 мая обратилась к ставшему в то время министром юстиции Переверзеву с просьбой поставить караул у «ее дома» для его охраны.

В тот же день «Правда» поместила резолюцию рабочих завода Розенкранца. В ней говорилось: «Считаем неправильным постановление суда о выселении из дворца Кшесинской военной организации Российской СДРП. Протестуем против такого постановления суда, приветствуем Петроградскую Военную организацию как первую ласточку после суровой реакционной зимы. Приветствуем в наших пролетарских рядах появление стойкого неустрашимого борца т. Ленина, защитника всего трудового народа. Приветствуем газеты «Солдатскую Правду» и «Правду». Дом Кшесинской считаем народным достоянием». Однако Временное правительство все еще не оставляло надежды на выселение большевиков. 5 июня явился присяжный поверенный Хесин в сопро-

[10] «Правда», 24.V.1917.
[11] «Трибуна», 24.VI.1917.
[12] «Правда», 17.V.1917.
[13] «Солдатская Правда», 12.V.1917.
[14] «Солдатская Правда», 13.V.1917.
[15] ЛГИА, ф. 487, оп. 1, д. 2736, л. 2.
[16] Там же, л. 9.

вождении судебного пристава и отряда городской милиции и попытался силой освободить помещение. Члены клуба «Правды», возмущенные этими действиями, решили вызвать на помощь из 1-го пулеметного, Московского и Гренадерского полков вооруженных солдат. Матросы тоже были готовы защищать особняк. Гарнизон Петропавловской крепости заявил, что при первой попытке Керенского выселить организацию большевиков Петропавловская крепость ответит орудийным огнем. Назревал вооруженный конфликт. Министр юстиции Переверзев вынужден был пойти на попятную, и отряду милиции пришлось убраться. Однако во второй половине июня по приказу того же Переверзева судебный пристав 28-го участка Скрипицын с помощью милиции и войск сделал новую попытку выселить большевиков. Но и эти усилия оказались безуспешными. Лишь 6 июля 1917 г., когда контрреволюция, собрав силы, осуществляла общее наступление на партию большевиков, Временному правительству удалось организовать погром в помещении большевистских организаций. Тогда секретариат ЦК РСДРП(б) работал уже в другом месте (сначала на квартире Е. Д. Стасовой, затем в помещении мужской городской гимназии на Разъезжей улице, а с конца августа — на Фурштадтской улице, в доме № 19). ПК РСДРП(б) вместе с Военной организацией большевиков оставил особняк в день погрома. Что касается Кшесинской, то ей, несмотря на покровительство Временного правительства и поддержку со стороны меньшевиков и эсеров, так и не удалось возвратить себе особняк. К тому времени здесь расположилась прибывшая с фронта воинская часть самокатчиков, выселять которую никто не решился. Добавим, что после Октябрьской революции особняк поступил в распоряжение Петроградского Совета. С 1958 г. в нем находится Государственный музей Великой Октябрьской социалистической революции.

Э. К. Саулевич

КТО, ЧТО И КАК ПИСАЛ В ДРЕВНЕЙ РУСИ

У многих историков, прослушавших когда-то курс палеографии, остаются о ней лишь смутные воспоминания. На каком уровне и как — прямо или косо — располагалась в таком-то веке поперечная черта в уставных буквах «и» и «н»; как постепенно расходились нижние и сужались верхние ножки буквы «ж» и тому подобное. Припоминаются и практические занятия по чтению текстов, особенно скорописных, когда приходилось гадать, что́ над строкой: титло или выносная буква? А если последняя, то какая: «л», «м» или «н» (писались они почти одинаково). Или, наконец, если написаны подряд три черточки, что это такое: «кс» или «ск»? Но и для тех, кто после окончания университетского курса продолжает иметь дело с рукописями, палеография словно «исчезает». Она становится навыком, суммой приемов повседневной работы. И уже не надо заглядывать в «Практический курс изучения русской скорописи» И. С. Беляева, а к альбомам бумажных водяных знаков обращаешься лишь тогда, когда изучаешь не столбец, не грамоту, где всегда полагается быть дате, а рукописную книгу. Такова обычно в жизни историка участь палеографии — одной из «вспомогательных исторических дисциплин, изучающей внешние признаки рукописных памятников... в историческом развитии» [1].

А между тем за каждым документом, каждой рукописной книгой стоят факты, события и люди — не только те, о которых говорится в тексте, но и те, которые предшествовали и сопутствовали появлению каждой грамоты и книги, обусловили их бытие. И если не всегда, быть может, интересна судьба подьячего, лишь переписавшего или даже по обычному формуляру составившего грамоту, то исследование истории книгописцев Древней Руси поднимает целый ряд интереснейших и важнейших проблем. Для примера назовем хотя бы такие, как социальный состав древнерусских книжников, организация их труда, наконец то, как из среды ремесленников-книгописцев выделились профессионалы-писатели и можно ли вообще применить это современное понятие к нашему далекому прошлому. Мне могут возразить, что все это относится не к палеографии, а к истории книги, частично даже к истории литературы. Но если в изучении древнерусской литературы в настоящее время имеются значительные и широко признанные достижения, то история русской книги находится далеко не в столь же благополучном положении. Немногочисленные вообще, наши книговеды заняты почти исключительно историей русского книгопечатания, как бы забыв о том, что в истории русской книги «рукописный» период имел совершенно особое значение. Книгопечатание появилось у нас на сто лет позже, чем в Западной Европе, и первые полтораста лет использовалось почти исключительно в нуждах церкви. Более того, самое начало книгопечатания, как можно судить по «Послесловию» к федоровскому «Апостолу», име-

[1] Л. В. Черепнин. Русская палеография. М. 1956, стр. 3.

ло своей целью введение государственного контроля над производством и распространением книги.

Рукописной книгой занимаются у нас почти исключительно палеографы и искусствоведы, разрабатывая некоторые разделы палеографии: первые изучают филиграни бумаги и почерки; вторые — художественное оформление рукописных книг. Что касается рукописной книги в более широком смысле этого слова, то даже авторы учебников имеют о ней порой довольно смутное представление. Вот, например, что можно прочесть в учебнике истории книги, по которому обучаются студенты библиотечных институтов: «Монахи писали книги чернилами и различными красками (особенно красной)»[2]. Остается неясным, что́ имели в виду авторы: либо то, что иные писцы (не монахи) писали книги чем-то другим, либо то, что книгописанием занимались исключительно монашествующие. Последнее мнение имеет широкое распространение и среди историков. Знакомство же, даже беглое, с персоналией истории русской рукописной книги (специальных работ на эту тему нет, и материал приходится собирать по описаниям рукописных фондов, часто не опубликованным) убеждает в обратном.

Длинный ряд имен русских книгописцев открывает диакон Григорий — писец Остромирова евангелия 1057 г. и автор знаменитой приписки к нему. В ней этот искуснейший книгописец выступает в какой-то степени и как летописец. Он не только называет имя своего заказчика, но подробно говорит о том, какой важный государственный пост тот занимал и какова вообще была тогда внутриполитическая ситуация. Киевский князь Изяслав явно не управлялся с доставшейся ему в наследство от отца и брата огромной территорией и значительную часть ее — Новгородскую землю — поручил своему «близоку» (свойственнику) Остромиру. В пространной приписке почти незаметными остаются традиционные просьбы писца Григория к читателям не бранить его за ошибки, а исправлять их. Остромирово евангелие дает основания для предположений и об организации труда русских книжников. Эта большая, на 294 листах книга была написана всего за семь месяцев, как совершенно точно указано в приписке. Невольно возникает вопрос: мог ли это сделать один человек? Тщательный палеографический анализ показал, что, кроме почерка, которым написано подавляющее большинство листов книги (за исключением первых 23), того же самого, каким сделана приписка, в заглавиях чтений можно усмотреть другую руку[3].

Гораздо сложнее выяснить, кто участвовал в художественном оформлении Остромирова евангелия, в создании трех миниатюр, заставок и инициалов. Миниатюры могли быть нарисованы разными художниками и даже в разных городах: они несколько разностильны, а две сделаны на вшитых листах. Заставки — традиционного старовизантийского стиля — мог нарисовать орнаментовщик и после написания текста на специально для них оставленных местах, как это обычно и делалось (в Остромировом евангелии остался, например, чистым лист, предназначавшийся для изображения евангелиста Матфея). Но оригинальнейшие инициалы этой книги не могли быть выполнены ни раньше, ни позднее того, как был написан текст — настолько точно, с большим художественным вкусом и искусно они в него «вмонтированы». Возникает дилемма: либо Григорий сам был не только хорошим писцом, но и великолепным художником-орнаменталистом, либо это был другой человек, однако сидевший тут же рядом и согласовывавший с писцом каждый разрисованный инициал. Все это говорит о существовании «творческого коллектива» книгописцев и художников — создателей Остромирова евангелия, коллектива, в котором при наличии художественно-эстетического единомыслия существовало разделение труда. Возглавлял и объединял этот коллектив скорее всего Григорий, исполнитель наибольшей части работы. Вот почему только его имя и названо в приписке.

Разделение труда еще более отчетливо прослеживается по второй из старейших датированных русских книг — «Изборнику» Святослава 1073 года. Кроме писца, «диака» Иоанна, над ним трудились по крайней мере еще два лица — художники. Один нарисовал князя с семьей (первый в истории русской живописи групповой портрет) и, может быть, изображение Христа (на следующем листе), ныне почти целиком осыпавшееся; другой украсил книгу четырьмя вариантами монументального фронтисписа на тему заглавия книги («Собор святых отец») и двумя столь же роскошными заставками. Но на полях книги есть еще рисунки, сделанные явно не художником, а скорее всего писцом. Это знаки Зодиака, среди которых знаменитые «Стрелец», «Водолеец», «Девица», а также рисунки животных и птиц, разбросанные в других местах книги. Писец «Изборника» Святослава ничего не добавил от себя в текст. Он лишь переадресовал книгу, заменив имя болгарского царя именем русского князя. Поэтому его трудно счесть кем-нибудь иным, нежели хорошим книгописцем. Элемент собственного его творчества отразился, быть может, только в упомянутых бесхитростных рисунках на полях, если они принадлежат ему.

В ином качестве выступает писец третьей из старейших русских датированных книг, «Изборника» 1076 года. В краткой приписке в конце «грешный Иоанн» просит

---

[2] И. Е. Баренбаум, Т. Е. Давыдова. История книги. Учебное пособие. Ч. 1. Книга в России до 1917 г. М. 1960, стр. 29.

[3] Н. М. Каринский. Письмо Остромирова евангелия. (Палеографический очерк). «Сборник Российской Публичной библиотеки». Т. I, вып. I. Птгр. 1920, стр. 168—192.

у читателей извинения за свои ошибки и сообщает, что содержимое его книги «избьрано из мъног книг княжьих». Есть все основания предполагать, что свой «Изборник» Иоанн составил в княжеской библиотеке, той самой, которую, по свидетельству летописца, создал Ярослав Мудрый, «собрав писцы многи», переводившие книги с греческого языка. Эту библиотеку, вероятно, унаследовал сын Ярослава Святослав, названный в приписке к «Изборнику» 1076 г. правящим князем. Таким образом, это единственная сохранившаяся до наших дней книга, отражающая состав первой, не дошедшей до нас русской библиотеки. Исследователи давно уже подозревали, что писец «Изборника» 1076 г. не все «собрал из книг княжьих», но кое-что сочинил и сам. Недавно при тщательном издании «Изборника» была предпринята попытка разыскать греческие оригиналы его статей. Но таковые были найдены не более как к половине последних [4]. И есть все основания думать, что «грешный Иоанн» был не переписчиком, но составителем и отчасти даже автором этой книги. Однако предполагаемую долю его собственного творчества вряд ли удастся когда-нибудь установить: статьи «Изборника» либо анонимны, либо надписаны именами «отцов церкви», как знаменитых (Иоанн Златоуст, Василий Великий, Афанасий Александрийский), так и сравнительно малоизвестных (Ксенофонт, Нил-«черноризец», св. Георгий).

Анонимность или псевдонимность старейших памятников русской литературы, главным образом нравоучительных, является серьезным препятствием при их исследовании. Не только «грешный Иоанн», человек, вероятно, скромного социального положения, но даже сам глава русской церкви (на недолгое, правда, время) митрополит Иларион не подписал своим именем знаменитое «Слово о законе и благодати», автором которого теперь его считают. Современному человеку такая авторская скромность просто непонятна. Но мы попытаемся объяснить ее, рассмотрев, например, вводную статью того же «Изборника» 1076 г., озаглавленную «Слово некоего калугера (буквально — «доброго старца».— *Н. Р.*) о чьтении книг». Она вся составлена из псалтирных цитат, кратко резюмированных и перемежающихся с авторскими сентенциями. Вот ее начало (в современной орфографии): «Добро есть, братие, почитание книжное паче всякому христианину. Блажении бо рече испытающие сведения его — всем сердцем взыщут его». Далее ставится вопрос: «Что бо рече — испытающе и сведения его?» В ответ дается рекомендация читать книги не торопясь и, если надо, по три раза перечитывая одну и ту же главу. Потом берется еще одна цитата из того же 118-го псалма и объясняется: «Рече бо — в сердце моем скрых словеса твоя, да не согрешу тебе; не рече — усты точию изглаголах, но и в сердце не согрешу тебе. И поразумевая убо истинно писания, правим есть ими». Последняя мысль — об «управлении» человека «истинным писанием» — дает автору повод привести ряд аналогий: «Реку же: узда коневи правитель есть и воздержание, праведнику же книги...» и т. д. (следуют знаменитые слова, как нельзя построить корабль без гвоздей, что «красота воину — оружие, а кораблю — ветрила; тако и праведнику почитание книжное»). По этому принципу — «Рече бо» (цитата) и «Реку же» (толкования и сентенции) — построена вся статья. Принадлежат ли автору все приводимые им сентенции, сказать трудно. Нечто подобное (например, сравнение книги с уздой) есть и в «Повести временных лет» под 1037 годом: там, где говорится о создании библиотеки Ярославом Мудрым. Быть может, выписывая отдельные выражения и отрывки «из многих книг княжьих», Иоанн составил не только «Изборник» 1076 г. в целом, но и некоторые его статьи? И поэтому не назвал себя их автором?

Итак, уже в XI в. были на Руси и прославленные писатели, преимущественно представители черного, чаще высокопоставленного, духовенства (митрополит Иларион, епископ Лука Жидята, игумены Феодосий и Никон, «черноризец» Нестор, «мних» Иаков), и безвестные авторы вроде составителя «Изборника» 1076 г., и просто книгописцы. Среди последних намечаются три сословно-социальные категории: представители черного и белого духовенства, а также писцы-ремесленники, к духовному сословию не принадлежавшие. Чтобы яснее все это себе представить, остановимся еще на двух приписках в книгах XI века. Автора первой из них даже трудно назвать, настолько «преуспел» он — искренне или нет — в смирении и самоуничижении. Это один из писцов Архангельского евангелия 1092 года. Не в начале или в конце книги, как в Остромировом евангелии или «Изборниках» 1073 и 1076 гг., а на полях одного из ее листов сделал он мельчайшим и почти незаметным почерком свою приписку. Извиняясь, как тогда полагалось, перед читателями за свои ошибки, он объясняет их, приписывая себе «сластолюбие, похотение, клеветы, свары, пьянство — просто рекъше—вся злая». «Оох, братие и оцти мои!— восклицает писец. — Аще в тех мыслех блудя, а съблазнилъся буду пиша — не мозете, братие, кляти, но исправите и благословите и простите убогую мою душу — мене, грешьнаго, рекъше Мичька»[5]. Попробуйте угадать, как его по-настоящему звали? Зато наверняка можно сказать, что это был монах.

А рядом поставим другую приписку, сделанную, как полагается, в конце книги: «Путята пьсал; да че криво, да исправите, а не кльните». Это самая лаконичная из всех приписок XI в.: указано имя (народное, дохристианское, похожее на имя ав-

[4] «Изборник» 1076 г. М. 1965.

[5] Приписка опубликована в кн.: «Музейное собрание рукописей [Государственной публичной библиотеки СССР имени В. И. Ленина]». Описание. Т. 1. М. 1961, стр. 268—269.

тора одной из старейших новгородских берестяных грамот Гостяты), содержится традиционная просьба об исправлении ошибок. И ничего лишнего, никакого самобичевания. Так, с большим достоинством, без всяких словесных излишеств, увековечил свое имя один из самых первых среди известных русских писцов, которого без колебаний можно отнести к числу лиц, не принадлежавших к духовному сословию. Руками этих светских писцов написана добрая половина всех сохранившихся русских рукописных книг. Акад. Б. А. Рыбаков произвел в свое время подсчет всех известных по именам писцов русских книг XIV—XV веков. Из 110 человек был только 31 монах и 18 представителей белого духовенства[6]. Автор данного очерка располагает сведениями о 97 писцах XI—XIX вв., имена которых известны по припискам на рукописных книгах старейшей из сохранившихся русских библиотек, новгородской Софийской. Среди них всего 20 монахов, 28 священников и диаконов; остальные 49 не указали своей принадлежности к духовному званию. Двое (XIV в.) назвали себя «паробками владычня двора», то есть книгописцами-ремесленниками новгородского архиепископа. Остальные указали лишь свои имена, обычно в простонародной форме: Яковишко, Иванец, Андреец, Кондратище и т. п., а иногда прозвища, например, Попырь (в приписке XIII в.). А один, вероятно, чтобы не путали его с тезкой, подписался (1598 г.): «Кондратий Ермолин не дьяк».

Таковы некоторые факты, освещающие первый вопрос, поставленный в заглавии очерка. Подобных сведений при тщательном изучении приписок и помет на старинных рукописных книгах собрать можно немало. Но дело это совсем нелегкое: большинство приписок и особенно помет сделано мелким, неразборчивым почерком. Многие из них затерты или подправлены позднее. Датировать их по почерку чрезвычайно трудно, настолько они отличаются от письма основного текста книги и даже вообще от почерков, характерных для данного столетия. Тут-то и пригодятся исследователю палеографические навыки, по крайней мере до тех пор, пока не будет издан полный свод древнерусских записей и приписок.

Нелегко ответить сразу и на второй вопрос в заглавии очерка: что именно писали русские книгописцы, особенно в древнейший период истории русской книги? Ведь до нашего времени сохранилось от XI в. всего два десятка книг, и из них лишь две «четьи» (так назывались в старину книги не для богослужения, а для чтения). Знакомство же с созданными в то время литературными памятниками убеждает в том, что их авторам был известен довольно широкий круг источников, до нас не дошедших, как оригинальных, так и переводных. При этом последние были не только византийского и южнославянского, но и западнославянского происхождения. Так, в «Повести временных лет», помимо византийских хроник, оказались использованными и некоторые мораво-чешские источники[7]. Да и сами сохранившиеся две «четьи» книги XI в., о которых говорилось выше, свидетельствуют о многосюжетности рукописной книжности и разнообразии читательских запросов того времени. Особенно многогранно содержание «Изборника» Святослава 1073 г., этой настоящей энциклопедии знаний. Хотя он был составлен, вероятно, в Византии, а на Русь попал через Болгарию, важно то, что эта книга нашла у нас благодатную почву для распространения. Болгарский оригинал «Изборника» Святослава неизвестен, а на Руси сохранилось несколько его полных списков, причем в одном из них (1445 г.), найденном в Кирилло-Белозерском монастыре, сохранилось имя болгарского царя Симеона, замененное в списке 1073 г. именем черниговского князя Святослава. Рукописную традицию и широкое распространение на Руси получили также отдельные статьи этого «Изборника». Зато «Изборник» 1076 г., составленный на русской почве, рукописной традиции не приобрел: полных его списков не сохранилось, а переписывались из него лишь отдельные статьи, чаще всего первая — о том, как и для чего следует читать книги. Не объясняется ли это сравнительно более однообразной тематикой статей «Изборника» 1076 г.? Почти все они религиозно-нравоучительного содержания! Во всяком случае, уже здесь проявилось одно чрезвычайно важное качество древнерусской рукописной книжности — избирательность репертуара.

Наконец, об изобилии в XI в. книг для чтения говорит и то, что это время стало первым веком русской литературы, когда сложились и дали свои первые, но уже совершенные образцы такие ее важные жанры, как историческое повествование («Повесть временных лет»), русская агиография («Житие Бориса и Глеба»), торжественное красноречие («Слово о законе и благодати»). Развитие последнего жанра через сто с небольшим лет породило «Слово о полку Игореве». Загадка избирательности репертуара рукописной книжности особенно ярко сказалась в судьбе этого произведения, не получившего широкого распространения и дошедшего до начала прошлого века в единственном списке.

Период феодальной раздробленности и монголо-татарского ига рассредоточил, но не прекратил развитие книгописания на Руси. В этот период при пожарах и разорениях погибло особенно много книг. Но и то, что сохранилось на всем огромном пространстве Русской земли (а сохранились, конечно, особенно популярные и часто переписывавшиеся книги), говорит само за себя. Списки XIII—XV вв. произведений ли-

---

[6] Б. А. Рыбаков. Ремесло Древней Руси. М. 1948, стр. 685—686.

[7] Н. К. Никольский. К вопросу о следах мораво-чешского влияния на памятниках домонгольской Руси. «Вестник» АН СССР, 1933, №№ 8—9, стр. 5—18.

тературы Киевской Руси наряду с памятниками, появившимися в то время в центрах и на периферии феодальных «полугосударств», причем памятниками самых разнообразных жанров, свидетельствуют о широте кругозора книгописцев того времени.

Репертуар русской рукописной книжности продолжали в это время питать и «изборники» — как оригинальные, так и переводные. Среди последних появились такие, как «Пчела», приобщившая наших далеких предков к драгоценным крупицам античной философии: столь своеобразные «естественнонаучные» энциклопедии, как «Шестоднев» и «Физиолог». Как все это использовалось в сочетании с церковно-учительной и богослужебной книгой, хорошо видно хотя бы на примере «Моления Даниила-заточника», в котором цитаты из Псалтири и некоторых других книг Ветхого завета перемежаются с изречениями из «Пчелы» и «Физиолога», а также с пословицами и прибаутками. А ведь этот блистательный публицистический памфлет появился и распространялся скорее всего где-то на северной окраине Руси еще до того, как там возникли такие крупные центры книгописания, как Кирилло-Белозерский и Соловецкий монастыри с их библиотеками. Нет нужды особенно долго останавливаться на сюжетах русской рукописной книжности XIII—XV вв.: чтобы с ними познакомиться, достаточно заглянуть в любой учебник древнерусской литературы. Важно лишь отметить (отвечая на вопрос, что́ именно переписывали в те времена русские книжники), что наряду с книгой богослужебной и религиозно-нравоучительной распространялись достаточно широко и в большом разнообразии книги «светского» содержания. Это наблюдение находится в полном соответствии со статистическими показателями, свидетельствующими о принадлежности доброй половины книгописцев не к духовной, а к «светской» среде.

Последнее подтверждается еще одним, чисто палеографическим наблюдением над орнаментацией и художественным оформлением рукописных книг XIII—XV веков. Русская книжная миниатюра не приобрела еще в то время такого тематического разнообразия, как это было позднее: иллюстрировались книги, как правило, богослужебные. Лишь два исключения известны из этого правила — тверской список «Хроники» Георгия Амартола и Радзивилловская летопись. Но и в иллюстрациях некоторых богослужебных книг можно найти многие черты быта, изображения орудий труда книгописцев того времени. И хоть не всегда это отражало реальную действительность (в Остромировом евангелии, например, евангелисты изображены пишущими «тростями», в то время как сама книга написана пером), стремление книжных художников как-то переосмыслить свои оригиналы любопытно и знаменательно. При этом в первую очередь переосмыслялись изображения предметов, наиболее широко распространенных в быту, окружавшем книжников. Так, царя Давида в иллюстрациях Псалтирей стали рисовать не с непонятным трехструнным музыкальным инструментом, а с русскими гуслями; библейские воины в Киевской псалтири 1397 г. нарисованы в русских доспехах, с красными щитами.

Однако гораздо больший простор для творческой фантазии книжных художников Древней Руси давали не иллюстрации книги, тесно связанные с ее содержанием, а ее орнаментация. Уже в Остромировом евангелии рядом с типичными, традиционными и обязательными изображениями евангелистов и «старовизантийскими» заставками появляются инициалы совершенно необычного стиля и до сих пор еще не выясненного происхождения. Головы, морды и клювы каких-то фантастических животных перемежаются в них с чьими-то ликами, то ли светил небесных, то ли людей, то ли каких-то языческих божеств. Появившийся лет через сто после этого в Болгарии «звериный» (тератологический) стиль орнаментации книг был подхвачен и развит русскими книжниками, которые к концу XIV в. ввели в него целую человеческую фигуру. И она вскоре, освободившись от пут орнаментального плетения, задвигалась и ожила. В инициалах появились фигурки землекопов и землепашцев, охотников, воинов, рыбаков, веселых скоморохов, нарушившие «благолепие» богослужебных книг. Вряд ли способствовали молитвенному настроению читателя ругающиеся рыбаки в инициале одной новгородской Псалтири XIV в. или пляшущий скоморох в инициале Евангелия, подбадриваемый репликой художника «Гуди гораздо!». Так иногда изображения в книгах становились не их иллюстрациями, а чем-то совершенно противоположным. Отмеченная и широко распространенная особенность орнаментации русской рукописной книги XIII—XV вв.— господство в ее оформлении «звериного» стиля — наряду с наблюдениями над книжной миниатюрой подводит нас к ответу на последний вопрос заголовка: как писали книги в Древней Руси?

Этот вопрос можно понимать в двух смыслах: «как» — в смысле сочетания содержания и оформления книги, и «как» — то есть чем, при помощи каких технических средств? В ответ на первое «как» уже приводились примеры несоответствия оформления книги ее содержанию. Не знаю, возникали ли такие аналогии у древнерусского читателя, но у нашего современника, глядящего на пляшущих в инициалах богослужебных книг скоморохов, появляется скорее ассоциация не с евангельскими сюжетами, а с тем же Даниилом-заточником. Однако этот вопрос относится уже к «поэтике» рукописной книги. Объясним это необычное словосочетание. Поэтика, изучающая структуру художественного произведения, разрабатывается самостоятельно, хотя в значительной степени и параллельно, в литературоведении и в искусствознании. Иллюстрированная же книга, особенно рукописная, является синтезом словесного и изобразительного искусства. Член-корр. АН СССР Д. С. Лихачев пишет: «Ху-

дожник был нередко начитанным эрудитом, комбинировавшим сведения из различных письменных источников в росписях и миниатюрах». Говоря о тонкостях восприятия древнерусским художником иллюстрируемого текста, он продолжает: «Сложны и «многослойны», как оказывается, древнерусские иллюстрации к Псалтири, в которых вскрывается несколько аспектов восприятия этого произведения миниатюристом: реально-исторический, символический, «прообразовательный» и др.» [8].

Зато второй аспект вопроса о том, как писались в старину книги,— чисто палеографический. Автор одного из дореволюционных учебников палеографии говорит: «Палеография — наука о писальных приемах, т. е. о том, как, чем и на чем в прежние времена писали» [9]. Хотя в наше время такое прямолинейное, если не сказать примитивное, определение палеографии уже не может удовлетворить, оно хорошо показывает, на что именно в первую очередь обращали раньше внимание палеографы. Но, как это ни странно, до сих пор остаются неизвестными рецепты чернил старейших русских рукописных книг (существующие записи относятся не ранее чем к XVI в.); неизвестен также состав изумительных по яркости красок орнаментов и миниатюр, а также способы их скрепления с материалом, на котором писались книги,— пергаментом и бумагой. А эти вопросы имеют большое практическое значение. Многие старинные рукописи сохранились плохо. Их текст «угасает» (есть такой термин у палеографов), краски осыпаются. И советские реставраторы ищут средства если не для восстановления, то хотя бы для закрепления красочного слоя рукописей. Их поиски обычно направлены в сторону современных химических средств, что вызывает опасения: ведь пока нет никакой гарантии, что какое-нибудь из этих средств, вернув рукопись к жизни, через десятки или сотни лет не погубит ее. Поэтому более логичным, разумным и безопасным представляется направление поисков средств реставрации как бы в глубь истории ремесла рукописной книги в Древней Руси. Здесь мастерам-реставраторам должны помочь историки книги и палеографы.

Какими методами и средствами следует раскрывать секреты чернил и красок старейших русских рукописных книг? Ни о каком просто химическом анализе здесь не может быть и речи, ибо при современном развитии физико-химических наук можно обойтись и без него. Ведь читают же сейчас «угасшие» тексты с помощью фотоанализа, отказавшись от химических реактивов, как это делалось в прошлом, что стоило жизни многим из этих текстов: появившись на время, они вновь и навсегда исчезали, оставив после себя в рукописи коричневые полосы да зеленые пятна. Многое подскажут сохранившиеся в рукописях рецепты чернил и красок, хотя нет оснований предполагать, что в течение долгих веков они оставались неизменными: замена пергамента бумагой, например, вызвала, конечно, большие изменения в этой рецептуре. Знакомство со старинными рецептами «чернила» (тогда слово это употреблялось только в единственном числе — «чернило») показывает прежде всего, что процесс изготовления был длительным, тщательным и достаточно стерильным. Вот, например, один из таких рецептов в записи XVI в.: «Сначала варить кору ольховую в новом горшке в кислых щах. И выварить три заливки да процедить в другую посуду, в которой будет стоять, а кору выбросить вон. Да и железину класть в тот же час, пока теплая, а железо положи чистое да поставь в ровное тепло. Да меду подпусти пресного, чтоб кисло» [10].

В некоторых рецептах указывается и дозировка подручных средств в доступных мерах. Так, в одном рецепте (XVII в.) составления чернил из так называемого «дубового орешка» предлагается «хмельку маленько упарити... а лити скорлупкою, на всякой орешек по 3 или 4 скорлупки». Готовые чернила в том же рецепте не рекомендуется выливать все сразу в чернильницу, а по мере надобности «процедити в плат или в ветошь частую, а уцеживати не помногу — чим писати, а прочее на гнезде оставляти, ино ся не портят. А высыхают — ино приливать квасу медвеного». Начинать писать рекомендуется «испытав (чернила) на языце — только будут сладки» [11]. Не в этой ли тщательности приготовления заключается в какой-то степени секрет стойкости и долговечности чернил, которыми написаны старинные русские книги и документы? От того же XVII в. дошли до нас также рецепты красок рукописных книг и практические руководства к их применению, например, «Учение о заставочном письме». Наряду с рецептами чернил они должны стать отправной точкой для направления в глубь веков исследований как археографических, так и, на определенной стадии, лабораторно-экспериментальных. Цель этих исследований — раскрыть секреты технических средств письма и художественного оформления старинных русских

---

[8] Д. С. Лихачев. Поэтика древнерусской литературы. Л. 1967, стр. 25, 26.

[9] Р. Ф. Брандт. Лекции по славянорусской палеографии. М. 1909, стр. 1.

[10] Государственная публичная библиотека имени В. И. Ленина (ГПБЛ), собрание Ундольского, № 576, рукопись. Опубликовано в кн.: Е. Ф. Карский. Славянская кирилловская палеография. Л. 1928, стр. 130.

[11] ГПБЛ, Софийское собрание, № 1519, лл. 290—291, рукопись. Здесь же — разные советы, как обращаться с книгой, например: «А излиется маслом книга — ино мелу брусок нарядив, да омачивати в муку в мелкую в пшеничную, да вытирати. А в готовую книгу в середку вставити тетрать — ино посреди ея чрез всю простегати шелком, да розняв книга, напустити клей куди тонко, да посреди тетради ножиком деревяным угнести» (лл. 291 об.—292).

рукописей и применить их для реставрации последних. Здесь мы коснемся тем самым другой стороны палеографии. Ведь если она одной своей гранью соприкасается с тем, что относится к тонкостям художественного анализа («поэтика» рукописной книги), то второй гранью — с тем, что входит в практически важные вопросы консервации, реставрации и дальнейшего изучения письменных памятников истории народов как постоянной и почти неистощимой составной части в общем комплексе вопросов развития советской исторической науки.

Еще больше разнообразных и интересных проблем возникает при изучении рукописной книжности периода ее «сосуществования» с книгопечатанием. Однако это уже особый сюжет. Вот сколь разносторонние ответы можно дать на поставленные в заглавии этого очерка, казалось бы, простые вопросы.

Н. Н. Розов

КАПИТАН ЖАК КАРТЬЕ

Ежегодно в мае в небольшой приморский городок Франции Сен-Мало стекается значительное число французов, а также франко-канадцев. В этом городе родился известный французский мореплаватель и исследователь Канады Жак Картье (1491—1557 гг.) [1]. Отсюда он отправился в свое путешествие через океан и открыл в Северной Америке место, где позже им была основана Новая Франция. До конца XV столетия Канада не была известна европейцам. В 1497 г., через пять лет после открытия Америки Христофором Колумбом, побережья Канады достиг Джон Кабот (Джованни Кабото), генуэзский моряк, предпринявший это плавание с разрешения английского короля Генриха VII. В 1524 г. флорентийский моряк Джованни да Веррацано в поисках пути в Китай плавал вдоль берегов Канады. Однако ни тот, ни другой не предполагали, что достигнутые ими земли являются частью нового континента. В центре Сен-Мало на здании кафедрального собора имеется такая надпись: «Здесь преклонил свои колени и получил благословение епископа Сен-Мало Жак Картье перед тем, как отправиться в морское путешествие, в результате которого им была достигнута 16 мая 1534 г. Канада и основана Новая Франция» [2]. Особенно пышные торжества устраиваются ежегодно 16 мая по ту сторону океана, в Квебеке и Монреале. В 400-ю годовщину события в Квебеке на берегу реки Св. Лаврентия Жаку Картье был поставлен памятник на средства, собранные среди франко-канадцев. В 1967 г., в 100-летие образования Канадской федерации, в Тадуссаке, где впервые сошел на канадский берег Ж. Картье, был открыт величественный памятник: «Французским первооткрывателям Канады». На исторических факультетах университетов имени Лаваля в Квебеке и в Монреале ежегодно проводятся научные конференции. Институт истории Французской Америки в Монреале издал ряд трудов, посвященных Жаку Картье и истории Новой Франции. В недавно вышедшем «Словаре великих деятелей Канады» ему уделено значительное место [3].

Историки А. Лефран, Ш. де Ла Роксьер, Г. Ланкто высказывают предположение, что известный французский писатель Франсуа Рабле (1494—1553 гг.) был знаком с Жаком Картье [4]. Познакомила их фаворитка короля Генриха II Диана де Пуатье, которая интересовалась литературой, искусством и увлекалась описаниями путешествий [5]. В книге «Гаргантюа и Пантагрюэль» Ф. Рабле описывает путешествие Пантагрюэля и его спутника Панурга «в поисках оракула Божественной бутылки», который должен дать ответ Панургу, «стоит или не стоит ему жениться» [6]. Маршруты

---

[1] C. de Bonnault. Histoire du Canada Français 1534—1763. P. 1950, pp. 3—4. Долгое время существовала и другая точка зрения: Ж. Картье родился в 1494 году. Ее разделял, например, известный французский историк Н. Дьонн (N. E. Dionne. Vie et voyages de J. Cartier. Quebec. 1934). Однако после выхода монографии секретаря мэрии г. Сен-Мало д-ра М. Арвю, где приводятся документы, подтверждающие рождение Ж. Картье 31 декабря 1491 г., спор прекратился (см. M. H. Harvut. Jacques Cartier. P. 1939, pp. 3—4).

[2] N. E. Dionne. Jacques Cartier. Quebec. 1933, p. 3.

[3] C. Jacques. Dictionary of Canadian Biography. Vol. 1: 1000—1700. Toronto. 1966, pp. 165—172.

[4] A. J. M. Lefranc. Les Navigations de Pantagruel. P. 1905; Ch. de La Roncière. Jacques Cartier... P. 1931; G. Lanctot. Jacques Cartier devant l'histoire. Montreal. 1947, pp. 6—7.

[5] P. Stapfre. Rablais, sa personne, son génie, son oeuvre. P. 1889, pp. 18—20.

[6] А. Лефран не без чувства юмора замечает, что Жак Картье долгое время был убежденным холостяком и женился только в 1543 г. (A. J. M. Lefranc. Op. cit., pp. 8—9).

«великого мореплавания Пантагрюэля» и плавания Жака Картье почти полностью совпадают. Вот что писал сам Рабле: «После многократных возлияний все наконец разошлись по своим кораблям и в добрый час подставили паруса восточному греческому ветру, по которому старший лоцман Жаме Брейе наметил путь в Катай (то есть Китай) и Верхнюю Индию...»[7]. В образе старшего лоцмана Жаме Брейе, как полагают А. Лефран, Г. Ланкто и советский исследователь С. Артамонов, Ф. Рабле вывел Жака Картье[8]. Маршрут «старшего лоцмана Жаме Брейе» — «держаться параллели Индии и обогнуть Северный полюс с Запада» — предполагает наличие свободного ото льдов моря или пролива к северу от американского материка, того самого «Северного прохода», на поиски которого для плавания в Китай и Индию как раз отправился в 1534 г. Жак Картье по заданию французского короля Франциска I. Ф. Рабле специально отмечает, что путь Жаме Брейе отличен от португальского (португальские мореплаватели плавали в то время в Индию вокруг Африки).

Разрабатывая маршрут мореплавания, Жак Картье выбрал именно путь через «Северный проход», решительно отвергнув путь в Индию и Китай вокруг мыса Доброй Надежды[9]. Многие факты из жизни Жака Картье и уже упоминавшейся Дианы де Пуатье натолкнули А. Дюма-отца на сюжеты ряда его исторических романов и драм, например, «Генрих III и его двор»[10]. Но вернемся к событиям в Сен-Мало. Этот небольшой городок приобрел известность не только благодаря Жаку Картье. В Сен-Мало, в частности, родился адмирал Филипп де Шабо, современник Жака Картье, который многое сделал для того, чтобы доказать Франциску I целесообразность снаряжения атлантической экспедиции на поиски северных путей в Индию и Китай[11].

К моменту своего первого путешествия Ж. Картье был уже опытным моряком. Он неоднократно плавал на рыболовецких судах к берегам Бразилии, участвовал в экспедициях Джованни да Веррацано[12]. В Канаду Жак Картье плавал четырежды: в 1534, 1535, 1541 и 1544 годах[13]. Лишь после второго путешествия он пришел к выводу, что открытые им земли являются частью нового континента. В записках о своем втором путешествии Жак Картье употребляет идентично названия «Канада» и «Новая Франция» и применяет их одинаково ко всем исследованным им территориям. Причем слово «Канада», означающее «поселение людей», как отмечает Ж. Картье, заимствовано им из языка индейцев[14]. Позже в исторической литературе «Новой Францией» стали называть только владения Франции, а «Канадой» — вообще всю северную часть американского континента. Итак, первое путешествие Жака Картье началось 20 апреля 1534 года. В этот день из Сен-Мало вышло два небольших корабля, «Марго» и «Годэ», численность экипажа которых составляла не более 60 человек. Суда взяли курс на запад. Через 26 дней они достигли берега. Обогнув с севера остров, названный Ньюфаундленд, и пройдя пролив Бель-Иль, корабли бросили якорь в каком-то заливе (позднее названном залив Св. Лаврентия)[15]. Полного отчета об итогах первого путешествия Картье нет. Однако сохранились отдельные выдержки из доклада капитана Картье французскому королю и армиралу Ф. Шабо. Первое впечатление Картье о новой земле было безрадостным. Скалистый и пустынный вид северного побережья залива заставил путешественника обронить фразу, которая потом неоднократно повторялась: «Уж не эта ли земля была отдана богом Каину?» Снявшись утром с якоря, корабли к вечеру достигли острова, которому Картье дал название Сен-Жан (ныне о-в Принца Эдуарда). А когда немного спустя корабли подошли к Нью-Брансуику, южное побережье залива, напротив, поразило Картье своей «щедростью и изобилием»[16].

Здесь французы встретили аборигенов Америки — индейцев-ирокезов. Территория, на которой жили тогда ирокезы, охватывала юго-восток современной провинции Онтарио и север штата Нью-Йорк вплоть до реки Ришелье и Гудзона. Индейцы отнеслись к приезжим очень дружелюбно, охотно меняли драгоценные меха на пригоршни безделушек, снабжали водой и продовольствием[17]. На другой день, дав залп из ружей, совершив после этого еще один акт «мехоторговли» и провозгласив полуостров Гаспе владением Франции, путешественники двинулись в обратный путь. По прибытии во Францию Картье рассказал об увиденном. Описания его были столь

---

[7] Ф. Рабле. Гаргантюа и Пантагрюэль. М. 1961, стр. 409.
[8] Там же, стр. 693, примечание.
[9] G. W. Brown. Building of the Canadian Nation. Toronto. 1962, p. 13.
[10] N. E. Dionne. Op. cit., p 8; G. Lanctot. Op. cit., p. 19.
[11] S. Leacock. The Mariners of St. Malo. Toronto. 1921, pp. 8—9.
[12] Ch. W. Colby. The Founder of New France.Toronto. 1921, pp. 4—5.
[13] R. Rumilly. Histoire du Canada. P. 1951, pp. 8—10.
[14] J. Cartier. Bref récit, et succincte narration de la navigation faite en 1535 et 1536... aux îles de Canada, Hochelaga, Saguenay et autres. P. 1863, pp. 40—46.
[15] Ch. de La Roncière. Jacques Cartier..., pp. 34—39.
[16] J. Cartier. Discours du voyage fait... aux Terres neufves de Canadas, Norembergue, Hochelage, Labrador et pays adjacents dite Nouvelle France... P. 1867, pp. 10—12, 14.
[17] G. Hantaux, A. Martineau. Histoire des colonies françaises et de l'expansion de la France dans le Monde. T. I. P. 1929, pp. 14—15.

обнадеживающи, а жажда наживы у короля и придворных столь велика, что уже в следующем году была снаряжена новая экспедиция. 19 мая 1535 г. из Сен-Мало вышли три корабля — «Большой горностай», «Малый горностай» и «Шалун», с экипажем в 110 человек. Пройдя на этот раз почти без остановки залив Св. Лаврентия, с помощью двух проводников-ирокезов Картье достиг устья реки Св. Лаврентия. Оставив у подножия скалы Квебек два корабля, он поднялся на «Малом горностае» вверх по реке, до селения Хошелага (в район, где сейчас находится Монреаль). Местные индейцы встретили французов очень приветливо. Картье так писал о них: «У дикарей нет никакого правительства», «у них нет законов», «у дикарей все общее, они не знают имущественных различий», «мужчины и женщины занимают равное положение». Селение Хошелага состояло, по его описанию, из длинных деревянных домов, построенных овалом. Индейцы занимались охотой, рыбной ловлей и земледелием. Они оделили французов большим количеством рыбы и зерна. В заключение Картье сделал вывод, что открытая им земля, «являющаяся собственностью Франции», бесспорно, представляет собой новый континент [18].

В XVI в. на территории современной Канады жило около 250 тыс. человек. Этнический состав населения был весьма многообразен: свыше пятидесяти индейских племен (иннуиты, тлинкиты, ирокезы, мускоги, атапаски и др.), из которых ирокезы в общественном отношении были наиболее развитыми. Перезимовав в ирокезском районе Сагеней, французы в 1536 г. отплыли домой, захватив с собой много пушнины, рыбы и в качестве «вещественного доказательства» вождя одного из племен Доннакона с его приближенными [19]. «Французы привезли с собой,— писал Картье,— весть о сказочных богатствах «Нового континента» — «Королевства Сагеней» [20]. На обратном пути Картье обогнул Ньюфаундленд с другой стороны, через пролив Кабота, и тем самым доказал, что это остров [21].

В последующие путешествия Картье обследовал селения за Хошелагой, вверх по течению р. Св. Лаврентия, зимовал в Кап-Руже, заложил в 1541 г. порт Квебек, где он вкопал в землю большой крест, на котором было написано: «Да здравствует король Франции!» Самое поселение возникло здесь в 1608 году. Война с Габсбургами, а позже «религиозные войны» (1562—1596 гг.) почти на 60 лет лишили Францию возможности исследовать новый континент. Лишь в 1603 г. французский мореплаватель Самуэль де Шамплен продолжил дело, начатое Картье. В знак больших заслуг незадолго до смерти Жак Картье был первым во Франции удостоен титула «главный капитан и ведо́мый королем повелитель». Такова одна из страниц предыстории современной Канады, связанная с теми традициями, которые до сих пор ревностно чтятся во французских провинциях этой страны.

Л. В. Кошелев

[18] J. Cartier. Bref récit, et succincte narration..., pp. 21—24, 41—42.
[19] Ch. de La Roncière. Op. cit., pp. 60—69.
[20] J. Cartier. Bref récit, et succincte narration..., p. 42.
[21] G. Martin. Jacques Cartier et la découverte de l'Amérique du Nord. P. 1938, p. 244.

ДРЕВНЯЯ ГРЕЦИЯ И ТЕЗЕЙ

Одной из вспомогательных исторических дисциплин является мифология — наука о легендах, о преданиях, посвященных вымышленным существам, но тем не менее частично оказавших определенное влияние на развитие исторических событий. Дошедшие до нас мифы, как правило, представляют собой сложный комплекс напластований, порожденных различными эпохами. Такова и легенда, которой в основном касается данный очерк,— легенда о Тезее и Минотавре. Тезей — древнегреческий герой, совершивший ряд великих подвигов, в числе которых очищение Земли от страшных чудовищ (например, от Минотавра) и организация общественной жизни конкретного этнического коллектива для защиты его от воинственных соседей и упорядочения внутренних социальных отношений. Современная материалистическая мифология свидетельствует, что подобные мифы слагались из представлений, возникших последовательно в эпоху раннего матриархата (бычья голова Минотавра как рудимент образов той эпохи, когда человек еще слабо отличал себя от животных), затем патриархата (победа героической личности над могущественными силами природы) и, наконец, в период перехода к классовому обществу и государству (политическое обособление классов, сословий и этнических территорий) [1]. Попытаемся по-

[1] См., например: «Советская историческая энциклопедия». Т. 5, 1964, стр. 339—341; т. 9, 1966, стр. 508—509; Е. М. Мелетинский. Происхождение героического эпоса. М. 1963; С. А. Токарев. Ранние формы религии и их развитие. М. 1964; А. Ф. Лосев. Очерки античного символизма и мифологии. Т. I. М. 1930.

казать в этой связи, как древнегреческая история отразилась на мифе о Тезее и как данный миф, в свою очередь, влиял на отдельные ее события.

Тезей был наиболее почитаемым среди многочисленных героев Аттики. Легенда о нем возникла на аттическом побережье, а окончательно сложилась в VII столетии до н. э. Сначала Тезей выступает в ней как божество. Потом он превращается постепенно в «историческое лицо», мудрого правителя. Далее этот правитель становится «афинским царем», который побеждает врагов, спасает Афины от унижения и создает их величие. Наконец, поздние древнегреческие историки приписывают ему образование государства, членение общества на сословия и введение законов. Быт граждан Аттики отражен в трактатах ее бытописателей — аттидографов. В этих сочинениях Тезей очерчен уже как создатель определенной политической системы — «умеренной демократии», причем его деятельность предельно рационализирована данной группой авторов, а мифические моменты выхолощены и опущены. Когда афинская государственность клонилась к закату, ее самые рьяные апологеты, бичевавшие в своих памфлетах врагов города Афины, превозносили Тезея как «основателя демократии» вообще. А поскольку Афины заслуженно претендовали на ведущую роль в эллинском мире, афинский герой Тезей был поставлен ими на один уровень с общегреческим героем Гераклом. И тот и другой представлялись в подобных легендах современниками, даже друзьями, а их подвигам приписывалось одинаковое значение. Таким образом, данный миф есть определенное социальное явление, содержащее в себе зерна исторической действительности.

Эта действительность создала преданию о Тезее особенную популярность, когда Афины, разорвав путы родового строя и окончательно объединив Аттику, выходили на путь расширения мореплавания, торговой и колонизационной деятельности. В VII—VI вв. до н. э. торговые связи Афин простирались и к побережью Малой Азии и к Сицилии, где аттическая керамика и оливковое масло находили спрос. Вот тогда-то приморский даймон (местное божество) Тезей превращается в борца с чудовищами и разбойниками, в отважного мореплавателя. С ростом рабовладельческого государства и образованием классического полиса особое значение приобрело законодательство, упрочивавшее господство правящих классов. Именно в то время Тезей был назван мудрым законодателем, стоявшим в одном ряду с такими личностями, как Солон (начало VI в.), Клисфен (конец VI в.), Перикл (V в. до н. э.). В период острой борьбы олигархии (групп городской финансовой аристократии) и демократии на закате полиса и те и другие в ходе политических столкновений призывали вернуться к «строю отцов», одним из создателей которого почитался Тезей.

Первоначально Тезей был известен как божество незначительного селения Трезен на Пелопоннесе и крайней оконечности Аттики, мыса Суний. Эти пункты лежат по обеим сторонам Сароничесского залива, сыгравшего немалую роль в афинской морской политике, а Суний во времена расцвета афинской морской державы (478—431 гг.) был местом, мимо которого проходили все суда в тогдашнюю знаменитую гавань Пирей. Трезену же принадлежал остров Калаврия. Калаврийская амфиктиония (союз приморских городов) в свое время включала селения, лежавшие как раз вокруг Сароничесского залива. Особый подъем она переживала в VII в. до н. э. Ее целью была защита от могущественного тогда Аргоса. А так как на Калаврии имелся храм морского бога Посейдона, отождествлявшегося порой с царем Эгеем, сыном которого считался Тезей, это автоматически привело к расширению культа и Тезея и Эгея. Даже весь бассейн влияния греческой культуры стал называться Эгеидой. В честь Тезея и Эгея справляли особые праздники, Тесии, 8 пианопсиона (около 21 октября) и, кроме того, 8 числа каждого месяца. Тезею же был посвящен праздник Синойкий (или Метэкий) 16 боэдромиона (начало августа).

В мифе о Тезее мы встречаем также отзвуки длительной борьбы за объединение Аттики во главе с Афинами, которая закончилась присоединением Элевсинского царства в конце VII в. до н. э. Это вызвало недовольство соседнего с Афинами города Мегары. Мегара и Коринф уже тогда были торговыми конкурентами Афин, а спустя два века, когда афинская морская политика достигла апогея, вражда этих трех городов не раз ввергала греческий мир в цепь непрерывных войн. Войны развертывались в местах, через которые не раз проходило афинское войско и которые прямо связаны с расширением афинского господства. И почти каждое из этих мест нашло отражение в рассматриваемой легенде. Тезей родился в Трезене от связи Эгея с трезенской царевной Этрой. Юношей он отправился к отцу в Афины той самой дорогой, по которой стремилось, но так и не сумело пройти с победой войско афинян. На Истмийском перешейке, важнейшем пункте подхода торговых судов к Коринфу, Тезей встречается с разбойником Синдом, который зверски губил путников: пригибал верхушки двух сосен, привязывал к ним свою жертву и отпускал, после чего человека разрывало на части. Тезей расправляется с Синдом его же методом. А Синд являлся героем сказаний из Мегары, врага Афин. В Криммоне, пограничной крепости между Коринфом и Мегарой, Тезей убивает чудовищную свинью, опустошавшую окрестности. Это животное — излюбленный сюжет коринфских легенд. В Элевсине, тоже покоренном Афинами, Тезей расправляется с разбойниками Кериконом и Дематом Прокрустом. Прокруст («Растягиватель»), настигнув путника, клал его на ложе и подвергал истязанию: если оно было длинно для путника, Прокруст силой растягивал человека; если человек был длиннее ложа, разбойник обрубал ему ноги. Тезей убивает Про-

круста тем же способом. Гибель Прокруста символизировала собой конец элевсинской независимости.

Тезей почитался не только на побережье, но и в центральных областях Аттики, Паллене, Афидне, Марафоне. Уроженцем Марафона был известный тиран Писистрат, подорвавший своей политикой засилье старой аристократии. «Незаконность» происхождения Тезея весьма импонировала Писистрату, которого знать ненавидела за захват власти и подчинение ему аристократов, ранее занимавших высшие должности в государстве. Сказание о войне Тезея с его двоюродными братьями Паллантидами — прямой отзвук борьбы сторонников и противников Писистрата. Битва между Тезеем и Паллантидами произошла в Паллене, где последние были разбиты. В той же Паллене были побеждены Писистратом и его противники, после чего он на много лет утвердил свою власть. С развитием «умеренной демократии» в Афинах росла и популярность Тезея. Историк Плутарх передает легенду, будто во время Марафонской битвы Тезей пришел на помощь афинянам и поверг персов в ужас. Впоследствии эта тема была использована в помпейской монументальной живописи. В Афинах Тезея почитали также как защитника рабов, бедняков и всех обиженных. Перенесение около 475 г. до н. э. мнимых останков Тезея с острова Скироса в Афины по инициативе аристократа-демагога Кимона способствовало еще большему росту престижа Кимона.

Миф о Тезее связан, кроме того, с историей физической культуры человечества, ибо его почитали также как изобретателя гимнастических упражнений. По преданию, его могила находилась возле гимнасия (места атлетических состязаний и философских споров). Это свидетельствует о культе Тезея в основном среди людей, наделенных богатством и досугом. Таковыми являются именно сторонники «умеренной демократии», зажиточные слои афинского демоса. Одним из моментов борьбы между умеренной и радикальной демократией стал вопрос о постройке в 465 г. до н. э. храма на афинской агоре (рыночной площади), в центре ремесленных кварталов. Храм предназначался для культа Тезея и был уже отделан соответственно мифологическому циклу: на фронтонах разместили композиции, изображавшие, как боги наблюдают за битвой, в которой оружием служили каменные глыбы, а также сражение кентавров с лапифами, подданными царя Перифоя, лучшего друга Тезея. На фризе из метоп (квадратных плит с рельефами) запечатлены подвиги Тезея в их традиционной последовательности. Будучи построенным, Тезейон по требованию народа был превращен затем в Гефестейон — храм «покровителей» ремесленного люда: бога-кузнеца Гефеста и Афины Эрганы («Работницы»). Это прямо противоречило, между прочим, характеру некоторых деталей храма, ибо на одной из метоп был изображен Тезей, убивающий Перифета, сына Гефеста.

Историческая традиция противоречива. Она старалась порой устранить мифические черты Тезея: ослабить его образ как сына Эгея-Посейдона и как Тезея-Диониса, бога наиболее радикальной и непримиримой части демоса, и превратить его в идеального правителя и справедливого человека. Но здесь нет согласия. Тезей предстает то как защитник гонимых и мудрец, то как жестокий каратель и бессовестный соблазнитель. Однако особенно известен Тезей как герой-быкоборец, который победил марафонского быка и критского человекобыка Минотавра. Это предание о критском могуществе, о великом царе и судье подземного мира Миносе, «сыне Зевса», долго сохранялось в народной памяти, звуча резким диссонансом с реальным Критом — далекой окраиной античного мира, сравнительно отсталой в политическом и культурном отношении. Воспоминания о великом прошлом Крита, которое реально имело место в истории (III тысячелетие до н. э.), были непонятны афинянам, прославленным мореходам и ремесленникам: как же мог всемогущий Минос обойтись без помощи Афин! Первоначально отношения Аттики с Критом изображались в легендах как дружественные. Однако однажды сын царя Миноса Андрогей отправился в Аттику для борьбы с марафонским быком, опустошавшим тамошние окрестности, и погиб. Это вызвало перемену, ибо Минос заподозрил афинян в убийстве Андрогея, пошел на них войной и, одержав победу, наложил унизительную дань: периодически семь юношей и семь девушек отдавались на съедение человекобыку Минотавру, жившему в критском Лабиринте.

Лабиринт якобы был построен афинским изгнанником, мастером Дедалом (изгнание часто практиковалось в политике Афин). Дедал возводил для Миноса роскошные дворцы, ваял статуи, но был вынужден затем стать соучастником его преступлений. Бог Посейдон из вражды к Миносу внушил его жене Пасифае страсть к быку. По просьбе царицы, Дедал соорудил прекрасную деревянную корову, полую внутри, где была спрятана Пасифая, благодаря чему она и сошлась с обманутым быком. От этой связи родился человекобык Минотавр. Чтобы скрыть позор своей супруги, Минос приказал Дедалу построить Лабиринт — длинную темную пещеру с запутанными ходами, где в самой глубине, в небольшой круглой комнате, жил Минотавр. А впоследствии Дедал помог своему земляку Тезею, прибывшему в числе пленников Миноса, навсегда освободить Афины от позорной дани.

История этого плавания Тезея на Крит по популярности может соперничать с рассказом о его победе над Минотавром. Интересно, что предание о плавании сохранилось в пэане (один из жанров хоровой лирики) в честь Аполлона Делосского, написанном поэтом Бакхилидом Кеосским в V в. до н. э. Ионийский литератор прославлял Аполлона как покровителя всего ионийского мира и его святилище, Делос-

ский храм. Этот храм стал центром морского союза, в котором Афины играли решающую роль. И здесь, как мы видим, в легенду вплетены реальные исторические факты. Далее же на Крите события разворачивались так. Когда обреченные прибыли к Миносу, он оскорбил бывшую среди них Эрибею. Тезей вступился за нее, на что Минос заметил, что смертный не смеет так разговаривать с сыном Зевса; в доказательство последнего он попросил Зевса метнуть молнию, что тут же и случилось. На это Тезей ответил, что он тоже божественного происхождения, сын морского бога Посейдона. Минос бросил в море кольцо и приказал Тезею его принести; Тезей смело нырнул, был подхвачен тритонами и доставлен во дворец Посейдона, откуда вернулся с кольцом. Эта часть мифа повлияла на материальную культуру Древней Греции. Сцены встречи Тезея под водой, увенчание его розовым венком и порфирой послужили сюжетом для росписи многих афинских ваз краснофигурного стиля, став, таким образом, историческим фактором в археологии и искусствоведении. Однако тема Тезея-мореплавателя тоже была популярна в античной вазописи. На превосходном кратере второй половины VI в. до н. э., так называемой «вазе Франсуа», в числе композиций росписи имеется сцена удачного плавания Тезея; там же виден хоровод молодежи во главе с Тезеем и идущая ему навстречу невеста Ариадна; гребцы бурно выражают радость по поводу счастливого плавания.

Когда, согласно мифу, Тезей прибыл далее в критский город Кносс, он одолел там на играх лучших атлетов. Его увидела и полюбила царская дочь Ариадна. Тезей согласился жениться на ней. Тогда Ариадна упросила Дедала открыть ей тайну Лабиринта. Дедал дал ей клубок ниток и объяснил, как с его помощью пройти по запутанным ходам. Эту нить и назвали «нитью Ариадны», которая легла в основу сохранившегося по сей день понятия о всякой путеводной нити. Из любви к Тезею Ариадна совершила предательство, спасая чужеземца. Когда Тезей входил в Лабиринт, Ариадна дала герою свой золотой венец, осветивший непроглядный мрак пещеры. Надев венец и привязав у входа нить, Тезей вместе с обреченными на съедение Минотавру юношами и девушками смело отправился в глубину Лабиринта. Пройдя ряд коридоров и переходов, он достиг круглой комнаты, где жил человекобык. С ревом бросился тот на юного героя. Завязалось единоборство, победителем в котором стал Тезей. Убив Минотавра, он по нити вывел афинских пленников из Лабиринта.

Гибель Минотавра — тоже далекий отзвук исторических событий, падения критского могущества в XV в. до н. э. и перехода ведущей роли к микенской, континентальной Греции.

Наряду с другими подвигами Тезея его победа над Минотавром и плавание вместе с Ариадной на север были запечатлены как в античной скульптуре, так и в скульптуре нового времени. Сюжет одной из метоп сокровищницы афинян в Дельфах — поединок Тезея с Минотавром. Этот подвиг отображен также на фризе афинского Гефестейона. На акрополе в Афинах находилась скульптурная группа «Тезей и Минотавр». В одном из рельефов алтаря Аполлона Амиклейского воплощено изображение Тезея, ведущего за собой связанного Минотавра. Уже в новое время та же тема вдохновила итальянского скульптора А. Канову и французского ваятеля А. Л. Бари. Истории Тезея и Ариадны посвящены картины, находившиеся в храме возле афинского театра Диониса. В стенной живописи Геркуланеума и Помпей запечатлены сцены победы Тезея над Минотавром и ухода Тезея от Ариадны. Из более поздних европейских художников темам битвы Тезея и Минотавра и любви Тезея и Ариадны посвятили свои работы старшие и младшие представители семейства Ванлоо, Стотхард, Кокошка. Драматические произведения о Тезее создавали У. Шекспир, В. Монти и другие. В XX в. драмы на ту же тему писала русская поэтесса М. И. Цветаева. В. Я. Брюсов посвятил ряд стихотворений печальной повести о любви Тезея и Ариадны и рассказу о нити Ариадны. Наконец, тема Тезея и Ариадны нашла воплощение в операх и балетах Г. Ф. Генделя, Ф. Ж. Госсека и других композиторов. Таким образом, миф о Тезее есть составная часть социальной идеологии в широком понимании этого слова и истории культуры.

Н. Н. Либан

SUMMARIES OF MAJOR ARTICLES

S. L. SENYAVSKY. **The Soviet Working Class in the Period of Consummating the Building of Socialism and in the Process of Full-Scale Communist Construction (social problems)**

Drawing on extensive factual data, the author carefully analyzes the most important specific features and objective laws governing the development of the Soviet working class during a long period of transition from socialism to communism. The article graphically shows the deep-going changes taking place in the sources of replenishment, in the forms and methods of training high-skilled contingents of the Soviet working class on the basis of successful economic development and rapid technological and social progress, emphasizing the decisive significance of these changes in altering its inner social structure and tracing the impact the altered structure and composition of the working class have on the changes in the social structure of society as a whole. The author examines in particular the changes in the national, territorial, age, sex, industrial and professional structure of the working class, notably the profound changes in its general education level and professional skill, disclosing their meaning and social significance. In conclusion the author highlights the importance of the growing creative and socio-political activity of the working class as the guiding and directing force of socialist construction in the U.S.S.R.

R. Y. EVZEROV. **From the History of V. I. Lenin's Book "Imperialism, the Highest Stage of Capitalism"**

The article examines a number of questions connected with the history of Lenin's work on his book "Imperialism, the Highest Stage of Capitalism" and its subsequent publication. Drawing on a series of little-known and hitherto unpublished archive materials, the author defines more precisely the period in which the book was written and the conditions attending Lenin's work on it. The author makes an attempt to disclose the actual position of M. N. Pokrovsky, in connection with the deletion from the book of passages containing Lenin's criticism of Kautsky and other opportunists.

J. I. JIUGJDA and G. A. SHADJIUS. **Lithuanian Emigré Historiography on the Establishment of Soviet Power in Lithuania in 1918-1919**

Lithuanian bourgeois historians and other nationalists now living in emigration are actively contributing to anti-Soviet propaganda. They are doing their level best to play down the significance of the revolutionary events which occurred in Lithuania in 1918-1919, to present them in a distorted light. One of the basic contentions put forward by Lithuanian émigré historiographers is that the socialist revolution of 1918-1919 in Lithuania had nothing in common with the law-governed process of historical development and was devoid of any social basis, that it was exported from outside and carried out against the will and desire of the Lithuanian people. Simultaneously with this a number of émigré historians are making strenuous efforts to overestimate the role of their class in the establishment of the Lithuanian bourgeois state. Alleging that the Lithuanian people voluntarily chose the path of capitalist development under the leadership of the bourgeoisie, they completely gloss over the decisive role played by international imperialism in suppressing Soviet power and re-establishing the domination of the bourgeoisie in Lithuania. Drawing on extensive factual material, the authors expose and effectively refute these utterly false and groundless assertions.

M. M. GUREVICHOV. **State-Monopoly Tendencies in Russia**

Drawing on a wide range of documentary materials from the central and local archives and closely analyzing a number of published sources, the author sums up the results produced by the monopolization of sugar production in Russia in the period directly preceding the Great October Socialist Revolution. The available factual data enables the author to arrive at the conclusion that the sugar-refining industry in Russia attained a fairly high degree of monopolization, which found expression in the establishment of monopoly associations of the highest type. The rapid development and wide scope of this process were typical of the first world war period. A careful study of the process of development of state-monopoly tendencies in the Russian sugar-refining industry graphically shows that these tendencies began to manifest themselves with particular force in the given branch of the economy on the eve of the October Revolution.

L. V. CHEREPNIN. **The "Russkaya Pravda" and the Birch-Bark Records of Novgorod**

The article analyzes a number of ancient birch-bark records of Novgorod with the aim of establishing the extent to which they reflect the legal norms contained in the "Russkaya Pravda"—the principal statute book of the feudal laws evolved by the Kiev Rus in the 11th-12th centuries. Some of the birch-bark documents contain information on fines exacted by the feudal court from persons guilty of assassination and other crimes, on the system of legal proceedings and types of judicial evidence. Of much interest is the factual material illustrating such a specific institution of ancient Russian law as the procedure of searching out lost or stolen things or slaves. There are birch-bark texts describing lawsuits to recover debts, court examination of causes connected with usury and the right of inheritance. A close comparison of birch-bark records with the "Russkaya Pravda" enables one to form a clear understanding of the legal procedures on which the administration of justice was based in ancient Rus. Court proceedings give us a deep insight into the life of the common people during that distant period, when the deepening process of feudalization led to increasing social inequality, intensified oppression of the toiling masses and more acute class and inter-class struggle. The birch-bark records are of great value because they portray living people and re-create concrete true-to-life situations. At the same time they vividly reflect the complex social processes taking place at a time when the growing consolidation of the new feudal order was accompanied by the continued existence of the old patriarchal system.

G. M. IVANOV. **Concerning the Concept of Fact in Historical Science**

The author of this historiographical survey briefly sets forth the principal views of diverse bourgeois researchers on the nature of historical fact. Disclosing the theoretico-methodological principles of the neo-Kantian, neo-positivist and other conceptions of historical fact, he shows their limited character and scientific insolvency in the solution of such cardinal problems of historical cognition as the correlation of historical fact and historical generalization, historical fact and historical event, etc. The attention in the article is focussed on substantiating the Marxist conception of historical fact. Proceeding from this conception, the author formulates the following basic propositions: 1. The concept of historical fact is used primarily in its two principal meanings: a) to designate any socially important phenomenon of historical reality or social consciousness which actually occurred in the past and became the object of research in historical science thanks to its reflection in historical sources; b) to designate any reconstruction of the past adequate to the concrete historical phenomenon and representing authentic knowledge confirming the reality of the event under investigation on the basis of specifically systematized information contained in historical sources; 2. Depending on the subject, aspect, aims and methods of concrete historical research, the different types of scientific historical facts singled out by one or another historian can be distributed into different groups according to such characteristic indications as their content (economic, political and ideological facts), structure (simple and complex facts) and significance (essential and inessential facts).

S. LOPATNYUK. **The May 1926 Coup in Poland**

In May 1926 Marshal Pilsudski removed his political opponents from power. The coup d'état in Poland evoked much interest in other states, primarily from the viewpoint of Poland's future foreign-policy orientation. The article stresses that France, which tradition-

ally supported the National-Democratic grouping opposed to Pilsudski and his followers, was compelled to reconcile herself with the situation. The May coup was favourably received by the ruling circles of Britain and Germany. Whereas Britain's prime objective was to sever Poland from France and to subordinate Poland's foreign policy to British interests, the ruling element in Germany hoped that the new Polish government would meet Germany halfway and agree to make concessions on economic and territorial questions. But these hopes were disappointed: the very first attempts to settle Polish-German relations ended in failure. The article also examines the attitude to the May coup in Poland by the ruling circles of the U.S.A. "Italy, Rumania and other countries. The author also highlights the position taken by the Soviet Union in relation to the coup in Poland and arrives at the well-founded conclusion that the deterioration of Polish-Soviet relations following the May 1926 events should be entirely attributed to the anti-Soviet policy pursued by the ruling circles of Poland.

A. K. KLEVANSKY. **The Consistent Efforts Made by the Soviet Government to Normalize Soviet-Czechoslovak Relations (from the close of 1918 to the beginning of 1920)**

The article examines the character of Soviet-Czechoslovak inter-state relations from the end of 1918 to the opening months of 1920. The author's attention is focussed on the participation of Czechoslovak armed forces in the anti-Soviet intervention organized by international imperialism. Drawing on newly discovered archive materials, the author shows how the Czechoslovak government replied to the Soviet government's consistent policy characterized by a series of peace proposals directed towards eliminating the armed conflict. The author arrives at the conclusion that all the efforts of the Soviet government proved ineffectual and that the persistent attempts to settle the conflict were crowned with success only in early 1920, following the crushing defeat inflicted on the interventionist and Whiteguard forces in Siberia.

M. Y. DOMNICH. **The Christian Trade Unions and the Establishment of Fascist Dictatorship in Germany**

The author of this article makes an attempt (the first of its kind in historical literature) to establish the degree of responsibility devolving on Germany's Christian trade union centre (the General Federation of Christian Trade Unions) for the comparative ease with which the nazis seized state power in 1933. It is emphatically stressed in the article that the General Federation of Christian Trade Unions (GFCTU) represented a mass organization possessing substantial cadres and periodical press publications which exerted a measure of influence on a segment of Christian workers. Nevertheless, the GFCTU rejected all the proposals of the Communist Party and revolutionary trade unions to form a united front and declare a general strike. The Christian trade union centre actually surrendered to the nazis.

The available documents and materials inescapably lead to the conclusion that the causes that prompted the Christian trade unions to betray the fundamental interests of the working masses and of the whole people are deeply rooted in the methodological vices intrinsic to the social doctrine of Catholicism by which they are guided, in certain points of similarity and identical features existing in the views shared by Christian syndicalism and national-socialism.

Characterizing Christian trade union leaders as confirmed advocates of political neutrality and splitters of the trade union movement, the author writes that they did everything in their power to prevent the working class from achieving unity at a crucial period in Germany's history, when labour unity alone could save the country from national disaster.

CONTENTS

of the journal "Problems of History" No. 2, 1969

Articles: **S. L. Senyavsky.** The Soviet Working Class in the Period of Consummating the Building of Socialism and in the Process of Full-Scale Communist Construction; **R. Y. Evzerov.** From the History of V. I. Lenin's Book "imperialism, the Highest Stage of Capitalism"; **J. I. Jiugjda, Member of the Academy of Sciences of the Lithuanian S.S.R.,** and **G. A. Shadjius.** Lithuanian Emigré Historiography on the Establishment of Soviet Power in Lithuania in 1918—1919; **M. M. Gurevichov.** State-Monopoly Tendencies in Russia; **L. V. Cherepnin.** The "Russkaya Pravda" and the Birch-Bark Records of Novgorod; **G. M. Ivanov.** Concerning the Concept of Fact in Historical Science; **S. Lopatnyuk.** The May 1926 Coup in Poland; **A. K. Klevansky.** The Consistent Efforts Made by the Soviet Government to Normalize Soviet-Czechoslovak Relations (from the close of 1918 to the beginning of 1920); **M. Y. Domnich.** The Christian Trade Unions and the Establishment of Fascist Dictatorship in Germany. Reminiscences: **Admiral V. F. Tributz.** The Soviet Baltic Navy in the Summer of 1941: **A. G. Zverev.** Certain Historical Aspects of the Soviet Financial System. Documentary Essays: **V. V. Kargalov.** The Russian Peoples' Liberation Struggle Against the Mongol-Tatar Yoke. Historical Science in the U.S.S.R. and Abroad. Surveys, Book Reviews, articles in Soviet and foreign historical journals, new books, notes on articles published in foreign journals. Facts, Events, People.

SOMMAIRE

de la revue «Questions d'histoire», N° 2, 1969.

Articles: **S. L. Séniavsky.** Classe ouvrière de l'U.R.S.S. dans la période de l'achèvement de la construction du socialisme et du passage au communisme; **R. J. Evzérov.** De l'histoire de la création du livre de V. I. Lénine «L'impérialisme, stade suprême du capitalisme»; **J. I. Jugjda, membre de l'Académie de la République Soviétique Socialiste de Lituanie, G. A. Chadjus.** Comment l'historiographie des émigrants lituaniens interprète l'établissement du Pouvoir soviétique en Lituanie en 1918—1919; **M. M. Gourévitchov.** Tendances d'Etat monopolistes en Russie; **L. V. Tchérepnine.** «Rousskaïa pravda» et chartes en écorce de bouleau de Novgorod; **G. M. Ivanov.** Sur la question de la notion «fait» dans la science historique: **S. Lopatniuk.** Coup d'Etat en Pologne en 1926 et Etats étrangers; **A. H. Klévansky.** Lutte du gouvernement Soviétique pour la normalisation des relations soviéto-tchécoslovaques (fin 1918 — début 1920); **M. J. Domnitch.** Syndicats chrétiens et établissement de la dictature fasciste en Allemagne. Mémoires. **Amiral V. F. Tribouz.** Flotte baltique décorée de l'ordre du Drapeau Rouge dans l'été 1941; **A. G. Zvérev.** Quelques aspects de l'histoire du sustème financier soviétique. Etudes documentaires: **V. V. Kargalov.** Lutte de libération de la Russie contre le joug mongol-tatar. Science historique en U.R.S.S. et à l'étranger. Revues, comptes-rendus, sommaire des revues historiques soviétiques et étrangers, nouveaux livres, notices sur les articles, publiés dans les revues historiques étrangers. Faits, événements, hommes.

SUMARIO

de la revista «Cuestiones de historia» № 2, 1969.

Artículos: S. **L. Seniavskiy**. Clase obrera de la URSS en el período de conclusión de la construcción del socialismo y de transición al comunismo; **R. J. Evserov.** De historia de la creación del libro de **V. I. Lenin** «Imperialismo como la fase superior del capitalismo»; **Académicos de la A. C. de la R.S.S. de Lituania J. I. Zhigzhda, I. A. Shadzhius:** Historiografía de emigrados lituanos sobre el establecimiento del poder soviético en Lituania en 1918—1919; **M. M. Gurevichov.** Tendencias monopolistas estatales en Rusia; **L. V. Cherepnin.** Código «Russkaya pravda» («Justicia rusa») y manuscritos de la corteza de abedul de Nóvgorod; **I. M. Ivanov.** Hacia la cuestión del concepto «hecho» en la ciencia histórica; **S. Lopatniuk.** Golpe de estado en Polonia en 1926; **A. J. Klevanskiy.** Lucha del gobierno Soviético por la normalización de las relaciones soviético-checoslovacas (Fines del 1918—principios del 1920); **M. J. Domnich.** Sindicatos cristianos y establecimiento de la dictadura fascista en Alemania. Memorias: **Almirante V. F. Tributz.** Marina de guerra soviética del Báltico en verano del 1941. **A. G. Zvérev.** Sobre algunos aspectos de historia del sistema financiero soviético. Ensayos documentales: **V. V. Kargalov.** Lucha liberadora de Rusia contra el yugo mongolotártaro. La ciencia histórica en la URSS y en el extranjero: Revistas, reseñas de libros, artículos en las revistas históricas soviéticas y extranjeras, nuevos libros, notas de artículos, publicados en las revistas extranjeras. Hechos, acontecimientos, personalidades.

Редакционная коллегия: ТРУХАНОВСКИЙ В. Г. (главный редактор), АХРАМОВИЧ Р. Т., ГАПОНЕНКО Л. С., ГОЛИКОВ Г. Н., ДУДИНСКИЙ И. В., КИМ М. П., КОВАЛЬЧЕНКО И. Д., КУЛАКОВ В. М., СКАЗКИН С. Д., ТРЯПИЦЫН Е. И., ФЕДОСОВ И. А., ХРЕНОВ И. А., ЧЕРНЯЕВ А. С., ЮДАЧЕВ С. А.

Адрес редакции: Москва, К-6, М. Путинковский пер., 1/2. Телефон 228-96-21.

Технический редактор З. Семенова.

А 00027. Подписано к печати 10/II 1969 г. Формат бумаги 70×108¹/₁₆
Объем 19,60 усл. печ. л. 22,29 учетно-изд. л. Тираж 30 800 экз. Изд. № 394. Заказ № 3714.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
Москва, А-47, ул. «Правды», 24.